

И. Я. Златкин

ИСТОРИЯ
ДЖУНГАРСКОГО
ХАНСТВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. Я. Златкин

ИСТОРИЯ
ДЖУНГАРСКОГО
ХАНСТВА

1635-1758

Издание второе

Коллекция ЭИЗ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Ответственный редактор

Г. Д. САНЖЕЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Джунгарское ханство, сложившееся в 30-х годах XVII в. и существовавшее до 1758 г., играло в свое время крупную роль в международных отношениях в Средней, Центральной и Восточной Азии. Это ханство оставило заметный след в истории соседних с ним больших и малых государств и народов — Китая, России, Монголии, казахов, узбеков, туркмен, киргизов и каракалпаков.

Вопросы истории Джунгарского ханства, его внутреннего устройства и внешней политики, а также его влияния на исторические судьбы других стран и народов прямо или косвенно затронуты во многих книгах и статьях на различных языках. На одном лишь русском языке опубликовано свыше 150 подобных работ, что говорит о большом интересе к данному вопросу. Трудно определить число таких работ на китайском языке, но не подлежит сомнению, что и оно значительно. Немало упоминаний о Джунгарском ханстве и его народе содержится в произведениях среднеазиатских тюркоязычных авторов. До сих пор почти неизвестна посвященная этой теме литература на тибетском языке. О ее богатстве и научной ценности имеются данные в трудах монгольского ученого Ш. Бира, в частности в исследовании о тибетоязычной монгольской исторической литературе [39; 40]. Ряд исследований по истории Джунгарского ханства опубликован на немецком, английском и французском языках. Меньше всего издано работ по этому вопросу на монгольском языке — родном для основной массы населения Джунгарского ханства.

Имеющаяся литература свидетельствует, что интерес к истории Джунгарского ханства, немалый в прошлом, не ослабевает и в наши дни. В этом смысле Джунгарскому ханству, если можно так выразиться, «повезло» значительно больше, чем, например, Хивинскому, Бухарскому и другим государственным образованиям Средней и Центральной Азии, существовавшим в тот же период, что и Джунгарское ханство. Однако нельзя сказать, что все посвященные ему исследования полны и достоверны. Так, большая часть зарубежной литературы о Джунгарском ханстве являет собой яркий пример одного из немногих в наше время разделов истории народов Востока, где продолжают господствовать концепции, характерные для буржуазной историографии. Типичным для этой литературы является некритическое отношение к источникам, отказ от объективного анализа исторических событий, неспособность

В книге на большом фактическом материале раскрыты вопросы образования Джунгарского ханства, его внутренняя и внешняя политика, влияние на исторические судьбы других стран и народов. Автор подробно анализирует различные источники и исследования по истории ханства.

3 0506000000-143 138-83
013(02)-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

разобраться в подлинном содержании исторического процесса. Указанные пороки объясняются, с одной стороны, сравнительной бедностью источниковедческой базы, а с другой — методологической беспомощностью исследователей.

Каковы же источники, на которых выросла вся многоязычная литература о Джунгарском ханстве и его основном населении — западных монголах, известных под именем «ойраты», как они называли себя сами? ¹. Каковы те источники, которые могут быть использованы для создания научной истории Джунгарского ханства?

Длительное время единственным источником сведений об ойратах были китайские исторические сочинения и хроники, излагавшие историю династий Мин (1368—1644) и Цинь (1644—1912). Известный русский монголовед и тибетолог акад. И. Я. Шмидт в докладе о монгольских племенах, прочитанном в декабре 1833 г. на заседании Академии наук, говорил: «Что только знаем доселе о судьбе сих племен, о их кочевьях, постановлениях и образе управления, всем сим мы почти исключительно обязаны изданным ныне царствующей в Китае династией сведениям, большей частью еще неизвестным в Европе; ибо все, что упоминается об них в путешествиях разных миссий и посольств, в сочинениях пекинских иезуитов, у Дегиня и у новейших парижских синологов, слишком отрывочно, скудно, исполнено ошибок и потому не может служить достоверным источником» [152, с. 307]. И. Шмидт, как видим, полагал, что достоверным источником по истории монголов могут служить только китайские исторические сочинения.

Такого же, если не более высокого, мнения о китайских источниках придерживался и основоположник русской синологии Н. Я. Бичурин (Иакинф). Важнейшим достоинством китайских источников он считал то, что их авторы «при описании соседних народов, имевших непосредственные связи с Китаем, единственно основывались на фактах правительства, а факты сии были писаны во время самих событий» [87, с. V].

В основе главного труда Н. Бичурина об ойратах лежит китайское географическое сочинение, посвященное Синьцзяну. Н. Бичурин писал: «Предлагаемое мною историческое обозрение ойратов, показывая происшествия, относящиеся к сему народу, в истинном их виде и порядке, доставит читателям возможность безошибочно судить о разных по сему предмету мнениях писателей» [77, с. 3]. Автор «исторического обозрения ойратов» видел в китайских сочинениях эталон истины. Имея этот эталон, читатели получают, по мнению Н. Бичурина, возможность безошибочно судить о позициях других писателей.

Отдавая должное большим научным заслугам Н. Бичурина, впервые познакомившего мир с обильными фактическими данными по истории западных монголов, почерпнутыми из китайской феодальной историографии, нельзя в то же время не отметить, что вследствие не критического отношения ученого к источникам в литературе надолго утвердилось то изложение истории как монголов вообще, так и ойратов в частности, которое дано официальны-

ми хронистами и историографами китайских императорских династий.

Линия Н. Бичурина была продолжена русскими учеными Д. Покотиловым и П. Поповым, давшими ряд новых переводов и изложений китайских хроник и исторических сочинений. В их трудах содержится немало ценных сведений об ойратах [126; 104], но интерпретация исторических событий свидетельствует о некритическом отношении авторов к источникам. Это обусловило тенденциозную направленность их работ. Д. Покотиллов, например, писал, что в двух монгольских летописях — «Эрдэнийн Тобчи» Саган-Сэцэна и «Алтан Тобчи» — имеется лишь «перечисление имен быстро сменявшихся монгольских владельцев, к которым приурочено несколько рассказов в форме легенд, исторический смысл коих, по непосредственному изучению их из монгольских источников, угадать довольно трудно, а частью и совсем невозможно. Не подлежит никакому сомнению, что названными выше двумя памятниками далеко не исчерпывается запас монгольской исторической литературы за указанный период, но, сколько бы ни открывали новых летописей и сказаний, все они, несомненно, будут отличаться тем же эпизодическим, легендарным характером. Связать все подобные легенды и составить таким образом хотя сколько-нибудь полную картину исторических событий за время Минской династии можно только путем тщательного изучения всех имеющихся по этому предмету сведений в китайских источниках; они могут дать нам прочную историческую основу и ряд достоверных фактов, красноречивой иллюстрацией коих могут служить монгольские рассказы» [126, с. 11].

Общеизвестно огромное значение, которое имеют китайские летописи и исторические сочинения для изучения прошлого народов Восточной и Центральной Азии. И все же в полной мере китайские источники могут быть использованы лишь при условии объективного, научного, критического к ним подхода, а не путем простого их пересказа. Между тем некритическое отношение к источникам составляет основной недостаток трудов по истории монголов как Н. Бичурина, так и его продолжателей, игнорировавших историческую, политическую и социальную обусловленность китайских династийных хроник и отдельных сочинений по истории сопредельных с Китаем народов ².

Б. Я. Владимирцов имел все основания отмечать, что работы Н. Бичурина внесли в литературу много ошибочных представлений об историческом прошлом Монголии и монголов. Он писал: «Многие, совершенно неверные взгляды на ойратов... начались с известной книги... Бичурина „Историческое обозрение ойратов, или калмыков...“, кишасей неточными и ошибочными указаниями» [55, с. 157]. Известный ориенталист Э. Бретшнейдер по этой же причине также довольно критически относился к исследованиям Н. Бичурина о монголах и ойратах. В частности, наиболее слабым местом Э. Бретшнейдера считал то, что в основе описания Джунгарии и Восточного Туркестана лежит пересказ китайского источни-

ка «Си ю дун вэнь чжи» («Географический и исторический словарь Центральной Азии»), написанного и опубликованного по указу императора Хун Ли в 1763 г. Аналогичная работа В. Успенского «Страна Куз-нор или Цин-хай...» оценивалась Э. Бретшнейдером значительно выше труда Н. Бичурина потому, что В. Успенский положил в основу своего исследования не один, а целый ряд китайских источников и критически подходил к ним. Следует между тем отметить, что труды Н. Бичурина оказали решающее влияние на многочисленных русских ученых XIX в., писавших об истории Сибири, Средней Азии, Казахстана, Калмыкии и т. д., а также на ученых-правоведов, изучавших право степных народов. Эти авторы в той мере, в какой им приходилось затрагивать историю монголов, неуклонно следовали за Н. Бичуриным, вновь и вновь излагая официальную китайскую версию этой истории.

Так обстоит дело с китайскими источниками и их использованием в литературе.

Первым монгольским источником, ставшим известным в Европе, было историческое сочинение «Драгоценный свод (сведений) о происхождении ханов» (xad-un ündüsün-ü erdeni-yin tobči). Автор этого сочинения, монгольский владетельный князь Саган-Сэцэн, родился в 1604 г. и умер не ранее 1662 г. В основу своего труда Саган-Сэцэн положил семь более ранних монгольских исторических произведений (до нас дошли только три) [131, с. 25—28]. В летописи Саган-Сэцэна содержится множество сведений по истории ойратов XV и XVI вв. Историю монгольских ханов он доводит до 1652 г. Впервые труд Саган-Сэцэна был переведен на немецкий язык и опубликован в Петербурге в 1829 г. И. Я. Шмидтом [170]. В дальнейшем он неоднократно воспроизводился в отрывках как на русском, так и на западно-европейских языках. Лишь в 1956 г. он был в полном виде издан в ФРГ Э. Хэнишем, а затем в США А. Мостартом. Мы пользовались по преимуществу текстом Мостарта [171]. В 1958 г. летопись Саган-Сэцэна была полностью издана в Монгольской Народной Республике по списку, хранящемуся в Государственной библиотеке МНР [172].

Вторым — по времени публикации — монгольским источником по истории монголов и ойратов является анонимное сочинение «Алтан Тобчи» (xad-un ündüsün-ü xuriyan-qui altan tobči neretü sudur), переведенное на русский язык ламой Галсаном Гомбоевым и впервые опубликованное в трудах ВОРАО в 1858 г. Это сочинение было написано в первой четверти XVII в., т. е. на 20—30 лет раньше труда Саган-Сэцэна. Как мы покажем ниже, в этих двух монгольских сочинениях имеются значительные расхождения по ряду важных вопросов истории ойратов. В советской и зарубежной литературе уже отмечалось несовершенство выполненного Гомбоевым перевода. В 1955 г. в Висбадене вышел в свет труд Ч. Боудэна [156], содержащий текст «Алтан Тобчи» в латинской транскрипции и перевод его на английский язык, сопровождаемый критическими замечаниями и указанием разночтений с рядом других списков. Стремясь свести к минимуму возможные ошибки, мы

пользовались текстами как Гомбоева, так и Боудэна³. Наравне с трудом Саган-Сэцэна «Алтан Тобчи» имеет важное значение как источник по предыстории Джунгарского ханства.

Третий монгольский источник, известный под сокращенным названием «Эрдэнийн эрихэ» (его полный заголовок «Летопись под названием „Драгоценные четки“», erdeni-yin erike kemegsen teüke), был частично переведен А. Позднеевым и издан в Петербурге в 1883 г. В 1960 г. летопись была полностью опубликована в Улан-Баторе. Автор «Эрдэнийн эрихэ» — тайджи Галдан, занимавший пост тусалакчи (помощника) владетельного князя одного из хошунов Тушетухановского аймака. Время написания «Эрдэнийн эрихэ» точно неизвестно, но, судя по содержанию, летопись была закончена автором в 60-х годах XIX в. В этом сочинении имеются некоторые существенные сведения по истории Джунгарского ханства.

Четвертым монгольским источником, переведенным Н. П. Шастиной и впервые опубликованным в 1957 г. в Москве, является «Шара Туджи» («Великая желтая история происхождения монгольских ханов» (erten-ü mongγol-un xad-un ündüsün-ü yeke sir-a tuγuji orošiba). Автор неизвестен; не установлено точно и время создания летописи. Несомненно лишь, что она была известна Саган-Сэцэну, ссылавшемуся на «Шара Туджи» как на один из использованных им источников [131, с. 26]. Следовательно, она могла быть написана не позднее середины XVI в. В «Шара Туджи» имеются данные, относящиеся к истории ойратов до образования Джунгарского ханства.

Этим и ограничивается перечень опубликованных монгольских источников, в той или иной мере освещающих историю ойратов и Джунгарского ханства. Как видим, он невелик, причем публикация памятников проходила с огромными интервалами: первая — в 1829 г., вторая — в 1858 г., третья — в 1883 г. и четвертая — в 1957 г.⁴

Кроме опубликованных имеется ряд ценных монгольских источников, которые еще ждут своего издания. Многие из них хранятся в Ленинграде, в рукописном отделе филиала Института народов Азии АН СССР. Из этих источников отметим в первую очередь биографию Зая-Пандиты, одного из видных деятелей ламаистской церкви в Западной Монголии, игравшего в первой и начале второй половины XVII в. важную роль в общественно-политической жизни Халхи и Джунгарии. Дошедшая до нас биография Зая-Пандиты принадлежит перу одного из его учеников и почитателей — Ратнабхадры. В нашем распоряжении была фотокопия ойратского текста биографии Зая-Пандиты из фондов Института народов Азии АН СССР. В 1961 г. мы получили из Улан-Батора изданный по списку Государственной библиотеки МНР в 1959 г. монгольский текст этой биографии [167]. В предлагаемой книге мы пользовались, как правило, текстом улан-баторского издания.

Характерной особенностью всех перечисленных выше монгольских источников является то, что они принадлежат перу крупных феодалов или выходцев из их среды и носят следы влияния ла-

маистской церкви и ее идеологии. В произведениях, написанных в период господства в Монголии Цинской династии, отражаются интересы маньчжурских и китайских феодалов в не меньшей, если не в большей степени, чем интересы феодалов монгольских.

Следует отметить, что монгольские источники в течение длительного времени игнорировались специалистами и не получали должного признания в науке. Востоковеды XIX в. полагали бесполезным обращаться к монгольским произведениям как к источникам по истории монголов и в лучшем случае видели в них материал, пригодный только для этнографов и археологов. Так рассуждал, например, известный русский востоковед XIX в. П. С. Савельев [137, с. VIII—IX].

Редким, если не единственным исключением в этом отношении является русский ученый конца XIX в. А. М. Позднеев. Его многочисленные и интересные труды по истории Монголии и монголов основаны, как правило, на монгольских источниках. Исследованиям А. Позднеева, однако, свойственно немало недостатков, существенно снижающих их научную ценность. Главными из них являются пренебрежительное, в известной мере великодержавно-шовинистическое отношение к монголам вообще и не всегда объективная интерпретация исторических событий. Некоторые из указанных недостатков подвергались критике еще в XIX в. [107; 124; 51; 123].

Только в наше время монгольская дореволюционная историография стала объектом пристального изучения с методологических позиций марксизма-ленинизма. Это открыло богатые возможности для познания исторического прошлого монгольского народа, его общественного строя и культуры. Труды Б. Я. Владимирцова служат тому убедительным свидетельством. Само собой разумеется, что к монгольским источникам необходимо подходить так же критически, как и к любым другим.

Наряду с охарактеризованными монгольскими источниками значительный интерес представляют и калмыцкие исторические произведения, созданные выходцами из среды феодальной аристократии калмыков, обосновавшихся в XVII в. в низовьях Волги. Мы имеем в виду прежде всего «Сказание об ойратах», написанное в 1739 г. эмчи (врачом) Габан-Шарабом, и «Сказание о дэрбэн-ойратах», написанное в 1819 г. калмыцким владетельным князем Батур-Убаши-Тюменом.

Автор первого «Сказания» сообщает, что его сведения почерпнуты из бесед с главой церкви Гоман-ламой, ученым ламой Алдар-габжи, правителем калмыков Аюка-ханом и сановником Табын-Уханом, а также Доржи-Рабдан, вдовой известного ойратского правителя Очирту-Цецен-хана. Всех их Габан-Шараб расспрашивал о событиях прошлого, а их рассказы записал, по возможности проверяя услышанное и снабжая иногда своими оценками и комментариями. Излагая легенду о происхождении торгоутов, согласно которой их родоначальник был в XIII в. придворным правителя керейтов Ван-хана, Габан-Шараб пишет, что не может сообщить, когда и отчего тот ушел от Ван-хана, ибо не имеет точных данных,

но возможно, что надежные письменные сведения об этом имеются в Халхе [57, с. 2]⁵. Важно отметить, что такого рода оговорки калмыцкий летописец делает не раз. Утверждая, например, что дэрбэтские и чоросские князья имеют общее происхождение, он вместе с тем пишет, что отсутствие точных данных не позволяет ему сказать, когда именно первые отделились от вторых [57, с. 3]. По этой же причине он отказался от освещения деятельности правителей торгоутского дома до Хо-Урлюка [57, с. 25] и т. д. Оговорки Габан-Шараба дают основание сделать вывод, что автор «Сказания об ойратах» пользовался письменными источниками, не дошедшими до нас, и что он сознательно не останавливался на таких событиях ойратской истории, подтверждения которым не находил. Это обстоятельство повышает значение «Сказания об ойратах» как одного из источников ойратской истории.

Текст «Сказания о дэрбэн-ойратах» Батур-Убаши-Тюмена был впервые литографическим способом издан в 1885 г. А. М. Позднеевым [37, с. 49—90]. Еще раньше оно было переведено на русский язык Ю. Лыткиным и опубликовано в «Астраханских губернских ведомостях» [36]. Превосходное знание Ю. Лыткиным калмыцкого языка обусловило высокое качество перевода.

В распоряжении Батур-Убаши-Тюмена были, по-видимому, какие-то монгольские источники, но они часто ставили его в тупик, не давая возможности распутать узлы и внести ясность и порядок в изложение хода исторических событий. Он писал: «Говорят, что монгольские летописцы вели сказание о своих кочевьях от самых древних времен, но нынешним летописцам, которые отдалены временем от самих событий, трудно распутать беспорядок в их, быть может, тогда ясных рассказах о происшествиях» [37, с. 52; 36, 1859, № 47].

Как и Габан-Шараб, Батур-Убаши-Тюмен оговаривает случаи, когда он не имел возможности подкрепить сообщаемые сведения и соображения ссылкой на авторитетный источник, вследствие чего, по его мнению, были возможны ошибки. Так, излагая генеалогию князей из дома хошоутов, он в примечании писал: «Здесь и дальше, кажется, есть ошибки в исчислении преемств и имен, но исправить их теперь не можем, потому что при себе нет источников, для того необходимых» [37, с. 56; 36, 1859, № 47].

Впрочем, один источник вполне определенно выясняется из текста «Сказания» самого Батур-Убаши-Тюмена: в одном из примечаний последний прямо ссылается на летопись Унзат-Алдар-Габжи [37, с. 54; 36, 1859, № 47]. Возможно, что Унзат-Алдар-Габжи и Алдар-Габжи Габан-Шараба — одно и то же лицо, автор неизвестной нам летописи, которой пользовался Батур-Убаши-Тюмен.

Указанные калмыцкие источники в русской и тем более зарубежной литературе по истории монголов и ойратов вплоть до настоящего времени почти не использовались, что объясняется, во-первых, тем, что их мало, во-вторых, общей недооценкой многими востоковедами значения монгольских источников. Нам известна

только одна попытка использования калмыцких «Сказаний» как источников по истории Монголии. Ю. Лыткин опубликовал в 1860 и 1861 гг. в «Астраханских губернских ведомостях» обстоятельный и весьма интересный исторический очерк, озаглавленный им «Материалы для истории ойратов». Помимо упомянутых «Сказаний» автор использовал биографию Зая-Пандиты, сочинение Саган-Сэцэна, эпические сказания калмыков о разгроме ойратами в конце XVI в. войск халхаского Шолой-убаши-хунтайджи и «Джангариаду», а также личные беседы со многими «почтенными» калмыками. На основе этих материалов Ю. Лыткину удалось составить довольно обстоятельный очерк истории ойратов конца XVI и первой половины XVII в. Недостатком очерка является то, что его автор описал только политические, религиозные и военные события из жизни владетельных князей, полностью игнорировал социально-экономические факторы, дал мало сведений по внешнеполитической истории ойратов и об их экономических связях с соседними странами.

Тюркоязычная литература по истории ойратов недостаточно хорошо известна и еще менее изучена. Между тем, учитывая многовековое соседство и разносторонние связи ойратов с Восточным Туркестаном и Средней Азией, можно предполагать, что в литературе тюркоязычных народов содержится немало важных сведений об ойратах, их жизни, быте и истории. Мы можем судить об этом главным образом по трудам В. В. Бартольда [32; 33; 34; 35] и Ч. Валиханова [45; 46]. Но как бы ни были немногочисленны почерпнутые нами из этой литературы сведения об ойратах, они тем не менее существенно дополняют китайские и монгольские источники, особенно в отношении второй половины XV и первой половины XVI в., о которых как те, так и другие говорят очень мало. В этой связи нельзя не пожалеть о том, что до сих пор не изучена история улуса Джэгатай. Между тем раскрытие исторической эволюции державы джэгатайдов весьма облегчило бы заполнение многочисленных белых пятен в истории ойратов XV и XVI вв. Об этом лишний раз свидетельствуют публикации Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР [79; 80].

Остановимся на русских источниках по истории ойратов. Их значение исключительно велико, особенно материала, касающегося событий XVII и XVIII вв. Без этих источников невозможно восстановить и тем более понять историю Джунгарского ханства. Важнейшее место среди них занимают документальные фонды Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Архива внешней политики России (АВПР) и Архива Академии наук (ААН), содержащие статейные списки почти всех русских посольств к ойратским ханам и князьям, а также материалы об ойратских посольствах в Россию, донесения в Москву и Петербург русских пограничных властей об их связях с ойратскими правителями, расспросные речи русских служилых и иных людей, ездивших по разным делам в Джунгарию, письма джунгарских ханов

и князей русским властям и правительству России, указы и грамоты Москвы и Петербурга местным властям об отношении к ойратским княжествам, записи дипломатических переговоров и т. д. Особую ценность этим документам придает то, что они в своем большинстве являются подлинниками. Число их огромно — многие тысячи, а может быть, десятки тысяч.

Русские архивные документы повествуют об ойратах вплоть до 60-х годов XVIII в. По ним можно проследить почти год за годом историю ойратов на протяжении полутора столетий. В этих документах фиксируется все наиболее важное о внешнеполитической деятельности ойратов и их экономических связях, сообщается ряд исключительно ценных сведений об их внутренней жизни и социально-экономических и политических отношениях. Некоторые русские архивные документы были опубликованы в различных изданиях XVIII и XIX вв., но число таких публикаций микроскопически мало по сравнению с тем, что еще ждет своей очереди.

Помимо документов официального характера в архивных хранилищах Москвы, Ленинграда, Омска и Красноярска находятся рукописи неизданных книг и статей, посвященных Джунгарскому ханству и ойратам. Некоторые из них имеют значительную ценность. Укажем, в частности, работу «Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным в 1761 году» [4, оп. 119/1, 1630—1736, л. 1—141]. Автор этого сочинения много лет жил в качестве переводчика при ставке калмыцкого хана, а затем наместника ханства, после чего длительное время находился в составе русской администрации по калмыцким делам. Отличное знание языка, жизни и быта калмыков позволило Бакунину включить в свое «Описание» интересные данные, рисующие общественное и административно-политическое устройство общества калмыков, что облегчает понимание внутреннего строя всего ойратского общества, и в частности Джунгарского ханства. Текст этого «Описания» был частично и с некоторыми купюрами опубликован в Москве в 1939 г. в № 3 и 5 журнала «Красный Архив» В. Разумовской, предпославшей ему небольшую статью. При сличении с подлинником выяснилось, что в опубликованный текст вкрались ошибки.

В прошлом предпринимались некоторые попытки использовать русские источники по истории Монголии. К ним неоднократно прибегали исследователи истории России, в частности историки Сибири и Средней Азии, равно как и Калмыцкого ханства. Первыми, кто в научных целях ознакомился с документами русских архивов, были Г. Миллер и И. Фишер. Естественно, что в их трудах впервые нашла отражение история русско-монгольских, в частности русско-ойратских, отношений. Впоследствии историки Сибири, Калмыкии и Средней Азии, касаясь взаимоотношений Русского государства и Джунгарии, опирались на сведения и документы, использованные Г. Миллером и И. Фишером [127; 44; 111; 128; 96; 97; 153; 140; 25; 98; 88; 141; 42; 113], которые, однако, не только не

смогли исчерпать тему, но даже поставить ее с достаточной полнотой и научной объективностью. Это уже отмечалось в литературе [41]. Подобранные ими документы о русско-монгольских и русско-ойратских отношениях имели случайный характер. Кроме того, Г. Миллер и И. Фишер придерживались ярко выраженной анти-монгольской и подчеркнуто пророссийской ориентации в освещении событий, оказав соответствующее влияние на всю последующую дореволюционную русскую литературу.

Огромную работу по изданию русских архивных материалов, освещающих историю внешней политики России на Дальнем Востоке вообще и сношений России с ойратами и Джунгарским ханством в частности, выполнил в конце XIX в. Н. Бантыш-Каменский [29]. Благодаря этим материалам ему удалось гораздо шире и объективнее, чем Г. Миллеру, И. Фишеру и другим предшественникам, изложить почти двухвековую историю взаимоотношений России с Китаем, монголами и Джунгарским ханством. Однако внутренняя история Монголии его, как и других, интересовала мало. Поэтому он не обратил внимания на сведения о жизни, быте, экономике, общественных отношениях, внешних экономических и политических связях монгольских ханств и княжеств. Нельзя не учитывать и то, что Н. Бантыш-Каменский в изложении и интерпретации исторических событий не выходил за рамки русских архивных материалов, не прибегал к помощи других источников, что неизбежно приводило его к некоторой односторонности в освещении исторического материала.

Огромную работу по изучению русских архивных материалов выполнил известный монголовед В. Котвич. Его труд, посвященный истории русско-ойратских отношений, носит по преимуществу источниковедческий характер [95].

Важным источником по истории Джунгарского ханства являются так называемые монголо-ойратские законы 1640 г. Подлинный текст законов до нас не дошел. Калмыцкие владельческие князья, принимавшие участие в Джунгарском съезде 1640 г., утвердившем эти законы, привезли их текст на Волгу. Однако подлинник, хранившийся в ставке калмыцкого хана, погиб в самом начале XVIII в. во время одной из усобиц. С сохранившихся копий позднее делались многочисленные списки; некоторые из них переведены на русский язык и опубликованы [60]. Монголо-ойратские законы являются исключительно ценным памятником, рисующим внутреннюю жизнь и общественные отношения в Монголии. Им посвящены работы многих исследователей [101; 60; 67; 136]. Однако все историки, характеризующие историческую обстановку, предшествующую съезду 1640 г. и породившую утвержденные им законы, шли за Н. Бичуриным. Их исследования были весьма далеки от раскрытия социально-экономических факторов, обусловивших создание законов 1640 г., отличных от более древних правовых памятников Монголии.

Однако, отмечая этот существенный недостаток, мы не можем вместе с тем не подчеркнуть огромную заслугу ученых, обо-

гативших науку публикацией текста самого памятника и положивших начало его изучению.

Особое место в русской литературе о Монголии и монголах, о Джунгарии и ойратах занимают труды Г. Грум-Гржимайло [64; 65; 66]. Хорошо знакомый со всей русской и западноевропейской литературой, посвященной этим странам и народам, но не пользовавшийся источниками на восточных языках, Грум-Гржимайло пытался создать обобщающий труд по истории Монголии с древнейших времен до начала XX в. В некоторых случаях его оценки сущности тех или иных исторических фактов представляются интересными, но в целом работы Грум-Гржимайло по истории Монголии являются обширной, тщательно выполненной компиляцией.

Зарубежная литература, специально посвященная ойратам и Джунгарскому ханству, не очень обильна; она насчитывает едва ли более десятка авторов, труды которых заслуживают упоминания. Если придерживаться хронологии, то одним из первых следует назвать католического миссионера Жербийона (Гербилона), ряд лет состоявшего на службе при дворе императора Хун Е и неоднократно выполнявшего его поручения по обследованию и описанию Монголии. Жербийону принадлежит работа о монголах и ойратах, частично переведенная на русский язык [58]. В настоящее время она представляет интерес лишь как свидетельство очевидца, записавшего некоторые важные подробности крупных исторических событий его времени.

Большинство европейских ориенталистов XIX — начала XX в. не проявляли интереса к собственно ойратской истории. Те из них, которые посвящали свои труды народам Дальнего Востока, предпочитали писать о Китае и лишь в связи с историей этой страны затрагивали вопрос о монголах, вскользь и мимоходом упоминая также об ойратах. Исключением являются труды Г. Ховорса, М. Курана, Г. Каэна, Д. Бэддли, Х. Хаслунда и Э. Хэниша. Г. Ховорсу принадлежит обширная работа по истории Монголии [165], по своему характеру напоминающая указанные выше исторические произведения Г. Грум-Гржимайло. Труд Г. Ховорса о монголах покоится не на оригинальных источниках, исследованных им, а на исторических сочинениях его предшественников, которые он подвергает некоторому анализу, высказывая по существу спорных вопросов свое мнение и предположения.

Работа М. Курана посвящена Центральной Азии XVII—XVIII вв., главным образом Джунгарскому ханству [160]. В основе работы лежит, по словам самого автора, часть огромного компилятивного труда «Дун хуа лу», принадлежащего китайскому сановнику Ван Сяньцяню. М. Курану были известны также произведения русских, немецких и французских авторов по истории Китая и Монголии. Сопоставляя данные китайских источников и русской литературы, М. Куран установил, что если первые изображают ойратов только как разбойников, а их ханство как разбойничье, то в описаниях русских авторов Джунгария выступает как государство с налаженной административной системой и развитой торгов-

лей. В целом работа М. Курана не идет дальше регистрации и описания политических и военных событий; автор не пытается их анализировать, его не интересует жизнь народа. Главной темой произведения является конфликт между двумя силами — маньчжурами и калмыками (ойратами), — каждая из которых стремилась, сокрушив другую, создать свою империю.

Труд Г. Каэна [159] посвящен главным образом русско-китайским отношениям конца XVII — первой четверти XVIII в. Джунгарское ханство и его история интересуют автора не сами по себе, а лишь в связи с той ролью, которую оно играло во взаимоотношениях между Россией и Цинской империей.

Д. Бэддли, автор оригинального труда «Россия, Монголия и Китай» [155], положил в его основу русские документы из советских архивных хранилищ. Его исследование охватывает период с 1602 по 1676 г. Книга открывается введением, в котором автор пытается проследить историческую эволюцию Монголии до начала XVII в. Самостоятельного научного значения введение не имеет, оно основывается на сведениях, почерпнутых из русской и английской литературы. Что касается самих документов, то они переведены автором в общем вполне удовлетворительно и добросовестно.

В 1935 г. в Лондоне была издана книга «Люди и боги в Монголии» [164], написанная Х. Хаслундом, одним из участников центральноазиатской экспедиции Свен Гедина. Автор в 1923 г. жил в народной Монголии, а позднее, став членом упомянутой экспедиции, несколько лет жил в пров. Синьцзянь среди торгоутов. Х. Хаслунд довольно обстоятельно излагает основы административного устройства торгоутов и приводит некоторые данные об их общественных отношениях. Он упоминает об одной древней рукописной книге, которую ему читали и разъясняли местные ученые ламы. В книге рассказывается о происхождении и истории торгоутов; торгоутские хронисты писали ее постепенно, в течение столетий. Х. Хаслунд говорит, что извлек из этой рукописи много ценных сведений. «Это — собрание древних документов, написанных на монгольском языке и являющихся чисто монгольскими по своему происхождению; они представляют собой яркую и фантастическую историю предков торгоутского хана и торгоутского народа об их делах в минувшие столетия» [164]. О ней, помимо сообщения Х. Хаслунда, мы до сих пор нигде не встречали никаких упоминаний.

Книга Х. Хаслунда представляет определенный интерес, давая возможность проследить эволюцию некоторых общемонгольских и собственно ойратских общественных институтов. Прародиной этих институтов была Джунгария, в начале XVII в. они распространились у торгоутов и дэрбэтов на Волге, а в последней четверти XVIII в. вновь встречаются в горных долинах Юлдуза, где их и наблюдал в 30-х годах XX в. Х. Хаслунд. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Мы не останавливаемся здесь на других работах зарубежных авторов, поскольку они посвящены только отдельным периодам

или эпизодам истории ойратов, и при рассмотрении этих периодов или эпизодов мы к ним вернемся.

Исключительно велико значение тибетских источников по истории Джунгарского ханства.

Крупная роль, которую играл Тибет в истории Монголии и Джунгарии в конце XVI, в XVII—XVIII вв., общеизвестна. Изучение и правильное понимание этой истории невозможны без привлечения материалов, характеризующих внутреннее положение Тибета и его взаимоотношения с ойратскими правителями. Этим вопросам в большей или меньшей мере посвящены работы В. Рокхила, Ч. Бэлла, Л. Петеха и др. [168; 157; 166]. Ценные сведения о Тибете и событиях начала XVIII в. сообщает также католический миссионер И. Дезидери [161].

Факты, положенные авторами в основу своих исследований, с достаточной ясностью характеризуют острую борьбу за власть, которая развернулась в Тибете в XVII—XVIII вв. между различными феодальными группировками, выступавшими под знаменами двух главных ламаистских сект — «красношапочников» и «желтошапочников». Эти факты раскрывают, как переплетались интересы борющихся в Тибете сил с интересами монгольских феодалов, что привело в конце концов к торжеству «желтошапочного» ламаизма как в самом Тибете, так и в Монголии, показывают, как Джунгарское ханство в конце XVII — начале XVIII в. стремилось использовать религиозное влияние и ресурсы Тибета в борьбе против Цинской империи. Ценность указанных трудов, а также трудов некоторых русских авторов о Тибете (см., например, [81]) определяется именно собранными в них конкретными фактическими материалами, позволяющими восстановить историческую обстановку, сложившуюся в то время в Центральной Азии.

Советская историческая литература о Монголии, об ойратах и Джунгарском ханстве решительно порвала с идеалистическими концепциями прошлого, с некритическим отношением к источникам, со всеми другими пороками, свойственными домарксистской исторической науке. Советская историческая литература, базируясь на методологии марксизма-ленинизма и тщательном изучении источников, главное внимание уделяет раскрытию глубинных процессов, обуславливающих эволюцию форм материального производства и общественных отношений, внутреннюю и внешнюю политику господствующего класса, экономические, культурные и политические взаимосвязи с соседними странами и народами.

Следует в первую очередь отметить, что проблема общественного строя монголов, равно как и вообще кочевых народов, поставлена со всей полнотой лишь советской исторической наукой и ею разрешена. В 1930 г. в результате специального экспедиционного обследования киргизского кочевого аула впервые было установлено наличие в дореволюционное время феодальных общественных отношений у этого кочевого народа (см. [118]). Это было первым прорывом фронта домарксистской историографии, в которой безраздельно господствовала теория вечного варварства, вечного ро-

дового строя у кочевников. В 1933 г. были опубликованы материалы специальной дискуссии по вопросу о генезисе феодализма у кочевых народов [43]. В следующем году вышел в свет труд акад. Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов», получивший вскоре всеобщее признание за глубокий анализ, основанный на фактическом материале, извлеченном из монгольских источников. С помощью огромного количества исторических и филологических данных Б. Я. Владимирцов неопровержимо доказал, что социально-экономическим содержанием исторического процесса в дореволюционной Монголии является развитие феодализма. Труд Б. Я. Владимирцова стал классическим образцом исторического исследования, он заслуженно приобрел мировую известность и ныне с успехом используется прогрессивными учеными всех стран.

Впрочем, не следует думать, что исследование Б. Я. Владимирцова свободно от недостатков и ошибок, однако они имеют частный характер и ни в малейшей степени не снижают ценности основных положений автора. Б. Я. Владимирцов доказал, что историческое развитие монголов в эпоху феодализма в основном и главным было подчинено действию общих закономерностей истории феодализма.

Специально историей ойратов Б. Я. Владимирцов не занимался, хотя и высказал ряд существенных замечаний по отдельным ее вопросам.

Образование Советского социалистического государства и его ленинская национальная политика привели к социально-экономическому и культурному возрождению калмыцкого народа. Оживился интерес к изучению исторического прошлого калмыков. В 1926—1929 гг. в Астрахани был опубликован труд К. Пальмова «Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII вв.». Значительное место в этой книге занимает исследование общих для истории калмыков и ойратов вопросов, таких, например, как время и причины откочевки калмыков из Джунгарии, взаимоотношения калмыцких и ойратских ханов и т. д. Не на все важнейшие вопросы К. Пальмов дает правильные ответы в своей работе, это следует объяснить тем, что в его распоряжении было недостаточно источников.

В 1939 г. в «Исторических записках» появилась работа С. К. Богоявленского «Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.». Наряду с уточнением некоторых конкретных данных по истории ойратов автор выступает и с рядом обобщений, хотя зачастую они не подкреплены фактами и надежными доказательствами.

Послевоенные годы характеризуются новым оживлением монголоведения в СССР. В это время окрепло сотрудничество советских и монгольских ученых, что выразилось, в частности, в издании в 1954 г. совместного труда «История Монгольской Народной Республики», в котором содержатся и соответствующие разделы по истории ойратов. Ойратам и Джунгарскому ханству посвящены

также разделы и главы в советских учебниках по средневековой и новой истории стран зарубежного Востока.

Однако можно со всей определенностью сказать, что ни в СССР, ни за рубежом еще нет полной истории Джунгарского ханства. Диапазон разногласий по основным вопросам истории ойратов XV—XVIII вв. в востоковедной науке остается весьма значительным. Это свидетельствует о том, что создание фундаментальной, подлинно научной истории монгольского народа является еще в известной мере делом будущего, требующим большой предварительной работы по мобилизации новых источников на монгольском, китайском, русском и тибетском языках, а также на языках народов Средней Азии, по критическому изучению новых и старых источников, по монографическому исследованию отдельных периодов и проблем монгольской истории. Лишь на такой основе станет возможным изучение в полном объеме истории Монголии, которое будет свободно от идеалистических извращений, от субъективизма и схематизма. В современной Монгольской Народной Республике уже сложился большой отряд ученых-историков, вплотную приступивших к изучению прошлого своей родины и немало сделавших в этом направлении. Это вселяет уверенность, что успешное решение важной задачи не за горами.

Что касается предлагаемой работы, то ее автор ставил перед собой более ограниченную цель — изложить историю Джунгарского ханства за время его существования. Автор полагает, что упомянутые выше монгольские и калмыцкие источники, а также русские архивные материалы могут составить вполне достаточную и надежную источниковедческую базу для решения этой задачи в общих и основных чертах. В то же время автор ясно представляет себе, что в будущем, когда в научный оборот войдут новые монгольские, китайские, тибетские и тюркоязычные источники, его труд потребует значительного дополнения, расширения и уточнения. Только при введении в научный оборот этих источников может быть успешно завершена работа по раскрытию одной из важнейших страниц истории монгольского народа. При всем том автор полагает, что, какие бы дополнения ни были внесены в дальнейшем в его изложение истории ойратов и их ханства, они будут лишь уточнять ее, не опровергая основных положений, оценок и характеристик, даваемых в настоящей работе. Основанием для такого предположения служат обилие и достоверность документальных материалов из советских архивохранилищ, а также использованные здесь монгольские, калмыцкие и китайские летописи и исторические сочинения, как опубликованные, так и неопубликованные.

Мы уже говорили о монгольских летописях Саган-Сэцэна, «Алтан Тобчи», «Эрдэнийн эрихэ», «Шара Туджи», о биографии Зая-Пандиты, о «Сказаниях» Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена. Эти источники, как нам представляется, использованы в предлагаемой книге в полной мере.

Из китайских источников и литературы мы должны в первую очередь сослаться на переведенную И. Россохиным с маньчжурско-

го языка на русский и оставшуюся в рукописи «Историю о завоевании китайским ханом Канхией калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии» (микрофильм хранится в библиотеке Института востоковедения АН СССР), о которой подробно мы расскажем ниже, а также на уже упоминавшееся историческое произведение «Мэн гу ю му цзи».

Желая выяснить исторические предпосылки образования Джунгарского ханства, автор счел необходимым рассмотреть некоторые важные и в то же время спорные вопросы истории ойратов XV—XVI вв. Он опирался на тексты монгольских источников «Алтан Тобчи», «Шара Туджи» и «Эрдэнийн Тобчи», на «Историю Минской династии» («Мин ши») в изложении Э. Бретшнейдера, Д. Покотилова, В. Успенского и др., а также на тюркоязычные источники в изложении и переводах В. Бартольда, Ч. Валиханова и С. Ибрагимова.

Учитывая, что и эти источники довольно часто противоречат друг другу, автор пытался составить хронику исторических событий на основе совпадающих сведений, содержащихся во всех или в большинстве источников. По его мнению, только таким путем можно избежать односторонности в рассмотрении исторических событий и приблизиться к истине. Пользуясь этим методом, автор вместе с тем не склонен преувеличивать его значение; он отдает себе отчет в том, что в условиях, когда один, более ранний источник используется авторами последующих исторических сочинений (как это имеет место с «Алтан Тобчи», «Шара Туджи» и «Эрдэнийн Тобчи»), ошибки и неточности первого могут быть повторены последующими. И все же в данное время и при имеющихся источниках этот метод представляется нам наиболее целесообразным.

Возникают вопросы: насколько актуальна тема данного исследования, какова связь между проблемами истории Джунгарского ханства и современными задачами советской исторической науки, заинтересована ли последняя и в какой мере в изучении истории ойратов и их ханства?

Ответ на все эти вопросы может быть только один: существует прямая и непосредственная связь между темой данного исследования и современной проблематикой советской исторической науки. Наша историческая наука заинтересована в полном и всестороннем раскрытии истории ойратов и Джунгарского ханства, как и вообще истории монголов, уже хотя бы потому, что исторические судьбы народов Средней Азии, Казахстана, Южной и Восточной Сибири в прошлом не раз теснейшим образом переплетались с судьбой монгольского народа. Правильное понимание истории этих народов невозможно без рассмотрения развития исторического процесса в Монголии и Джунгарии.

Автор будет считать свою задачу выполненной, если его труд поможет дальнейшему исследованию истории народов Центральной и Средней Азии, изучению эволюции форм материального производства и общественных отношений у кочевых народов.

Глава первая ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ В XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

1. От свержения Юаньской династии до крушения державы Эсен-хана

История ойратов содержит много еще не решенных наукой загадок. К их числу относятся такие вопросы, как этимология и значение термина «ойрат»; связь между этим термином и часто встречающимся в источниках понятием «дэrbэн-ойрат»; означает ли последнее «Союз четырех ойратов», и если означает, то когда этот союз сложился, какие причины вызвали его к жизни, каковы были его состав и цели; что явилось причиной длительной междоусобной борьбы восточных монголов и ойратов; чем объясняются начавшееся в середине XV в. падение военной и политической активности ойратов и их новая активизация во второй половине XVI в. Перечисленные вопросы обсуждаются в исторической литературе около полутора веков, но убедительного ответа на них не дано по сей день.

Большинство русских и зарубежных монголоведов разделяли мнение, высказанное в начале XIX в. А. Ремюза и И. Я. Шмидтом, что термин «ойрат» имеет в своей основе монгольское слово «ойра» (oyir-a) — «близко» и что его, следовательно, надо понимать как выражение «близкий», «союзник». Будучи присоединено к другому монгольскому слову — «дэrbэн» (dörben), означающему «четыре», оно образует термин «дэrbэн-ойрат», т. е. «Союз четырех ойратов».

Придерживаясь этой точки зрения, ее сторонники видели свою задачу в том, чтобы выяснить время и причины образования «Союза четырех ойратов», определить состав его участников и проследить его историю.

Далеко не все ученые были согласны с этой концепцией. Первым выступил против нее Доржи Банзаров. Он утверждал, что слово «ойрат» происходит не от «ойра», а составлено из слов «ой-арат», которые соответствуют термину оин ирген, т. е. «лесной народ», данному Рашид-ад-Дином [28, с. 26].

Исследователь истории Кукунора В. Успенский пошел еще дальше. Он был убежден в том, что слово «дэrbэн» в формуле «дэrbэн-ойрат» не означает «четыре», а является названием племени, много раз упоминаемого Рашид-ад-Дином [147, с. 140—141]. Точку зрения В. Успенского активно поддержал Г. Грум-Гржимайло, видевший в ойратах и дэрбэнах особые монгольские племена,

игравшие заметную роль в исторических событиях XIII в.¹ Г. И. Рамстедт, в свою очередь, допускал, что термин «ойрат» вообще не содержит реального смыслового значения, и на этом основании отказывался от попыток дать его перевод [133, с. 549—550].

Вопрос о происхождении и значении термина «ойрат» остается открытым до настоящего времени. Со своей стороны, мы можем лишь сказать, что теория, согласно которой «ойрат» означает «союзник», а «дэrbэн-ойрат» — «Союз четырех ойратов», не находит подтверждения, как это мы покажем ниже, в реальных исторических фактах.

Большинство сторонников этой теории считали, что союз ойратов сложился непосредственно вслед за свержением Юаньской династии и изгнанием монгольских завоевателей из Китая, т. е. в конце XIV в. Этой точки зрения придерживался и Н. Бичурин, по мнению которого в Джунгарии в конце XIV в. кочевали три крупных ойратских поколения — «чорос», «хошоут» и «торгоут»². Они образовали союз и поставили во главе его представителя поколения чорос Махмуда [77, с. 47]. В дальнейшем, когда из поколения чорос выделились дэrbэты, ойратский союз стал четырехчленным, в его составе было уже не три, а четыре поколения; именно с этого времени, т. е. с середины XV в., союз стал называться «дэrbэн-ойрат» [77, с. 2].

В. Бартольд тоже считал, что ойратский союз сложился в конце XIV в., но в отличие от Н. Бичурина он видел в этом союзе с самого начала не трех, а четырех участников — чорос, хошоут, торгоут и хойт [34, с. 72]. С мнением В. Бартольда был согласен В. Рязановский, но в отличие от него и от Н. Бичурина он рассматривал ойратский союз не как объединение поколений, а как союз племен чорос, хошоут, торгоут и др. [136, с. 39]. К. Костенков, долгие годы проживший на Волге среди калмыков и изучавший их историческое прошлое, также относил образование ойратского союза к концу XIV в., но иначе представлял себе его состав и участников; он полагал, что вначале в союз входили племена чорос, хойт и хошоут, к которым в дальнейшем присоединились торгоуты, в результате чего и оформился «Союз четырех ойратов» — «дэrbэн-ойрат» [93, с. 2]. Акад. С. Козин в отличие от всех упомянутых выше ученых предполагал, что ойратский союз существовал уже во времена Чингисхана как «четырёхъединный каганат» и в таком именно виде он вошел в состав чингисовой империи [90, с. 3]. Английский монголовед Г. Ховорс также считал, что «дэrbэн-ойраты» представляли собой объединение, конфедерацию четырех союзников, возникшую в эпоху средних веков, и термин «дэrbэн-ойраты» аналогичен термину «союзники», который употреблялся применительно к англичанам и французам во время Крымской войны [165, с. 558].

Как видим, названные нами ученые не расходились в понимании значения слов «дэrbэн-ойрат»; все они признавали реально существовавшим «Союз четырех ойратов». Однако они придержи-

вались различных точек зрения при определении состава союза, а также в вопросе о социально-экономической природе его участников. По мнению одних, чорос, хошоут, торгоут были феодальными владениями, тогда как другие видели в них различные монгольские племенные группы — этнонимы.

Иначе представляли себе раннюю историю ойратов Д. Банзаров, В. Успенский, Э. Бретшнейдер, Г. Грум-Гржимайло. По мнению Доржи Банзарова, название «дэrbэн-ойрат» появилось во времена Чингисхана, когда все население Монголии было разбито на тумены, причем ойраты составили четыре таких тумена. Опираясь на этот бесспорный исторический факт, Д. Банзаров считал, что название «дэrbэн-ойрат» означает не что иное, как «четыре ойратских тумена». Он писал: «Поэтому-то монголы вместо Дурбэн-ойрат говорят еще Дурбэн, Дурбэн тумен и Дурбэн тумен-ойрат... Вот где начало Четырех ойратов, а не в формальном составлении настоящего четверного союза» [28, с. 25].

В. Успенский, ознакомившись с рядом китайских источников и исторических сочинений, установил, что в них содержится немало противоречий и расхождений. По одним данным, ойраты в начале правления Минской династии разделялись на четыре рода или отдела — хошоутов, джунгаров, дэrbэтов и торгоутов, каждый из которых возглавлялся своим ханом. Существовал еще небольшой род хойтов, выделившийся из состава дэrbэтов [147, с. 127—128]. В XVII в., когда торгоуты откочевали в Россию, их место заняли хойты, вошедшие в «Союз четырех ойратов». Таким образом, по данным этих китайских источников, в состав ойратского союза входили с конца XIV и до начала XVII в. хошоуты, джунгары, дэrbэты и торгоуты, с начала XVII в. и до конца существования Джунгарского ханства — хошоуты, чжунгары, дэrbэты и хойты, а с конца XVIII в., когда в Синьцзян (провинция, образованная на территории бывшего Джунгарского ханства) вернулись с Волги торгоуты, ойратов оказалось уже шесть — хошоуты, хойты, чоросы, дэrbэты, торгоуты и элюты.

По данным других китайских авторов, ойраты лишь в начале правления Минской династии обосновались на территории Джунгарии, тогда как некоторая их часть осела к северу от Великой стены, между районами Гуйхуачена и Ордоса.

В. Успенский с полным основанием отмечал наличие ошибок и противоречий в указанных источниках и сочинениях: толкуя понятие «дэrbэн-ойрат» как объединение четырех ойратских отделов или родов, они в то же время называют то три, то шесть таких родов и отделов. К тому же они рассматривают слово «джунгар» как имя одного из ойратских отделов, что противоречит фактам. Слово «джунгар» никогда не было этнонимом, оно во все времена означало левую сторону, левую руку. Этим словом называли левое крыло войск Чингисхана; в дальнейшем каждое монгольское владение имело свой «джунгар», свою «левую руку».

Э. Бретшнейдер, как и В. Успенский, отвергал в принципе идею о «Союзе четырех ойратов», сложившемся якобы в конце XIV в.

В своих рассуждениях он исходил главным образом из сведений, содержащихся в «Мин ши», согласно которым ойраты в Джунгарии после изгнания монгольских завоевателей из Китая представляли собой единый народ [158, с. 161], коим управлял один из юаньских полководцев — Мункэ-Тэмур. Только после смерти Мункэ-Тэмюра ойраты разделились на три племени. Во главе одного оказался Махаму, во главе другого — Тайпин, во главе третьего — Бату-Болот. Все они поддерживали отношения с Минской династией как самостоятельные правители.

Г. Грум-Гржимайло, сопоставляя данные литературы и источников о составе ойратского союза и о времени его образования, подчеркивал чрезвычайный разнород в трактовке этих вопросов. Выше мы уже указывали, что, по мнению Г. Грум-Гржимайло, союз ойратов с дэрбэнами сложился еще во времена Чингисхана. Он отождествлял дэрбэнов с дэрбэтами и на этом основании утверждал, что в ойратском союзе, длившемся до середины XVI в., когда из дэрбэнского (дэрбэтского) дома выделилось левое крыло, закрепившее за собой наименование джунгар, установилась дэрбэтская гегемония [65, т. 2, с. 566]. Время присоединения к дэрбэн-ойратскому союзу хошоутов, торгоутов, хойтов и др. Г. Грум-Гржимайло считал неустановленным, но предполагал, что это произошло в период обострения борьбы против восточных монголов, когда во главе союза стояла дэрбэн-ойратская княжеская фамилия. Хойты и чоросы, по мнению Г. Грум-Гржимайло, имеют общее происхождение с дэрбэнами (дэрбэтами). Выделившись, они образовали самостоятельные поколения.

Особое внимание этим вопросам уделял П. Паллас. Он утверждал, что монголы как единый народ делились на две главные ветви — собственно монголов и дэрбэн-ойратов, а последние «паки разделились на четыре поколения: Оёлёт, Хойт, Тиммур и Бага-Бират именуемые. Из оных Оёлёт есть та отрасль, которая в западной Азии и Европе под именем калмык известна... Оёлёт, или калмыки... разделяются, по крайней мере со времени разрушения монгольской монархии, как многочисленный народ на четыре главные отрасли, именуемые Хошот, Дербет, Зоонгар и Торгот, которые по отделении их от монголов под властью разных князей состояли» [114, с. 68—70].

Как видим, вопрос о составе ойратского союза и времени его образования всегда был неясен и запутан.

Меньше разногласий среди историков вызывал вопрос о причинах образования ойратского союза и его целях. Все исследователи, как правило, видели эти причины в стремлении объединить силы ойратов для борьбы против восточных монголов, для установления господства над всей Монголией, для восстановления империи чингисидов. Н. Бичурин, например, не сомневался в том, что главными причинами образования ойратского союза в составе сначала трех, а затем четырех поколений были соперничество с восточными монголами и невозможность для этих поколений порознь добиться успеха. Объединившись в союз и выдвинув талант-

ливых правителей в лице Тогона (1418—1440) и Эсена (1440—1455, по другим данным, 1456) — выходцев из дома Чорос, ойраты одолели своих соперников и оказались во главе всех монголов. Однако со смертью Эсена прошло и могущество ойратов, закончился хотя и краткий, но блистательный период их истории [77, с. 16—21].

Доржи Банзаров тоже считал, что «ненависть» к восточным монголам была главным стимулом объединения ойратов в союз [28, с. 23]. Этой же точки зрения придерживался и Г. Рамstedт, который писал, что со времени ослабления монгольской власти, особенно после свержения Юаньской династии, «имя ойрат делается все более и более известным; ойраты, или дорбон-ойраты („четыре ойрата“), выступают в виде врагов восточных монголов, стремления их направлены на добывание самостоятельности и независимости от „сорока“ монголов» [133, с. 548].

С. Козин утверждал, что ойраты считали себя связанными с империей Чингисхана и его преемников лишь династийными узами как члены федерации, созданной чингисидами. Поэтому после изгнания потомков Чингисхана из Китая ойраты перестали признавать главенство восточномонгольских правителей. Они создают не только вполне суверенное государство, но и претендуют на главенство среди монгольских племен и народов [90, с. 5].

В. Успенский и Э. Бретшнейдер, как мы уже говорили, отклоняли в принципе идею об ойратском союзе и поэтому не задумывались над вопросом о причинах его образования.

Что касается Г. Грум-Гржимайло, то он стремился выяснить не причины образования этого союза в конце XIV в., ибо союз дэрбэнов и ойратов существовал, по его мнению, еще при жизни Чингисхана, а то новое, что внесла в союз изменившаяся обстановка, которая сложилась в Монголии после изгнания монгольских завоевателей из Китая. Важнейшей особенностью этой обстановки было, по его мнению, обострение борьбы между восточными и западными монголами, вдохнувшее новую жизнь в ойратский союз, привлекавшее в его ряды новых членов и укрепившее связывавшие их узы [65, т. 2, с. 569].

Таким образом, резкое обострение борьбы между восточными и западными монголами признается всеми без исключения исследователями как факт большого значения, имевший серьезные последствия в истории страны. Но каковы же причины этой борьбы, во имя чего она велась? Вот вопросы, на которые должна была дать ответ историческая наука. Что же говорили об этом представители старой, домарксистской историографии?

Все они, начиная с П. Палласа и кончая А. Позднеевым, безуспешно пытались объяснить борьбу между восточными и западными монголами спецификой «природы» кочевых обществ, в силу которой кочевники якобы не могут существовать без грабительских войн и вторжений в земли соседей. Большинство сторонников этой концепции видели в борьбе ойратов против их восточных со-
братьев только стремление к установлению ойратского господства

над всей Монголией с единственной целью подготовить новое общее наступление на Китай и восстановить империю чингисидов под своей властью [114, с. 73; 77, с. 32, 63; 89, с. 134; 93, с. 36—37; 121, с. 103; 126, с. 20; 132, с. 73—76; 50, с. 76, 97].

Несколько иначе объяснял эту борьбу В. Успенский. Он считал, что в ее основе лежали противоречия между ойратами, представлявшими интересы старой степной аристократии, сохранявшими традиции предков, и окитаившимися восточными монголами, отрекавшимися от этих традиций [147, с. 146—147].

Следует отметить, что и в советской исторической литературе появлялись произведения, продолжавшие, а иногда и развивавшие традиции старой, домарксистской школы. Авторы этих произведений, как и их далекие предшественники, вместо того чтобы искать причины монголо-ойратской борьбы в особенностях конкретно-исторической обстановки и политике господствующего класса как восточных монголов, так и ойратов, видели эти причины в особенностях природы и психологии кочевников [41; 90].

По-своему объяснял причины монголо-ойратской борьбы Б. Владимирцов, внесший огромный вклад в изучение истории монгольского народа. Основной движущей силой монгольской истории XV и первой половины XVI в. была, по его мнению, борьба двух слоев монгольской аристократии. На одной стороне выступали прямые потомки Чингисхана, так называемые «тайджи», на другой — служилая знать, темники, тысячники, сотники и другие сановники — выходцы из среды степной аристократии. В этой борьбе восточномонгольские феодалы выступали как представители чингисидов, тайджи, а ойратские феодалы представляли интересы служилой знати, так называемых «сайтов» [55, с. 147—148]. Но и это объяснение, как нам кажется, не является полным и исчерпывающим, хотя и представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с идеалистическими построениями предшественников Б. Владимирцова.

Такова разногласица, охватывающая обширный круг важных вопросов ранней истории ойратов. Чтобы установить истину, обратимся к источникам.

«Алтан Тобчи», первая дошедшая до нас летопись послеюаньского периода, рассказывает, что однажды приближенный Эльбек-хана (1392—1399), ойратский сановник Хутхай-Тафу³, сопровождал хана на охоте. Хутхай-Тафу обратил внимание хана на Ульдзейту-Гоа, жену его сына Харгацуг-Тугуренг-Тэмур-хунтайджи, которая «белее снега, а ее ланиты — как кровь на белом снегу». Вскоре хан, плененный красотой невестки, убил своего сына, а ее взял в жены. Хутхай-Тафу рассчитывал получить от Эльбек-хана соответствующее вознаграждение, почетный титул и должность. Но спустя некоторое время Хутхай-Тафу пал жертвой молодой ханши, инсценировавшей попытку Хутхай-Тафу изнасиловать ее. Разгневанный Эльбек-хан убил Хутхай-Тафу. Ульдзейту-Гоа вскоре призналась хану в содеянном. Эльбек-хан, убедившись в невинности убитого и чувствуя раскаяние, призвал сыновей Хутхай-

Тафу — Батулу-чинсанга и Угэчи-хашига — и назначил их правителями четырех ойратских туменов. Но они «на шестом году царствования Эльбек-хана убили его, взяли четыре тумена ойратов и, отделившись, сделали непримиримыми врагами. Таким образом власть монголов перешла к ойратам» [9, с. 55—57; 156, с. 69—71].

«Шара Туджи» и «Эрдэнийн Тобчи» в общем подтверждают сведения, изложенные в «Алтан Тобчи». «Шара Туджи» опускает некоторые подробности, а «Эрдэнийн Тобчи» называет Хутхай-Тафу тысячником, вкладывает в уста Эльбек-хана обещание награждать Хутхай-Тафу за оказанную хану услугу, пожаловать ему титул чинсанга, а также назначить правителем всех ойратов (см. [172, с. 120]). Наряду с этими новыми данными «Эрдэнийн Тобчи» в одном случае называет мужа Ульдзейту-Гоа, Харгацуг-Тугуренг-Тэмур-хунтайджи, не сыном, а младшим братом Эльбек-хана. В другом случае «Эрдэнийн Тобчи», так же как и «Шара Туджи», уточняет сообщение «Алтан Тобчи», указывая, что Эльбек-хан после убийства Хутхай-Тафу призвал не обоих сыновей последнего, а одного Батулу, которому пожаловал титул чинсанга, дал ему в жены свою дочь Самор Гунджи и назначил его правителем всех ойратских туменов. «Шара Туджи» при этом прямо указывает, что Хутхай-Тафу происходил из рода Чорос. Во всем остальном сведения трех монгольских источников совпадают.

Это дает основание считать твердо установленным следующее. В послеюаньский период ойратские деятели впервые упоминаются в годы правления Эльбек-хана, правнука последнего юаньского императора Тогон-Тэмур, т. е. спустя четверть века после изгнания монгольских завоевателей из Китая. В течение всего этого времени, а возможно, и раньше, в период пребывания Юаней у власти, ойратская знать поддерживала тесное и разностороннее сотрудничество с восточномонгольской знатью, в частности с потомками юаньских императоров, к которым ойратские феодалы относились как вассалы к своим сюзеренам. Первым открытым выступлением ойратских феодалов против восточномонгольских явилось убийство Эльбек-хана в 1399 г., через шесть лет после смерти ойратского тысячника Хутхай-Тафу, после чего ойраты вышли из-под власти всемонгольского хана. В этот период, как единодушно отмечают монгольские источники, ойраты не знали иного разделения, кроме общепринятого в тогдашней Монголии деления на тумены, тысячи и т. д. Они представляли собой этнически и политически единое целое, население одного объединенного феодального владения, во главе которого стояли единовластные правители и иногда соправители, так называемые *джингонги*.

Основательность этих выводов подтверждается еще и тем, что неизвестные авторы «Алтан Тобчи» и «Шара Туджи», будучи, несомненно, выходцами из восточномонгольской знати, не могли быть проойратски настроенными. Тем более не мог быть ойратофилом Саган-Сэцэн, автор «Эрдэнийн Тобчи», крупный феодал, владетельный князь Ордоса. Все это дает основание с доверием отнестись к их сообщениям.

Отметим, что и официальная история Минской династии «Мин ши» подтверждает некоторые приведенные выше важные сведения монгольских источников. Так, по данным «Мин ши», один из юаньских военачальников, Мункэ-Тэмур, еще до свержения Юаней (или вскоре после этого) объявил себя правителем ойратов и оставался им до своей смерти, после чего его владение разделилось на три части. Каждой из них управлял отдельный правитель: Махаму, Тайпин и Бату-Болот. «Мин ши» говорит, что эти правители были первыми из монгольских князей, искавшими мира с Китаем и напавшими с этой целью в Пекин послов с дарами.

В 1409 г. китайский император Чжу Ди пожаловал трем ойратским правителям почетные титулы. Послы из Джунгарии в Китай направлялись один за другим. Эти мирные и дружественные отношения прервались и уступили место вооруженным вторжениям ойратов в китайские пределы лишь после того, как ойраты подчинили себе всю Монголию⁴ [126, с. 31—35; 158, с. 161]. Летопись Минской династии подтверждает, следовательно, сообщения монгольских источников, что первым ойратским правителем был военачальник, находившийся на службе у потомков юаньских императоров, что при нем ойраты были объединены в одном феодальном владении, которое разделилось лишь после его смерти, что борьба ойратов против восточных монголов началась далеко не сразу после свержения Юаньской династии.

Отказавшись подчиняться общемонгольским ханам, ойраты прочно обосновались на западе Монголии и с начала XV в. стали проводить самостоятельную внешнюю политику. Монгольские источники ничего не говорят об этом, но данные «Мин ши» свидетельствуют, что ойратские правители в этот период стремились установить добрососедские отношения с Минской династией. Такая политика диктовалась общей внутренней и внешней обстановкой в Западной Монголии. Традиционные торговые связи Монголии с Китаем были прерваны после изгнания монгольских завоевателей и начала военных действий между Минской династией и монгольскими ханами. Восстановление торговли с Китаем было жизненной необходимостью для ойратских правителей. Добиться этой цели они могли либо мирным, либо военным путем. Ойраты предпочли решить задачу мирно. Следует при этом отметить, что для ойратских князей военный путь решения задачи был в начале XV в. затруднен развернувшейся на западных рубежах их владений борьбой против могулистанских ханов, с конца XIV в. укрепившихся в Восточном Туркестане, в районах между р. Или, Болором и Куньлуном. «Мин ши» содержит многочисленные упоминания об ойратских посольствах, прибывших ко двору минского императора. Не приходится сомневаться, что эти посольства были не только и, пожалуй, не столько дипломатическими миссиями, сколько купеческими караванами. Забегая вперед, скажем, что так было не только в начале XV в., но и позже, вплоть до XVIII в. Посылка караванов свидетельствовала об объективно-экономической заинтересованности ойратов, так же как и восточных монголов и всех

вообще кочевых скотоводческих народов, в налаженном торговом обмене с их оседлыми земледельческими соседями.

В это время владения ойратских феодалов располагались на сравнительно небольшой территории, ограниченной западными склонами Хангайских гор на востоке, песками Гоби на юге, Могулистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере. Таким образом, ойратские владения оказались со всех сторон окруженными кочевыми скотоводческими ханствами и княжествами, широкой полосой отделившими их от оседлых земледельческих стран и народов.

В этих условиях Китай действительно был единственно возможным рынком сбыта излишков скотоводческой продукции ойратов и источником снабжения продуктами земледелия и ремесленного производства. Мирный торговый обмен с Китаем облегчался еще и тем, что минские императоры, как свидетельствует «Мин ши», в начале XV в. стремились заручиться поддержкой ойратских правителей в связи с борьбой за престол, начавшейся после смерти Чжу Юаньчжана (1399 г.), и пытались использовать ойратов для борьбы против восточномонгольских ханов, представлявших в это время главную опасность для молодой Минской династии.

На западе, как мы видели, дорогу к рынкам оседлых земледельческих народов Средней Азии преграждали ойратам земли Могулистана⁵.

Вооруженная борьба ойратских феодалов против Могулистана, безусловно, началась раньше, чем борьба против Китая. Тюркоязычные источники сообщают, что нападения ойратов на Могулистан происходили еще в конце XIV в., но тогда они успеха, по-видимому, не имели, ибо в то время правитель Могулистана Туглук-Тимур-хан полностью овладел всей территорией от Или до Болора и Куньлуна. Правда, в 1408 г. ойраты заняли Бешбалык, но это не привело к окончанию могулистано-ойратской борьбы, которая тянулась с переменным успехом в течение всего XV и начала XVI в. [34, с. 72]. Экономической основой вооруженных конфликтов между ойратскими и могулистанскими феодалами являлась борьба за торговые пути, за выход к рынкам сбыта и источникам снабжения ойратов. При этом играли роль и такие факторы, как стремление феодалов обеих сторон расширить сферу феодальной эксплуатации путем увеличения подвластной им территории и числа подданных, захватить военную добычу и т. д. Монгольские, китайские, тюркоязычные, а с начала XVII в. и русские источники содержат множество данных, свидетельствующих о том большом значении, которое имели эти факторы в военной истории монголов в послеюаньский период, в междоусобной борьбе феодалов, нападавших на пограничные районы Китая, России и т. д. Но факты тем не менее убедительно свидетельствуют, что главную роль во внешней политике монгольских феодалов играла борьба за пути к рынкам сбыта и источникам снабжения, за возможность бесперебойного обмена между кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами и ремесленниками.

В годы правления Вэйс (Увэйс)-хана (1418—1429) между ойратами и Могулистаном шла непрерывная вооруженная борьба. В 1422 г. Вэйс-хан занял Турфанский оазис, расположенный к югу от ойратских кочевий, и перенес в г. Турфан столицу Могулистана. Интересно отметить, что в том же году ойраты напали на Хами. Не исключено, что это было не случайным совпадением, а отражало борьбу за господство над торговыми путями между ойратскими и могулистанскими феодалами⁶. В. Бартольд, ссылаясь на «Тарих-и-Рашиди», сообщает, что за годы своего правления Вэйс-хан дал 61 сражение ойратам, победив лишь однажды. В 1425 г. в Могулистан вторгся с севера Улугбек, внук знаменитого Тимура, располагавшийся со своей армией в зимние месяцы в горах Юлдуза, в непосредственном соседстве с южными и западными рубежами ойратских кочевий [34, с. 73].

Каковы были в рассматриваемое время отношения ойратских правителей с их ближайшими соседями — восточномонгольскими ханами и князьями?

Известные нам монгольские источники, к сожалению, не богаты фактическими данными, на основании которых можно было бы проследить ход событий в Восточной и Западной Монголии после убийства Эльбек-хана и развитие взаимоотношений между правителями обеих частей страны.

Автор «Алтан Тобчи» впервые упоминает об ойратах, лишь описывая годы правления Адая (1435—1449)⁷. «С давнишней ненавистью к ойратам, — говорится в „Алтан Тобчи“, — Адай-хан собрал своих монголов и предпринял поход против них» [9, с. 58; 156, с. 71]. Перед сражением состоялся поединок двух богатырей — подданного Адай-хана, Шигустэй-багатур-нойона, и ойрата Гуйличи-багатура. Заслуживает внимания указание источника, что оба богатыря были давнишними друзьями, побратимами, задолго до сражения условившимися встретиться в поединке в случае войны ойратов с восточными монголами. После поединка произошло сражение, закончившееся поражением ойратов, гибелью сына Хутхай-Тафу, Батулы-чинсанга, пленением его жены и сына Тогона. Заканчивая рассказ об этом сражении, «Алтан Тобчи» делает вывод: «Вот каким образом владычество ойратов перешло к монголам» [9, с. 59; 156, с. 72]. Вскоре, однако, Адай-хан по просьбе ставшей его женой матери Тогона отпустил знатного пленника с почетом на родину, дав ему в сопровождение двух специальных послов. «Лишь только Тогон-тайши прибыл, как собрались ойраты, угулеты, багатуты и хойхаты — дурбэн-тумен» [9, с. 61; 156, с. 73]. Вскоре Тогон-тайши убил Адай-хана. «Вот каким образом, — заключает „Алтан Тобчи“, — власть над монголами была захвачена ойратами» [9, с. 63; 156, с. 74].

«Шара Туджи» несколько иначе излагает ход событий. Автор этого источника сообщает, что Батула-чинсанг был убит не в бою с восточными монголами, руководимыми Адай-ханом, а пал от руки своего брата Угэчи-хашиги в год смерти Дельбек-хана, т. е. в 1420 г. Сам Угэчи-хашига в том же году умер. Вскоре Адай-хан

выступил против ойратов, среди которых начались усобицы, нанес им поражение, взял в плен сына Батула-чинсанга, Бахаму, и назвал его Тогоном. Через некоторое время Тогон освободился из плена и со своими дэрбэн-ойратами напал на Адай-хана и убил его [150, с. 62]. Описанный выше поединок между восточномонгольскими и ойратскими богатырями, по сообщению «Шара Туджи», произошел не в это время, а значительно позже, при хане Дайсуне.

Что касается «Эрдэнийн Тобчи», то автор этой летописи почти полностью, иногда текстуально, воспроизводит рассказ «Шара Туджи». У него, однако, имеется интересное указание на тот факт, что Адай-хана связывала тесная дружба с двумя ойратскими юношами — Саймучином и Салмучином, которым Адай-хан оказывал исключительное доверие [172, с. 127].

Итак, три монгольских источника упоминают об ойратах лишь в связи с событиями 1425—1438 гг., когда между восточными монголами и ойратами произошло сражение, которому, как рассказывает «Алтан Тобчи», предшествовал поединок богатырей-побратимов. Это служит новым подтверждением того, что у восточных и западных монголов существовали тесные связи, о чем свидетельствует обычай побратимства. Следует отметить, что «Алтан Тобчи» здесь впервые называет ойратские тумыны (ойрат, огулет, багатут и хойхат — по тексту Гомбоева и только багатут — по тексту Боудэна). Переход власти от ойратов к восточным монголам и обратно автор «Алтан Тобчи» связывает непосредственно с исходом тех или иных сражений между ними.

Сведения «Мин ши» о событиях первой четверти XV в. в одних случаях уточняют и дополняют данные монгольских источников, в других — расходятся с ними. Согласно «Мин ши», в 1400 г. власть в Восточной Монголии была в руках Гун-Тэмура, старшего сына Эльбек-хана. В 1402 г. Гун-Тэмура сменил Гуйличи, царствовавший до 1408 г., затем ханом стал Бэнь-я-ши-ли. Вооруженные столкновения между ойратами (которые именно в это время впервые упоминаются в «Мин ши») и восточными монголами начались еще при хане Гуйличи, т. е. в 1402—1408 гг. В 1409 г. император Чжу Ди наградил почетными титулами и ценными дарами трех ойратских правителей, уделив особое внимание Махаму. Вскоре ойраты совершили очередное нападение на восточных монголов, а в 1412 г. убили Бэнь-я-ши-ли и возвели на престол Дельбек-хана. В 1413 г. главный ойратский правитель Махаму, недовольный установлением мирных отношений между восточными монголами и Минской династией, начал военные действия против Китая, но в 1414 г. потерпел поражение. Неудачно для ойратов закончились также бои с восточными монголами, начавшиеся вскоре после событий 1413—1414 гг. В этих условиях Махаму начал переговоры о мире, направив в Пекин послов и дань. Переговоры затянулись. Тем временем Махаму умер. В 1418 г. в Пекин прибыли послы, отправленные уже сыном Махаму — Тогоном. Тогон просил китайского императора пожаловать ему те почетные титулы, которых

был удостоен его покойный отец. Пекин удовлетворил просьбу Тогона. До 1422 г. он не тревожил китайские рубежи⁸.

Нам представляется наиболее существенным расхождение «Мин ши» с данными монгольских источников о времени, когда началась вооруженная борьба ойратов с восточными монголами. «Мин ши» считает, что это произошло в годы правления Гуйличи, т. е. в первом десятилетии XV в., а монгольские источники единодушно относят начало боев к третьему десятилетию XV в. Мы склонны думать, что в этом вопросе монгольские источники ближе к истине. Трудно представить, чтобы авторы трех монгольских летописей, выходцы из среды восточномонгольской знати, ни словом не обмолвились о многочисленных сражениях, происходивших между их предками и ойратами в течение почти двух десятилетий, если бы эти сражения действительно имели место. Следует отметить и то, что Минская династия встретила ойратов лишь после смерти Эльбек-хана, т. е. не ранее начала первого десятилетия XV в. Более чем вероятно, что ее первые сведения об ойратах были неточными.

Очередное упоминание об ойратах мы находим в «Алтан Тобчи», когда речь идет о правлении Дайсун-хана, пришедшего к власти после смерти Адай-хана. «Алтан Тобчи» повествует, что Дайсун-хан и его брат Накбарджи-джинонг условились с ойратами сойтись для битвы в местности Минган-хара. Когда восточные монголы прибыли в указанное место, то увидели, что ойраты уже ожидают их. Ойратское войско возглавлял сын Тогона — Эсен-тайджи. Ойраты напали на восточных монголов, но последние пожелали начать с ними переговоры о мире [9, с. 63; 156, с. 74]. Мир, видимо, был заключен, ибо автор «Алтан Тобчи» утверждает, что ойраты покинули поле сражения и последующие события развернулись уже после их ухода [9, с. 64; 156, с. 75]. Вскоре между Дайсун-ханом и его братом Накбарджи-джинонгом начались распри из-за отказа последнего вернуть одного из подданных, убежавшего от хана к джинонгу с конем и полным вооружением. Стремясь отделиться от брата и объединиться с ойратами, джинонг отправил к ним послов с извещением о своем решении [9, с. 65; 156, с. 75]. Выслушав послов, ойратские князья устроили совет, который решил предложить джинонгу стать ханом, а пост джинонга, т. е. соправителя, отдать им, ойратам. При этом условии они соглашались объединиться с джинонгом [9, с. 65; 156, с. 76]. Он принял предложение, откочевал от восточных монголов и соединился с ойратами. Вскоре объединенные силы ойратов и джинонга выступили в поход против Дайсун-хана. Последний не принял боя и бежал на Керулен, где был на 15-м году правления убит своим тестем.

Через некоторое время ойратские князья стали напоминать джинонгу о заключенном между ними соглашении, в соответствии с которым он должен был занять ханский трон, а титул джинонга передать Эсен-тайджи, сыну Тогона [9, с. 68; 156, с. 78]. Что ответил Накбарджи-джинонг на упомянутое обращение ойратских

князей, не вполне ясно. «Алтан Тобчи» говорит о пиршестве, устроенном ойратами, во время которого Накбарджи и все восточномонгольские сановники, пришедшие с ним, были убиты. «Шара Туджи» и «Эрдэнийн Тобчи», так же как и «Алтан Тобчи», рассказывают о конфликте Накбарджи-джинонга с его братом Дайсун-ханом, об отделении первого от второго, о соединении с ойратами, об их совместном походе против Дайсун-хана, об убийстве последнего и о гибели самого Накбарджи (см., например, [150, с. 64—65]). Оба источника повествуют о поединке двух богатейшей, который «Алтан Тобчи» относит, как мы видели, к более раннему периоду — к войне ойратов против Адай-хана.

В «Мин ши» Дайсун-хан, пришедший к власти в 1439 г., именуется То-то-бу-хуа. В этом источнике содержится мало сведений о событиях ойратской истории того времени. Он сообщает только, что в 1422 г. ойраты совершили первый вооруженный набег в пределы Китая, разграбив район Хами, но что немедленно после этого они направили в Пекин специальное посольство с извинениями по поводу происшествия. Через год, т. е. в 1423 г., руководимые Тогоном, они нанесли поражение восточным монголам под командованием Алутая, которого ойраты в 1434 г. убили [158, с. 165].

Сопоставляя данные источников о событиях третьего и четвертого десятилетий XV в., мы можем утверждать, что и в этот период взаимоотношения ойратов и восточных монголов отнюдь не сводились только к вооруженной борьбе; в мирное время у них развивались разносторонние, иногда довольно тесные связи: взаимные браки, побратимство, политическое и военное сотрудничество. Заслуживает внимания указание автора «Алтан Тобчи», что восточномонгольский Шигустэй-багатур, который нанес в единоборстве поражение ойратскому Гуйлинчи-багатуру, в дальнейшем оказался на службе у ойратских правителей [9, с. 73; 156, с. 81]. Что касается взаимоотношений ойратов и Китая, то и здесь в рассматриваемый отрезок времени продолжала преобладать тенденция развития мирной торговли, нарушавшаяся изредка и на короткое время конфликтами местного значения вроде ойратского набега на Хами. Основная вооруженная борьба ойратов в 30-х и 40-х годах XV в. проходила не на востоке, не в направлении Восточной Монголии и Китая, а на западе, в направлении Могулистана.

Особое место в истории ойратов середины XV в. занимают годы правления Эсена, сына Тогона. Все источники уделяют ему много внимания. Унаследовав от отца власть первого правителя ойратских владений, Эсен продолжал отцовскую политику укрепления централизованной власти, добываясь от местных владетельных князей безоговорочного подчинения. Факты, сообщаемые «Алтан Тобчи», свидетельствуют о стремлении Эсена распространить власть за пределы ойратских владений и стать повелителем всей Монголии. Для этого он систематически истреблял тех представителей восточномонгольской знати, которые противились или могли воспротивиться реализации его властолюбивых планов. Так, по данным «Алтан Тобчи», были убиты Шигустэй-багатур, монголь-

ский хан Мункэ, предпринята попытка убить Харгацуг-тайджи (одного из соратников упоминавшегося выше Накбарджи-джинонга), а также новорожденного сына Харгацуга и др. Сообщив об убийстве Мункэ, «Алтан Тобчи» заключает: «Вот как владычество монголов перешло к ойратам».

В дальнейшем Эсен пошел войной против Китая. «Взяв монголов и ойратов, — продолжает „Алтан Тобчи“, — он отправился против трех туменов усунских дзурчитов, которых и победил... Когда Эсен-тайджи, покорив дзурчитов, возвращался домой, китайский Джинтей-хан, направлявшийся с войсками в Монголию, встретился с ним... Эсен-тайджи напал на них и разбил» [9, с. 76; 156, с. 83]. Как известно, в результате этого сражения в руки Эсена попал император минского Китая Чжу Цичжэнь (1436—1450).

Вслед за этим знатнейшие ойраты Алак-Тэмур-чинсанг из Западной Джунгарии и Хатун-Тэмур из Восточной Джунгарии предложили Эсену занять трон хана, а титул тайджи отдать им. Эсен отклонил это предложение под тем предлогом, что звание тайджи он уже отдал своему сыну. Недовольные его отказом, ойратские сановники составили заговор, напали на Эсена, нанесли ему поражение и принудили к бегству. Вскоре, рассказывается в «Алтан Тобчи», он был пойман и убит.

«Шара Туджи», в свою очередь, весьма подробно описывает скитания Харгацуг-тайджи, бежавшего из Монголии и обосновавшегося у токмакского Ак-Мункэ-Баяна, где он был убит. Столь же подробно рассказывает автор «Шара Туджи» о том, как по приказанию Эсена пытались убить новорожденного сына Харгацуга, как его спасла от смерти мать младенца Сэцэг-байджи, дочь Эсена, с помощью преданных людей, в том числе и ойратского латника Ухидэй-дайбу. Но «Шара Туджи» ни слова не говорит о военных предприятиях Эсена, о его походе на Токмак и против дзурчитов, о войне с Китаем, о пленении императора Чжу Цичжэня. «Шара Туджи» заканчивает свой рассказ об Эсене эпизодом о том, как Алак и Чинсан из ойратского правого крыла напали на Эсена, заставили его бежать. Затем Эсен был убит восточным монголом по имени Баху [150, с. 65—68].

Саган-Сэцэн, автор «Эрдэнийн Тобчи», не вносит ничего нового в историю Эсена по сравнению с летописью «Алтан Тобчи», рассказ которой о военных походах Эсена он с большой точностью воспроизводит. Из «Шара Туджи» Саган-Сэцэн взял изложение истории спасения малолетнего сына Харгацуг-тайджи.

Много важного и интересного сообщает нам «Мин ши». Этот источник прослеживает процесс сосредоточения власти в руках Тогона и особенно в руках его сына Эсена. Оба они, хотя и не были формально ханами и выполняли лишь роль первого министра при потомке Чингисхана, фактически все более оттесняли ханов, превращая их в номинальных правителей Монголии. Реальным носителем власти был уже Тогон, но в гораздо большей степени им стал Эсен, который впоследствии был уже единовластным правителем.

Много места «Мин ши» уделяет походу Эсена против Китая, завершившемуся пленением императора. Этому походу предшествовали годы постепенного усиления ойратских правителей и обретения ими все большей независимости. «Поведение Эсена по отношению к китайскому двору никогда не отличалось особенной обходительностью, но в прежнее время он соблюдал, по крайней мере, некоторые формулы приличия; так, посланцы его приходили с данью лишь в определенные сроки, и число их было ограничено 80 человеками, теперь же они стали являться целыми толчищами, и численность их доходила до 2000 и более человек» [126, с. 64].

Подобные посольства причиняли немало беспокойства минскому Китаю и его правительству. Они прибывали в Пекин из всех районов Монголии в разное время и в весьма многочисленном составе, приводя с собой скот и требуя за него соответствующих даров. Авторы «Мин ши» жалуются, в частности, на урянхайских монголов, которые одно время стали посылать столь частые и многочисленные посольства, что вынудили императора издать специальный указ, требовавший, чтобы посольства прибывали «лишь в особо торжественных случаях или же при неотложной надобности и должны были состоять из 3—5 человек» [126, с. 62]. Но такие ограничения не устраивали кочевых соседей Китая, особенно их богатую и знатную верхушку, и толкали их на путь вооруженных вторжений.

Так действовал и Эсен, причем его претензии к Китаю увеличивались по мере роста его могущества. «Мин ши» рассказывает: «Нуждаясь при своих постоянных перекочевках в запасном провианте, он послал требование о присылке его пограничным китайским властям» [126, с. 64]. В 1448 г. Эсен отправил в Пекин посольство, состоявшее из 3 тыс. человек. Китайские власти его не приняли. Тогда Эсен выступил в 1449 г. в поход против Китая⁹.

Важно отметить, что То-то-бу-хуа (Дайсун-хан), если верить «Мин ши», был против этого похода. По сообщению китайских хронистов, хан заявил Эсену: «Все — наша одежда и пища даны нам великими минцами, как же можно выказать им такую черную неблагодарность?» [126, с. 65]. В этих словах мы видим признание того факта, что монгольская экономика находилась в большой зависимости от китайского земледелия и ремесленного производства, что война с Китаем могла лишь ухудшить экономическое положение монгольских феодалов.

В 1450 г. по инициативе Эсена начались переговоры о мире между монголами и китайским правительством. Ход этих переговоров в изложении «Мин ши» представляет исключительный интерес, раскрывая истинную подоплеку войны. Китайский посол Яншань говорил Эсену: «Вы, тайши, посылали по два раза в год посольство с данью; число посланцев ваших доходило до трех тысяч человек, и все они были награждаемы несметным количеством золота и шелковых материй; каким же образом могли вы выказать столь черную неблагодарность?» Эсен на это ответил: «Зачем же вы уменьшили цены на лошадей и зачем часто отпускали негод-

ный, порченный шелк? Кроме того, многие из моих посланцев пропадали без вести и вовсе не возвращались домой, и вы ежегодно уменьшали отпускаемые им награды». Отстаивая свои позиции, китайский посол Яншань сказал: «Не мы виноваты в том, что приходилось давать вам менее, чем следовало, за лошадей, а вы же сами, так как с каждым годом вы приводили их все больше и больше. Мы не желали отклонять ваших приношений, но не имели возможности уплачивать за все полностью, а потому поневоле должны были уменьшить цену. Что же касается того, что вам часто отпускали порченный шелк, то в этом виноваты казенные поставщики... Ведь нельзя же винить вас самих, тайши, если иногда среди поставляемых вами лошадей попадали никуда не годные клячи» [126, с. 76].

Приведенный диалог дает достаточно ясное представление об организации торговли Китая с его кочевыми соседями, о решающем значении торгового обмена во взаимоотношениях Монголии и Китая, об отношениях между покупающей и продающей сторонами. Речи Яншаня позволяют заключить, что тогдашний китайский рынок не мог поглотить ежегодно увеличивавшееся количество скота, пригонявшегося в Китай из Монголии¹⁰. А так как Китай был в это время единственно возможным для Монголии рынком, то недостаточная его емкость не могла не оказывать влияние на внутреннюю жизнь ойратского общества и на внешнюю политику его господствующего класса.

2. Внутреннее и внешнее положение Западной Монголии во второй половине XV — первой половине XVI в.

Правление Эсен-хана является важной вехой в истории Монголии. Опираясь на мощь объединенных под его властью ойратов, он выступил в роли объединителя всей страны, подавляя силой сопротивление противников. В основе его политики, разумеется, лежали своекорыстные интересы окружавшей его феодальной верхушки, стремившейся к расширению сферы феодальной эксплуатации, к умножению своих богатств за счет грабежа соседей, к созданию наиболее выгодных условий торговли с Китаем и другими земледельческими странами. Но объективно деятельность Эсен-хана независимо от его субъективных планов и стремлений соответствовала интересам развития Монголии, ибо преодоление феодальной раздробленности и создание объединенного монгольского государства с достаточно сильной центральной властью было важнейшим условием и предпосылкой развития. И ему удалось на какое-то время создать такое объединенное государство, однако недолговечное и распавшееся немедленно после его смерти.

Бурные события периода правления Эсен-хана, когда политический центр Монголии переместился с востока на запад, в ставки ойратских князей, привлекали внимание русских и зарубежных исследователей. Большая часть этих ученых, как мы уже говорили,

приписывала Эсен-хану стремление восстановить империю, подобную чингисхановой, и искала причины борьбы ойратов с восточными монголами не в противоречиях экономических и политических интересов их феодальных верхушек, а в различиях их психологии, рассматривая эту борьбу как každодневную и непримиримую, исключая какую-либо сотрудничество, компромиссы¹¹. Нам представляется, что приведенные выше материалы и данные источников убедительно опровергают эти утверждения.

Большинство русских и зарубежных исследователей обычно отмечали, что со смертью Эсена закончился период ойратской гегемонии в Монголии.

Н. Бичурин, например, писал, что со смертью этого ойратского деятеля умерло и могущество ойратов, закончился «первый, хотя краткий, но блистательнейший период Чжунгарского ойратства. С падением Эсена ойраты не в силах были поддержать своего влияния на Монголию; они принуждены были отказаться от участия в общих делах целого народа и ограничить круг действий своих пределами собственных владений. По сей причине внутренние происшествия их от Эсена до Хара-хулы, в продолжение 150 лет, малоизвестны» [77, с. 21—22]. По мнению Н. Бичурина, период в полтора столетия «ойраты провели в отдохновении после бурного потрошения могущества своего. Посему-то с половины XV до XVII века история их почти ничего в себе не содержит, кроме имен некоторых ханов и владельцев поколений — без означения даже лет их царствования» [77, с. 23].

Известный русский востоковед В. Григорьев утверждал, что после блестящего периода Эсена ойраты (он их называл калмыками) в течение 150 лет, т. е. до самого конца XVI в., не участвовали в делах остальной Монголии [63, с. 76].

В. Успенский, как и Н. Бичурин, называл первую половину XV в. героическим периодом истории ойратов, закончившимся со смертью Эсена, после чего центр общемонгольской жизни переместился на юг, в районы Чахара, куда была перенесена и ставка хана Монголии [147, с. 153].

Г. Грум-Гржимайло, обобщая историю восточных монголов и ойратов послесенювского периода, писал: «Непрочность ханского престола сопровождалась процессом децентрализации власти, усилением родовых старшин и распадением монгольских племен. Такого распада не избежали даже ойраты: часть их ушла на р. Гань-Гань, имея во главе сына Эсена Хорхудая, часть же откочевала в Хами»¹² [64, с. 79]. В другой работе Г. Грум-Гржимайло отмечал: «Со смертью Эсена кончилось на время и политическое могущество ойратов; на сцену вновь выступили восточные монголы, которым удалось свергнуть ненавистное иго, наложенное на них Тогоном» [65, т. 2, с. 588].

Аналогичным было мнение исследователя истории и этнографии калмыков А. Попова. «Чжунгарцы, — писал он, — еще в половине XV столетия, по падении дома Чоросского, разъединившись с восточными монголами, начали жить своей внутренней жизнью, не-

зависимо от своих единоплеменников. Они не принимали тогда никакого участия в войнах между Китаем и халхасцами; им нужен был отдых после сильных потрясений, которые непрерывно одни за другими следовали и наконец со смертью Эсена (1452) нанесли роковой удар их могуществу. В этот промежуток времени, продолжавшийся около 150 лет, они, удалившись от шума военного, вступили в торговые отношения с подвластными им восточными туркестанцами» [127, с. 42].

А. Позднеев, в свою очередь, писал: «Находясь под управлением чингис-ханидов, ойраты были ничтожны до тех пор, пока в половине XV в. в среде их не появился предприимчивый и деятельный Эсень... Со смертью Эсена этот короткий, но блистательнейший период жизни ойратов кончился: они снова раздробились на отдельные поколения, снова сделались бездеятельны и незначительны. Так прошло полтора столетия, пока в начале XVII в. не явились у них новые предводители» [119, с. 142].

Г. Ховорс, подобно русским востоковедам старой школы, также утверждал, что со смертью Эсена кончился героический период истории западных монголов [165, с. 609].

Таким образом, с полной ясностью вырисовываются общие и наиболее характерные взгляды старой русской и зарубежной литературы на историю ойратов второй половины XV — первой половины XVI в.: чрезмерное преувеличение личности Эсен-хана, которого рассматривали чуть ли не единоличным творцом ойратской истории того времени, а также роли и значения вооруженной борьбы между ойратами и восточными монголами, изображение ее как непрерывной, непримиримой, имевшей якобы главной целью установление господства первых над вторыми; неправомерное противопоставление эсеновского периода ойратской истории послесеновскому. Первый характеризовался как героический, второй — как исторически пустой и бессодержательный, как период «отдыхновения» от бурных событий первого периода; поверхностно анализировались и обобщались факты; подлинные причинно-следственные связи не были раскрыты.

Как же в действительности развивалась история ойратских феодальных владений после крушения державы Эсен-хана? Попытаемся ответить на этот вопрос.

«Алтан Тобчи» рассказывает, что после смерти Эсена на ханский трон был посажен семилетний сын Дайсун-хана, Молон, которого сменил Мандугули, Мандугули умер в 1467 г., и престол перешел к Баян-Мункэ-Болхо-джинонгу, матерью которого была одна из жен Мандугули, дочь ойратского Бэгэрсэн-тайши. После смерти хана правительницей Монголии стала знаменитая Мантухай-сайн-хатун, энергично боровшаяся за объединение монгольских земель. Война против ойратов еще не закончилась, когда на ханский трон был посажен семилетний Бату-Мункэ, вошедший в историю под именем Даян-хана. В годы его правления завершилось начатое Мантухай-сайн-хатун объединение всей Монголии. Он подчинил своей власти не только всех восточномонгольских, но и ойратских

князей. Последние верой и правдой служили Даян-хану в течение всех лет его правления. Автор «Алтан Тобчи», рассказывая о походе Даян-хана против туметов, сообщает, что среди влиятельных военачальников находился ойратский полководец Сегус, сыгравший важную роль в успешном исходе этой кампании. Он удачно выбрал место предстоящего сражения [9, с. 104; 156, с. 102]. Оно закончилось крупной победой Даян-хана, который щедро награждал участников похода, в том числе и Сегуса, издав указ об освобождении его и его потомков от податей и повинностей [9, с. 105; 156, с. 103].

Таковы данные «Алтан Тобчи» о послесеновском периоде ойратской истории, которую этот источник прослеживает до начала второй половины XVI в. О дальнейших событиях ойратской истории «Алтан Тобчи» не рассказывает. Хроника ограничивается туманным сообщением о покорении ойратов туметским Алтан-ханом, не указывая ни времени, ни места, ни других обстоятельств, связанных с этим событием.

«Шара Туджи» излагает события несколько иначе. По данным этого источника, ханом Монголии после смерти Эсена стал Мэргус, сын Дайсун-хана, возведенный на престол своей матерью Самор-Дайху. Он правил под именем Угэту-хана. Воцарению Мэргуса предшествовал поход против ойратов, организованный его воинственной матерью. Ойраты потерпели серьезное поражение. Вернувшись из похода, Самор-Дайху возвела своего малолетнего сына на ханский трон. Но через год он был убит. Его заменил Молон-хан, который через два года тоже был убит, и престол занял его дядя Мандугули, матерью которого была ойратская княгиня, жена восточномонгольского Ачай-тайджи. У Мандугули был сопративитель — его племянник Баян-Мункэ-Болхо-джинонг, сын Харгацуг-тайджи и дочери Эсена, которого, как об этом говорилось выше, в младенческом возрасте пытался убить Эсен. Баян-Мункэ-Болхо-джинонг избежал смерти благодаря помощи четырех сановников, доставивших его в Восточную Монголию к Мандугули. Последний щедро награждал лиц, участвовавших в спасении ребенка, в том числе ойратского латника Ухидэй-дайбу, пожаловав им привилегии дарханов.

Сыном Баян-Мункэ-Болхо-джинонга был Бату-Мункэ, родившийся в 1464 г. Когда Бату-Мункэ исполнилось семь лет, его женой стала Мантухай-сайн-хатун. В 1470 г. она возвела мужа на ханский трон, затем выступила в поход против ойратов и подчинила их власти Бату-Мункэ-Даян-хана, навязав при этом ряд законов и правил, подчеркивавших их неравноправие и зависимость от всемонгольского хана [150, с. 72]. Даян-хан умер в 1543 г., после непрерывного 74-летнего управления страной.

Автор «Шара Туджи», как мы видим, не подтверждает сведений «Алтан Тобчи» о деятельности ойратского военачальника Сегуса и даже не упоминает его имени, но более подробно излагает события, предшествовавшие воцарению Даян-хана. Что касается «Эрдэнийн Тобчи», то его автор в основном и главным повторяет

«Шара Туджи», не внося в изложение истории ойратов второй половины XV в. ничего нового.

Таковы сведения монгольских источников об ойратах в послеэсеновское время. Несмотря на их скудость, ясно, что взаимоотношения ойратских и восточномонгольских феодалов в указанное время существенно и принципиально не отличались от взаимоотношений в первые десятилетия XV в. В течение почти столетия после Эсена, как и до него, связи между восточными и западными монголами были достаточно тесными и разносторонними. Вооруженные конфликты, как и раньше, перемежались периодами сотрудничества и дружбы, брачными союзами. Отметим, кстати, что Даян-хан, последний общепризнанный всемонгольский хан, был правнуком Эсен-хана ойратского. В рассмотренных нами монгольских источниках нет ничего, что могло бы подтвердить позицию тех исследователей, которые видели во взаимоотношениях восточных и западных монголов второй половины XV в., как и в первой, одну лишь непримиримую вражду, взаимную ненависть и т. п.¹³

Летопись Минской династии дает возможность более ясно представить общую обстановку, сложившуюся в Монголии после смерти Эсен-хана. «Мин ши» отмечает, что с 60-х годов XV в. правители местных феодальных владений в Монголии были разобщены и независимы [126, с. 89]. В этом замечании нельзя не видеть отражение тех глубоких социально-экономических сдвигов, которые происходили в стране, в первую очередь дальнейшее усиление экономических и политических позиций местных владетельных князей, становившихся единственными и наследственными собственниками своих земельных угодий. На этой основе усиливалось их сопротивление централизаторским устремлениям ханов, углублялась феодальная раздробленность. Каждый владетельный князь проводил свою внутреннюю и внешнюю политику, одной, общей для всей Монголии политики не существовало. Именно это, на наш взгляд, имеет в виду «Мин ши», говоря как о новом явлении о независимости каждого монгольского местного правителя от других таких же правителей.

Но общим и наиболее важным в политике всех монгольских князей по отношению к Китаю по-прежнему оставался вопрос об условиях торговли и о рынках вообще. Решение его наталкивалось, как и раньше, на трудности, связанные с ограниченной емкостью китайского рынка, спрос которого не покрывал непрерывно возрастающего предложения монголами скота и продуктов скотоводства. Д. Покотилов, комментируя соответствующие сведения «Мин ши», писал: «Уже ранее, т. е. в начале XV в., были устроены в пределах военных поселений рынки, на которые местные монголы могли приводить своих лошадей и получать от китайцев необходимые для них предметы, как-то: хлеб, одежды и разную утварь. Торг этот был не вольный, а носил униженный для китайцев характер, так как они обязывались принимать лошадей по известной, заранее определенной цене, причем оценка делалась чрезвычайно высокая, двойная и даже тройная против того, что лошади

действительно стоили... рынки эти открывались правителями Средней империи каждый раз по принуждению, причем открытие их ставилось монголами в виде необходимого условия мира». В этой же связи Д. Покотилов сообщал об указе императора Чжу Чжанцзи, изданном в 1429 г., в котором прямо говорилось, что «учреждение рынков в Восточной Монголии делалось исключительно с благотворительной целью, дабы кочевники не нуждались в предметах первой необходимости» [126, с. 108—109].

«Мин ши» сообщает, что после смерти Эсена в Монголии выдвинулся сановник Болай, начавший переговоры о мире с правительством Китая и добивавшийся от него признания прав монгольских князей регулярно посылать в Пекин посольства определенной численности и по определенному, выгодному для монголов маршруту¹⁴. Что же касается ойратов, то они, по сообщению «Мин ши», в течение некоторого времени после смерти Эсена продолжали самостоятельные связи с Китаем, направляя туда посольства и торговые караваны. «С возрастанием же могущества Болая они были отрезаны от Средней империи сплошной стеной восточных монголов, с которыми у них происходили неоднократные столкновения» [126, с. 91].

Вполне возможно, что авторы «Мин ши» имеют в виду столкновения, происходившие после смерти Эсена и до укрепления власти Даян-хана, о которых упоминают монгольские источники. Именно в это время началось перемещение центра монгольской политической жизни с берегов Толы, Орхона и Керулена на юг, в районы Чахара, куда была перенесена и ставка всемонгольского хана. Одновременно с этим началось проникновение восточных монголов в степные районы Ордоса и Кукунора, ставшие в дальнейшем местом их постоянного обитания¹⁵. В результате западные монголы оказались совершенно отрезанными от рынков Китая, что не могло не вызвать с их стороны попытки обеспечить себе свободный доступ на восток. Но в этой борьбе ойраты потерпели поражение. Их связи с Китаем на полтора-два столетия полностью прервались. Вот почему китайские источники времен Минской династии прослеживают историю ойратов лишь до 70-х годов XV в. О событиях XVI и трех четвертей XVII в. мы в этих источниках, равно как и в источниках, относящихся к началу правления Цинской династии, не находим никаких сведений.

Таким образом, сначала прервали повествование об ойратах монгольские летописцы, а потом и китайские. В нашем распоряжении остались лишь тюркоязычные источники. Для периода, охватывающего вторую половину XV и первую половину XVI в., эти источники являются единственными в какой-то мере заполняющими разрыв, явившийся следствием того, что старые монгольские и китайские источники закончили, а новые — монгольские, китайские, ойратские, калмыцкие и русские — еще не начали фиксировать события ойратской истории. Тюркоязычная литература убедительно свидетельствует об ошибочности позиции Н. Бичурина и других исследователей, утверждавших, что в послеэсеновское вре-

мя ойраты сошли с исторической арены, перестали играть активную роль в истории и канули в безвестность. В действительности изменилось лишь направление их внешнеполитической активности. Отрезанные от Китая, потерпевшие поражение в борьбе за выходы на восток, ойраты стали весьма активной силой на западе и севере, в Восточном Туркестане, степях Дешт-и-Кипчака и Средней Азии и оказали значительное влияние на сложные исторические события, происходившие в этом районе.

Важнейшие из событий того времени были связаны с завершением процессов формирования узбекского и казахского народов, боровшихся за создание и укрепление своей государственности, за развитие культуры и экономики против династии джагатаидов, еще державшей в своих руках Мавераннахр и Могулистан, где оазисы старинной земледельческой культуры сосуществовали с кочевым скотоводческим хозяйством степей. Внешним проявлением указанных исторических процессов была сложная борьба за свержение одних и утверждение других правителей и династических групп, за господство над торговыми путями, за обладание важными экономическими и культурными центрами.

В середине XV в. в Дешт-и-Кипчаке резко обострилась династическая борьба. Побежденные бежали на северо-восток, к границам Могулистана, правители которого оказали им поддержку и отдали во владение Чуйскую и Таласскую долины. Там в 60-х годах XV в. была заложена основа первого казахского феодального государства. Ханы Могулистана, не заинтересованные в укреплении складывавшегося узбекского государства, оказывали казахской знати некоторую помощь. На рубеже XV и XVI вв. узбекские феодалы овладели оседлыми районами Средней Азии, где в дальнейшем сложились различные узбекские феодальные ханства. Борьба узбеков и казахов продолжалась в течение всей второй половины XV и в XVI в. Обе стороны хотели закрепить за собой сырдарьинские города Сыгнак, Сайрам и др., являвшиеся центрами меновой торговли кочевников с оседлыми земледельцами и ремесленниками Средней Азии. Жизненная необходимость обеспечения бесперебойного обмена излишков скотоводческой продукции на продукты земледелия и городского ремесла подогревала стремление казахской знати к овладению этими городами. Но ее усилия наталкивались на сопротивление узбекских феодалов, не желавших допускать казахов на рынки указанных городов¹⁶.

Необходимость сосредоточить все силы и средства казахских феодалов для борьбы против узбекского хана Абулхаира, а затем против Шейбани и шейбанидов заставляла казахских феодалов поддерживать мирные связи с другими своими соседями, например с ойратами, отношения с которыми целое столетие не были омрачены конфликтами.

Но если между казахскими феодалами и Могулистаном, с одной стороны, казахскими феодалами и ойратами — с другой, в течение второй половины XV и первой трети XVI в. сохранялись добрососедские отношения, то этого нельзя сказать о взаимоотношениях

ойратов и Могулистана, который в середине XV в. разделился на восточную часть — с центром в Турфане и западную — с центром в Кашгаре; они фактически были друг от друга независимы, часто враждовали и объединялись только для борьбы против общего противника — складывавшегося узбекского государства. В этой обстановке ойраты были той силой, к помощи которой прибегали боровшиеся в Могулистане группировки. Такие междоусобицы облегчали ойратским феодалам достижение их собственных целей, сводившихся к овладению торговыми путями и военной добычей за счет соседей.

Источники единодушно отмечают начавшееся в середине XV в. усиление Восточного Могулистана. Между турфанскими правителями и ойратскими князьями развернулась длительная борьба, сопровождавшаяся частыми войнами. В 1452 г., еще при жизни Эсена, ойраты предприняли большой поход против Могулистана. Поход закончился в 1455 г., уже после смерти Эсена. Ойратские войска прошли через всю территорию Могулистана и вторглись в Семиречье, откуда повернули на юг. Двигаясь по долине Сырдарьи, они достигли рубежей Мавераннахра, разграбили Ташкентский и другие оазисы, после чего пошли обратно. В это время правителем Восточного Могулистана был Эсень-буга (1446—1461), сын Увэйс-хана, о котором мы говорили выше. Заслуживает внимания сообщение источников об ойратском посольстве, прибывшем в 1459 г. в Герат к султану Абу-Сеиду [34, с. 74].

Одним из важных объектов ойрато-могулистанской борьбы был Хамийский округ, на который претендовали Могулистан, ойратские феодалы и Китай. Хами был расположен на главном торговом пути, связывавшем Китай со странами запада. Особая роль Хами была причиной многочисленных войн, которые с древних времен вел Китай, жизненно заинтересованный в прочном обладании этим районом. Хамийский округ во все времена привлекал к себе внимание кочевых и оседлых обитателей Восточного Туркестана. В конце XIV — начале XV в. правителями Хами были потомки императоров Юаньской династии. В 20-х годах XV в. округом Хами владели ойраты, затем их вытеснили турфанцы. Против Турфана в середине XV в. выступил Китай. Трехсторонняя борьба за Хами приняла затяжной характер; она длилась с переменным успехом на протяжении всего XV столетия [148, с. 2, 3].

В 1470 г. войска могулистанского хана в очередной раз овладели Хами и напали на ойратские кочевья, захватив в плен около 10 тыс. ойратов. В ответ на это ойраты в 1472 г. вторглись в Могулистан, разгромили на берегах Или армию хана Юнуса (1466—1496), переправились через реку и преследовали своего противника до берегов Сырдарьи [34, с. 75].

Борьбу против ойратов продолжал сын Юнуса, Ахмед-хан (1496—1504), прозванный за частые сражения с ойратами Аладжи-ханом (*алазу* — «убивать», *аладжи* — «убийца», здесь в смысле «истребитель ойратов»). Преемник Ахмеда, Мансур-хан (1504—1544), в свою очередь, ревностно продолжал ставшую традицион-

ной борьбу за Хами и против ойратов. В 1513 г. он снова захватил Хамийский округ, но через пять лет ойраты пошли войной против Мансур-хана. Война закончилась примирением, результатом которого явилось совместное нападение на китайский город Сучжоу. Но мир этот длился недолго. В 30-х годах XVI в. могулистанские войска нанесли сокрушительное поражение ойратам, вынудив многих из них покинуть родные кочевья и бежать на юг, в степные районы Кукунора. К этому времени здесь уже успели обосноваться восточномонгольский тайджид Ибири и его союзники, бежавшие в Кукунор в 1509 г., после неудачного мятежа против Даян-хана.

К середине XVI в. начался упадок Могулистана. Против него поднялись новые силы — узбеки. Они освобождали оазисы и города Средней Азии от могулистанских и тимуридских наместников и гарнизонов и приступили к созданию и укреплению собственной государственности. Внутри Могулистана обострились противоречия, участились вспышки междоусобной борьбы, враждующие группировки приглашали на помощь ойратских князей. Тюркоязычные хроники полны описаниями таких случаев. Известно, например, что сын и преемник могулистанского хана Мансура, Шах-хан (1545—1570), погиб в одном из сражений с ойратами [33, с. 240]. Ойратские феодалы, как правило, удовлетворяли просьбы о помощи, ибо это давало им возможность без больших усилий поживиться за счет богатств могулистанских феодалов и главным образом за счет народных масс этого ханства [33, с. 244—248].

Заслуживает внимания рассказ «Тарих-и-Рашиди» о восстании турфанского правителя Абд-ар-Рахима против хана Кашгарии Мухаммеда. Для подавления восстания был приглашен один из ойратских князей. Подступив со своим войском под стены Турфана, он разграбил его окрестности, а затем заключил соглашение с Абд-ар-Рахимом и дал ему в жены свою дочь. От этого брака родился Абдаллах, ставший впоследствии правителем Кашгара (1570—1598) [33, с. 239].

Как мы уже отмечали, взаимоотношения казахов и ойратов в течение почти столетия были мирными и добрососедскими¹⁷. Положение резко изменилось в 30-х годах XVI в., когда началась двухвековая борьба между ойратскими и казахскими феодалами. Какие обстоятельства обусловили переход от мирных отношений к вооруженной борьбе, что лежало в основе ойратско-казахского антагонизма, не вполне ясно. Известные нам источники не дают ответа на эти вопросы. Можно лишь предполагать, что немалую, возможно, решающую роль играли как намерение обеих сторон расширить свои пастбищные территории за счет соседа, так и стремление ойратских феодалов захватить в свои руки сырдарьинские города и подходы к ним. В пользу этих предположений говорит свидетельство известного английского купца и путешественника Дженкинсона, который в 1557 г. пытался проехать из Средней Азии в Китай, но не смог этого сделать из-за войны между казахами и ойратами. По словам путешественника, причиной войны

был спор из-за Ташкента [162, с. 90—91]. Известно лишь, что в середине и второй половине XVI в. казахские ханы оказались сильнее ойратских князей, ослабленных внутренними раздорами и поражениями, нанесенными им ханами Могулистана. Русский посол Данила Губин, отправленный в 70-х годах Иваном IV в ногайские улусы, сообщал в Москву, что, по полученным сведениям, казахи весьма сильны и подчинили своей власти ойратов¹⁸. Возможно, что автор «Тарих-и-Рашиди» имел в виду наряду с другими обстоятельствами победы казахов над ойратами, когда писал: «Эпохой, с которой началась, собственно, власть султанов казахских, надобно считать год 870 (1465/66); впрочем, бог лучше знает» [21, л. 62, 63; 49, с. 326].

Что же касается взаимоотношений ойратов и восточномонгольских ханов и князей в середине и второй половине XVI в., то о них можно судить лишь по тем немногим сведениям, которые содержатся в местных китайских хрониках северо-западных провинций Китая, использованных В. Успенским, Э. Бретшнейдером и Л. Шрамом. Во второй половине XVI в. усилилась миграция населения из Восточной Монголии на юг и юго-запад, главным образом в Ордос и Кукунор, «в поисках, — как говорит Г. Грум-Гржимайло, — воды и хороших пастбищ» [65, т. 2, с. 591]. Решающую роль в этом играл Алтан-хан туметский, совершавший частые опустошительные набеги в пределы Китая, пока не добился легализации торговли между своими владениями и Минской империи и открытия рынков¹⁹. Он посадил правителями Ордоса и Кукунора своих сыновей²⁰.

В то же время в Кукунор стали проникать ойраты, вытесненные из своих кочевий могулистанскими и казахскими феодалами. Участвовавшие набеги ойратских правителей на районы Сучжоу и Ганьчжоу угрожали позициям восточномонгольских ханов и князей в Кукуноре и Ордосе. Это вызвало новые вооруженные столкновения между восточными и западными монголами. Первое из них произошло в 1552 г., когда против ойратов выступил Алтан-хан. Исход столкновения по-разному освещается китайскими источниками и «Эрдэнийн Тобчи». Первые утверждают, что ойраты одержали победу над Алтан-ханом и принудили его отступить из Ганьсу к оз. Кукунор [147, с. 163], тогда как второй говорит, что Алтан-хан разгромил ойратов, захватил улус хойтского правителя Мани-Мингату, его двух детей и жену, вынудив остатки данной ойратской группировки бежать к озерам Зайсан и Балхаш [172, с. 173]. Трудно сказать, которая из этих двух версий верна. Учитывая, однако, общую обстановку в Монголии того времени и события, последовавшие за сражением 1552 г., приходится признать более вероятной версию «Эрдэнийн Тобчи». В пользу этого предположения говорит и глухое упоминание автора «Алтан Тобчи» о покорении ойратов Алтан-ханом, который таким образом якобы отомстил им за Эльбек-хана, Адай-хана и Дайсун-хана. Но когда, где и как Алтан-хан покорил ойратов, автор «Алтан Тобчи» не говорит [9, с. 106].

В 1562 г. против ойратов выступил правитель Ордоса Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи, разгромивший на Иртыше кочевья торгоутов. Через 10 лет, в 1572 г., этот же Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи, узнав, что его двоюродный брат Баян-Батур-хунтайджи воюет против ойратов, присоединился к нему и вместе с ним разгромил и подчинил хойтов, батуттов и чоросов [172, с. 174].

Середина и начало второй половины XVI в. были наиболее тяжелым временем в истории ойратов.

3. Некоторые вопросы общественного строя ойратов в XV — XVI вв.

Сведения «Алтан Тобчи», «Шара Туджи» и «Эрдэнийн Тобчи», а также «Мин ши» дают нам основание считать установленным, что в конце XIV — первой половине XV в. ойраты представляли собой не только этническую, но и политическую общность — западную ветвь монгольской народности, основное население ойратских земель. В этот период ойраты, как и все монголы, разделялись на тумены, тысячи, сотни и десятки, удачно сочетавшие военно-административные и социально-экономические принципы организации монгольского феодального общества. Каждый тумен и каждая тысяча были как определенными воинскими единицами, так и типичными феодальными владениями; тот, кто командовал воинской единицей, был вместе с тем и феодальным владыкой. Рядовые ойраты зависели от него экономически, несли феодальные поборы и повинности и подчинялись ему, как воины военачальнику. Со своей стороны, военачальник, послушный воле главнокомандующего (коим обычно был верховный правитель, хан), относился к нему как вассал к своему сюзерену. Стадия родо-племенной организации ойратского общества была давно пройдена.

Вторая половина XV в. положила начало иному типу организации ойратского общества. Место туменов и тысяч стали занимать особые группировки ойратов, получившие в литературе названия «поколения», «роды» или «племена» хошоутов, джунгаров, дэрбэтов, хойтов, торгоутов и т. д. Эти новые образования с течением времени начали выдвигаться на первое место в общественно-политической жизни ойратов, оттесняя на задний план старые тумены и тысячи.

Но чем же были эти образования, что можно сказать об их социально-экономической природе? Правомерно ли относить их к племенному или родовому типу объединений, как это делали большинство русских и зарубежных исследователей? Вот вопросы, рассмотреть которые нужно в первую очередь.

Все монгольские источники, начиная с «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина, неизменно повествуют об ойратах как о едином народе. «Сокровенное сказание», как и Рашид-ад-Дин, ни разу не упоминает ни о хошоутах, ни о хойтах, ни о других составных частях ойратского общества. Под «джунга-

рами» они подразумевают в полном соответствии со значением этого слова не какую-нибудь определенную этническую группу, а любое объединение монголов, находящееся на левом фланге. Таких «джунгаров» оказывается в «Сокровенном сказании» и в летописях Рашид-ад-Дина довольно много. Что касается дэрбэтов, то в «Сокровенном сказании» мы встречаем упоминание о самостоятельном роде или племени (омок, обок) под названием «дэрбэт» (dörbed), родоначальниками которого были четыре сына легендарного Дова-Сохора. Трудно сказать, существует ли какая-либо преемственная связь между этими дэрбэтами и теми, которые появились во второй половине XV в. среди ойратов в Западной Монголии. В известных нам монгольских и калмыцких источниках нет данных, подтверждающих такую преемственность. Источники дают основание предполагать, что между дэрбэтами XIII в. и дэрбэтами послеюаньской эпохи нет никакой связи. Габан-Шараб, например, говорит, что дэрбэты и чоросы имеют общих предков [57, с. 2, 8, 9]. Таково же мнение и другого летописца — Батур-Убаши-Тюмена [37, с. 60; 36, 1859, № 47]. Приводимые этими авторами родословные таблицы позволяют заключить, что дэрбэты выделились из дома Чорос лишь при сыне Эсен-хана, Боройялху, т. е. не ранее начала второй половины XV в. Следует отметить, что и китайские источники считают дэрбэтов и чжунгаров (т. е. чоросов) выходцами из фамилии (иначе — омока) Чжо-ло-сы, т. е. Чорос [147, с. 127]. Столь же бездоказательными являются попытки вывести происхождение торгоутов от брата Чингисхана или от его сподвижников. Первое упоминание о торгоутах в монгольских источниках относится к 1567 г. Не случайно Габан-Шараб, выходец из торгоутской аристократии, будучи добросовестным летописцем, осторожно и уклончиво говорит о происхождении своих предков, ссылаясь на отсутствие достоверных данных. Вопрос этот нельзя считать вполне выясненным.

Наиболее общим принципом организации ойратского общества до середины XV в. было его разделение на тумены и тысячи, которые, в свою очередь, делились на более дробные единицы. Об одной такой общественной единице вполне определенно говорится в «Шара Туджи», где дважды отмечается факт принадлежности ойратского деятеля Хутхай-Тафу к роду Чорос. Автор «Шара Туджи» пишет: «Эльбек-хаган велел Хутхай-Тафу из ойратского рода Чорос убить своего младшего брата» [150, с. 96]. В другом месте летописец вновь говорит о «Хутхай-Тафу из омока Чорос» [150, с. 100].

Можно считать, таким образом, вполне установленным, что в конце XIV — начале XV в. в одном из ойратских туменов существовал особый омок по имени Чорос, из которого вышли известные ойратские деятели от Хутхай-Тафу, Тогона и Эсена до Хара-Хулы, Батур-хунтайджи и преемников последнего²¹.

Но существование омока Чорос дает все основания считать, что у ойратов были и другие омоки, подобные чоросскому. И в самом деле, автор «Шара Туджи» говорит, что в его время, т. е. в начале

XVII в., ойраты делились на шесть омов, что во главе дэрбэтского омока стоял Далай-тайши, что Байбагас был соправителем омока Уджигэт, Хутхайту владел омоком Чорос, Дзу-чинсанг управлял багатутовским омоком, а Хи-Мэргэн-Тэмэнэ — хэрэитовским (см. [150, с. 122]). Источники, таким образом, свидетельствуют, что к началу XVII в. омоки полностью вытеснили традиционные монгольские тумены, тысячи и сотни.

Что такое омок, каково его социальное и экономическое значение, какую роль он играл в общественном строе ойратов в XV—XVII вв. и позднее?

Монгольские источники убеждают нас, что первоначально этот термин означал род, родовую общину, общину кровных родственников, коллективно владевших важнейшими средствами производства — землей, пастбищными угодьями — и возглавлявшихся одним из старейших и наиболее почитаемых сородичей. «Сокровенное сказание», излагая историю монголов XII—XIII вв., часто употребляет слово «омок», говоря о предках, положивших начало существовавшим в те времена родовым общинам (см. [92, с. 70, 72—84, 111, 112, 115, 116, 140, 141, 144, 189 и сл.]). Б. Владимирцов об этом писал: «Монгольский род — обох — являлся довольно типичным союзом кровных родственников, основанным на агнатном принципе и экзогамии, союзом патриархальным с некоторыми только чертами переживания былых когнатных отношений, с индивидуальным ведением хозяйства, но с общностью пастбищных территорий... союзом, связанным институтом мести и особым культом» [55, с. 58]. Но таким был древний монгольский род — омок. В эпоху Чингисхана эта родовая община в значительной мере уже утратила свои классические черты и разлагалась, уступая место другим, более сложным общественным институтам, подготовившим образование в начале XIII в. раннефеодального монгольского государства. Многочисленные данные, содержащиеся в монгольских источниках, главным образом в «Сокровенном сказании», позволили Б. Я. Владимирцову сформулировать следующий вывод: «В XII—XIII вв. то, что называлось обох — род, представляло собой сложное целое. Обох состоял прежде всего из кровных родичей — владельцев, затем шли крепостные вассалы — *unagan bogol*, затем „простые“ прислужники — *ötöle bogol*, *jala'u*. Род состоял, следовательно, из нескольких социальных групп. Можно говорить даже о двух классах, к высшему относились владельцы *игих'и* и наиболее видные и состоятельные *unagan bogol'ы*, к низшему — младшие крепостные вассалы и прислужники *ötöle bogol'ы* и *jala'u*. Одни были *поуад* — „господа“, другие — *хагашу* — „черные“, *bogol'ëd* — „рабы“» [55, с. 70].

В нашу задачу не входит выяснение того, насколько нарисованная Б. Я. Владимирцовым картина внутренней жизни омока соответствовала реальным условиям XII—XIII вв. В советской исторической литературе Б. Я. Владимирцов не раз подвергался критике за преувеличение степени зрелости феодальных отношений в Монголии XII—XIII вв. Возможно, что эта критика не лишена ос-

нований. Некоторые черты внутренней жизни омока, отмеченные Б. Я. Владимирцовым, следует, по-видимому, отнести не к XII—XIII, как это делает он, а к XIII—XIV или даже к XIV—XV вв. Но это нисколько не колеблет справедливости той общей характеристики процесса становления и развития феодализма у монголов, которая дана Б. Я. Владимирцовым.

Невозможно, в частности, отрицать тот факт, что монгольский омок ко времени составления «Сокровенного сказания» и летописей Рашид-ад-Дина уже мало походил на древний прообраз, что к этому времени он утратил многие первоначальные свои черты. Множество доказательств, подтверждающих это, приведено Б. Я. Владимирцовым. Дополнительное свидетельство серьезных изменений, происшедших внутри омока, мы видим в той небрежности, с которой автор «Сокровенного сказания» употребляет этот термин, применяя его к различным, иногда противоположным явлениям. Например, одни и те же этнические группы он часто называет то омоком, то аймаком, а иногда иргэном²². Фамилия Ялавач, к которой принадлежал известный хорезмский купец Махмуд, перешедший на службу к Чингисхану, также представлена монгольским словом «омок»²³. Такое вольное обращение с термином возможно лишь при отсутствии прочно установленных норм и признаков, определяющих его содержание. Приведенные нами примеры свидетельствуют, что сам омок в описываемое время уже не был омоком в точном смысле слова, что под ним уже не подразумевалась, как в древности, община кровнородственных семей со всеми присущими ей свойствами и признаками в области производственных отношений и внутреннего управления тогдашнего ойратского общества.

Обратимся теперь к монгольским и калмыцким источникам XVII—XIX вв. — к «Алтан Тобчи», «Шара Туджи», «Эрдэнийн Тобчи», биографии Зая-Пандиты, к «Сказаниям» Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена, поищем в них материал для суждения о дальнейшей эволюции монгольского омока.

Все эти источники, за исключением биографии Зая-Пандиты, более или менее подробно воспроизводят рассказы «Сокровенного сказания» об образовании омов в древний период монгольской истории. Не отмечается ни одного случая упоминания какого-либо нового омока, помимо тех, о которых говорит «Сокровенное сказание». Это приводит нас к выводу, что процесс родообразования у монголов, в том числе и у ойратов, в основном закончился до появления Чингисхана, хотя память об этом процессе была еще жива, что и нашло отражение в соответствующих разделах «Сокровенного сказания» и в летописях Рашид-ад-Дина. В дальнейшем, в период империи и Юаньской династии, когда завершился процесс консолидации монгольской народности, поглотившей и растворившей остатки бывшей родо-племенной организации общества, ни о каких омоках в их первоначальном смысле не могло быть и речи. Авторам монгольских и калмыцких исторических сочинений XVII—XIX вв. просто нечего было говорить об омоках, ибо в их время

таких омоков уже не было, да и память о них в народе уже стала стираться.

Если автор «Сокровенного сказания» для определения роли и значения той или иной этнической или социальной группы оперировал терминами «омок», «иргэн», «аймак», «улус», «урук», «ясун», часто смешивая и путая их, то в источниках XVII—XIX вв. мы уже не находим такого обилия более или менее однородных терминов. Авторы этих источников чаще всего пользуются термином «улус» — «народ». Слово омок встречается здесь довольно редко и употребляется иногда в весьма оригинальном смысле. Так, авторы «Шара Туджи» и «Алтан Тобчи» говорят, что Буртэ-Чоно был родоначальником монгольского омока [150, с. 95; 9, с. 4; 156, с. 36]²⁴; в другом месте «Шара Туджи» сообщает, что отец одной из жен Чингисхана принадлежал к китайскому омоку У [150, с. 34]; в том же источнике сказано, что Чжу Юаньчжан, первый император Минской династии, происходил из китайского омока Чжу [150, с. 56]. Как видим, автор «Шара Туджи» вкладывает в понятие омок совершенно новое содержание; он называет омоком отдельную семью, фамилии китайских семей У и Чжу воспринимаются им как названия омоков. Возможно, что и Буртэ-Чоно выдается авторами «Шара Туджи» и «Алтан Тобчи» за первого носителя имени Монгол и в этом смысле родоначальника монгольского омока.

Приведенные примеры дают нам основание заключить, что в XVII в. под словом омок подразумевались уже не коллективную хозяйствующую общину кровных родственников, не род в собственном смысле слова, а отдельная семья или группа семей, связанных узами близкого кровного родства и ведущих обособленные хозяйства.

Мы не утверждаем, что процесс превращения омока-рода в омок-семью завершился к XVII в. во всей Монголии, но для нас несомненно, что процесс развивался именно в этом направлении и что к XVII в. он продвинулся далеко вперед²⁵.

Что же в таком случае представляли собой те шесть омоков, которые, по словам автора «Шара Туджи», существовали в его время среди ойратов: дэрбэт, уджиэт, чорос, багатут и др.? На наш взгляд, в указанное время эти омоки выступали как совокупность некоторого сравнительно небольшого числа родственных семей, носивших соответствующие фамильные прозвания. Разумеется, эти шесть омоков были группами не простых, не аратских семей, а семей аристократических, семей феодальных правителей, они были ханскими и княжескими династиями, в которых аккуратно и строго велись родословные записи. Но если были такие аристократические омоки-семьи, то не могло не быть и других, менее знатных. Их, видимо, и имеет в виду автор «Шара Туджи», говоря о хариятском Гуйлинчи-багатуре, о тэлэнгутском Абдулла-Сэцэне [150, с. 63, 64], об оргутах, хонхиратах и т. д. Что касается аратских омоков-семей, то о них, простых тружениках, непосредственных производителях, объекте феодальной эксплуатации, автору «Шара

Туджи» нечего было сказать. Он не видел в их деятельности ничего выдающегося, ибо они просто трудились, шли в походы и воевали во имя интересов своих владык, неся бремя своих поборов, повинностей, тягот феодальных войн и усобиц. Вполне возможно, что омоки — семьи простых аратов были вообще безымянными. Какие события из жизни этих омоков могли привлечь внимание автора «Шара Туджи», если столетием позже Габан-Шараб, работая над своим «Сказанием», пришел к заключению, что в делах и жизни даже таких омоков, как элеты, хойты, батуты и т. п., нет ничего заслуживающего внимания, «ибо дела их ничтожны». Вот почему мы не находим в «Шара Туджи» сведений об аратских омоках.

Что касается других монгольских, а также калмыцких источников, то они в общем и главном повторяют и подтверждают сведения «Шара Туджи». Отметим, однако, что «Алтан Тобчи» проводит четкое различие между понятиями «кость» и «омок», рассматривая первое как часть второго. Хроника, например, три раза в разных вариантах говорит о происхождении Чингисхана и сообщает, что отец последнего принадлежал к «кости» Киот, входившей в омок Борджигин [9, с. 9, 13]. Это указание надо, видимо, понимать в том смысле, что во второй половине XII в. «кость» (ясун) представляла собой уже в значительной мере обособившуюся из кровнородственной общины группу индивидуальных семей (в данном случае с родовым именем Киот), но еще входившую в состав родовой общины, т. е. омока (в данном случае Борджигин). В дальнейшем в связи с быстро прогрессирующим разложением омока как общины кровных родственников понятия «кость» и омок все более сближались, становились тождественными. Этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что слово омок в монгольских и калмыцких источниках XVII—XIX вв. появляется все реже и в конце концов исчезает. Габан-Шараб и Батур-Убаши-Тюмен, например, говоря в своих «Сказаниях» о происхождении и родственных связях древних и современных им монгольских и калмыцких ханов и князей, пользуются лишь двумя терминами — «ясун» и «ок». Интересно отметить указание биографа Зая-Пандиты, что последний принадлежал к «кости» хошутов, отоку (т. е. омоку. — И. З.) Гуручин, а в этом отоке — к семейству Шангас [167, с. 3]. Как видим, в этом детальном описании происхождения выдающегося деятеля Джунгарии первой половины XVII в. не нашлось места слову омок. Его место занял оток, в основе которого лежали не кровнородственные, а территориальные связи. Оток представлял собой феодальное владение, ханский или княжеский удел, получивший в цинскую эпоху название «хошун», хотя по своей внутренней сущности хошун ничем не отличался от отока. Ясно, что оток (или хошун) мог появиться лишь в условиях сравнительно развитого феодализма. Естественно поэтому, что в XI, XII и даже XIII в. отоков не могло быть, вследствие чего они были неизвестны автору «Сокровенного сказания». Вот почему в данном памятнике мы не находим этого термина. Но к XVII в. положение существенно изменилось. В структуре монгольского (ойратского, в частности)

общества отоки заняли прочное положение, что нашло свое отражение на страницах «Алтан Тобчи», «Шара Туджи» и других монгольских и калмыцких источников, где об отоках говорится часто и обстоятельно. Интересно отметить, что многочисленные омоки, упоминаемые в «Сокровенном сказании», в позднейших источниках выступают как отоки. Такова, например, судьба омоков Солонгут, Онгут, Ингигут, Холбон и др., являвшихся омоками в «Сокровенном сказании» и ставших отоками в «Алтан Тобчи». Нельзя не согласиться с Б. Я. Владимирцовым, относившим утверждение отоков в общественном строе монголов к XV в. и считавшим, что «группа кочевых айлов», объединенная тем, что занимала определенную территорию под свои раскочевки, группа, на которую распадалась ulus'ы, или тумены (tümen), называлась оток — otog. Оток в рассматриваемую пору и являлся основной социальной и хозяйственной единицей... Монгольский (в том числе, конечно, и ойратский. — И. З.) оток основывался именно на территориальном единстве» [55, с. 132]. В другом месте Б. Я. Владимирцов писал: «Монгольский оток никак не был союзом кровных родственников, а его предводители, тайши и т. д., вовсе не были родовыми старейшинами... На оток (и аймак) можно смотреть как на кочевой феодал (feodum), кочевую сеньорию, основную феодально-домениальную единицу» [55, с. 139—140]. Теперь наконец мы можем ответить на ранее поставленный вопрос о том, что собой представляли объединения хошоутов, дэрбэтов, хойтов, торгоутов, багатутов и т. д., составлявших ойратское общество XV—XVII вв.

После всего изложенного становится очевидным, что эти объединения не были ни родовыми, ни племенными, что в их основе лежали не кровнородственные, а исключительно территориальные связи. Эти объединения представляли собой крупные феодальные ханства — улусы, делившиеся на более мелкие княжества — отоки, которые, в свою очередь, делились на крестьянские айлы (группа семей) и отдельные семьи. Таким образом, можно сказать, что Зая-Пандита был выходцем из ханства Хошоутского, отока Гуручинского, айла Шангасского. Помимо улусов, отоков и айлов население ойратской земли знало и такие организации, как аймаки и хотоны. О них будет сказано ниже.

Ойратские феодальные владения различались по количеству населения, по числу составляющих их отоков и айлов, размеру занимаемой территории, по их экономической и политической мощи. Габан-Шараб весьма пренебрежительно относился к багатутам, хойтам и некоторым другим ойратским владениям, влияние которых в политической жизни того времени было незначительным, что могло объясняться лишь их экономической и политической слабостью. Главную роль в исторических событиях XVI—XVII вв. играли улусы хошоутов, чоросов, дэрбэтов и торгоутов. Что касается багатутов, хойтов и др., то они, по-видимому, были поглощены более крупными и мощными отоками и улусами, вследствие чего с течением времени источники перестали упоминать о них, за исключением хойтов.

Во главе улусов и отоков стояли наследственные правители, принадлежавшие к высшим аристократическим семьям, являвшимся или считавшим себя прямыми потомками братьев и ближайших сподвижников Чингисхана. Фактически они были правящими династиями, державшими в своих руках все отоки и айлы Западной Монголии. Ненасытная жажда обогащения толкала их на путь захватнических войн против соседей, равно как и на междоусобную борьбу за преобладание над другими улусами, за захват лучших пастбищных территорий, увеличение числа зависимых айлов, господство над торговыми путями и т. д. Можно согласиться с автором «Шара Туджи» и вместе с ним называть эти семьи, эти династии омоками с той, однако, оговоркой, что данные омоки объединяли лишь членов ханской или княжеской семьи, в руках которых находилась вся полнота экономической и политической власти, что непосредственные производители, находясь в экономической и политической зависимости от членов омока, сами в его состав не входили.

Габан-Шараб, например, излагая легенду о божественном происхождении зюнгарских (т. е. чоросских) и дэрбэтских нойонов, сообщает, что десять сыновей Аманая и четыре сына Домоная вместе со своими подданными образовали джунгарский и дэрбэтский улусы [57, с. 7]. Из этого следует, что улусы включали в себя не однородную массу близких и дальних кровных родственников, а господ и подвластных, эксплуататоров и эксплуатируемых, причем первые были членами правящего омока, вторые к омоку не принадлежали, они были простым народом — «харачу». Габан-Шараб рассказывает и о том, как ойратские нойоны увеличивали число подвластных им айлов. По его словам, торгоутский Дайчин вначале имел всего 160 семей албату (алба — «повинность», алба-ту — «несущие повинности», «податные», «зависимые»), но потом довел их число до 100 тыс.; джунгарский Зорикту-хунтайджи имел соответственно 7 тыс. и 40 тыс.; торгоутский Лубсан — 7 тыс. и 8 тыс. и т. д. [57, с. 24].

Приведенные примеры, а они многочисленны, убедительно свидетельствуют, что состав властвующего омока и преемственность власти в нем являлись постоянными и неизменными, а численный и персональный состав их улусов, т. е. подвластных членов омока, был весьма изменчив. Члены омока относились к остальным членам улуса, как помещики в странах Запада к подневольным крестьянам, как властвующий эксплуататорский класс к эксплуатируемым, как собственники основных средств производства к лишенным этих средств, как феодалы к зависимым крестьянам. Члены омока и остальные члены улуса были связаны не узами кровного родства, а отношениями господства и подчинения, основанными на том, что члены омока являлись монопольными собственниками и распорядителями всей земли улуса, всех пастбищных угодий — главного средства производства кочевников-скотоводов²⁶.

Вопрос о земле и земельной собственности у монголов в эпоху феодализма в главных чертах был выяснен Б. Владимирцовым,

который положил в основу своих выводов неоспоримые свидетельства монгольских источников и летописей Рашид-ад-Дина. Б. Владимирцов также доказал, что уже в XI—XII вв. монголы кочевали в пределах строго ограниченных территорий (нутугов), передвигались с пастбища на пастбище по вполне определенным маршрутам, в зависимости от сезона, травостоя и водоснабжения. В древние времена пастбищные территории находились в коллективной собственности членов родовых общин, т. е. омоков. Однако к XIII в. в основном завершился процесс лишения этих общин прав собственности на пастбища. Фактическим и единственным собственником этих земель становилась феодализовавшаяся знать. Во время правления Чингисхана и его преемников верховными собственниками земли, пастбищных территорий были великие ханы, раздававшие ее своим приближенным в пожизненное условное владение на правах своеобразного икта или бенефиция вместе с людьми, кочевавшими на этой земле. Такие пожалования назывались «хуби».

Б. Владимирцов писал: «Чингисхан создает уделы, отдавая во владение определенному лицу тот или другой клан, то или другое поколение в вознаграждение за верную службу... Древнемонгольские нукеры за свою службу военным вождям получают от своих предводителей в удел (хуби) то или другое количество кочевых айулов, господами и правителями которых они становятся; вместе с этим они получают достаточное количество территории, на которой они могли бы кочевать вместе со своими людьми и охотиться... получение людей в управление налагало на него (нукера.— И. З.) обязательство продолжать военную и иную службу своему вождю вместе с известным контингентом воинов, которых могли выставить данные ему в управление айлы... Удел (хуби) состоял из двух частей: из определенного количества кочевых семейств (ulus) и из достаточного для их содержания пространства пастбищных и охотничьих угодий (нутуг). Внимание кочевника, конечно, сосредоточено на людях, потому что нутуг мог быть найден и другой; ввиду этого словом ulus и стали обозначать самый удел, выделенный тому или другому лицу» [55, с. 97, 102—103, 111].

Со времени опубликования исследования Владимирцова об общественном строе монголов прошло около пяти десятилетий. За эти годы советская наука обогатилась рядом новых трудов, посвященных истории и общественным отношениям кочевых народов, как входивших в состав бывшей Российской империи, так и не входивших в нее. Особенно большой интерес представляют труды по истории Казахстана, Бурятии, Якутии и др., народы которых еще в сравнительно недалеком прошлом были по преимуществу кочевниками-скотоводами. Обильный конкретно-исторический материал, многочисленные фактические данные, представленные в этих трудах, подтверждают, что главные, принципиальные положения концепции Б. Владимирцова соответствуют историческим фактам не только в отношении Монголии, но и в отношении феодального (или феодализирующегося) общества всех кочевых народов, открывая

тем самым надежный путь к выяснению закономерностей исторического развития этих народов.

Едва ли есть необходимость в новых доказательствах, подтверждающих тезис Б. Владимирцова о том, что в Монголии уже в XIII в. сложилась собственность феодалов на землю, на пастбищные территории. Нельзя, однако, не отметить факты, на которые исследователи до сих пор обращали мало внимания. «Сокровенное сказание», например, сообщая о распределении Чингисханом уделов между его родичами и сподвижниками, говорит, что в отношении Хорчи хан повелел: «Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям, вплоть до при-Эрдышских Лесных народов» [92, с. 161; 67, с. 202]. Такой указ мог издать лишь собственник земли, имеющий власть уступить на определенных условиях свое право собственности на данную территорию другому лицу. Важно еще и то, что лицо, получившее это пожалование, в свою очередь, приобретало право «невозбранно» владеть пожалованной территорией, стать ее собственником на все время действия пожалования. Иное истолкование этого случая нам представляется невозможным.

Приведем еще один пример из «Сокровенного сказания». «„Какая же награда вам будет теперь по душе?“ — спросил Чингисхан у Сорхан-Шира. Тот ответил: „Не благоволишь ли разрешить пожаловать нам дарханное кочевье? Не предоставишь ли нам в дарханное кочевье Меркитские земли по Селенге?“ Указ Чингисхана гласил: „Занимайте же вы своим кочевьем Селенту, Меркитскую землю, и будьте вы ее невозбранными державными пользователями. Дарханствуйте даже до потомков ваших²⁷“» [92, с. 167; 68, с. 215, 216]. В данном случае идея собственности хана на все подвластные ему земли выступает еще более ясно и убедительно, равно как и его право дать определенную часть его собственности другому лицу, вследствие чего это лицо становилось собственником пожалованной ему земли.

Напомним также данные источников о многочисленных случаях пожалования Чингисханом сородичам и соратникам в уделы различных улусов, тем, тысяч и т. п. Причем считалось само собой разумеющимся, что каждое такое пожалование состояло не только из людей, айлов, живших там, но и из земли, из пастбищ, необходимых для их производственной деятельности, из кочевий, без которых они не могли существовать. Если бы Чингисхан не был собственником земли, пастбищных территорий, на которых кочевали эти айлы, он не мог бы их пожаловать.

Приведем еще один пример из «Сокровенного сказания», имеющий непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. Первый преемник Чингисхана, Угэдэй, издал указ, предусматривавший раздел земельно-кочевых и водных угодий. «Для этого дела, — говорится в указе, — представлялось бы необходимым избрать от каждой тысячи особых нутугчинов — землеустроителей по отводу кочевий» [92, с. 197; 67, с. 217]. Из текста указа следует, что земля, пастбищные территории уже как-то были разделены и речь шла о переделе пастбищных угодий, о новом отводе кочевий, о но-

вом наделении ими пользователей. Такая операция была бы немислима, если бы хан не был верховным собственником земли, если бы земля никому не принадлежала или была бы собственностью самих кочевников, их айлов, омоков и т. п. Содержание указа свидетельствует, что земля находилась в распоряжении и управлении хана и нойонов.

Но если в эпоху империи земля была собственностью самого повелителя империи — великого хана, то в дальнейшем она стала превращаться в собственность местных удельных правителей. Экономическое и политическое укрепление уделов создавало ту объективную основу, на которой возникла феодальная раздробленность, приведшая на смену объединенному раннефеодальному государству монгольских нойонов. Этому же способствовало ослабление центральной ханской власти, вызванное военными неудачами, восстаниями и другими обстоятельствами. Что же касается местных правителей, то они, опираясь на свою возросшую мощь и используя ослабление центральной власти, стремились превратить пожалованные им земли, пастбищные территории в свою полную и наследственную собственность.

В соответствии с этим наблюдается превращение пожалований типа хуби в наследственную собственность правителей местных ханств и княжеств. В этой связи важно отметить, что термин «хуби», много раз встречающийся в «Сокровенном сказании» для обозначения ханского пожалования, включавшего в себя пастбищные территории и кочующих на них скотоводов, к XVII в. в источниках исчезает, уступив место другому термину — «умчи», выражавшему понятие собственности, передаваемой по наследству. Так, автор «Шара Туджи», повторяя рассказ «Сокровенного сказания» о разделе Чингисханом уделов его братьям, называет эти уделы не хуби, а понятным ему и его современникам словом «умчи». Этим же термином «Шара Туджи» называет уделы, выделенные тибетским Алтан-Сандалиту-ханом его братьям [150, с. 95]. Один из разделов «Сказания» Габан-Шараба озаглавлен так: «Повествование о том, как ойратские нойоны раздавали уделы сыновьям», причем и здесь понятие «удел» передано словом «умчи» [57, с. 24]. Саган-Сэцэн, автор «Эрдэнийн Тобчи», сообщает, что один из внуков Даян-хана, Билик-Мэргэн (1506—1550), имел девять сыновей, которые, получив в наследство отцовский улус, разделили его на девять частей. Говоря об улусе, наследстве, разделе улуса на части, Саган-Сэцэн также пользуется словом *умчи* [172, с. 110]. Это же слово употреблял и Батур-Убаши-Тюмен во всех случаях, когда говорил о владениях ойратских и калмыцких ханов и князей, передававших их по наследству своим сыновьям (см. [37, с. 75—78 и сл.]).

Тот факт, что феодальные владения во всей Монголии в XVI—XVII вв. были наследственной собственностью правящих омоков, настолько очевиден и общеизвестен, что едва ли есть необходимость увеличить число доказательств. Гораздо труднее ответить на вопрос: как развивался процесс превращения хуби в умчи и к ка-

кому времени можно отнести его завершение в основных монгольских районах, в частности в Западной Монголии, у ойратов? Известные нам источники не дают материалов для окончательного решения данного вопроса. Мы можем лишь высказать предположение, что этот процесс начался и развивался одновременно с распадом империи потомков Чингисхана, что изгнание монгольских феодалов из Китая дало мощный толчок к ускорению процесса, что в центральных и западных районах Монголии он полностью завершился на рубеже XV—XVI вв.

Выше мы уже приводили свидетельство «Мин ши», позволяющее заключить, что во второй половине XV в. наблюдалась возросшая самостоятельность владетельных князей Восточной и Западной Монголии. Вероятно, это свидетельство отражает превращение местных монгольских (в том числе и ойратских) правителей из пожизненных держателей ханской земли и кочевавших на ней айлов в полных и наследственных собственников этой земли.

Превращение земли и пастбищных территорий в монопольную собственность правящего класса феодалов привело к тому, что непосредственные производители — кочевники-скотоводы стали экономически зависимым классом, объектом феодальной эксплуатации. Уже в эпоху «Сокровенного сказания» были широко распространены такие понятия, как «податной народ», «народ, выполняющий повинности» (*albatu irgen*), «наследственные подданные», «наследственные крепостные» (*hariyatu ömči — yin irgen*), просто «крепостные» (*hariyatu irgen*), «подданные» (*arad irgen*). «Сокровенное сказание» говорит, что Чингисхан, разгромив Чжуркинский улус, превратил чжуркинцев и их подданных в своих собственных, наследственных крепостных (*öber-ün ömči irgen*) [92, с. 126, 140, 143]. Ван-хан, разбитый найманами, обратился к Чингисхану с просьбой помочь ему вернуть «податной народ и богатство» (*minü albatu irgen ba ed körlüngge*) [92, с. 115]. «Сокровенное сказание» говорило о таком общественном слое, как «челядь», «дворовые люди» (*ger-ün kümün*) [92, с. 126].

Находясь в экономической и политической зависимости от правящих омоков, монгольские труженики выполняли всевозможные повинности в пользу своих господ и феодального государства. Источники мало говорят о характере и размерах этих повинностей, за исключением военной службы. Первый известный науке законодательный акт, призванный регулировать такие повинности, связан с именем Угэдэй-хана. «Сокровенное сказание» излагает содержание указа, из которого видно, насколько велико было бремя поборов и повинностей, возложенных на народ. В указе Угэдэя говорится: «Не будем обременять государство... воздадим народ тихим благоденствием... введем порядки необременительные для народа» [92, с. 197]. Из дальнейшего текста выясняется, что «заботы» хана о благе народа свелись к следующему: а) каждое аратское хозяйство обязано было ежегодно давать для ханского стола одну двухгодовалую овцу, а в качестве налога для содержания бедных и неимущих — по одной овце от каждой сотни; б) каждая

тысяча обязана была выделить некоторое число кобылиц в казенные табуны и доильщиков для их подоя, управляющих ханскими пастбищами и кочевьями, стражей для охраны казенных складов, смотрителей почтовых станций (ямчинов) и верховых почтарей (улачинов) — по 20 на каждую станцию, лошадей и баранов для кормления проезжающих, дойных кобыл, упряжных волов и повозки в установленном числе на каждую станцию.

Если таковы «милости» хана Угэдэя, то можно представить, насколько тяжелыми были государственные поборы до его указа. Указ Угэдэя регулировал повинности аратских хозяйств по отношению к государству и совершенно не вмешивался во взаимоотношения между аратами и их непосредственными владыками — нойонами, на землях которых эти араты кочевали. Следует учесть также, что пребывание на военной службе и участие в походах не освобождало семьи воинов от обычных налогов и повинностей. Суммируя все это, можно ясно представить взаимоотношения классов в монгольском обществе того времени и довольно высокий уровень феодальной эксплуатации²⁸. Конечно, острота классовых противоречий затухала и смягчалась, с одной стороны, пережитками родовых отношений, весьма еще значительными в XIII—XIV вв., а с другой — успешными завоевательными войнами и эксплуатацией покоренных народов монгольскими феодалами, имевшими возможность выделять известную часть военной добычи и дани в пользу рядовых воинов и их семей. Однако такое «участие» в дележе добычи не вело и не могло вести к ликвидации классового неравенства и классовых противоречий.

Крушение империи, резко ухудшившее военно-политические позиции монгольских феодалов, привело к дальнейшему классовому расслоению монгольского общества, что, в свою очередь, повлекло за собой обострение классовой борьбы. «Мин ши» сообщает, что в середине XV в. один из монгольских владетельных князей обратился к императору Чжу Цичжэню с жалобой на подвластных ему аратов, из которых 1500 семей самовольно покинули его владения и откочевали. Не имея возможности своими силами вернуть беглецов, князь просил императора о помощи. Помощь была оказана, и бежавшие возвращены их «законному» владельцу. Этот случай — первое прямое указание в источниках на классовую борьбу. В дальнейшем сведения такого рода встречаются чаще; они позволяют сделать вывод, что самовольные откочевки феодально-зависимого аратства от их господ являлись самой ранней и распространенной в монгольском феодальном обществе формой классовой борьбы. Не приходится сомневаться, что приведенный в «Мин ши» случай не был не только первым, но и не единственным проявлением классовой борьбы аратов против феодальных владык.

Так обстояло дело во всей Монголии, в том числе и у ойратов. Некоторые особенности и различия в общественном строе восточных и западных монголов, несомненно, существовали. Они касались главным образом форм землепользования. О них мы будем говорить ниже.

* * *

Итак, данные трех монгольских летописей XVII в. и «Мин ши» не подтверждают, а опровергают бытовавшие в литературе утверждения, будто сразу или вскоре после изгнания монгольских завоевателей из Китая в западной части Монголии сложилось государство «Союз четырех ойратов», своим острием якобы направленное против Восточной Монголии и имевшее целью образование ойратской империи, подобной Юаньской.

Указанные источники говорят о том, что в конце XIV и в первой четверти XV в. ойратское население, кочевавшее в западных районах Монголии, представляло собой этническую и политическую общность, во главе которой стояли ойратские феодалы, считавшие себя вассалами общемонгольских ханов — потомков Чингиса. Ойраты поддерживали с восточномонгольскими феодалами разносторонние политические, экономические и бытовые отношения с характерными чертами, свойственными эпохе феодализма.

Монгольские и китайские источники не раскрывают всех сторон исторического развития Западной Монголии и ее основного населения — ойратов — в XV—XVI вв. Лишь привлечение тюркоязычных источников по истории Средней и Центральной Азии дает возможность всесторонне изучить историю ойратов и Джунгарии в рассматриваемое время. Данные, сообщаемые этими источниками, позволяют утверждать, что основную борьбу ойратские феодалы вели в XV и XVI вв. не на востоке, не против Китая и Восточной Монголии, а на западе, против могулистанских ханов и князей.

Основной причиной, обусловившей разрыв традиционных связей между феодалами Западной и Восточной Монголии и отказ первых от вассальной службы общемонгольским ханам — чингисидам, была борьба за торговые пути в Китай и торговые привилегии на китайских рынках. Это было главной экономической основой войн между ханами и князьями двух частей Монголии.

Источники не подтверждают, а опровергают мнение о характере борьбы между феодалами двух частей Монголии как своего рода тотальной, непримиримой и непрерывной войны. В действительности же в этой борьбе проявились все черты, типичные для войн феодальной эпохи, когда вооруженные столкновения перемежались политическим и военным сотрудничеством, династическими браками и союзами, свободным переходом из одного лагеря в другой, частыми превращениями союзников в противников, противников в союзников и т. д.²⁹

Социально-экономические процессы развивались более или менее одинаково как в восточной, так и в западной части Монголии. Важнейшей особенностью этого развития был повсеместный переход от государственной феодальной собственности на землю к частной феодальной собственности и соответственно от пожизненных пожалований земли (хуби) к наследственным (умчи). Этот процесс обусловил ликвидацию военно-ленной системы, созданной Чингисханом и существовавшей до конца династии Юань, способ-

ствовал экономическому и политическому укреплению местных феодальных владений, развитию феодальной раздробленности.

Параллельно происходило превращение древних родовых общин — омоков — в сравнительно небольшие по численности группы индивидуальных семейств, связанных узами близкого родства и ведущих индивидуальное хозяйство. Игнорирование этого процесса исследователями влекло за собой глубоко ошибочное отождествление омоков XVI—XIX вв. с древнемонгольскими родовыми общинами и на этом основании утверждение, что у монголов, и в частности у ойратов, сохранилась родо-племенная структура общества, что ойратские омоки дэрбэтов, хошоутов, торгоутов, чоросов, хойтов и др. представляли собой особые племенные общины. В действительности же эти омоки были феодальными династиями, включавшими в себя членов правящей фамилии. Подвластный народ, масса непосредственных производителей к этим омокам не имели отношения.

Источники свидетельствуют, что история ойратов в XV—XVI вв. является неразрывной составной частью истории монгольского народа, что исторические судьбы ойратов теснейшим образом переплетались с судьбой монголов, кочевавших в восточной части страны, влияя на нее и обуславливая развитие страны в целом.

Глава вторая

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

Конец XVI и первая половина XVII в. занимают особое место в истории Западной Монголии. События этого времени подготовили и обусловили образование Джунгарского ханства, которое возникло не вследствие тех или иных случайных причин, а как закономерный результат объективных процессов, развивавшихся в монгольском обществе. Характерные для рассматриваемого периода длительная борьба ойратских феодалов против внешних противников и ожесточенные междоусобицы являются отражением указанных процессов и могут быть правильно поняты лишь в связи с ними.

Еще В. Котвич отмечал тот большой интерес, который проявляли исследователи к данному периоду ойратской истории. Однако «источники для освещения этого периода, обнимающего более 150 лет,— говорил он,— еще не только не использованы, но и не приведены в должную известность» [95, с. 792]. В результате возникли значительные разногласия между исследователями по ряду важных проблем, связанных с историей образования Джунгарского ханства.

Одни исследователи видели в исторических событиях того времени отражение стремлений ойратских правителей восстановить империю Чингисхана и развернуть широкую экспансию против сопредельных стран, что стало якобы возможным тогда, когда во главе ойратов оказались энергичные вожди из дома Чорос, потомки Тогона и Эсена.

Этой точки зрения придерживались Н. Бичурин, А. Позднеев, Н. Веселовский, С. Козин и др. Первому из упомянутых исследователей принадлежит следующее высказывание: «По истечении такого времени (т. е. от правления Эсена до конца XVI в.— И. З.) пробудились они наконец от долговременного усыпления и бездействия и, чувствуя в себе новые силы, устремили внимание к восстановлению прежней своей славы; но недоставало благоразумного единодушия, и потому действовали и избирали к тому средства по личным видам. Хан Хара-Хула, как глава ойратов, желал ввести единодержавие, а владетели поколений хотели отдельно царствовать» [77, с. 27]. В другом месте Н. Бичурин писал: «По внимательном соображении обоесторонних сведений о переходе торгов от Алтая в Россию каждый убедится в истине, что сей переход, случившийся в одно время с переселением хошотов от

Алтая к Хухунору, произошел не от взаимных неудовольствий между ханами. В помянутых переселениях открывается новый и обдуманный план хитрых замыслов, которых вначале даже и Пекинский кабинет не мог приметить... Таким образом, ойраты без кровопролития приобрели господство над обширными странами в Азии от Алтая на запад до Каспийского моря, на юг до пределов Индии. Из сих обстоятельств очевидно, что ойраты, размножившись в продолжение 150-летнего мира от Эсены до Хара-Хулы, замыслили восстановить древнюю Чингисханову империю в Азии, и начало, увенчанное столь счастливым успехом, много обещало им в будущем» [77, с. 61—63]. Вот как рисовались Н. Бичурину смысл событий рассматриваемого времени и их внутренний механизм.

А. Позднеев, со своей стороны, решительно возражал против точки зрения П. Рычкова, И. Лепехина, И. Георги, А. Палласа, Н. Страхова, Н. Нефедьева, Ф. Бюллера, К. Костенкова и др., утверждавших, что в начале XVII в. в среде ойратских (калмыцких) поколений в Джунгарии последовательно появлялись деятельные князья (Хара-Хула, сын его Батур-хунтайджи и др.), которые стремились сплотить эти разрозненные поколения в одно целое. «Не задумываясь особенно над внутренним смыслом этого сказания,— писал А. Позднеев,— у нас порешили, что зюнгарские князья начала XVII в. стремились к образованию степной монархии под своей властью и что Хо-Урлюк, не желая подчиниться этой власти, собрал 50 000 кибиток своих данников и откочевал с ними в русские пределы» [119, с. 141—142].

Отвергая точку зрения указанных авторов, А. Позднеев, ссылаясь на сказания восточных историков, не названные, однако, им, а также на «дух жизни и быта кочевых народов», излагал свое понимание процессов, происходивших в ойратском обществе на рубеже XVI—XVII вв. «Известно,— писал он,— что все кочевники живут отдельными поколениями, и каждое из этих поколений управляется своим родоначальником. Не менее обычным фактом в истории Востока является то, что кочевые поколения, действуя поодиночке, никогда не чувствуют себя настолько могущественными, чтобы начать какое-нибудь дело, помимо простого набега и грабежа, а проявляют свою силу во вне только в том случае, если явится у них предводитель, который соединит их мелкие поколения в единый союз» [119, с. 142]. Так было и у ойратов, пока «в начале XVII в. не явились у них новые предводители в лице Хара-Хулы и преемника его Батур-хунтайджи, которые снова начали объединять ойратские поколения. Это объединение совершенно не было стремлением к единодержавию и не походило ни на подчинение вассальных владений в Европе, ни на уничтожение уделов в России» [119, с. 142]. Так представлял себе движущие силы истории кочевых народов А. Позднеев, по мнению которого все дело было в личных качествах и способностях предводителей. «Были у него (у предводителя.— И. З.) способности административные (как у Батур-хунтайджия) — поколения скрепляли свой союз изданием гражданских постановлений; имел он у себя исклю-

чительные таланты полководца (как Чингис-хан, Эсень и другие) — они ознаменовали себя одними войнами... Таковы заключения, выводимые нами из наблюдений над исторической жизнью кочевников и дающие нам совершенно иной взгляд на причины перехода калмыков в пределы России» [119, с. 143].

Уход из Джунгарии торгоутов и хошоутов, по мнению А. Позднеева, не только не ослабил ойратский союз, но, напротив, весьма его усилил. «А между тем именно это — то время (т. е. 30-е годы XVII в.— И. З.) и должно почитать за самый блестящий период усиления зюнгаров. Ойраты господствовали тогда над всем пространством от берегов Каспия на западе до Алашани на востоке и от Урала на севере до пределов Индии к югу. Это могущество дало им возможность вслед за сим овладеть еще Восточным Туркестаном, а в конце XVIII в. распространить свои завоевания на всю Монголию... Перекочевка Хо-Урлюка с его калмыками в Россию совершалась с общего ведома, одобрения и согласия всех ойратских поколений» [119, с. 144].

Такова позиция крупнейшего монголоведа конца XIX — начала XX в. Она может служить примером упрощенного анализа исторических явлений, в результате чего этот анализ оказывается в полном противоречии с исторической действительностью.

Н. Веселовский в своих лекциях об истории монголов выражал согласие с точкой зрения Н. Бичурина на причины откочевки из Джунгарии торгоутов и хошоутов. Ссылаясь на авторитет Н. Бичурина, Н. Веселовский говорил, что «это был хорошо задуманный план для завоевания новых земель и восстановления империи Чингисхана, а вовсе не удаление из вражды» [50, с. 97].

С. Козин, исследуя исторические корни калмыцкого эпического сказания «Джангариада», в свою очередь, писал: «Достаточно известны соображения Иакинфа Бичурина, а за ним профессоров Н. Веселовского и А. Позднеева, приписывавших ойратским предводителям идеи политического преемства наследия юаньских императоров, а также политические замыслы и планы восстановления в XVII столетии и, может быть, еще раньше, уже при Эсене в XV столетии, восстановления Юаньской империи; концепция эта получает неожиданное подкрепление в столь необычном источнике, как наша эпопея» [90, с. 79]. Ниже мы постараемся доказать несостоятельность попытки подкрепить концепцию Н. Бичурина, А. Позднеева и их единомышленников с помощью «Джангариады».

Следует отметить, что и Б. Владимирцов, не разделявший указанной концепции, в некоторых своих работах давал неясные характеристики общей обстановки в Монголии, и в частности у ойратов, в конце XVI — начале XVII в., когда, как он говорил, «вместе с укреплением некоторых монгольских ханств и племенных союзов начинается общее возрождение монгольской жизни... начинают возникать новые духовные потребности. Монголов, в особенности их аристократию, перестает удовлетворять первобытный шаманизм» [54, с. 99]. Что же касается ойратов, то Б. Владимирцов утверждал: «Буддийское возрождение в Монголии оказало свое влияние

и на ойратов, которые как раз в ту эпоху переживали период большого национального развития и мечтали об организации сильного кочевого государства — последняя в истории попытка образования кочевой империи в Центральной Азии» [54, с. 112]. Достоверные исторические факты не подтверждают мнения Б. Владимирцова о буддийском возрождении монголов, о том, будто национальный подъем ойратов выразился в новой попытке создать кочевую империю в Центральной Азии.

Другие русские востоковеды представляли себе суть событий того времени иначе. Г. Грум-Гржимайло, например, связывал откочевку из Джунгарии торгоутов и хошоутов с военными неудачами ойратов в борьбе против внешних противников и обострением внутриойратских противоречий во второй половине XVI — первой трети XVII в. Он писал: «Лишившись надежды овладеть Южной Джунгарией, калмыки, теснимые, по-видимому, с востока халхасцами, с одной стороны, двинулись долиной Иртыша на северо-запад и там достигли рек Ишима и Тобола, с другой — устремились на юг, за Нань-шань, к Кукунору. Эти передвижения ойратов в поисках свободных земель особенно усилились в первой половине XVII в., когда к вызвавшей их причине присоединилась другая, а именно: во главе дурбэн-ойратов встал воинственный и энергичный потомок Эсэня, глава джунгарских улусов, Хутугайту Хара-Хула, предпринявший объединение всех калмыцких племен под своей властью» [65, с. 629].

Конец XVI и первую половину XVII в. в истории ойратов В. Успенский выделяет как эпоху Хара-Хулы и Батур-хунтайджи. Он отмечает, что в трудах китайских историков того времени встречаются лишь редкие упоминания об ойратах, главным образом о борьбе указанных двух правителей за укрепление центральной власти, т. е. за образование объединенного ойратского ханства [147, с. 166].

Главная трудность, стоящая на пути исследователей истории ойратов рассматриваемого периода, заключается в том, что до нас не дошли летописные и иные материалы самих ойратов, хотя подлинно известно, что каждый ойратский княжеский дом вел подробные генеалогические записи. Часть из них в XVIII в., после разгрома Джунгарского ханства, попала в руки цинских властей, частично опубликовавших их в китайских историко-географических сочинениях, использованных, в свою очередь, Н. Бичуриным в его трудах о Джунгарии и ойратах. Некоторые ойратские летописные материалы и генеалогические записи попали к калмыкам на Волгу, где с ними, по-видимому, ознакомились Габан-Шараб и Батур-Убаши-Тюмен.

У ойратов в Джунгарии, как говорили П. Палласу правители и князья волжских калмыков, кроме генеалогических таблиц велись и исторические хроники. Известно, что подобная хроника велась при ставке Батур-хунтайджи и его преемников. Но все эти материалы до нас не дошли. «Испытанные ими превратности судьбы, — писал об ойратах В. Котвич, — не способствовали сохра-

нению исторической литературы, которая, несомненно, у них существовала» [95, с. 792].

В основе нашего изложения истории образования Джунгарского ханства лежат «Сказания» Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена, биография Зая-Пандиты и, наконец, русские архивные материалы. Эти источники, взятые вместе, составляют значительную документальную базу. Об особенностях «Сказаний» и биографии Зая-Пандиты как источников по истории ойратов мы уже говорили во Введении. Что же касается русских архивных материалов, то главное о них было сказано В. Котвичем в его неоднократно упоминавшейся нами работе. Остается лишь добавить, что в 1959 г. в Москве вышел в свет сборник «Материалы по истории русско-монгольских отношений», в который вошли и систематически подобранные документы по русско-ойратским отношениям, охватывающие 1607—1636 гг. и, следовательно, освещающие события первых лет существования Джунгарского ханства. Нужно отметить, что сведения об ойратах появились в России раньше, чем представителями русской государственной власти был составлен о них первый официальный документ. Об этом свидетельствуют старинные сибирские летописи — Есиповская, Строгановская, Ремезовская и Черепановская. Первые три опубликованы и достаточно широко известны, четвертая, к сожалению, еще остается в рукописи и хранится в фондах ЦГАДА. Между тем летопись Черепанова имеет немалую ценность как источник по истории народов Сибири и сопредельных народов, в том числе ойратов. Для нас ее значение определяется тем, что она доводит историю ойратов и русско-ойратских отношений до самого конца существования Джунгарского ханства и сообщает факты, проверенные летописцем. Данные Черепановской летописи по ойратской истории можно считать достоверными, так как они подтверждаются сведениями из других источников [138; 23, с. 308—323].

Опираясь на указанные выше монгольские и русские источники, мы пришли к выводам, существенно расходящимся с концепцией Н. Бичурина, А. Позднеева, С. Козина, Н. Веселовского и их последователей в отношении того периода ойратской истории, который закономерно обусловил образование Джунгарского ханства.

1. Западная Монголия во второй половине XVI в.

Для середины и особенно второй половины XVI в. характерны значительные передвижения монгольских кочевий, приведшие к общему расширению занимаемой ими территории. Начало этим передвижениям положил упоминавшийся выше восточномонгольский Ибири-тайджи, который в начале XVI в. восстал против Даян-хана, но потерпел поражение и бежал на запад, в район Кукунора. В это время монголы прочно обосновались в степях к югу от Гоби. В середине XVI в. восточномонгольские феодалы стали хозяевами Ордоса, откуда туметский Алтан-хан в 1559 г. проник в Кукунор

и Амдо, которые он передал в наследственное владение своим сыновьям [173, с. 341]. Сюда же на свободные пастбищные территории вслед за ними прибывали и другие восточномонгольские князья.

Какова причина этих передвижений? Китайские источники объясняют их тем, что ханы и князья искали новые пастбища, богатые травой и водой. Почему же они покинули старые кочевья, кормовые и водные ресурсы, которые до этого удовлетворяли их? Прямого ответа ни китайские, ни монгольские источники не дают. Мы находим в них лишь косвенные данные, свидетельствующие, что старые пастбищные территории оказались недостаточными вследствие роста стад, что ограниченность кормовых ресурсов стала лимитировать рост скотоводства, особенно в крупных феодальных хозяйствах. Рост поголовья скота требовал дополнительных кормовых угодий. Отмечаемые всеми источниками значительные перемещения монгольских кочевий явились, видимо, прямым следствием указанных обстоятельств.

О росте численности стад в Монголии мы можем судить по данным, относящимся к XVI и XVII вв. Об этом, например, говорят упорство и настойчивость, с которыми монгольские владетельные князья добивались открытия Китаем меновых рынков. Лишь острая экономическая потребность в налаженном обмене излишков продукции растущего скотоводческого хозяйства на китайские сельскохозяйственные и ремесленные товары может объяснить политику туметского Алтан-хана, могущественнейшего в то время феодала Южной Монголии, по отношению к Минской династии Китая. Алтан-хан неоднократно обращался к китайским властям с предложением об открытии рынков, подчеркивая, что при этом условии вдоль монголо-китайской границы воцарится устойчивый мир, китайцы смогут беспрепятственно заниматься земледелием, а монголы — скотоводством. Заслуживает внимания указание «Мин ши» о том, что к 30-м годам XVI в. Алтан-хан «был весьма богат и силен, управляя многими десятками тысяч войска и обладая огромным количеством скота и другого имущества. Он стал воздерживаться от военных действий и, отделившись от многочисленных племен, пребывавших на северо-западной границе, откочевал на восток» [126, с. 151, 162; 174]. Нам кажется несомненным наличие прямой связи между крупными размерами хозяйства Алтан-хана, его отделением от других хозяйств, откочевкой на новые, никем не занятые территории и, наконец, его стремлением к миру и торговле. Вопросы меновой торговли составляли главное содержание переговоров между монгольскими правителями и китайскими властями, причем за неудачным исходом переговоров каждый раз следовало возобновление вооруженных вторжений монгольских феодалов, и в первую очередь самого Алтан-хана, в пределы Китая. По данным «Мин ши», в 1571 г., когда была легализована монгольская торговля в Китае, на четырех рынках (в Датуне, Синине, Чжанцзякоу и Шанси) в течение двух-трех недель монголы продали казне и частным купцам около 29 тыс. лошадей. Известно так-

же, что в начале XVII в. правительство Китая ежегодно закупало только у наследников Алтан-хана около 52 тыс. лошадей; оно покупало скот и у других монгольских феодалов. Существовали частные закупки монгольского скота и китайскими купцами [126, с. 196—197; 62, с. 138—139].

Рост численности стад в Монголии подтверждается и данными о подношениях хана и князей иерархам ламаистской церкви. Стада, принадлежавшие последним, в короткое время начинали исчисляться тысячами и десятками тысяч голов [121, с. 111]. Рост поголовья скота не мог не вызвать потребность в новых пастбищных территориях.

Этому же способствовал и непрерывно развивавшийся процесс раздела ханства и княжеств между многочисленными потомками правителей, причем каждый из наследников требовал в качестве своей доли наследства особую территорию. Широко известен факт раздела Монголии Даян-ханом между его одиннадцатью сыновьями, которые, в свою очередь, делили доставшиеся им уделы между своими наследниками. Безостановочное дробление уделов неминуемо вело к их измельчению, к падению их экономического и политического значения. Габан-Шараб и Батур-Убаши-Тюмен в своих «Сказаниях» приводят данные, свидетельствующие о том, что ханы и князья в XVI—XVII вв. сами были озабочены процессом дробления уделов и по этой причине стремились улучшить порядок наследования [37, с. 78; 36, 1860, № 11; 57, с. 39]. Не имея, однако, возможности изменить древние традиции, зафиксированные в обычном и письменном праве монголов, ханы и князья искали новые территории, видя в этом средство задержать дальнейшее измельчение и ослабление уделов.

Таким образом, рост численности стад и процесс дробления уделов были, по-видимому, главными причинами того, что монгольские феодалы в XVI в. стали продвигаться в обширные северо-западные области застенного Китая, которые в те времена были очень слабо заселены¹. В середине XVI в. сильнейшим в Восточной Монголии было владение туметского Алтан-хана. Естественным поэтому, что именно он стал фактическим собственником земель Ордоса, Кукунора и Амдо, которые отдал в наследственное владение своим сыновьям.

Так обстояло дело в Восточной Монголии. Аналогичные процессы протекали и в западной части страны, у ойратских феодалов. Владения ойратов XV—XVI вв. занимали сравнительно небольшую территорию, от оз. Зайсан до г. Карашар на западе, ограниченную на востоке западными склонами Хангайских гор; на юге их кочевья не доходили до Турфана, Баркуля и Хами. Что же касается северных рубежей ойратских владений, то о них в источниках мы не находим точных сведений; можно лишь утверждать, что эти рубежи не заходили за линию южных границ владений казахов, киргизов и других народностей, кочевавших в верховьях Иртыша и Енисея.

Как мы уже говорили, одной из причин ойратско-казахских войн

было стремление ойратских феодалов пробиться к сырдарьинским городам, а через них — к среднеазиатским рынкам, нужда в которых была тем более острой, чем большим было поголовье скота у ойратов и чем труднее становился доступ к рынкам Китая. Выше уже сообщалось, что Дженкинсон в 1557 г. не мог продолжать свое путешествие в Пекин из-за ожесточенной войны между ойратами и казахами. В дальнейшем, когда ойратские правители вступили в непосредственные сношения с властями Русского государства, они стали с той же настойчивостью добиваться права продавать скот и скотоводческое сырье на русских рынках, с какой в свое время требовали у китайских властей открытия меновых рынков. И если русско-ойратские отношения развивались в основном в духе мирного соседства, то объясняется это в первую очередь тем, что обе стороны в равной мере были заинтересованы в развитии торгового обмена.

Сведения, сообщаемые биографом Зая-Пандиты, позволяют хотя бы приблизительно представить себе численность стад ойратских феодалов. В 1643 г. Зая-Пандита получил в дар от дэрбэтского Хундулен-убаши 5 тыс. голов скота. В 1645 г. Зая и другие ламы получили от князей богатые дары: самому Зае досталось 10 тыс. лошадей, другим высшим ламам — по 1000 и 500, рядовым — по 100, 60 и 10 лошадей [167, с. 9]. В 1647 г. Эрдэни-хунтайджи подарил Зае 6 тыс. овец, в 1649 г. один из владетельных князей — 100 быков, 1 тыс. овец и 40 лошадей. Приведенные цифры позволяют судить о количестве скота, принадлежавшего самим дарителям — светским феодалам. Источники сообщают, что в 1649 г. Очирту-Цецен-хан отправился в Тибет. Для покрытия расходов он собрал табун в 10 тыс. лошадей [167, с. 12—13]. Жена этого хана владела стадом, насчитывавшим более 20 тыс. голов крупного и мелкого скота [167, с. 21].

Неизвестный иностранец, наблюдавший в XVII в. жизнь ойратов, писал: «У них много лошадей, быков, а также буйволов и овец... этим они крупно промышляют, отправляясь, например, в Китай (с табунном) в 8 тыс. и 10 тыс. лошадей, не считая овец и быков, которых они меняют на серебро и всякое добро. С подобными же табунами являются они ежегодно в Тобольск и Томск и меняют все это на товары, как, например, на юфть, медные котелки, кружки из желтой меди, железо и выдру, мех которой они предпочитают другим мехам» [22, с. 172]. Мы можем рассматривать это описание как дополнительное свидетельство огромных размеров скотоводческого хозяйства ойратских феодалов. Правда, нельзя не учитывать то, что приведенные цифры относятся не к XVI, а к середине XVII в. Но какие бы поправки мы к ним ни сделали, несомненным остается сам факт наличия крупного скотоводческого хозяйства феодалов и рост численности принадлежавших им стад, дававших продукцию, во много раз превышающую личные потребности владельцев².

Рост численности стад и безостановочное дробление уделов толкали ойратских ханов и князей на путь территориальных захватов.

Внутренние взаимоотношения и внешняя политика ханов и князей как Восточной, так и Западной Монголии к середине XVI в. стали определяться уже не только такими стародавними, можно сказать, традиционными факторами, как борьба за рынки и за господство над торговыми путями, но и новыми — борьбой за пастбищные территории, необходимые для разрастающихся стад и для удовлетворения требований многочисленных наследников владетельных князей.

Указанные обстоятельства проливают свет на события, непосредственно предшествовавшие образованию Джунгарского ханства и обусловившие его рождение.

Монгольские источники «Алтан Тобчи» и «Эрдэнийн Тобчи» свидетельствуют, что в середине XVI в. началась новая серия вооруженных столкновений между ойратскими и восточномонгольскими феодалами. Первое из них произошло в 1552 г., когда против ойратов выступил туметский Алтан-хан [172, с. 173]. Важно отметить, что этому столкновению предшествовало столетие мирных и бесконфликтных отношений между феодалами востока и запада Монголии. Годы правления Даян-хана характеризовались тесным военным и политическим сотрудничеством этих феодалов, причем ойратские ханы и князья служили всемонгольскому правителю как верные вассалы своему сюзерену.

Что же явилось причиной конфликта 1552 г. и ряда последующих войн между восточными и западными монголами?

Есть все основания полагать, что это также было связано главным образом с ростом численности стад, необходимостью удовлетворять притязания растущего числа наследников и, наконец, с военными неудачами ойратских феодалов в борьбе против Могулистана и других противников.

Китайские источники поворят, что после разгрома, учиненного могулистанским Мансур-ханом в 1530 г., ойратские правители все чаще и чаще проникали в долины Ганьсу — Кукунора, что не могло не вызвать опасения у восточномонгольских ханов, уже привыкших рассматривать указанные области как свою территорию. Стремление ойратов обосноваться в этих областях и нежелание восточных монголов допустить их туда и явились теми главными причинами, которые привели к срыву мирных отношений и к возобновлению вооруженной борьбы.

Новое столкновение между ойратами и восточными монголами произошло через десять лет, в 1562 г., когда правнук Даян-хана, Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи, напал на торгоутов, принудил их к бегству и преследовал до берегов Иртыша [172, с. 174]. Еще через 12 лет, в 1574 г., развернулись военные действия между правителем Ордоса Буян-Батур-хунтайджи и ойратским Эсельбейн-хя, властвовавшим над хойтами. Последние потерпели поражение, а Эсельбейн-хя был взят в плен. В это же время Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи, приходившийся двоюродным братом Буян-Батуру, вместе со своим сыном громил отжи батутов и чоросов. Вскоре, однако, Эсельбейн-хя освободился из плена; собрав силы, он напал

на Буян-Батура, разбил его войско, а его самого убил³ [172, с. 180—181; 102, № 13].

О дальнейших вооруженных конфликтах между восточными и западными монголами повествуют летопись «Эрдэнийн эрихэ», оба ойратских «Сказания» и русские архивные материалы. Указанные источники единодушно свидетельствуют, что в этих конфликтах на стороне восточных монголов уже не выступали ханы и князья Кукунора, Ордоса и других владений южнее Гоби. Место южно-гобийских феодалов заняли в 70-х годах XVI в. ханы и князья Халхи, до этого не участвовавшие в борьбе с ойратами.

Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» сообщает, что правнук Даян-хана и внук Гэрэсэндээ, родоначальник династии правителей Халхи, Абатай (1534—1586) нанес поражение ойратам в местности Кубкэр-гэрийн и навязал им в правители своего сына Субагата. Точная дата этого события неизвестна; по данным А. Позднеева, оно не могло произойти позже 1577 г. [121, с. 104]. В эти же годы против ойратов выступил другой халхаский правитель — Сайн-Лайхор-хан (основатель династии Дзасакту), который дал им бой в устье р. Эмель, но победы не одержал [9, с. 219; 91, с. 92; 102, № 8]. В 1586 г. умер Абатай. Этим воспользовались ойраты, они подняли восстание, убили Субагата и восстановили свою самостоятельность.

Характерной чертой этих конфликтов является то, что во всех случаях против ойратов выступали восточномонгольские феодалы, владения которых непосредственно соприкасались с кочевьями ойратских правителей. Конфликты были локальными, пограничными. В них участвовали чаще всего какое-либо одно восточномонгольское и одно ойратское феодальное владение. Такие столкновения имели место не только в той пограничной зоне, где кочевали ойраты и их восточномонгольские соседи, но и на территории всей Монголии. Естественно, что при таких локальных конфликтах решались только локальные задачи. Они сводились к захвату пастбищ, скота и крепостных, принадлежавших соседнему владельцу. Многочисленные данные восточномонгольских, ойратских, калмыцких и русских источников свидетельствуют о том, что подавляющее большинство междоусобиц, которые в рассматриваемое время происходили очень часто по всей Монголии, были в своей основе локальными, преследовали местные, ограниченные цели.

Рассматривая, однако, всю цепь конфликтов между ойратами и восточными монголами в конце XVI — начале XVII в., мы замечаем одну общую тенденцию — стремление восточномонгольских феодалов оттеснить ойратские кочевья возможно дальше на запад, за Алтайские горы. По данным источников, в 70—80-х годах XVI в. на восточном фланге ойратских кочевий, ближе всего к восточномонгольским владениям, находились хойты, за которыми располагались торгоуты, а еще дальше — чоросы, дэрбэты и хошоуты [91, с. 99]. В дальнейшем в результате обострения халхаско-ойратских отношений и ряда войн порядок размещения ойратских кочевий стал довольно часто меняться. Первыми подверглись нападению

с востока кочевья хойтов. Вслед за хойтами пришла очередь торгоутов и чоросов. Источники не отмечают ни одного случая нападения восточномонгольских феодалов на дэрбэтов и хошоутов, кочевья которых в 70—80-х годах XVI в. располагались на западном фланге ойратов. Согласно данным источника, в этих нападениях участвовали только непосредственные соседи ойратов. Все это лишний раз свидетельствует, что тогдашние конфликты между ойратскими и восточномонгольскими феодалами имели весьма ограниченное, чисто местное значение, причем перевес в этой борьбе был, как правило, на стороне халхаских ханов и князей.

Между тем и на западе положение ойратов ухудшалось. Здесь против них продолжали выступать правители Турфана, с одной стороны, ханы и султаны Казахстана — с другой. Раздробленные и разобщенные ойратские феодальные владения не могли вести борьбу на востоке и на западе одновременно. Ойраты терпели неудачи.

В 1588 г. правители Турфана нанесли им очередное поражение и принудили бежать на восток, в Наньшань и район г. Синина. Столь же неудачно складывалась для ойратских феодалов и борьба с казахскими ханами. Об этом свидетельствуют слова, сказанные в Москве в начале 1595 г. Кулмагметом, послом хана казахов Тевеккеля члену посольства Ураз-Мепмету. «Ныне, — говорил посол, — дядя твой Тевкел-царевич — царь учинился на Казатцкой орде, а брата своего Шах-Магметя-царевича посадил на колмаках» [14, 1595, оп. 1, д. 2, л. 8]. О господстве казахов над ойратами говорится также в датируемой мартом 1595 г. жалованной грамоте царя Федора Ивановича хану Тевеккелю о принятии его в русское подданство. «Присылал еси, — говорится в грамоте, — к нашему царскому величеству человека своего Кулмагметя з грамотою, а в грамоте своей к нашему царскому величеству писал еси... учинился еси царем на дву ордах на Казатцкой да на Колматцкой. И нам бы, великому государю... тебя пожаловати, принять под свою царскую руку с обеими вашими ордами и с Казатцкою и с Колмытцкою... и вам бы, Тевекелю — царю и брате твоей царевичем Казатцкой и Колматцкой орды... в нашем царском жаловании и в повеление от нас неотступными быти» [15, 1595, оп. 2, д. 1, л. 8].

Трудно сказать, в какой мере эти свидетельства правильны и отражают историческую действительность. Ни в одном известном нам монгольском, китайском, русском или тюркоязычном источнике мы не находим сведений, подтверждающих заявление казахского посла, воспроизведенное в грамоте царя Федора Ивановича, о подчинении ойратов власти казахского хана. Во всяком случае, следует решительно отвергнуть предположение о признании этой власти всеми ойратскими правителями. Речь может идти лишь о том, что в начале 90-х годов XVI в. одно или несколько ойратских княжеств, кочевья которых соприкасались с казахскими, в результате военного поражения оказались вынужденными признать власть хана казахов и в течение некоторого, вероятно непродолжительного, времени служить ему. Эти события, видимо, и отрази-

лись в заявлении Кулмагмета и грамоте русского царя. Временными подданными казахов могли быть торгоутские или дэрбэтские князья.

Тогда же началась и длительная, растянувшаяся на целое столетие вооруженная борьба халхаских правителей, известных в литературе и русских источниках под именем Алтын-ханов, против ойратов. В отличие от названных выше вооруженных конфликтов второй половины XVI в. она вышла за рамки местных, пограничных инцидентов и превратилась в большую войну. В нее постепенно были втянуты все ойратские владения.

Государство Алтын-ханов располагалось в северо-западном углу Халхи, между озерами Хубсугул и Убса. Первоначально оно представляло собой лишь часть обширного владения Дзасакту-ханов — один из его отоков, граничивший на севере с владениями урянхайцев, на юге — с кочевьями других дзасактухановских правителей, на западе — с ойратскими княжествами и на востоке — с отоками Тушету-хана. В дальнейшем, однако, Алтын-ханам удалось упрочить свое положение внутри отведенного им отока, подчинить ряд мелких племенных групп и народностей, обитавших в сопредельных районах Южной Сибири, и превратить их в своих данников. Сосредоточившись непосредственно с Русским государством, они первые среди восточномонгольских правителей вступили с ним в разносторонние деловые отношения и стали проводить самостоятельную внешнюю политику, мало считаясь с интересами и волей своего сюзерена Дзасакту-хана. Превратившись в довольно мощную военно-политическую силу, держава Алтын-ханов в течение примерно трех четвертей XVII в. играла заметную роль в истории Южной Сибири.

Первым Алтын-ханом был правнук Гэрэсэндэ и двоюродный брат упоминавшегося выше Сайн-Лайхор-хана — Шолой-Убаши-хунтайджи. Он же был инициатором халхаско-ойратской войны. О первом ее сражении рассказывают два ойратских источника: «Сказание о дэрбэн-ойратах» Батур-Убаши-Тюмена и «История Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами» анонимного автора.

Эти источники говорят, что Шолой-Убаши-хунтайджи, действуя в союзе с Сайн-Маджиком, правителем Урянхая, в 1587 г. выступил из урочищ Хангая в поход против ойратов с войском, состоявшим из восьми тем (80 тыс.) воинов. Шесть с половиной тем были его собственные, а полторы тьмы — урянхайского правителя. С этой армией союзники вторглись в пределы ойратских владений. Маршрут их точно неизвестен. Мы знаем лишь, что они преодолели гору Налха-Ухэр и пришли в местность Нал-Хара-Бурок, откуда разослали разведчиков с заданием установить местопребывание ойратов. Разведчики вернулись, не найдя противника. Тогда Шолой-Убаши-хунтайджи устроил совещание представителей «высших, средних и низших сословий» [9, с. 199], т. е., надо полагать, военачальников различных категорий, для решения вопроса о дальнейших действиях. «Где найдете кочевья их? — говорил Шолой. — Может быть, они кочуют на севере, может быть, на юге, их

кочевья неопределенны». Сайн-Маджик возразил, что «все-таки они кочуют постоянно на одной стороне».

С отрядом разведчиков в 200 человек Сайн-Маджик поднялся на высокую гору и сказал: «Идите в эту сторону, дойдете до реки Иртыш, идите по ее течению. Когда дойдете до места между черным лесом, растущим на нагорной стороне, и желтым камышом, растущим на низменной, найдете брод, называемый Мани, переправьтесь здесь через реку и ищите там ойратов по течению и против» [9, с. 199]. Разведчики вернулись через несколько дней, привезя с собой ойратского мальчика, захваченного у устья Эмели и назвавшегося подданным хошоутского Байбагас-хана. На допросе у Шолой-Убаши-хунтайджи мальчик сказал, что ближе других от войск Шолой-Убаши-хунтайджи оказались кочевья торгоутского князя Сайн-Сэрдэнги, за ним, в истоках Иртыша, кочует хойтский князь Сайн-хя (сын Эсельбейн-хя), дальше идут владения чоросского Хара-Хулы, дэрбэтского Сайн-Тэбэнэ, который кочует в истоках Нарын-гола, и, наконец, хошоутского Байбагас-хана.

Эти сведения позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, Шолой-Убаши и Сайн-Маджик вторглись в ойратские пределы, видимо, со стороны Урянхая; во-вторых, в момент вторжения все ойратские владения оказались на левом, низменном берегу Иртыша, доходя до Иссык-Куля; в-третьих, хойты, в 1552 г. кочевавшие по р. Кунге, в 1587 г. оказались в верховьях Иртыша; в-четвертых, хошоуты в 1587 г. занимали своими кочевьями местность к западу от Тарбагатай, по берегам рек Эмель и Или.

В описываемое время у ойратов, как об этом уже неоднократно говорилось выше, существовало большое число самостоятельных владений. Каждое из них фактически было независимым и никому не подчинявшимся «государством». Однако частые войны и связанное с ними длительное политическое и хозяйственное напряжение сделали необходимыми периодические съезды («чулганы», или «хуралы») владетельных князей. Ими руководил чулган-дарга (председатель чулгана), в задачу которого входило согласование действий владетельных князей. Лицо, занимавшее должности чулган-дарги, было выборным и никакой властью не обладало. Ю. Лыткин называет его «первенствующим членом сейма». В 1587 г. чулган-даргой был правитель хошоутов Байбагас-хан.

Угроза потери самостоятельности и превращения в подданных халхаского Шолой-Убаши и урянхайского Сайн-Маджика потребовала от ойратских князей мобилизации сил. Они выставили войско из пяти тем, которое должно было отразить натиск восьми тем восточных монголов. В состав ойратского войска вошло 30 тыс. хошоутов, 8 тыс. дэрбэтов, 6 тыс. чоросов, 4 тыс. хойтов и 2 тыс. торгоутов. Наибольшее войско выставил хошоутский Байбагас-хан, который был самым могущественным; он постоянно держал при себе отряд в 16 тыс. воинов и считался среди ойратских правителей наиболее влиятельным и авторитетным в вопросах религии и управления.

Как же разворачивались события, связанные с походом Шолой-

Убаши-хунтайджи? В источниках нет полного освещения этих событий, там путаются даты и факты, объективное изложение нередко подменяется вымыслами. Ю. Лыткин сообщает, что в подлинном тексте переведенного им «Сказания о дэрбэн-ойратах» имеется примечание, написанное не Батур-Убаши-Тюменом, а кем-то другим: «Хан халхаских монголов Убуши-хунтайчжи, желая взять ойратов в плен и уничтожить правление их и религию, вместе с урянхайским Сайн-Мачжиком с большим войском прибыл к р. Емнелю (Эмель? — И. З.). Ойратские нойоны, начиная от хана Байбагаса, собрали мужественных воинов и сразились: ойратский витель по имени Сайн-Серденкой (сын Манхая, торгоут) убил монгольского хана Убуши-хунтайчжия на берегу Иртыша, при переправе Мани» [37, с. 79; 36, 1860, № 12].

Ю. Лыткин свидетельствует о том, что в двух калмыцких улусах на Волге (в хошоутском и в малодэрбэтском) ему довелось слышать предание, согласно которому сын Убаши-хунтайджи, Мухур-Маджик, став взрослым, решил отомстить ойратам за убийство своего отца. Он собрал большое войско, напал на ойратов, нанес им поражение и хотел уничтожить само имя ойратов и их самостоятельное правление. Но благодаря гибкой политике хойтского князя Сайн-хя эта угроза была предотвращена. Мухур-Маджик был взят в плен ойратами, заставившими его дать клятвенное обещание соблюдать мир [37, с. 82; 36, 1861, № 13]. Нет сомнений, что в этом предании историческая правда перемешана с вымыслом, но тем не менее оно в известной мере отражает характер взаимоотношений ойратских владетельных князей с халхаскими в конце XVI — начале XVII в. В основе этих отношений помимо других обстоятельств лежала борьба за обладание пастбищными территориями.

Ю. Лыткин считает войну 1587 г. поворотным пунктом в истории ойратов. Она, по его мнению, отразила тот факт, что период падения военного могущества ойратов остался позади, началась новая страница их исторической жизни, восстановление их былой славы. Он писал: «С этого времени ойраты устремились все внимание на восстановление и утверждение своей славы и своей силы: 1587 год есть год, с которого начинается их известность, их новые стремления, новая жизнь». До этого времени у восточных монголов, как и у ойратов, владетельные князья не подчинялись никакой объединяющей власти. Ойратские правители «не оказывали должного уважения Чоросскому дому, первенствовавшему (после смерти Эсена. — И. З.) на ойратском сейме, и следовали своим личным интересам... Образовалось множество владельцев, которые самостоятельно и независимо распоряжались в своем улусе, отнимали друг у друга улусы, увеличивали свои силы и снова падали перед сильнейшим; лишь только в общих делах, касавшихся всех ойратских поколений, они соединялись вместе» [102, № 7]. Как только общая опасность проходила, внутренняя борьба возобновлялась. В конце XVI — начале XVII в. среди ойратов боролись две основные группировки: во главе одной стоял хошоутский прави-

тель Байбагас, во главе другой — чоросский правитель Хара-Хула. Последний, «желая восстановить прежние влияния Чоросского дома и быть первенствующим на ойратском сейме, старался увеличить свои силы за счет мелких владельцев, нападая на них, как „куций серый волк утром на заре нападает на овец“, и взирая на прочих сильных владетелей поколений, как „голодный беркут“» [26, № 8].

Иначе представлял себе общее положение ойратских владений С. Козин, который видел в войне 1587 г. доказательство того, что «разрозненности и взаимной вражде халхаских князей противостоял мощный ойратский союз, располагавший 50-тысячным корпусом одних только княжеских дружин» [91, с. 91]. Правда, известны и другие высказывания, противоречащие приведенному выше и тоже принадлежащие С. Козину. Он, например, писал: «В результате блестящих, но в конечном счете бесплодных военных предприятий ойратские предводители, нажив себе смертельных врагов в лице монголов, китайцев и казахов, теснимые с юга, востока и запада, очутились к началу XVII в. в очень тяжелых стратегических и внешнеполитических условиях, выход из которых они пытались найти в продвижении на запад, с одной стороны, и в достижении мирного соглашения с монголами, с другой стороны» [90, с. 5].

Факты, сообщаемые источниками, убедительно говорят о том, что характеристика Ю. Лыткиным внутренней и внешнеполитической обстановки, сложившейся к концу XVI в. в ойратском обществе, является правильной. И в самом деле, окруженные со всех сторон сильными кочевыми и оседлыми феодальными ханствами и княжествами, стремившимися преградить им пути к меновым рынкам, овладеть их территорией и богатствами, ойратские феодалы в течение второй половины XVI в. терпели военные неудачи, с трудом отстаивая свою самостоятельность. Отступая под натиском одного противника, они попадали под удар другого. Остро нуждаясь в меновых рынках, наглухо отрезанные от Китая, ойратские ханы и князья пытались пробиться к рынкам Средней Азии, но встречали отпор могулистанских и казахских ханов и султанов. Положение усугублялось растущей нехваткой пастбищ как в связи с возросшими внутренними потребностями, так еще больше в связи с неудачами на полях сражений.

Ойратское феодальное общество находилось в состоянии кризиса. Выход из него мог быть найден лишь путем преодоления раздробленности и разобщенности, объединения разрозненных ойратских владений в одно феодальное ханство с достаточно твердой центральной властью. Образование единого ойратского государства было объективной необходимостью. Без такого государства у ойратских феодалов не было шансов отстоять свои владения и расширить пастбищные территории, следовательно, хозяйство ханов и князей не могло развиваться, а их многочисленные отпрыски — получить желаемое наследство. В создавшейся обстановке появились деятели, способные возглавить борьбу за преодоление

кризиса. Одним из них оказался Хара-Хула, правитель Чоросского княжества, сыгравший крупнейшую роль в объединении ойратских владений и образовании Джунгарского ханства. Что касается расширения пастбищных территорий, то выход был в конечном счете найден в откочевке ряда владетельных князей и подвластного им ойратского населения в новые районы, овладение которыми требовало минимальных потерь и жертв. Такими районами оказались для одних князей низовья Волги, для других — степи Кукунора⁴.

Но положительное решение указанных задач было достигнуто лишь в результате чуть ли не полувековой борьбы.

Источники весьма скупо говорят о событиях внутренней истории ойратского общества конца XVI в., но из того, что они сообщают, ясно видно обострение борьбы между владетельными князьями и крушение всех попыток найти путь к примирению. Батур-Убаши-Тюмен, например, пишет о неоднократных клятвенных обещаниях ойратских князей, что «не только они сами, но и потомки их из рода в род, из поколения в поколение не будут наносить вред друг другу» [37, с. 70; 36, 1860, № 11]. Однако эти клятвенные обязательства нарушались так же легко, как и давались.

Данные, сообщаемые источниками, позволяют утверждать, что в основе ойратских межфеодалных усобиц конца XVI — начала XVII в. лежала борьба за долю каждого в общей массе феодальной ренты и других феодальных доходов, получаемых от эксплуатации ойратского крестьянства. Тенденция сокращения феодальных доходов как результат указанного выше кризиса имела своим неизбежным следствием дальнейшее обострение этой борьбы. Каждый участник феодальных усобиц стремился найти выход из кризиса за счет других феодалов путем их вытеснения или же уничтожения.

2. Образование Джунгарского ханства

Важные сведения по истории западных монголов начиная с последней трети XVI в. содержатся в сибирских летописях.

Самое раннее упоминание об ойратах в русских источниках мы находим в Строгановской летописи. В ней излагается указ царя Ивана IV от 30 мая 1574 г. на имя Строгановых, которым повелевалось: «А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и иных земель с какими товары, и у них торговати повольно беспощинно» [137, с. 54]. Эта же летопись рассказывает о нападении в 1582 г. остяков и вогуличей на царя Кучума, который «не веде, где от них детися, и побеже в колмацкия улусы и бега подсмотри тамо конские стада и отгна... калмаки же ощутиша его и погнаша в след его и кони свои отполониша; он же едва у них утече и отголе бежав в Нагайскую землю» [138, с. 80].

Другая летопись, Есиповская, в кратком описании Сибири сообщает, что по берегам Туры, Тобола, Иртыша, Оби «жительства

имеют мнози языцы: Тотаровя, Колмыки, Мугалы... Тотаровя закон Моаметов держат; калмыки же, которой закон, или отец своих предание [держат], не вем, понеже бо писмени о сем не обретох и ни испытати возмогах» [138, с. 111]⁵.

Сведения об ойратах имеются и в Ремезовской летописи. В ней встречается указание на то, что во времена царя Кучума в устье Ишима стоял городок Кулары, который был «опасной крайной Кучюмовской от калмык, и во всем верх Иртыша крепче его нет» [138, с. 342].

Ойраты, по свидетельству летописцев, имели некоторое отношение к событиям, связанным с крушением царства Кучума. Ремезовская летопись сообщает, что в 1591 г. Кучум «не со многими татары и з женами и з детми своими от неначаяния рати русской утече на калмытской рубеж, на вершины рек Ишима и Нор-Ишима, Оми и Камышлова... поблизу Тарского порога». Здесь Кучум был разгромлен ополчением тарского воеводы Масальского, после чего «не со многими людьми убежа... к вершинам Иртышу реки на озеро Зайсан-нор и пожитил у калмыков коней многое число... Калмыки же гнаша во вслед его и достигоша на Нор-Ишиме у озера Кургальчина и ту многих кучюмлян побиша и коней свои стада отъяша»⁶ [138, с. 352].

Таковы данные об ойратах, сообщаемые сибирскими летописями и относящиеся к концу XVI в. Они свидетельствуют о том, что первые известия об ойратах стали поступать в Русское государство задолго до установления непосредственных контактов русских с обитателями Западной Монголии. Источником этих сведений могли быть как «кучюмляне», так и ногайцы и казахи, политические и экономические связи с которыми у Русского государства установились раньше. Данные сибирских летописей говорят о том, что уже в 90-х годах XVI в. некоторые ойратские владения оказались в верховьях Ишима и Оми, в непосредственной близости от основанного в 1594 г. русского города Тары. Помимо Западной Монголии кочевья ойратов охватили к этому времени обширные пространства левобережья Иртыша от оз. Зайсан до линии современной транссибирской железной дороги (между городами Петропавловском и Новосибирском), занимая в среднем течении Иртыша степи его правого и левого берегов. Возможно, что это первое документированное свидетельство пребывания ойратов в степях Западной Сибири отражает уже начавшуюся откочевку из Джунгарии тех 50 тыс. семейств, принадлежавших дэрбэтским, торгоутским и некоторым другим владетельным князьям, которые примерно через четыре десятилетия окончательно остановились в низовьях Волги, где образовали Калмыцкое ханство, подвластное русскому царю. Упоминание сибирского летописца о крепости Кулары, предназначенной охранять державу Кучума от ойратов, видимо, следует понимать в том смысле, что ойратские князья не имели постоянных кочевок в верховьях Ишима, а лишь иногда совершали набеги на районы, подвластные Кучуму. Обращает на себя внимание и то, что новые ойратские кочевья оказываются отделен-

ными от основных районов Монголии территорией, на которой обитали племена и народы Южной Сибири и Алтая, что едва ли было бы возможным в нормальных условиях.

Движение на северо-запад диктовалось ойратским владетельным князьям самой обстановкой. Дорога на север была для них закрыта владениями Алтын-хана, на восток — восточномонгольских феодалов, путь на запад преграждали казахские феодалы, стремившиеся полностью вытеснить ойратов из Семиречья и прилегающих к нему областей. Лишь одно направление — северо-западное — было более или менее открыто для ойратских перекочевщиков. И они освоили в первую очередь районы, прилегающие к современным городам Семипалатинску, Павлодару и к северо-востоку от Акмолинска, в то время почти совершенно не заселенные. Да и во всей тогдашней Северо-Западной Сибири, на площади около 300 тыс. кв. км (на которой в конце XIX в. проживало 2 млн. человек), в описываемое время кочевало всего лишь несколько сотен человек [87, с. 45—56].

Интересно отметить, что натиск казахских феодалов на ойратов объяснялся, видимо, тем, что и они испытывали нехватку пастбищных территорий и рассчитывали расширить их за счет владений ойратских ханов и князей. Обстановка в конце XVI в. благоприятствовала казахам. Объединенные под властью хана Тевеккеля, они добились значительных успехов в борьбе против своих главных противников — ханов Могулистана и Бухары, упрочили позиции в долине Сырдарьи, овладели Ташкентом и Туркестаном. Кроме того, они разгромили и, по-видимому, подчинили себе некоторые ойратские княжества. В подобных условиях изгнание ойратов из долины Иртыша должно было стать первоочередной задачей казахских правителей. В этой связи заслуживает внимания упоминание современника Шейбани-хана, автора «Тарих», Махмуда Шараса о той земельной тесноте, которую в XVI в. испытывали все кочевые народы Средней и Центральной Азии. «Ходжа-Али-бахадур сделал доклад хану, — писал Махмуд Шарас, — о том, что монголы количественно увеличились, их скот — тоже, им теперь в Кашгарских степях тесно и что если хан разрешит, то он, Ходжа-Али-бахадур, взяв с собой Баба-султана, пойдет и завоеует Могулистан... Вскоре скончался Ходжа-Али-бахадур, и это важное дело досталось на долю Рашид-хана. При справедливом правлении хана благоденствие и богатство народа разрослось до того, что в степях и порях Кашгара корма не стало хватать для скота» [130, с. 10]. Казахские, узбекские, монгольские (в том числе и ойратские) феодалы в равной мере испытывали нужду в расширении пастбищных угодий, что стимулировало их вооруженные действия.

Что касается ойратских князей, то их положение в последние годы XVI в. было, как мы видели, крайне тяжелым; в ойратском обществе резко обострились внутренние противоречия. Факты, сообщаемые источниками, рисуют яркую картину столкновения противоречивых интересов ойратских князей и борьбу между ними. Главными в этой борьбе были, с одной стороны, захват аратских

хозяйств, скота и пастбищ, принадлежащих другим владетельным князьям, с другой стороны, оборона наследственных и «благоприобретенных» улусов от других ханов и князей.

Приведем несколько примеров. Гуши-хан, брат упомянувшегося выше Байбагас-хана, говорил одному из торгоутских князей: «Если кто и обессилит тебя, так это твой старший брат, а ты останешься всего с 5 или 6 аратскими семействами». Хойтский Султан-тайша (сын Сайн-хя) жаловался на то, что князья нарушают клятвенные обязательства: «О будущем мы не заботимся... нам, ойратам, ничего не остается, как преклонить свои головы (т. е. покориться чужой воле. — И. З.)» [57, с. 17, 18]. Широко известен факт многолетней борьбы между двумя братьями, сыновьями Байбагас-хана, Очирту-Цецен-ханом и Аблаем, за отцовское наследство, за пастбища, скот и аратов. Один из хошоутских князей, по имени Цукер, захватил ряд чужих улусов. «Многие нойоны, — пишет Габан-Шараб, — лишились своих улусов во время междоусобиц» [57, с. 22]. Очирту Цецен-хан, зная положение ойратов, в весьма мрачных красках представлял себе будущее. Он предсказывал, что все ойратские владения перейдут под власть чужеземцев: хойты покoryтcя мусульманским правителям, хошоуты — китайским и тибетским, зюнгaры (чоросы) подчинятся Китаю, торгоуты — России и т. д. [57, с. 16]. Много фактов подобного рода приводит в своем «Сказании» и Батур-Убаши-Тюмен [37, с. 69, 71, 77; 36, 1859, № 47, 49, 50; 1860, № 11, 12].

Единственным органом, имевшим возможность как-то регулировать внутренние противоречия и конфликты князей, был чулган, время от времени собиравшийся по инициативе чулган-дарги, которым на рубеже XVI—XVII вв. был хан хошоутов Байбагас⁷. Источники свидетельствуют, что эти ханские и княжеские чулганы, являясь традиционной формой феодальной демократии, феодального самоуправления, допуск к которому представителям простого народа был наглухо закрыт, в описываемое время играли заметную роль в общественном устройстве Монголии.

Батур-Убаши-Тюмен приводит постановление одного из таких чулганов, которое строго запрещало прибегать к помощи чужих, в частности халхаских, князей при решении внутренних споров и конфликтов, унижать достоинство представителя ойратской знати принуждением к черной работе, «хотя бы он был обессилен и сделан подвластным», отдавать его в приданое дочерям, выходящим замуж, продавать, убивать и т. п. «Прочее, — говорится в этом решении, — да будет так, как было постановлено на прежних монгольских сеймах» [37, с. 70; 36, 1860, № 11]. Постановление было подкреплено клятвенным обещанием участников выполнять его. В источнике нет прямых указаний о времени созыва чулгана, принявшего это решение, но, по расчетам Ю. Лыткина, это было в 1616 или 1617 г. Обращает на себя внимание имеющаяся в тексте ссылка на решения предшествующих чулганов.

В постановлениях всех известных нам чулганов конца XVI — начала XVII в. отражается кризисная обстановка того времени.

Чулганы призывали ханов и князей к единству, внутреннему миру, сотрудничеству и взаимопомощи. Но хотя они и были единственно возможным органом для обсуждения вопросов жизни ойратского феодального общества, чулганы не могли сколько-нибудь заметно влиять на ход событий, особенно в периоды резкого обострения внутренних противоречий и междоусобной борьбы, когда их постановления утрачивали какое бы то ни было значение и никем не выполнялись. В этих условиях лишь реальная сила главы чулгана могла принудить местных князей к послушанию. Такой реальной силой обладал чулган-дарга Байбагас-хан, личное войско которого было более чем достаточным, чтобы навязать свою волю правителям княжеств. Но он по неизвестным нам причинам не сумел подчинить их своей власти; в источниках нет данных, которые свидетельствовали бы о его попытках применить силу против нарушителей постановлений чулганов. Иную политику проводил чоросский Хара-Хула. Он медленно, но неуклонно укреплял свою власть, силой оружия и средствами дипломатии принуждая к подчинению правителей соседних ойратских владений.

В источниках, к сожалению, очень мало сведений о том, как развивалась борьба между Байбагас-ханом и Хара-Хулой. Мы знаем только, что она постепенно занимала все более важное место во внутрисполитической жизни ойратского общества на рубеже XVI и XVII вв. Габан-Шараб в своем «Сказании» глухо упоминает о каком-то выступлении ойратских князей против Хара-Хулы. Он пишет: «Многие ойратские нойоны сделали попытку захватить Хара-Хулу, не дававшего им никакого покоя, но Далай-тайша удержал их, сказав, что груз взрослого верблюда годовалый верблюжонок не может осилить» [57, с. 22]. Нам не известны ни дата, ни подробности этого события. Однако участие в нем Далай-тайши, главы дэрбэтского дома, дает основание полагать, что оно имело место в 90-х годах XVI в., когда дэрбэты кочевали еще на своих обычных местах или только начали перекочевку на северо-запад. Далай-тайша признавал возросшее могущество Хара-Хулы, образно называя его «зрелым и полным сил верблюдом», которому противостоят «малосильные верблюжата» — выступавшие против него князья.

Биограф Зая-Пандиты сообщает, что Байбагас-хан умер в глубокой старости в 1640 г. К этому времени ойратское общество управлялось уже не одним, а двумя равноправными руководителями чулгана. Одним из них был хошоутский Байбагас-хан, а после его смерти — Очирту-Цецен-хан, сын Байбагаса, другим — чоросский Хара-Хула, после смерти которого этот пост перешел к его сыну и преемнику Батур-хунтайджи. Но к этому времени чулган как орган, ведавший делами ойратского общества, стал утрачивать свое значение, ибо Хара-Хула и особенно Батур-хунтайджи все более превращались в единовластных правителей, в фактических ханов Джунгарии.

Так складывалась внутренняя и внешнеполитическая обстановка в Джунгарии в те годы, когда ойратские ханы и князья впер-

вые вошли в непосредственное соприкосновение с Русским государством.

Начало непосредственных русско-ойратских отношений связано с заключительными операциями русских ратных людей против «кучюмлян». Мы уже приводили сведения сибирских летописей о взаимоотношениях Кучума и его людей с ойратами. Другие русские архивные материалы свидетельствуют о том, что ойратские князья то конфликтовали и сражались с Кучумом и его потомками, то объединялись с ними для совместной борьбы против общих врагов. Так, из текста грамоты на имя тарского воеводы Елецкого, посланной из Москвы 1 января 1597 г., мы узнаем, что в июне 1596 г. из Тары в степь были отправлены на разведку два человека. Через месяц они вернулись и доложили, что в районе оз. Иссык-Куль между ойратами и «кучюмлянами» произошло сражение [20, кн. 11, стб. 220, л. 21—26].

В 1598 г. новый тарский воевода Воейков получил от своих разведчиков донесение о том, что к р. Оби прикочевали с юга 500 калмыков [88, с. 57]. С этого времени ойраты в течение нескольких лет оставались в Западной Сибири, хотя и меняли места кочевков в зависимости от времени года и общей военно-политической обстановки. Не случайно ремезовские карты отмечают «край калмыцкой степи» у Омска. Находясь в непосредственном соседстве с владениями Русского государства, ойратские князья некоторое время вели себя лояльно, избегая конфликтов с населением и московскими властями.

Начало официальным русско-ойратским отношениям было положено в 1607 г. В январе этого года по распоряжению Москвы тарский воевода Гагарин отправил посольство к кочевавшим недалеко ойратским князьям, чтобы предложить им перейти в русское подданство. В июне 1607 г. посольство вернулось в сопровождении ойратского посла, представлявшего, по его словам, 5 главных правителей ойратов и 45 зависимых от них, владевших вместе якобы 120 тыс. подвластного ойратского населения. Ойратский посол от имени своих правителей просил: «Воевати их не велети, и велети им быти под нашую царскою высокою рукою, и кочевати на нашей земле вверх по Иртышу к соленным озерам, а что де нам с них, с колмацких людей, имати годно коньми или верблюдами или коровами, и они де тем нам быют челом» [103, с. 22].

Из материалов посольства Гагарина видно, что эта группировка ойратских владетельных князей возглавлялась дэрбэтским Далаем и торгоутским Дзорикут, что брат последнего Хо-Урлюк в 1604 г. отделился от них и самостоятельно кочевал со своим сыном Кирасаном в верховьях Иртыша.

Тарский воевода согласился удовлетворить просьбу ойратских правителей. Это было одобрено Москвой, предложившей Гагарину направить к ойратам еще одно посольство, которое уже от имени русского царя должно было передать им «наше царское жаловальное слово, что мы, великий государь, их пожаловали, велели им по их челобитию кочевати вверх по Иртышу и в-ыных местах,

где похотят, и держати их велели под нашею царскою высокою рукою, и велели их ото всех недругов от Казацкие орды и от Нагаи и от иных недругов беречи и обороняти... а ясак велели есмь имати с них лошадыми и верблюды или иным чем, чтоб им не в нужду» [103, с. 22—23].

21 сентября 1607 г. в Тару прибыло второе посольство от Далай, повторившее прежнюю просьбу князей разрешить им кочевать «вверх по Иртышу к соляным озерам и по Камышлову, и от Алтына-царя и от Казацкие орды велели их оберегати» [103, с. 24]. Вместе с посольством прибыл от ойратов купеческий караван, пригнавший на продажу 550 лошадей в обмен на платье, деньги и писчую бумагу. Тарские власти освободили ойратских купцов от пошлинных сборов, а самих послов отправили в Москву.

В январе 1608 г. тарский воевода докладывал Москве, что Хо-Урлюк и его сын с улусами прибыли в район Тары и кочуют на расстоянии трех дней пути от города, что дэрбэтский тайша Далай вновь присылал к воеводе представителей с просьбой разрешить ему кочевать по Оми, тогда как другие тайши продолжали кочевать по Иртышу. Ойратские тайши по-прежнему просят «от Алтына-царя велети их оберегати, и ратных людей на него велети им давати, и город бы велети поставити на Оми реке от Тары 5 дниш, чтобы им тут кочевати было от Алтана-царя безстрашно. И будет тому городку учнет быти теснота от Алтына-царя, и они того города учнут оберегати вместе с нашими людьми». Тайши, кроме того, соглашались давать ясак скотом, «а соболями бы и лисиц черных пытати на них не велеть, потому что в их земли того зверя нет, а бьют де они зверь, только что съестъ».

Получив эту информацию, правительство Москвы предложило тарскому воеводе отправить к Далаю и другим ойратским правителям, в том числе и к Хо-Урлюку, новое посольство, чтобы убедить тайшей лично прибыть в Москву к русскому царю, который гарантирует им защиту от Алтын-хана, от ногаев, казахов и других недругов. Следует отметить большой интерес, проявленный Москвой к возможности приезда ойратских правителей для переговоров с русским царем. «И будет они не поверят,—говорилось в грамоте на имя тарского воеводы,—и к нам, великому государю, ехати не похотят, и вы б им для веры дали закладных людей, сколько человек пригож, и сами б естя им слово прямое на том дали, чтоб они ехали к нам безо всякого опасения, и ласку и привет к ним держали, и задору б им от наших людей ни в чем не было» [103, с. 25—27].

20 сентября 1607 г. в Тару прибыл представитель Хо-Урлюка, выражавшего готовность жить с Русским государством в мире и дружбе, просившего позволения кочевать по Ишиму и Камышлову, а также присылать людей для торговли в Тару. Тарский воевода велел передать Хо-Урлюку, что тот, не приняв русского подданства, не имеет права кочевать на русской земле и должен ее покинуть. Если же он присягнет на верность царю, то ему будет разрешено кочевать в русских пределах [103, с. 28—29].

Из донесения томского воеводы в Москву, датированного мартом 1609 г., мы узнаем, что посольство к Алтын-хану и в Китай во главе с Иваном Белоголовым, отправленное из Томска шестью месяцами раньше, возвратилось обратно, не выполнив поручения, так как в это время шла война между Алтын-ханом и ойратскими правителями. Сам факт военных действий между главой алтынхановой державы и группой ойратских правителей не может вызывать сомнения: сведения об очередной вспышке халхаско-ойратской войны находят подтверждение в ряде документов. К сожалению, источники не приводят почти никаких подробностей этих событий. Известно лишь, что война началась осенью 1608 г., что победили ойраты, которые Алтын-хана «отпнали де от зимнево ево кочеванья далече, где он преж сего кочевал. И ясашные люди алтынновы от Алтын-царя отступили и с ним воюютца» [103, с. 32]. В этих боях участвовали многие ойратские владетельные князья, включая тех, кто кочевал в районе Тары и группировался вокруг дэрбэтского Далай. Участие в войне против ойратов принимали казахские ханы и султаны. Но единство ойратских князей было непродолжительным и вскоре сменилось новой междоусобной борьбой. В марте 1609 г. из Тары было отправлено к ойратским правителям посольство во главе с П. Голубиным. В июле послы вернулись в Тару и доложили, что «кочуют де колмацкие тайши все вместе», их возглавляют вдова тайши Узенея по имени Абай и ее соправитель тайша Кошевчей (Хошучи?). В присутствии русских послов состоялся чулган всех владетельных князей, входивших в эту группировку, им руководили Абай и Кошевчей. Собравшиеся обсуждали предложения русской стороны о том, чтобы ойратские правители присягнули на верность царю, заключили соответствующий договор, регулярно платили ясак, чтобы главные тайши посетили г. Тара и т. д. Но эти предложения были отклонены по той причине, что «ныне в Казахье орды промеж себя люди секутца». Со своей стороны, ойратские правители предложили, чтобы тарский воевода сам прибыл к ним в верховья Иртыша с торговыми русскими людьми, «а был бы де воевода и люди все нарядны, и гостей бы к ним (к ойратам.—И. З.) было много з дорогими товары, и они де с ними учнут торговати». Что касается ясака, то они «ясаку никому не даывали, и сами з Белых Колмаков ясак емлют, и вперед де ясаку давати никому не хотят». Столь же определенным был их ответ по вопросу кочевания на русской земле. «А люди де они кочевые, а не месные, где похотят, тут и кочуют». На предложение русской стороны не трогать обитателей Барабинской и других волостей, подданных русского царя, а передавать жалобы на них, если таковые будут, на рассмотрение властей в г. Тара, правительница Абай заявила: «Посылать де о управе на тех татар к воеводам на Тару не хотят, управятца и сами» [103, с. 38—39].

Все это говорит об укреплении позиций ойратских феодалов, связанном с их победами над халхаским Алтын-ханом и казахскими правителями. Изменившаяся обстановка отразилась и на отно-

шении ойратских правителей к России. Они уже не просят у русского царя защиты от недругов и разрешения кочевать на его земле, не заявляют о своем согласии стать его верными подданными, платить ясак и т. д. В переговорах с Голубиным они держатся заносчиво и вызывающе.

Обращают на себя внимание и некоторые изменения, происшедшие внутри этой группировки ойратских князей. Раньше она возглавлялась Далаем, а теперь — вдовой Узеня и Кошевчеем, сам же Далай в материалах посольства Голубина даже не упоминается; раньше Хо-Урлюк кочевал отдельно от группировки Далая, теперь же он оказался вместе со всеми. Русским послам бросилось в глаза единство и согласие, царившие между правителями владений, входивших в группировку, объявляемые, видимо, только что одержанными победами и подготовкой нового похода против казахов. Заслуживает внимания и рассказ Голубина о роли княжеского чулгана, созданного главными правителями объединившихся владений для определения их внешней политики.

Отдельно от этой группировки кочевали ойратские феодалы во главе с Байбагасом хошоутским и Хара-Хулой чоросским. Они кочевали в верховьях Иртыша, к юго-востоку от первой группы, и включали в себя основную массу ойратского населения и большую часть владений. Ни Байбагас, ни Хара-Хула и никто иной из этой группировки до конца второго десятилетия XVII в. не вступал в контакты с властями Русского государства, что и объясняет отсутствие каких-либо сведений о них в русских источниках. Из калмыцких источников известно, что между обеими группировками ойратских феодалов поддерживались близкие и разносторонние связи: заключение брачных союзов, участие в общеойратских съездах и военных походах.

Значительным событием было принятие в середине второго десятилетия XVII в. всеми владетельными князьями Западной Монголии буддизма-ламаизма в качестве официальной религии. Это произошло почти на столетия позже, чем в ханствах и княжествах Халхи и Южной Монголии. Учитывая, однако, важность данного события, мы позже остановимся на нем.

Относительно мирная обстановка, наблюдавшаяся в течение почти всего второго десятилетия XVII в. в ойратских владениях, находит подтверждение в материалах посольства Михаила Тиханова, посланного царем Михаилом Федоровичем в 1613 г. к персидскому шаху Аббасу. Знающие люди, привлеченные властями к участию в составлении маршрута, советовали направить посольство на Самару, затем ногайской степью к Яику, а оттуда к Ургенчу и дальше в Персию. «И тою дорогою, — говорили эти люди, — ехать можно и безбоязненно, только беречься надо на станех одних облавников колматцких людей... А иных никаких людей ныне на Ногайской стороне нет... А как де только, государь, на реках лед вкроется и снега последние сойдут, и конской корм будет, тогда де, государь, колмыки и ногаи лошади откормят, и без людей в степи не будет, потому меже себя колмыки и ногаи учнут подъез-

ды чинить, тогда, де, государь, дорогою будет не проехать» [19, д. 1, л. 359; 52, с. 3].

Все это свидетельствует, что огромные пространства междулучиной Волги (в районе современного Куйбышева) и южной оконечностью Аральского моря были почти необитаемы, лишь изредка там появлялись ойратские охотники. Летом же и осенью эти земли становились ареной взаимных набегов ойратов и ногаев с целью угона скота. В рассматриваемые годы такие набеги были единственным проявлением военной активности ойратских правителей.

Возникает вопрос: какая же из двух ойратских группировок участвовала в набегах на ногаев? Источники не дают на него прямого ответа. Имея, однако, в виду, что ойраты, принадлежавшие к группировке Байбагаса и Хара-Хулы, могли проникнуть в ногайские улусы лишь через территорию казахских владений, можно утверждать, что организаторами набегов были по преимуществу правители северо-западной группы.

На случай возможной встречи Тиханова с ойратами ему была вручена царская грамота, адресованная «Колматцкие орды тайшем и всем лутчим и улусным людям», которые извещались о воцарении Михаила Федоровича и командировании Тиханова в Персию. «И где им случитца ехать вашею ордою или мимо вашии орды, а случей им где будет с вашими людьми, и вы б, помня прежнюю свою присылку и службу при царе и великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, как есте обещались служитьи нам, великим государем царем российским, ныне нам, великому государю, службу свою и радение оказали, нашего посланника Михаила Тиханова да подъячего Олексея Бухарова и брата нашего Абас-шахова посла Амир-Али-бека с их людьми и з животы своею ордою и мимо своей орды велели пропускати безо всякие зацепки со всеми их людьми и з животы и проводить их велели до коих мест будет пригож» [19, д. 1, л. 355—357].

Между тем северо-западная группировка ойратских феодалов медленно, но неуклонно распространяла свое влияние на запад, на так называемую ногайскую степь, бескрайние просторы которой могли полностью удовлетворить их потребности в пастбищах и дать возможность вести привольную, ни от кого не зависимую жизнь.

Положение дел в ногайской степи в рассматриваемое время благоприятствовало реализации планов ойратов. Здесь обитала одна из трех крупных ногайских группировок, так называемая Большая ногайская орда, кочевавшая между Волгой и Эмбой.

Интересно отметить некоторые общие черты экономической структуры и общественных отношений ногаев и монголов, определившие и некоторое сходство их исторических судеб. Как кочевники-скотоводы, ногаи были жизненно заинтересованы в рынках сбыта своей продукции и в источниках снабжения необходимыми им продуктами земледелия и ремесла. В этом отношении они после ликвидации Казанского и Астраханского ханств так же зависели

от Русского государства, как монголы в XV—XVI вв. от Китая. «Рынком сбыта лошадей для ногайцев,—писал А. Гераклитов,—служила главным образом Москва, а для рогатого скота и овец — Казань, хотя впоследствии русское правительство старалось и этот товар направлять также в Москву» [58, с. 105]. С течением времени торговые связи Большой ногайской орды с Москвой расширялись и крепли. Ногайские правители убеждались в том, что «торговые выгоды оказались значительнее и заманчивее неверной добычи, которую можно было получить во время набега или открытой войны с Русью» [58, с. 147].

С. Соловьев сообщает, что в Москву из ногайской степи пригоняли табуны, иногда до 50 тыс. голов. Он же рассказывает, что в годы правления Ивана IV ногайский мурза Исмаил отклонил предложение своего брата порвать связи с Москвой, мотивируя свое решение так: «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвой, то и мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саван шить» [143, с. 94]. Ногаи получали из России оружие, одежду, сукно, бумагу, седла, пювзди и т. п.

Русско-ногайские отношения отличались от китайско-монгольских главным образом тем, что Русь была экономически заинтересована в меновой торговле с ногаями, обеспечивая им практически не ограниченный сбыт скота, тогда как Китай был значительно меньше заинтересован в широком торговом обмене с монголами. Различие экономических интересов обусловило и различный характер политических взаимоотношений Московского государства и Китая с их кочевыми соседями. Мирные русско-ногайские отношения прерывались и уступали место вооруженным столкновениям только тогда, когда ногайские правители оказывались втянутыми в борьбу Московского государства с Турцией и Польшей, часто перераставшую в открытые войны [112, с. 9, 12, 16, 23].

Ногайское общество, как и монгольское, было в XVI—XVII вв. феодальным. Земля находилась в собственности владетельных князей, что и превращало их в господствующий класс. «Князья и мурзы,—писал А. Гераклитов,—в зависимости от себя имели улусы, которые состояли из улусных людей, или простых ногайцев... По-видимому, дело здесь обстояло приблизительно так же, как и у калмыков в позднейшее время, т. е. существовало нечто вроде крепостного права» [58, с. 106].

Немалую роль во внутренней и внешнеполитической жизни ногайского общества, как и у монголов, играли многочисленные потомки владетельных князей, жаждавшие получить свою долю феодальных доходов. А. Новосельский, прекрасный знаток истории ногаев XVI—XVII вв., характеризуя обстановку в Большой орде, отмечал «бурные выступления размножившихся „молодых мурз“, лишенных улусов, против мурз старших поколений» [112, с. 57].

Нескончаемая междоусобная борьба и стихийные бедствия на-

носили огромный урон хозяйству ногаев в конце XVI — первые десятилетия XVII в. Ногайские улусы часто покидали привычные заволжские кочевья и переселялись, несмотря на противодействие русских властей, в приазовские и даже хивинские степи, теряя людей и скот. Большая ногайская орда находилась в состоянии упадка; ее силы таяли и не могли противостоять натиску ойратов. «Уже во втором и третьем десятилетиях XVII в. калмыки,—пишет А. Новосельский,—совершили несколько коротких налетов из-за Яика на ногайские улусы, и каждый раз Большие ногаи в страхе перед этой грозной для них силой, бороться с которой они не были в состоянии, откатывались за Волгу» [112, с. 224].

В марте 1614 г. самарский воевода докладывал Москве, что ногайский мурза Иштерек, кочевавший по правому берегу Волги, опасаясь калмыцкой активности, отправил на левобережье отряд в 1700 человек. В июне 1622 г. астраханский воевода доносил, что отправка в Москву ногайских послов с лошадьми для продажи задерживается из-за того, что «мурзы и их улусные люди чаяли на себя приход калмыцких людей» [58, с. 212].

Многочисленные источники свидетельствуют о том, что у ойратов, двигавшихся к Волге, в ногайской степи не было серьезных противников. Но ойраты не спешили. Они завершили продвижение к Волге не раньше середины 30-х годов XVII в. Что же удерживало их почти три десятилетия на берегах Иртыша и Ишима? Если их правители вынашивали великодержавные планы создания новой монгольской кочевой империи, как это утверждали некоторые исследователи, то почему ойраты медлили с реализацией этих планов, когда все условия в данный период как будто им благоприятствовали?

У нас есть основание утверждать, что столь медленное продвижение к Волге отражает сложность процесса перекочевки, на который влияют различные, иногда противоречивые обстоятельства. Ойраты не хотели покидать родные кочевья, не хотели рвать узы, связывавшие их с основной массой ойратского общества. Недостаточность пастбищных территорий и необходимость их расширения ощущались более остро в неблагоприятные годы и менее остро в благоприятные, что также сказывалось на темпах перекочевки. Междоусобная борьба толкала князей на путь откочевки в периоды обострения и, наоборот, не требовала этого в периоды затишья и внутреннего мира. Это же можно сказать и о внешних войнах, благоприятный исход которых располагал к стабильности, неблагоприятный — к откочевке. Для второго десятилетия XVII в. характерно ослабление влияния факторов, требовавших от ойратских князей, кочевавших по берегам Иртыша, Оми и Ишима, ускорения темпов их движения в ногайские степи Заволжья. Хотя в иной год они и проникали в эти степи, доходили до Яика и Эмбы и даже переправлялись через эти реки, но оставались там недолго и возвращались туда, где могли кочевать в непосредственном соседстве с остальными ойратскими владениями. Что же касается версии о планах ойратских феодалов создать в XVII в. кочевую

империю, то нам остается лишь повторить, что в источниках нет ни одного факта, подтверждающего ее.

После посольства Голубина в русско-ойратских отношениях наступил перерыв, длившийся около пяти лет. В источниках мало сведений о событиях внутренней и внешнеполитической истории ойратов в эти годы. Однако документы более поздних лет говорят, что за это время ойратские правители укрепили свои позиции в занимавшихся ими районах. Они покорили соседние, более мелкие племенные группы и народности. Группировка Абай—Кошевцев, например, подчинила барабинских и кузнецких татар, взимала с них албан (подать) продуктами земледелия, охоты и железодельного промысла. Ее правители объявили себя собственниками соляных озер в районе среднего и верхнего течения Иртыша, ограничили добычу соли русскими, пытаясь таким способом оказывать давление на власти русских городов. В результате между русскими и ойратами возникали конфликты, переходившие иногда в вооруженные столкновения. Поводом к конфликтам служили также нередкие случаи насилия и алчности местных сибирских властей, равно как и ойратских владетельных князей.

1616 год можно рассматривать как начало оживления официальных русско-ойратских отношений. Весной этого года из Тобольска к ойратам было отправлено посольство Томилы Петрова и Ивана Куницына. Цель была все та же — убедить ойратских правителей перейти в русское подданство и приходить с торгом в сибирские города. После возвращения в Тобольск эти послы были направлены в Москву, где доложили об итогах переговоров. Выяснилось, что они были приняты дэрбэтским Далай-тайшой, вновь оказавшимся во главе крупной ойратской группировки, в которую входили четыре родных брата Далая, торгоутский Хо-Урлюк и чоросский Чохур. «А начальной тайш у всей Колмацкой земли тот Багатырь Талай-тайш. И называют его всею Колмацкою землею царем, а сам он себя царем не лишет. А у него 4 брата родных под ним... а двоюродных братья и племянников в тайших у него много». Чохур и Хо-Урлюк состояли у Далая в качестве «думчих ближних тайш». Подчеркивая силу этой ойратской группировки, Петров и Куницын говорили, что «ехали до их большово тайша до Богатыря все жилыми места месяца, а вдале сколько, того им не ведомо. А в разговорах они у колмацких людей слышали, что на бои збираютца 4 человеки больших тайшей, а с ними боевых людей по 10 000 человек» [103, с. 52].

Петров и Куницын не упоминают об Абай и Кошевцеве, возглавлявших данную группировку во время посольства Голубина. Видимо, внутри нее произошли какие-то новые раздоры, в результате которых у власти опять оказался Далай-тайша.

Послы установили, что «к Колмацкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем обем ордам колмаки сильны. А которые ясыри Казатские и Киргизские земли прежде сего пойманы были в полон в Колмацкую землю, и тех ныне Богатырь-тайш, сыскивая, отдает

им без окупы. А Казачьи и Киргизские орды начальники о том ему присылают бити челом, и живут с ним в совете и во всем Богатырь-тайша над собою почитают и его слушают» [103, с. 53].

Особенно интересно свидетельство Петрова и Куницына о том, как при них в ойратских улусах происходило обращение князей и простых людей в ламаизм. «И ныне де они и колмацких людей к вере приводят к своей и грамоте учат своей», — рассказывали русские послы, имея в виду проповедников, приехавших к ойратам из Халхи. Эти сведения подтверждаются монгольскими и калмыцкими источниками [103, с. 54].

Рассказ русских послов свидетельствует о существенном упрочении внутреннего и внешнеполитического положения Далай-тайши. Его власть была признана торгоутским Хо-Урлюком и чоросским Чохуром; ойратским правителям подчинились феодалы казахского Большого жуза и енисейские киргизы; внутри группировки Далай царил мир и согласие. Выше мы уже упоминали о всеойратском чулгане владетельных князей, состоявшемся в 1616 или 1617 г. Это событие можно рассматривать как свидетельство того, что Далай и вассальные князья поддерживали традиционные связи с основной частью ойратских феодалов, во главе которых стояли Байбагас и Хара-Хула.

При таком внешнем и внутреннем положении ничто не вынуждало ойратов спешить с перекочевкой на Волгу. И они оставались на месте, кочуя в районе среднего и верхнего течения Иртыша, по Ишиму и Оби, откуда время от времени совершали набеги на ногаев, кочевавших по Яику и Эмбе. Что касается их взаимоотношений с халхаским Алтын-ханом, то об этом можно судить по рассказу Василия Тюменца и Ивана Петрова, которые летом 1616 г. присутствовали при беседе Алтын-хана с послами Далай-тайши: «Как они были у Алтын-царя, и при них де у него были колмацкие послы Баатырь-Тайши и Учин-тайши. И царь... колмацким послом [говорил: под] государевы собир[ские города] учнете приходить, и твоих государевых служилых людей... или ясачные волости воевать, и я де на вас пойду войною. А от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси пойдут на вас же, и вам де, колмаком, нигде не избыть» [103, с. 309]. Эта беседа свидетельствует о том, что соотношение сил державы Алтын-хана и ойратской группировки Далай-тайши было неблагоприятным для ойратов. Их послы вынуждены были терпеливо слушать назидательные речи Алтын-хана и его угрозы наказать ойратов, если те осмелятся пойти против его воли. Алтын-хан явно афишировал свою близость к русскому царю, войска которого якобы будут обязательно сотрудничать с войсками хана. Далай-тайша и другие ойратские правители, учитывая это и опасаясь вызвать войну, прилагали все усилия к поддержанию мира с Алтын-ханом.

Второй важной для них внешнеполитической задачей было налаживание добрососедских отношений с Россией. Об этом свидетельствуют материалы, относящиеся к началу 1618 г., когда в Москву прибыли послы Далай-тайши. Сопровождавший их Иван

Савельев рассказывал в Посольском приказе, что в мае 1617 г. он был отправлен тобольским воеводой к Далай-тайше выяснить действительные намерения его относительно перехода в русское подданство. И. Савельев около двух месяцев добирался до ставки Далая, находившейся в районе оз. Зайсан. Свидетельством мирных казахско-ойратских отношений того времени служит сообщение И. Савельева, что путешествие по казахским степям прошло без каких-либо затруднений. Все ойратские владетельные князья, через улусы которых он проезжал, узнав о целях посольства, тепло его встречали и провожали. В первой половине августа И. Савельев достиг ставки Далая, у которого в это время находились послы от казахских и киргизских правителей, ведущие переговоры о выкупе пленных, захваченных ойратами в недавних сражениях. Беседуя с русскими, Далай говорил, что «он под государевою рукою быть готов, и царской милости жаден, и послов своих бити челом государю о ево государственной милости с ними вместе пошлет, и на непослушников государевых стоять готов, где ему царского величества повеление ни будет» [103, с. 71].

Далай-тайша послал с Савельевым своих представителей, которые и были препровождены в Москву. 20 марта они были приглашены для переговоров в Посольский приказ, где заявили: «Третьенатцатой год тому, как оне учали царского величества с отчиною с Сибирью и с сибирскими пригородами знатца и к боярам и воеводам царского величества в города приезжать. И ныне у них про Московское государство вести и добрые и худые, и Богатырь-тайша с товарищи прислали их ныне проводить про Российское государство подлинно». Послы отметили также, что истекшие 13 лет «оне с тех мест ездят беспрестанно и в государевы города лошадей и коров и всякие животины пригоняют по 200 и по 300 и тем государевы города полнят». Когда послам напомнили заявления ойратских правителей об их желании быть в российском подданстве для защиты от недругов, они ответили: «И ныне оне то же объявляют: только Богатыря-тайшу с товарищи царское величество под своею царскою высокою рукою примет, и оне со всею Колматскою землею под государевою высокою рукою быть хотят и во всем царском повелении, куда им царское повеление на недругов его ни будет, стоять готовы» [103, с. 72—73].

Переговоры закончились 14 апреля 1618 г. вручением послам царской жалованной грамоты на имя Далая. В ней приветствовалось желание Далая быть в российском подданстве, «служить и прямить» царю, посылать ратных людей на «ослушников царских» и «в сибирские города в Тобольск и в-ыные наши города с лошадьми и со всякоею животиною и со всякими товарами, что у вас в Колматской орде ведетца, людям своим ходить велел безо всякого опасения». Со своей стороны, царь обещал Далаю защиту от недругов, и заявил, что сибирским властям будет указано, чтобы они «бед вам и задоров никаких чинити не велели. А к торговым вашим людям велели во всем береженье держати, чтоб им отнюдь ни от кого ни в чем обид и безчестья не было» [103, с. 76].

Приведенные материалы отчетливо характеризуют политику Далай-тайши по отношению к России в конце второго десятилетия XVII в., равно как и политику России по отношению к Далаю. Обе стороны проявили заинтересованность в поддержании и развитии добрососедства и мирной торговли. Далай искал возможности опереться на помощь Русского государства против Алтын-хана и казахских феодалов, упрощавших его интересам. Поэтому он стремился выявить подлинный характер отношений между Москвой и державой Алтын-хана. Это видно из некоторых заявлений, сделанных его послами во время переговоров 20 марта 1618 г. Когда дьяки Посольского приказа, желая убедить ойратов в выгоде служения русскому царю, сослались на пример Алтын-хана, послы Далая выразили сомнение в том, чтобы сам Алтын-хан принял русское подданство, ибо «Алтын-хан живет далече, ходу до него годы с 3, не что будет у государя были послы алтынова брата, а от Алтына послом итти далече»⁸ [103, с. 73]. Эти сомнения были решительно опровергнуты. Переговоры свидетельствуют и о том, что Москва по-прежнему видела в Далае полновластного правителя ойратских улусов, кочевавших в непосредственном соседстве с тогдашними окраинными владениями России. Добровольное подчинение Далая русскому царю обеспечивало укрепление позиций России в Сибири и открывало возможность для новых территориальных приобретений без применения оружия.

Вскоре, однако, между ойратами и Алтын-ханом вспыхнула новая война. Она коренным образом изменила внутреннее и внешнее положение всего ойратского общества и оказала серьезное влияние на обстановку в Центральной Азии, Южной Сибири и Нижнем Поволжье. Известные нам монгольские и калмыцкие источники о ней не упоминают; сведения об этой войне дают только русские архивные материалы. Однако и в них нет сколько-нибудь подробных данных о начале и ходе военных действий, об их участниках. В документах 1619—1624 гг. встречаются лишь отдельные, разрозненные сообщения о том или ином военном эпизоде. Но в целом русские архивные материалы все же дают представление о конфликте.

В мае 1619 г. халхаский Алтын-хан направил русскому царю письмо с предложением объединить силы для совместного удара по группировке Хара-Хулы. «А прошение мое,— писал он,— чтоб меж нас с тобою послы ходили, и торговым бы нашим людям дорога в твое государство и твоим людям к нам была чиста. И тому доброму делу помешку чинят меж нас калмыцкой Каракулы-тайша, а люди они немногие... и тебе бы, великому государю Белому царю, послать повеление свое к томским и к тобольским и к тарским ко всем людям, чтоб они, все твои государевы ратные люди, с моими ратными людьми на тех воров на Каракулы-тайшу и на его людей войною ходили... И как от тех воров дорога очистится, и тебе, государю, и мне будет прибыль и добра много» [103, с. 79—80].

Это письмо интересно во многих отношениях. Оно свидетельст-

вует прежде всего о том, что к концу второго десятилетия XVII в. влияние Хара-Хулы в ойратском обществе чрезвычайно возросло. Алтын-хан не считал нужным даже упомянуть о хошоутском Байбагасе, который формально все еще был главой всеойратского чулгана, или о дэрбэтском Далай-тайше, стоявшем во главе северо-западных ойратов. Борьбу против Алтын-хана в это время возглавлял Хара-Хула. Его Алтын-хан не случайно считал своим главным противником. И, наконец, реальные силы Хара-Хулы были уже настолько значительны, что Алтын-хану пришлось просить помощи русского царя. Содержащееся в письме утверждение о «немногих людях» у Хара-Хулы находится в очевидном противоречии с предложением направить против него всех русских ратных людей Томска, Тары и Тобольска.

Это письмо в известной мере отражает процессы, развивавшиеся внутри ойратского общества. Основным была попытка преодолеть сепаратизм местных владетельных князей и постепенно сконцентрировать власть в руках главы Чоросского дома. Об этих процессах говорит и конфликт между Хара-Хулой и одним из его сыновей — Чохуром. Не поладив с отцом, Чохур покинул его и в 1614 г. присоединился к группе Далай-тайши, сделавшего Чохура, как мы уже говорили, своим «думчим ближним тайшей».

Алтын-хан и Хара-Хула готовились к войне. Важным звеном этой подготовки явилась попытка хана заключить союз с Москвой. Но не терял времени и Хара-Хула. Он тоже попытался заручиться русской военной помощью для борьбы против Алтын-хана, направив специальную миссию в Москву. Это было первое посольство основателя Джунгарского ханства Хара-Хулы в русскую столицу. Интересно отметить, что послы Алтын-хана и Хара-Хулы одновременно отправились из Сибири, вместе проделали весь путь до Москвы, в один и тот же день — 10 января 1620 г. — прибыли в столицу, а 29 января вместе были на приеме у русского царя. «А генваря в 10 день те послы пришли к Москве все вместе... А генваря в 29 день алтыновы послы и Биликты-лобы и калмыцкие и киргизские послы были у государя на дворе все вместе в один день» [103, с. 92].

Послы Хара-Хулы говорили царю Михаилу Федоровичу о желании их повелителя быть в российском подданстве, пользоваться царской защитой и покровительством. «И вам бы, великому государю, нас пожаловать, держати под своею царскою рукою в своем царском милостивом жалованье и в повеленье и от недрузей наших во обороне и в защищение» [103, с. 93].

24 апреля 1620 г. послам Алтын-хана был вручен ответ на его послание. Предложение о совместных военных действиях против Хара-Хулы было московским правительством отклонено, но защита от возможного нападения со стороны ойратского правителя была хану обещана: «Жалея тебя, Алтына-царя, наше царское повеление к сибирским воеводам и приказным людям послати велети, а велети тебя и твоей земли от колматцкого Каракулы-тайши и от его людей оберегать» [103, с. 96]. Спустя месяц, 25 мая 1620 г.,

послу Хара-Хулы была вручена царская жалованная грамота о принятии его повелителя в российское подданство. «И мы, великий государь, тебя, Каракулу-тайша, и твоих улусных людей пожаловали, в нашу царскую милость и во оборону приняли, и в нашем царском жалованье и призренье держать вас хотим, и от недругов ваших сибирским воеводам нашим оберегать велели есмь» [103, с. 99].

В отличие от других подобных документов материалы этого посольства и жалованная грамота ни слова не говорят о делах торговых, что подчеркивает военное значение миссии.

Когда начались военные действия между войсками Алтын-хана и Хара-Хулы? Прямого ответа на этот вопрос мы в источниках не находим. Можно лишь утверждать, что они начались не позже 1619 г. Об этом свидетельствуют сообщения, полученные в октябре 1620 г. в Уфе от людей, незадолго до этого вернувшихся из ойратских улусов. Толмач Пятунька Семенов, например, рассказывал: «Слышел де он у колматцких людей, што приходил на них в прошлом году Казачьей орды Ишим-царь... До нынешнево году перед их приходом приходили на них воинские люди Алтын-царя... и улусы колматцкие повоевали, и людей многих побили, а взяли де живых дву тайчей, а 3-ей де тайча Байбагишев брат Тегурчей утек и прибежал при нем, Пятуньке, в кочевье к брату своему Байбагишу». Как видно из этого сообщения, Байбагиш, один из сыновей Хара-Хулы, вместе со своим братом — чоросским Чохуром, торгоутским Урлюком и дэрбэтским Далаем кочевал в верховьях Ишима и Иртыша. Байбагиш, Чохур и Урлюк имели в своем распоряжении по тысяче, а Далай — две тыс. улусных людей. Заслуживает внимания указание Семенова, что названные четыре правителя съехались на совещание к Чохуру, где решили просить у русского царя разрешения кочевать по Тоболу и приходить с торговыми в Уфу [103, с. 105].

Одновременно сведения о халхаско-ойратской войне были получены в Тюмени, в окрестности которой прикочевала небольшая группа ойратов. Они говорили: «Все де колматцкие люди кочуют по Камышлову, потому что де их теснят Алтына-царя люди» [103, с. 105]. Возможным отголоском войны является и неожиданное появление ойратов во главе с братом Хара-Хулы, Девникеем, и тайшой Сенгилом в районе между оз. Чаны, Омью и Иртышом, к востоку от современного Омска [103, с. 78].

В 1621 г. в Тобольске стало известно, что «иные многие тайши с колматцкими людьми прикочевали блиско твоей царской отчины, сибирских городов, и кочуют ныне вверх по Ишиму промеж Тоболом... А прикочевали де, государь, те колматцкие тайши блиско твоих государевых сибирских городов для того, что воюют де их, колматцких тайшей, Алтын-царь да Казачья орда» [103, с. 101].

Башкиры, находившиеся в плену у ойратских тайшей и в октябре 1620 г. возвратившиеся в Уфу, сообщили, что «колматцким тайчам учинилась теснота великая от Казачьей орды от Ишима-царя; побил де у них многих людей, а Олтына де, государь, царя

люди побили у них многих людей и дву де тойчей с улусы з жёнами и з детьми поимали в полон» [103, с. 103].

Летом 1621 г. многие ойратские тайши кочевали между Обью и Иртышом в районе оз. Ямышева «потому, что де задрали черные колмаки Каракул-тайша, да Мөрген-Теменя-тайши Алтына-царя. И Алтын де царь их побил и идет де на черных калмаков войною» [103, с. 112]. Тогда же в Томск поступили сведения о том, что многие ойратские улусы с их тайшами прикочевали к Оби и в устье Чумыша построили укрепленный лагерь, собираясь зимовать и кочевать между Томском и Кузнецком. «А сошлись де они на Обь и гарадок зделали, что их побил Алтын-царь и у Карагуля жен и детей поимал. А слажился де Алтын-царь с Казадкою землею, а казакские люди с нагаи, и где де ане в степях кочевали, и с тех с их кочевья збили... а ждут де на себя вскоре Казачьи орды [и] нагай, а з другой стороны Алтына-царя» [103, с. 113].

Таковы сведения о событиях 1619—1621 гг. Из них видно, что ойратским правителям в эти годы пришлось почти одновременно отбиваться от казахских феодалов и от Алтына-хана. Первые сражения произошли летом или осенью 1619 г. Ойраты терпели поражения, в результате чего их кочевья рассеялись от Уфы до Томска. Традиционная группировка улусов по таким крупным феодальным объединениям, как торгоуты, дэрбэты, хошоуты, чоросы и т. д., оказалась нарушенной, все кочевали вразброд, вперемежку. Возможно, что инициатором войны был Хара-Хула, но он потерпел неудачу; вслед за этим в войну были втянуты все ойратские улусы, включая и те, которые входили в группировку Далай-тайши.

В 1622 г. была, по-видимому, передышка. Во всяком случае, ни в одном из документов не говорится о сражениях этого года. Можно полагать, что стороны залечивали раны и готовились к будущим боям. В этом же году в Москве стало известно, что ойратские князья подчинили население Кузнецкого района, занимавшееся добычей железной руды, выплавкой и обработкой железа, и принудили его платить дань железными изделиями: «И в том железе делают пансыри, бехтерцы, шелома, копы, рогатины и сабли и всякое железное, опричь пищалей; и те пансыри и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы, и иные есак дают колмацким людям железом же... А которые кузнецкие ж люди живут от Кузнецкова острогу далеко, и теми кузнецкими людьми всеми владеют колмацкие люди и ясак с них емлют соболями и железом всяким деланным» [103, с. 115—116]. Получив это сообщение, Москва строго приказала местным властям принять меры для защиты «кузнецкого населения» и не допускать впредь продажи ойратам оружия и соболей.

Военные действия возобновились в конце 1622 или в начале 1623 г. Об этом в Тюмени узнали от людей, ездивших в улус тайши Зенгила, где им сказали, что главные тайши «воюют де ныне с алтыновыми людьми и с мугальцы, и з бухарцы, и з нагайцы и промеж де собою у тайшей война есть, и им де от ал[тын]овых людей и от мугальцев, и от бухарцев, и от нагайцев теснота вели-

кая, для того под сибирские города прикочевали» [103, с. 122].

Летом 1623 г. тюменский воевода получил интересные сведения о походе Хара-Хулы против Алтына-хана: «Ходил де колмацкой тайша Каракул к Алтын-царю войною, а людей с ним ходило 4000 и улус де у Алтына-царя повоевал, и полону взял много, и, взяв де, пошел назад. И Алтын-царь послал на переём к тому Каракуле-тайше 4000 людей, а 3000 ззаде, и у тайши де Каракулы людей всех побил, только де тайша Каракула ушел с сыном» [103, с. 123]. Остается пожалеть, что источник этой информации не уточняет времени события: относится ли оно к началу халхаско-ойратской войны, т. е. к 1619 г., или произошло в 1622—1623 гг.?

Весной 1623 г. из Уфы к ойратским тайшам были отправлены послы во главе с Василием Волковым. 29 мая этого года посольство прибыло к Мангиту, брату дэрбэтского тайши Далай, который сообщил, что «брат его Талай с товарищи ныне пошли битись против муганского Алтына-царя» [103, с. 124]. Как рассказывали русские послы, во время их пребывания в улусе тайши Мангита, «были у него, Мангита от мугальского царя людей частые всполюхи... И оне, де, тайши, кочуют от того мугальского Алтына-царя к Ыртышу, а жон своих и детей возят за Иртыш». В дальнейшем выяснилось, что Далай-тайша и другие ойратские князья выступили в поход за 19 дней до прихода русских послов к Мангиту, т. е. 10 мая [103, с. 125, 126, 129].

На этом сообщения о событиях 1623 г. обрываются. Они свидетельствуют, что и в этом году все ойратские владетельные князья, включая входивших в группировку Далай, выступали единым фронтом против Алтына-хана и его союзников; что внутренние противоречия, разделявшие ойратских правителей, отошли на задний план перед внешней угрозой; что все они, независимо от места кочевания, поддерживали тесную связь и участвовали в обще-ойратских предпрятиях. По всем данным, поход 1623 г. не принес решающего успеха ни ойратам, ни Алтыну-хану. Ойраты захватили, видимо, немало пленных. Документы говорят, что в 1625 г., когда у ойратов вспыхнула острая междоусобная борьба, «из их улусов побежали в Мунгалы многия мунгалские полоняники» [103, с. 137].

Усобица 1625 г., о которой рассказывают почти все русские документы этого года, серьезно осложнила внутреннее положение в ойратских владениях. В основе усобицы лежал конфликт из-за дележа наследства между двумя братьями — владетельными князьями Чохуром и Байбагишем, третий брат которых умер, не оставив прямых наследников. Яблоком раздора стала тысяча аратских хозяйств, принадлежавших умершему. Байбагиш не захотел делиться с Чохуром и забрал себе все. Началась ссора. Помирить воевавших братьев стремились все влиятельные ойратские правители, не без основания опасавшиеся, что Алтын-хан воспользуется сумятицей и разгромит все улусы ойратов. В роли главных примирителей были Хара-Хула чоросский и Далай дэрбэтский. В результате их усилий братья заключили соглашение, по которому

Чохуру досталось 600 хозяйств, а Байбагишу — 400. Вскоре, однако, Чохуру захотелось отобрать у Байбагиша и эти 400 хозяйств. Началась новая война. Чохур с 10-тысячным войском в союзе с некоторыми другими владетельными князьями пошел на Байбагиша, у которого было всего 2 тыс. воинов. Сражение произошло на берегу Иртыша, в районе оз. Ямышева. Байбагиш потерпел поражение, потерял половину воинов и переправился на левый берег Иртыша. Здесь он укрепился, но был осажден. Теперь в роли главного примирителя выступил Далай, прибывший к месту сражения с отрядом в тысячу воинов. Улусам далаевской группировки было предложено кочевать в верховьях Ишима и Тобола, «блюдясь от мунгальских людей войны».

В апреле 1625 г. Далай созвал всех влиятельных правителей, ибо, как писал источник, «учинилась меж калмыцких тайшей Чокура и Байбагиша великая война. И к ним учали приставать друг за друга иные тайши о улусных людех и о животах калмыцково Чина-тайши, и Чин-тайша умер, а Чохур да Байбагиш-тайши ему братья. И Талай-тайши и Ирка-Илдэня (брат Далай.— И. З.) пошли Чокура и Байбагуша мирить, чтобы услыша то, мугальские люди, что меж колмацкими тайшами война, не пришла на них войною» [103, с. 137].

В конце 1624 г. посол тобольского воеводы Яков Буголаков был у Далай и вел с ним переговоры по поводу набега, учиненного ойратскими людьми на Тарский уезд. Далай отклонил претензии русской стороны, ибо «ходил де в Тарский уезд на государевы ясачные волости Карагулы-тайши братья, а Карагула де тайша сам своим улусом кочует, ему, Талай-тайше, унять не уметь. А государев де изменник Ишим-царевич Чокуру-тайшу племя, и кочует с Чокуром же, а не с ним, Талай-тайшею» [103, с. 138].

Это сообщение интересно тем, что с полнейшею ясностью устанавливает самостоятельность и взаимную независимость владений Далай и Хара-Хулы, равно как и крайнюю текучесть ойратских княжеских группировок. Недавно еще Чохур-тайша состоял при Далае в качестве «ближнего думчего тайши», а теперь он кочевал самостоятельно.

Наступившая зима вынудила тобольского посла Буголакова зимовать у Далай. «А весною пришла к нему весть, что Чокура да Байбагиша тайшей брат Чин-тайша умер, а животы его и улусных людей поймал себе Чохур-тайша, а брату своему Байбагишу воли не давал. И Байбагиш-тайша, пришед, изгоном Чина-тайши улусных людей и животы поймал. И за то де у Чокура-тайши з Байбагишом учинилась рознь, и быть может ими войне. И Талай-тайша, услыша то, пошел к ним на мир, а взял с собою 1000 человек... А его де, Якуньку (Якова Буголакова.— И. З.), взял с собою для того, что де у Чокура з Байбагишом учинитца, чтоб было ведомо, что сказать в Тобольску. И пришед де Талай-тайша к Чокуру-тайше, брата их Чина-тайшу животы поделил было пополам, по пятисот человек и послал к Байбагишу-тайше, чтоб он отослал к Чокуру Чина-тайши людей 500 человек... И Чохур захотел взяти всех

людей — 1000 человек и, собравшись с колмацкими тайши с Мерген-Теменею, с Куяном, с Табытаем, пошод на Байбагиша войною, а с ними силы с 30 000... А Чохур-тайша, сошед Байбагишу-тайшу ниже соляных озер, многих людей побил и живот поймал, а з достальными людьми осадил в луке... И послыша то Каракул-тайша, что Байбагиш от Чокура в осаде, пришел к Байбагишу на помощь против Чокура стояти, а с ним силы тысяч з 10. И Чохур-тайша пошел прочь и с погромом». После этого Буголаков был отпущен в Тобольск. «А отпустя его, Талай-тайша хотел за ним же кочевать на Итык... он чае нынешние осени мугальцов приходу. А и то де он слышал в Колмаках, что кочевать всем колмацким тайшам к Нагайской стороне на Черные пески, хотя меж ими и война не поминуетца. А только де Каракул-тайша от Байбагиша не отста-нет... меж колмацкими тайши быть войне великой и миру меж ими не бывать» [103, с. 139—140].

Мы привели столь обширные выдержки из рассказа Буголакова потому, что они с большой полнотой рисуют подоплеку внутренней борьбы среди ойратских феодалов, роль дэрбэтского Далай-тайши в ликвидации конфликта, его заинтересованность в поддержании мира и единства среди ойратских владетельных князей как условия успешного отпора Алтын-хану. Далай-тайша проводил такую же политику, как и Хара-Хула, энергичное вмешательство которого, по-видимому, предотвратило перерастание конфликта в большую междоусобную войну. Что касается достоверности рассказа Буголакова, то он едва ли может быть взят под сомнение, поскольку рассказчик в значительной мере был очевидцем упомянутых событий.

Данные Буголакова находят подтверждение и в сообщении нойайца Девлетова, в течение пяти-шести лет находившегося у ойратов в плену, бежавшего от них и в мае 1630 г. доставленного в Москву. Он был свидетелем войны между Байбагишем и Чокуром, начавшейся вскоре после захвата его в плен, причем Байбагиш, по его словам, был тогда убит. «А на его Байбагошово место учинился тайшею брат его Чекур» [103, с. 150].

События 1625 г. положили начало глубокому расколу северо-западной группировки ойратских владетельных князей, от которой начал отходить и в конце концов совершенно отделился дэрбэтский Далай-тайша. Его место занял торгоутский Хо-Урлюк. Имеющиеся источники не раскрывают всех обстоятельств, связанных с этим расколом. Русские архивные материалы поворят о событиях 1625—1635 гг. отрывочно, со значительными перерывами. Еще меньше сведений об этом периоде ойратской истории в монгольских и ойратских источниках. Можно более или менее уверенно говорить лишь об основных событиях этого десятилетия, приведших к становлению Джунгарского ханства.

Русские источники дают основание утверждать, что после 1625 г. Далай-тайша, возглавлявший основные дэрбэтские владения, окончательно порвал с торгоутской группировкой Хо-Урлюка и начал сближаться с юго-восточными ойратами Хара-Хулы. В это

же время Хо-Урлюк с сыновьями и большей частью торгоутских владетельных князей ускорили продвижение в район Астрахани, куда привели и улусы некоторых примкнувших к ним неторгоутских правителей.

В русской и зарубежной литературе в течение многих лет обсуждался вопрос о том, когда именно произошло отделение торгоутов Хо-Урлюка от остальной массы ойратов и началась их откочевка на Волгу. «Сказания» Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена вносят в этот вопрос полную ясность. Габан-Шараб включил в свое «Сказание» специальный раздел, который называется «В каком году произошло отделение от Дурбэн-ойратов»: «В году земли-дракона (1628 г.— И. 3.) было сообщено (торгоутами.— И. 3.) дурбэн-ойратским нойонам об их намерении отделиться. В следующем году земли-змеи (1629 г.— И. 3.) отделились» [57, с. 39]. Автор другого «Сказания», Батур-Убаши-Тюмен, писал, что ойраты получили впоследствии прозвание «халимак» («калмыки»), что в 1627 г. распался ойратский союз: елэты (т. е. калмыки) поспешно ушли на запад, хошоуты — в Тибет, а зюнгарты (т. е. чоросы) остались в зюнгартском нутуке (т. е. в Джунгарии) [37, с. 54; 36, 1859, № 47].

Итак, оба автора утверждают, что отделение торгоутов от остального ойратского общества произошло в 1627—1628 гг. У нас нет оснований им не доверять. Габан-Шараб сам был одним из торгоутских нойонов и писал свое «Сказание» лишь через столетие после прихода торгоутов на Волгу. Что же касается Батур-Убаши-Тюмена, то он был одним из хошоутских нойонов, недавние предки которых находились в тесной родственной связи с дэрбэтами и чоросами. Все это позволяет нам с полным доверием отнестись к сообщениям авторов обоих сказаний.

Русские источники, со своей стороны, подтверждают свидетельство Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена. В апреле 1630 г. в Москве были приняты послы Далай-тайши, которые в Посольском приказе сообщили, что их тайша кочует в Кара-Куме «один з детьми своими, а детей де его 4 сына... а иных де калмытцких тайшей с ними вместе нет. А калмытцких воинских людей у Талай-тайша 16 000, а у детей его 20 000» [103, с. 148—149].

В эти годы между Далаем и группировкой Хо-Урлюка — Чохура — Мэргэн-Тэмэнэ происходили вооруженные столкновения. Послы Далай говорил в Москве, что Чохур и Мэргэн-Тэмэнэ являются исконными вечными недругами Далай. Враждебные отношения между этими группировками проявлялись не только в вооруженных столкновениях, но и в попытках каждой из них натравить на другую русские власти, сваливая друг на друга вину за нападения на русские поселения и на русские ясачные волости [103, с. 154, 172 и сл.].

Мы ничего не знаем об обстоятельствах, разделивших группировку Далай и Хо-Урлюка, о причинах вражды между ними. Но нельзя не обратить внимание на свидетельство Габан-Шараба, писавшего, что правители торгоутов сначала поставили в известность

«дурбэн-ойратов» (главных ойратских правителей) о своем намерении отделиться и лишь после этого ушли на Волгу. Данный факт доказывает, что, несмотря на бесконечные конфликты, раздоры и междоусобную борьбу, ойратские правители в вопросах общеойратского значения чувствовали свою взаимосвязанность и взаимозависимость, опасаясь действовать в одиночку и тем более вразрез с общей волей ханов и князей. Мы не знаем, дали ли «дурбэн-ойраты» Хо-Урлюку свое согласие на отделение, но его присутствие с сыновьями на общемонгольском съезде 1640 г. подтверждает наш вывод.

Источники сообщают очень мало сведений о перемещениях, происходивших в 20—30-х годах XVII в. в юго-восточной группировке. Можно только уверенно утверждать, что в эти годы непрерывно росли сила и влияние Чоросского дома, возглавлявшегося Хара-Хулой. Важно отметить также, что ни в одном русском документе того времени не упоминается имя «первенствующего члена» ойратского чулгана Байбагаса хошоутского. После 1616 г. ни слова не говорят о нем и монгольские, в том числе ойратские, источники. Факты свидетельствуют, что в этот период все общеойратские кампании против Алтын-хана и казахов возглавлялись Хара-Хулой; он же являлся непререкаемым участником всех крупных внутренних конфликтов, навязывая их участникам свой арбитраж.

В 1630 г. в Посольском приказе в Москве уфимский толмач Федор Кондратьев рассказывал о своей поездке к Далай-тайше, состоявшейся годом раньше. Он говорил, что «есть за Иртышем еунгарского (Джунгарского.— И. 3.) улуса калмаки многие ж люди, и те быютца с мугалы Алтын-царя с людьми с камлыки ж. И при них де у Талай-тайши в улусах были мунгалские послы и про то им сказывали, да и Талай-тайша то ж, что у них у мунгал с еунгарским улусом война... А мунгалские де послы о том к Талай-тайше приходили, чтоб он еунгарским калмаком не помогал, людей своих на помощь им не давал» [103, с. 152].

Как видим, в 1628—1629 гг. ойраты вели очередную войну с Алтын-ханом, но уже не с Шолоем, который к этому времени умер, а с его сыном Омбо-Эрдени. Далай-тайша в ней не участвовал. Послы Алтын-хана прибыли к нему, уговаривая его сохранять нейтралитет. В источниках нет прямых данных об исходе войны, но косвенные свидетельства позволяют заключить, что она принесла успех ойратским феодалам. Видимо, поэтому после этой войны началось массовое возвращение ойратских владетельных князей в степи Джунгарии и Восточного Туркестана, которые вновь стали их нутугами и основной территорией Джунгарского ханства.

Укрепление внутреннего и внешнеполитического положения ойратского общества в конце 20-х — начале 30-х годов XVII в. сказалось и в том, что вместо характерного кочевания ойратских улусов на огромных пространствах Южной и Западной Сибири, Приуралья и Заволжья началась их концентрация на правом берегу Иртыша под эгидой чоросских князей. Оз. Ямышево, которое двумя-тремя десятилетиями раньше было одним из центров ойратских

кочевий, вновь стало их пограничным пунктом. Экспедиция, отправленная осенью 1634 г. из Тобольска к этому озеру за солью, встретила войско Куйши-тайши, сына Хара-Хулы, пытавшегося преградить русским путь [103, с. 238].

Кризис конца XVI — начала XVII в., угрожавший самому существованию ойратского общества, постепенно проходил. Противоречия, обусловившие его возникновение и развитие, были в основном разрешены. Пастбищный голод был преодолен в результате откочевки значительной части ойратского населения (около четверти миллиона человек) в низовья Волги. Это, в свою очередь, способствовало смягчению и ликвидации конфликтов между владельческими князьями, облегчило их объединение для решения обще-ойратских задач. На этой основе наметился перелом и в борьбе с внешними противниками, в первую очередь с Алтын-ханом и казахскими ханами и султанами.

Мы не можем сказать, какую роль в этих успехах играли личные качества Хара-Хулы. Сведения, сообщаемые источниками, недостаточны для ответа на этот вопрос. Несомненно одно: приведенные нами вполне достоверные фактические данные, во-первых, опровергают предположение, что образование Джунгарского ханства обязано исключительно личным талантам Хара-Хулы, главы чоросского омока, и, во-вторых, доказывают, что преодоление кризиса и консолидация разрозненных ойратских владений в единое ханство происходили стихийно. Личные способности Хара-Хулы, возможно, сыграли некоторую положительную роль, облегчив и обусловив сосредоточение в его руках ханской власти.

В 1634 г. Хара-Хула умер, оставив своему сыну и преемнику Хото-Хоцин-Батуру пост второго (наряду с Байбагасом хошоутским) «первенствующего члена» ойратского чулгана. Далай-лама пожаловал Батуру титул Эрдэни-Батур-хунтайджи. Фактически Батур-хунтайджи стал единовластным правителем всех ойратских кочевий, за исключением тех, которые вслед за Хо-Урлюком ушли на Волгу, где в это же примерно время началось создание другого ойратского ханства — Калмыцкого.

1635 год принято считать первым годом существования Джунгарского ханства. Сибирский летописец Черепанов писал: «В сих летах начало свое возимело в калмыцких тайшах Зенгорское владение, ибо Кара-Кулы тайши сын Батур тайша благоразумием и храбростью своей, как рассеянные калмыцкие республики с их тайшами вместе совокупил, и часть Бухарии завоевал, и с того времени как в 1635 г. он, Батур тайша, стал именоваться контайша» [16, д. 1542, л. 184].

3. Распространение ламаизма среди ойратов

Монголы впервые познакомились с буддизмом еще в XIII в. В годы существования империи Юань буддизм пользовался поддержкой великих ханов, всячески способствовавших его распро-

странению среди монгольской аристократии и народных масс. Но, несмотря на эту поддержку, успехи буддизма в то время были невелики. С падением империи его влияние кончилось. Среди монголов вновь возобладали традиционные шаманистские верования. Так продолжалось до последней четверти XVI в., затем началось стремительное превращение буддизма-ламаизма в единственную и безраздельно господствующую религию всех слоев монгольского общества. Первыми приняли новую религию восточномонгольские ханы и князья. К ойратам ламаизм пришел на четыре десятилетия позже, но утвердился среди них так же быстро, как и в Восточной Монголии.

Монгольские источники говорят, что первым монголом, вступившим в контакт с руководителями ламаистской церкви Тибета, был правитель Ордоса Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи. В 1566 г. он вторгся в Тибет и отправил к трем главным ламам посольство с посланием, весьма напоминавшим ультиматум. «Если вы нам подчинитесь, — гласило оно, — мы примем ваше религиозное учение и станем его последователями; если же вы нам не подчинитесь, мы поступим с вами как с врагами (мы вас покорим)» [172, с. 175].

Автор «Эрдэнийн Тобчи» рассказывает, что верховные ламы Тибета, получив этот ультиматум, долго колебались, не зная, на что решиться. По истечении трех суток они капитулировали. Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи вернулся в Ордос в сопровождении трех тибетских лам.

Прошло десять лет. В 1576 г. хунтайджи посетил туметского Алтан-хана, приходившегося ему родным дядей. Племянник убеждал дядю, что для закрепления и развития военных и политических успехов, достигнутых ханом во взаимоотношениях с Китаем и ойратами, необходимо опереться на религию, которую уважал и поддерживал сам Хубилай-хан, что опора на эту религию особенно важна ввиду преклонного возраста хана и проблемы престолонаследия. Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи советовал Алтан-хану пригласить в Монголию верховного ламу Тибета Содном-Джамцо. По соглашению с другими владельческими князьями Алтан-хан отправил в Тибет специальное посольство с заданием пригласить к нему Содном-Джамцо. Верховный лама Тибета охотно принял приглашение и вскоре отправился в путь. В 1577 г. он прибыл в Кукунор. Его торжественно встретили и щедро одарили правители местных монгольских владений. Не менее торжественно его встречали на всем пути до ставки Алтан-хана, куда он прибыл в 1578 г. Здесь в начале лета состоялся съезд князей и духовенства, на котором впервые в послеоаньский период монгольской истории были установлены и узаконены принципы взаимоотношений монгольской светской власти и ламаистской церкви. Эти принципы были сформулированы в постановлении, состоявшем из пяти пунктов и получившем название «учение о десяти добродетелях буддизма» (*arban buyantu nom-un sa'ajin*). Один из пунктов был посвящен правам и привилегиям церковных иерархов. За оскорбление их словом или делом виновные подлежали наказанию в зависимости

от звания оскорбленного. Другой пункт запрещал принесение в жертву духам лошадей, верблюдов и других домашних животных, принадлежавших умершим. Раньше этот скот убивали и хоронили вместе с покойниками. Количество жертвенных животных определялось общественным положением и богатством умершего. Новый порядок требовал, чтобы жертвенный скот не убивали, а дарили монастырям. Все миряне были обязаны соблюдать установленные постные дни, не убивать, не брать чужого, не лгать и т. д. [172, с. 198].

Алтан-хан дал верховному ламе Тибета титул *далай-лама*. С тех пор этот титул носит глава ламаистской церкви Тибета. В свою очередь, и далай-лама щедрой рукой раздавал монгольским феодалам светские и духовные титулы и звания. Так было положено начало союзу, просуществовавшему до победы народной революции 1921 г. в Монголии.

«Эрдэнийн Тобчи» сообщает о попытках некоторых светских феодалов сопротивляться росту влияния и привилегий ламаистской церкви. Так, в 1582 г., когда Алтан-хан заболел, туметские князья и чиновники потребовали изгнания лам из Монголии. Свое требование они мотивировали тем, что если уж хану ламы не в состоянии помочь, то на какую же их помощь могут рассчитывать другие люди [172, с. 206—207]. Но попытки такого рода были редкими и нетипичными. Не они определяли отношения монгольских ханов и князей с церковью. Для этих отношений характерны полное совпадение интересов, взаимная помощь и классовое сотрудничество. Монгольские ханы и князья делали все, для того чтобы ламаистская церковь могла в наикратчайший срок овладеть сознанием народных масс. Они жестоко подавляли и преследовали шаманизм, шаманов и их последователей, развертывали широкое строительство монастырей и храмов, поощряли переход аратов в ламы, полностью освобождая их в этом случае от податей и повинностей. Ламаистская церковь, со своей стороны, убеждала народ в бесполезности и греховности классовой борьбы, в неизбежности смирения, в божественном происхождении власти ханов и князей. Руководители церкви к тому же широко открывали доступ на основные церковные посты представителям класса феодалов, в частности младшим сыновьям ханов и князей, не имевшим шансов стать владельческими князьями. Не случайно после смерти Содном-Джамцо (1586 г.) верховным ламой Тибета, т. е. главным руководителем ламаистской церкви, далай-ламой, стал правнук Алтан-хана — Иондон-Джамцо (см. [150, с. 80]). Он был единственным монголом, оказавшимся на этом посту за всю историю ламаистской церкви.

Руководящие круги церкви были весьма заинтересованы в помощи монгольских феодалов в связи с борьбой за власть, которая длительное время велась в феодально-теократическом Тибете между различными феодальными группировками и приняла форму борьбы двух главных сект в ламаизме — «красношапочников» и «желтошапочников». Со своей стороны, монгольские князья актив-

но использовали церковь и ее влияние в борьбе за личные привилегии. Церковь не отказывала никому, кто к ней обращался за подобного рода помощью, видя в этом дополнительное средство укрепления своего влияния в Монголии и увеличения своих богатств. Руководители церкви щедро раздавали громкие титулы и почетные звания ханам и князьям, не останавливались перед расширением ламаистского пантеона, объявляя того или иного феодала хубилганом (перевоплощенцем) какого-нибудь буддийского святого. В результате в Монголии очень скоро оказалось больше хубилганов, чем в самом Тибете. Для наблюдения за положением дел в Монголии верховные ламы Тибета в 1604 г. направили на берега Толы своего представителя Цаган-номун-хана, известного также под именем Майдари-хутухта и Очир-Дара-хутухта. Он превратился фактически в политического советника монгольских ханов и князей. Все это способствовало исключительному успеху ламаизма в ханствах и княжествах Восточной Монголии.

Несколько иначе протекал этот процесс в западной части страны, среди ойратов. Здесь ламаизм начал свое победное шествие лишь в середине второго десятилетия XVII в. Габан-Шараб и Батур-Убаши-Тюмен приписывают инициативу обращения к религии ламаизма торгоутскому нойону Сайн-Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ, призывавшему в то время к юго-восточной ойратской группировке и кочевавшему вместе с чоросами [57, с. 11; 37, с. 66—67; 36, 1859, № 49]. Около 1610 г. он обратился с соответствующим предложением к главе ойратского чулгана Байбагасу хошоутскому, к его братьям и другим владельческим князьям. Байбагас был склонен принять предложение, но этому препятствовало отсутствие непосредственного контакта с Тибетом. Враждебные отношения с восточномонгольскими правителями, видимо, исключали возможность воспользоваться кратчайшим путем в Тибет — через Кукунор, дорога же через горный хребет Куньлунь была исключительно трудной. Отсутствие непосредственных связей с Тибетом и неприязненные отношения с восточномонгольскими правителями явились, по видимому, главными причинами сравнительно позднего распространения ламаизма в Западной Монголии.

По данным Габан-Шараба, дорога в Тибет была проложена через Аксу и Баркуль, т. е. в конечном счете все же через Куньлунь. К ойратам в качестве представителя далай-ламы прибыл из Восточной Монголии Цаган-номун-хан. Габан-Шараб рассказывает, что вначале сам Байбагас решил было отречься от мирских дел и принять посвящение в тойны (лама-аристократ), ибо он «много раз слышал от Цаган-номун-хана о том, что наш внешний и внутренний мир имеет свойство пустоты и разрушимости». Однако другие ойратские правители стали возражать. Они говорили главе чулгана: «Без вас нам трудно будет поддерживать единство государства» [57, с. 12]. Источники не сообщают, какие правители возражали против посвящения Байбагаса в ламы, какой смысл они вкладывали в слова о единстве государства. Едва ли в числе этих правителей был Хара-Хула чоросский, властолюбивые планы ко-

торого могли лишь выиграть от ухода Байбагаса. Возможно, что против ухода Байбагаса выступили главным образом те, кто не хотел усиления позиций Хара-Хулы. В этом случае становится понятным значение их слов о единстве ойратского государства.

Ойратские правители, возражавшие против ухода Байбагаса в ламы, обратились за содействием к Цаган-номун-хану, прося его разъяснить, полезнее ли для дела церкви, чтобы ламой стал один Байбагас или по одному сыну каждого из нойонов? Цаган-номун-хан ответил, что заслуга многих важнее заслуг одного.

После этого дэрбэтский Далай-тайша, чоросский Хара-Хула, торгоутский Хо-Урлюк, хошоутский Хундулен, чоросский Чохур и многие другие ойратские владетельные князья посвятили в тойны по одному из своих сыновей. У Байбагаса в то время не было детей. Он усыновил одного из сыновей хошоутского нойона Бабахана и тоже посвятил его в ламы. Байбагас остался на посту главы ойратского чулгана, а его приемный сын стал впоследствии видным деятелем ламаистской церкви, вошедшим в историю Монголии под именем Зая-Пандиты.

Из биографии Зая-Пандиты известно, что он родился в 1599 г., а его посвящение в тойны состоялось, когда ему исполнилось 17 лет. Из этого следует, что описанное выше официальное провозглашение ламаизма религией ойратских феодалов произошло около 1616 г. Данный факт подтверждает упомянутое выше свидетельство русских послов Томилы Петрова и Ивана Куницына, которые в 1616 г. были очевидцами приведения ойратского населения к новой вере ламами, прибывшими из Восточной Монголии [103, с. 53]. В 1617 г. Зая-Пандита прибыл в Тибет, где изучал буддийскую «науку», теорию и практику ламаистской церкви. В 1639 г. он вернулся на родину и развернул там широкую, разностороннюю идеологическую и политическую деятельность.

Выше мы уже говорили, что вытеснение шаманизма и утверждение ламаизма в западномонгольских улусах происходили такими же быстрыми темпами, как и в Восточной Монголии. Однако процесс распространения ламаизма среди ойратов отличался некоторыми важными особенностями, наложившими отпечаток на всю последующую историю ламаистской церкви в ойратских ханствах и княжествах. Так, в Западной Монголии не утвердился институт хубилганства, число же монастырей и лам здесь было во много раз меньше, чем в восточномонгольских улусах. В результате влияние ламаистской церкви в массах ойратского населения не было таким абсолютным и всепроникающим, как на востоке страны.

Объяснение этого следует, на наш взгляд, искать в тех особенностях военно-политического и географического положения ойратских владений в конце XVI — начале XVII в., о которых мы уже говорили выше. Они обусловили менее тесные связи ламаистской церкви Тибета и ойратских феодалов, их меньшую в то время взаимную заинтересованность в союзе и помощи. На отношениях церкви и светской власти не мог, кроме того, не отразиться такой

факт, как постепенное сосредоточение светской власти в руках единодержавного ойратского хана, ставшего во главе складывавшегося Джунгарского ханства.

Вот почему в дальнейшем ни в Джунгарском, ни в Калмыцком (на Волге) ханствах не сложилось централизованной организации ламаистской церкви, подобной той, которая возникла на востоке Монголии.

* * *

Образование Джунгарского ханства является результатом действия ряда факторов внутреннего и внешнеполитического характера. Основные из них следующие.

Естественный рост поголовья скота создавал относительную земельную тесноту, которая усиливалась в результате бесконечного дробления феодальных владений. Процессы экономического развития требовали ввода в хозяйственный оборот новых пастбищных территорий. Отсутствие свободных земель внутри ойратских владений толкало их правителей на путь междоусобиц и внешней экспансии. Военные неудачи в борьбе с соседями вели к дальнейшему сокращению пастбищных территорий, что, в свою очередь, обостряло внутреннюю межфеодальную борьбу, обессиливавшую как непосредственных участников, так и ойратское общество в целом. Так возник кризис, угрожавший самому существованию ойратских феодальных владений. Возможно, что именно в это время ойратские феодалы использовали благоприятную обстановку, созданную окончательным распадом Могулистана, и стали обосновываться в долине Или.

Пытаясь вырваться из этого кризиса, часть ойратских феодалов в последние годы XVI в. начала откочевку на северо-запад, в малонаселенные и почти необороняемые кулундинские, иртышские и ишимские степи.

Важным событием внутренней истории ойратского общества в рассматриваемое время была борьба за власть между династией хошоутских правителей во главе с ханом Байбагасом и домом Чорос во главе с Хара-Хулой. В этой борьбе Байбагас представлял, по-видимому, интересы феодальной знати, противившейся усилению центральной власти. Хара-Хула опиралась на другую группировку, добивавшуюся объединения ойратских владений и создания крепкой центральной власти. Последняя была важнейшим условием успешного сопротивления натиску извне и успешной экспансии с целью овладения чужими пастбищными территориями, чужим скотом и крепостными. Но напряжение этой борьбы нарастало лишь постепенно. Властолюбивые планы Хара-Хулы, особенно вначале, не были главной и тем более единственной причиной, толкнувшей дэрбэтского Далай-тайшу, торгоутского Хо-Урлюка и ряд других владетельных князей на переселение в пределы Русского государства, хотя и эта причина играла немалую, а с течением времени и все более важную роль.

Основной причиной, вынудившей эту группу правителей откочевать из западных районов Монголии, была уже отмеченная земельная теснота, появившаяся в результате роста стада, дробления уделов и неудачных войн (под влиянием этих же факторов некоторая часть восточномонгольских ханов и князей в свое время покинула центральные области Монголии и обосновалась в Алашане, Ордосе и Кукуноре). В дальнейшем, в 20—30-х годах XVII в., нежелание местных правителей подчиниться центральной власти Хара-Хулы и Батур-хунтайджи вызвало очередное обострение междоусобной борьбы и откочевку в 1635—1637 гг. новой группы владетельных князей во главе с хошоутским Туру-Бауху (Гуши-ханом) в прилегающие к Тибету районы Кукунора.

На первых порах откочевка Далай, Хо-Урлюка и других владетельных князей происходила с ведома и согласия чулгана ойратских ханов и князей. Откочевавшие правители не теряли связи с ними, неизменно участвуя в решении всех общеойратских дел, в общих походах против Алтын-ханов и казахов, в принятии буддизма-ламаизма, в общеойратских съездах и т. д. Ошибочным является утверждение некоторых исследователей, что откочевавшие образовали особый «ойратский союз» с целью якобы сломить сопротивление сил, стоявших на их пути к Волге, союз, направленный, по мнению одних, против Хара-Хулы, по мнению других, против русских властей. На самом же деле в рассматриваемое время, как и в более ранние периоды, ойратские феодалы то образовывали союзы, то расторгли их, становясь врагами своих вчерашних друзей; эти союзы были весьма кратковременны, а их состав крайне текуч. Для ойратского общества, как и для всей Монголии, была характерна феодальная раздробленность.

Источники не дают ни малейших оснований утверждать, что откочевка Хо-Урлюка, Далай-тайши и Гуши-хана была следствием великодержавных планов ойратских феодалов, ставивших якобы целью восстановление державы Чингисхана, создание новой кочевой империи. Откочевки следует рассматривать не как наступательную операцию с завоевательными целями, а как попытку найти выход из неблагоприятной экономической и внешнеполитической обстановки.

Вопреки мнению А. Позднеева и некоторых других исследователей внешнеполитическая активность ойратских ханов и князей во второй половине XVI и начале XVII в. отнюдь не сводилась только к войне с халхаскими феодалами. По данным источников, войны между восточномонгольскими и ойратскими правителями происходили в 1552, 1562, 1574, 1587, 1608—1609 и 1618—1620 гг., причем эти войны лишь в самом конце XVI в. стали выходить за рамки малозначительных, местных, пограничных конфликтов и приобрели характер серьезных междоусобных войн. Упадок и полный распад Могулистанской державы привел к уменьшению числа, а затем к полному прекращению вооруженных конфликтов между ойратскими владетельными князьями и княжествами Восточного Туркестана. Однако участились конфликты между ойра-

тами и правителями казахских феодальных владений, в свою очередь испытывавших недостаток пастбищ и стремившихся к полному изгнанию ойратов из Семиречья. В начале рассматриваемого периода правители объединенного раннефеодального казахского государства одерживали верх над разьединенными и раздробленными ойратскими владениями, нанося им поражения. Наметившееся в XVII в. единство действий казахских феодалов и восточномонгольских Алтын-ханов создавало непосредственную угрозу ойратским ханам и князьям, толкая их на путь преодоления политической раздробленности и создания объединенного государства.

Исключительно важное значение и серьезные последствия имело принятие ойратскими феодалами буддизма-ламаизма как официальной религии. В основе этого события лежали военно-политические интересы ханов и князей, на опыте восточномонгольских феодалов убедившихся в важном значении союза с ламаистской церковью Тибета, для которой приобретение новых адептов, в свою очередь, сулило огромные преимущества. Особенности конкретно-исторической обстановки обусловили как более позднее по сравнению с восточномонгольскими владениями приобщение Западной Монголии к ламаизму, так и ряд существенных отличий церковной организации у ойратов. Данные источников не подтверждают точку зрения Б. Владимирцова, преувеличивавшего культурно-историческое значение перехода ойратов к ламаизму. Но эти же данные опровергают и утверждения, полностью отрицающие какое-либо положительное значение отказа от шаманизма и принятия ламаизма монголами. Религиозная идеология способствовала укреплению идеи общемонгольского единства, создавая некоторую основу для преодоления раздробленности и объединения страны. Прямым следствием принятия ламаизма явились также некоторые успехи в развитии письменности и литературы монголов, знакомство с древними культурами Индии и Тибета, отказ от некоторых диких обрядов шаманизма и т. д.

Политика Русского государства по отношению к ойратским владениям была объективно благоприятной для их правителей: Москва разрешала им кочевать свободно, «где похотят», обещала защищать и оборонять их от недругов, шла навстречу в вопросах торговли, сбора ясака и т. п., требуя, однако, в обмен на это перехода в русское подданство, обязательства служить русскому царю «вечно и неотступно». Именно такая политика соответствовала интересам правящих кругов тогдашней России, рассчитывавшей без применения силы укрепить и расширить свои владения в этом крае.

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В КОНЦЕ ПЕРВОЙ — НАЧАЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Общими тенденциями развития ойратского феодального государства в период правления Батур-хунтайджи и его первого преемника Сенге, т. е. с 1635 по 1671 г., были его внутренняя консолидация и упрочение внешнеполитических позиций. Это развитие, однако, не было последовательным и непрерывным, ему присущи колебания и зигзаги.

В отличие от более ранних периодов ойратской истории эти десятилетия сравнительно полно представлены в источниках. Биография Зая-Пандиты, «Сказания» Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена, китайские произведения, собранные, переведенные и обобщенные в трудах П. Попова, В. Успенского, В. Васильева, Л. Шрама и др., наконец, русские архивные материалы из фондов Центрального государственного архива древних актов и Архива Академии наук СССР создают базу для изучения исторических событий этого времени.

Однако приходится констатировать, что в целом события указанного периода истории Джунгарского ханства изучены и освещены в литературе недостаточно. Позиции историков XIX — начала XX в. существенно расходились по ряду важных как общих, так и частных вопросов ойратской истории рассматриваемого периода.

А. Позднеев, ознакомившись с дневником путешествия в Джунгарию И. Унковского, опубликованным Н. Веселовским, писал последнему: «Оказывается, что исторические показания этого путешественника совершенно расходятся с показаниями Жербилона; последние, в свою очередь, различаются от показаний китайских историков... Чтобы разобраться в этой путанице известий, мне по поводу Вашего издания захотелось пересмотреть, как толкуют об этом периоде собственные монголо-ойратские сказания, которые, замечу мимоходом, до сего времени еще и вовсе не были разработаны в Европе... Оказалось, что все это, давая новый и обильный материал, в то же время опять-таки расходится с прежде известным» [120, с. 239—240].

Главной фигурой, стоящей в центре событий ойратской истории того времени, был основатель Джунгарского ханства и его первый правитель Эрдэни-Батур-хунтайджи, внутренняя политика которого во многих отношениях носила, несомненно, прогрессивный характер. Однако исследователи по-разному оценивали историческую роль этого деятеля. Н. Бичурин, например, склонен был по-

ставить его в один ряд с Петром I. Он писал: «Батор-хонь-тайцзи был то же для элютов, что Петр I для России, но не имел ни образования, ни примеров, ни руководителей» [77, с. 128]. Иным было мнение К. Пальмова, утверждавшего, что «властолюбие джунгарского Батур-хунтайджи, вообразившего себя чуть ли не новым Чингисханом и задавшегося подчинить себе всю Монголию, не только препятствовало прочному объединению западномонгольских племен, но повело к полному разрыву между Восточной и Западной Монголией, тем более что в среде восточных монголов оказался столь же и властолюбивый человек, которому не давала покоя мечта стать во главе всей Монголии, это Ликдан, хан чахарский» [115, с. 12]. Так радикально расходились эти два исследователя в оценке деятельности Батур-хунтайджи. Следует отметить, что выводы К. Пальмова несостоятельны уже по той причине, что вступление на ханский трон Батур-хунтайджи совпадало по времени с гибелью Ликдана. Мнения других историков не были столь крайними и категоричными [49, с. 381; 63, с. 76; 64, с. 97].

Немало разногласий вызывало установление даты смерти Батур-хунтайджи. К. Паллас называл 1665 г., Г. Грум-Гржимайло — 1663 г., Г. Миллер и И. Фишер полагали, что Батур-хунтайджи умер в 1660 г., а Ф. Байков в своем статейном списке датировал кончину этого правителя Джунгарии 1650 г. Указанные расхождения объясняются тем, что в русских источниках о смерти Батур-хунтайджи сообщается очень мало. Единственным и вполне достоверным свидетельством о смерти и погребении первого правителя Джунгарского ханства является биография Зая-Пандиты.

Не меньше споров вызвал и вопрос о том, кто и когда стал преемником Батур-хунтайджи. А. Позднеев, например, возражая Жербийону, И. Унковскому, Н. Бичурину и многим другим, утверждал, что после смерти Батура и до воцарения Галдана главную роль в жизни ханства играл не Сенге, а его старший брат Цецен-тайджи (которого А. Позднеев почему-то именует Цэцэн-ханом). «Всматриваясь в историю ойратов того времени, — писал А. Позднеев, — нетрудно заметить, что по смерти Батура-хунтайджи главным действующим лицом в среде зюнгарских князей является Цэцэн-хан, а никак не Сенге, который представляется какою-то бесцветною личностью, исполняющей только второстепенные роли... Сенге по смерти Батура-хан-тайчжия, т. е. с 1653 и до сего времени (до 1659 г. — И. З.), едва ли был признаваем за законного владетеля зюнгарских поколений, и что если он и почитался таковым впоследствии, то власть эту он приобрел себе путем сравнительно долгой борьбы и усилий. Но опять-таки... власть над зюнгарскими поколениями (т. е. над владениями дома Чорос. — И. З.) не помещала в себе главенства над всем ойратским союзом, и в этом отношении... трудно представить то, чтобы Сенге считался когда-либо старейшим в общей семье ойратских князей» [120, с. 244—245].

Г. Грум-Гржимайло не решался ответить на вопрос о первом

преемнике Батур-хунтайджи и считал, что Сенге вступил на ханский трон лишь в 1665 г. [65, т. 2, с. 642].

Указанные расхождения объясняются, видимо, особенностью источников, которыми пользовались упомянутые авторы. Жербий-он, как известно, имел дело только с официальными маньчжурскими документами и устными монгольскими преданиями. Н. Бичурин, как обычно, руководствовался исключительно китайскими историческими сочинениями, написанными, как правило, через много десятилетий после описываемых событий на основании расспросных данных. Что касается А. Позднеева, то он исходил только из показаний монгольских летописей, упуская из виду, что авторы большей части этих летописей были под сильным влиянием официальной китайской историографии и ламаистской церкви, к середине XVIII в. превратившейся в орудие политики Цинской династии.

Главными источниками для написания этой главы явились три ойратских исторических сочинения (биография Зая-Пандиты и два «Сказания») и русские архивные документы. Одним из ценных преимуществ ойратских материалов является то, что они, отражая интересы и идеологию феодалов Джунгарии, вместе с тем вполне независимы от посторонних, китайских или русских, влияний. Что же касается русских архивных документов, то они в ряде случаев существенно дополняют и уточняют показания монгольских, в том числе и ойратских, источников.

1. Внутренняя и внешняя политика Батур-хунтайджи

Положение ойратского общества к середине 30-х годов XVII в., когда к власти пришел Батур-хунтайджи, заметно улучшилось по сравнению с концом XVI — началом XVII в. Ему уже не угрожали противники с запада и юга, где еще недавно располагались владения могущественного Могулистана. Их место заняли многочисленные ханства, бекства и султанаты, непрерывно враждовавшие и воевавшие друг с другом, причем борющиеся стороны, как и раньше, приглашали на помощь ойратских владетельных князей с их войсками. Вмешательство последних имело результатом лишь дальнейшее ослабление Турфана, Кашгара, Хотана, Яркенда и других мусульманских владений Восточного Туркестана. Источники часто приводят случаи, когда те или иные ойратские владетельные князья оказывались «на службе» у мусульманского правителя, боровшегося против другого такого же правителя, и, наоборот, когда отдельные мусульманские правители состояли на такой же «службе» у ойратского владетельного князя, боровшегося против своих соперников [33; 34; 45; 46]. Следует вместе с тем отметить, что в источниках XVII в. почти не упоминаются случаи нападений восточнотуркестанских ханов и султанов на ойратские владения.

Существенно изменились и взаимоотношения между ойратскими и казахскими феодалами. Если в конце XVI — начале XVII в. от-

носительно объединенному казахскому государству противостояли разединенные, малосильные ойратские княжества, терпевшие поражения на полях сражений, то в дальнейшем соотношение сил стало меняться в пользу ойратских ханов и князей. Это объясняется постепенным объединением ойратских владений Хара-Хулой, ослаблением ханской власти преемников Тевеккеля.

Ослабела угроза и со стороны Алтын-ханов, хотя представители этой династии еще долго оставались главными противниками ойратских феодалов в Восточной Монголии. Соотношение сил здесь складывалось не в пользу державы Алтын-ханов, хотя в 30-х годах XVII в. они еще удерживали в своих руках значительную территорию к западу от Монгольского Алтая, которая до 80-х годов XVI в. принадлежала ойратским феодалам. Об этом свидетельствует рассказ одного из русских послов, направленных из Тобольска летом 1640 г. к Батур-хунтайджи. По словам этого посла, «поставил де он, контайша, на мунгальской границе в урочище в Кибоксарах городок каменной и заводит пашню и хочет в том городке жити» [2, оп. 4, кн. 11, л. 38; см. также: 106, с. 456—465]. Указанное урочище (его правильное наименование Кобук Саур), признававшееся самим Батур-хунтайджи границей между Восточной Монголией и его собственными владениями, находится южнее р. Черный Иртыш, между озерами Зайсан и Улюнтур, несколько к югу от них.

В целом внешнеполитическое положение Джунгарского ханства ко времени воцарения Батур-хунтайджи было довольно устойчивым.

Более сложной была обстановка внутри ханства. Откочевка на Волгу большинства торпоутов и части дэрбэтов уменьшила численность ойратского населения Западной Монголии, по данным источников, примерно на 50 тыс. семейств, что составляло, предполагая среднюю семью в четыре человека, не менее 200 тыс. человек. Откочевка в Кукунор хошоутов, начавшаяся вскоре после прихода к власти Батур-хунтайджи, еще более сократила население ханства¹. Есть основания полагать, что не менее 300 тыс. человек покинули родные кочевья и переселились в степи Поволжья и Кукунора. Это не могло, конечно, не ослабить молодое, еще только складывавшееся ойратское феодальное государство².

Другим не менее важным обстоятельством, определявшим внутреннее положение Джунгарии, было нежелание некоторых местных правителей подчиняться центральной ханской власти, их стремление сохранить или восстановить утраченные феодальные вольности.

Ко всему сказанному следует добавить нарастающую опасность маньчжурской экспансии. В 1634 г., т. е. почти одновременно с воцарением Батур-хунтайджи, маньчжурские завоеватели сокрушили крупнейшее в Южной Монголии Чахарское ханство. Вслед за этим началась подготовка к провозглашению императора маньчжуров Абахая правителем южномонгольских феодальных владений, что и было осуществлено в 1636 г.

Что же касается Русского государства, то с его стороны Джунгарское ханство встречало известную поддержку, поскольку русские власти, не имея сил проводить в этом районе активную наступательную политику и стремясь в то же время обезопасить границы государства от набегов, были заинтересованы в укреплении ханской власти. Вместе с тем русские власти стремились мирными средствами превратить ойратских князей и правителей в своих подданных, подвластное им население — в поставщиков ясака для русской казны, а районы их обитания — в территорию России.

В такой внутренней и внешнеполитической обстановке Батур-хунтайджи начал свою деятельность в качестве правителя ханства. Для его 20-летнего правления характерны мероприятия преимущественно внутреннего характера, направленные к консолидации ханства, к его экономическому и политическому укреплению, к ликвидации междоусобной борьбы с восточномонгольскими владетельными князьями, к объединению сил всей Монголии для отражения нарастающей угрозы со стороны маньчжурских феодалов. Разумеется, в основе внутренней и внешней политики Батур-хунтайджи лежали классовые интересы ойратских феодалов, заинтересованных в эксплуатации населения ханства.

Крупнейшим событием первых лет правления Батур-хунтайджи был конфликт с правителем хошоутов Туру-Байху, младшим братом Байбагас-хана, кочевавшим вместе с другими братьями к западу и югу от Тарбагатайских гор, в долинах Или и Эмели. Источники не говорят о причине этого конфликта и как он развивался. Известно лишь, что между Батур-хунтайджи и Туру-Байху обострились отношения, что привело к вооруженному столкновению, которое, однако, быстро закончилось примирением [55, с. 32]. Но вскоре после этого Туру-Байху и большинство других хошоутских правителей оставили насиженные места в Тарбагатае и двинулись на юго-восток, к Кукунору, где и образовали самостоятельное хошоутское государство.

Когда это произошло? Монгольские источники не дают прямого ответа. По данным китайских источников, хошоуты обосновались в Кукуноре между 1636 и 1638 гг., из чего следует, что их отколовка из Джунгарии началась не позже 1635 г. [173, с. 35; 147, с. 166].

Батур-хунтайджи стал изыскивать средства вернуть хошоутов или, если это невозможно, хотя бы установить и укрепить с оставшимися там ойратами тесные дружественные связи и сотрудничество. Источники свидетельствуют, что войска Батура участвовали в тибетской экспедиции Гуши-хана, в результате которой во главе господствующего класса Тибета оказались церковные феодалы «желтошапочного» толка и хошоутские князья. Батур-хунтайджи породнился с домом Хошоутов, выдав свою дочь за сына Очирту-тайджи — Байбагас-хана. К тому же Батур-хунтайджи убедил своего сына вернуться в Джунгарию. В 1639 г. Очирту-тайджи уже принимал у себя, на старых хошоутских кочевьях, вернувшегося из Тибета Зая-Пандиту, проводшего у него зиму 1639/40 г. [167, с. 5].

Очирту-тайджи оставался неизменным другом и союзником Батур-хунтайджи на протяжении всех лет правления последнего. Именно с этого времени, по свидетельству биографии Зая-Пандиты и «Сказания» Габан-Шараба, во главе ойратского чулгана стояло уже не одно лицо, а два, «хоёр тайджи» — чоросский Батур-хунтайджи и хошоутский Очирту, которому впоследствии далай-лама пожаловал титул Очирту-Цецен-хана. Его владения в 40-х годах XVII в. располагались между озерами Зайсан и Балхаш, реками Чу, Или и Аягуз, вплоть до гор Юлдуза, где кочевал хойтский Солтон-тайша.

Батур-хунтайджи урегулировал более или менее удовлетворительно свои взаимоотношения не только с хошоутами, но и с Хо-Урлюком и другими торгоутскими правителями, обосновавшимися к тому времени в низовьях Волги. Он породнился с торгоутским домом, женившись на одной из дочерей Хо-Урлюка. Отчетливое отражение примирительной политики Батур-хунтайджи мы находим в материалах тобольского посольства Вл. Клепикова, ездившего к повелителю Джунгарии в 1644 г. В ответ на предложение русской стороны выступить против Хо-Урлюка, действия которого в районе Астрахани беспокоили русские власти, Батур-хунтайджи сказал, что тот ему «не недруг; дочь де его, урлюкова, за ним контайшею, — на отца де дети коли войною ходят? И чтоб де ты, государь, его, контайшу, пожаловал, велел бы мимо его, контайши, над ним, Урлюком, промышлять, а ему де на Урлюка войною не хаживать. Да и иные де тайши, друзья его, на Урлюка войною не пойдут же» [12, д. 1, л. 19; 2, оп. 4, кн. 11, л. 87об. — 92].

Политика Батур-хунтайджи давала свои плоды. Торгоутские правители в массе своей платили ему взаимностью, и, как уже было сказано выше, Батур-хунтайджи также считался с ними. По данным Габан-Шараба, Хо-Урлюк говорил сыновьям, что он был неизменным участником всех ойратских чулганов, что князья ждали его, если он почему-либо запаздывал [57, с. 15].

Русские источники свидетельствуют, что в середине 40-х годов XVII в. в результате уговоров Батур-хунтайджи и под влиянием военных поражений торгоутские правители всерьез готовились покинуть Поволжье и вернуться в Джунгарию. Об этом писал в Москву астраханский воевода Б. Репин, ссылаясь на многочисленные сведения, поступавшие к нему от различных людей в октябре 1645 — январе 1646 г. Один из информаторов говорил воеводе: «Зовут де их (калмыков. — И. З.) дальние большие калмыки (ойраты. — И. З.) кочевать к себе за старые свои кочевные места. А как де они пришли кочевать к Волге, и они де только людей перетеряли... А от дальних де, государь, калмыков ближние калмыки приходу на себя не опасаются, и посол де дальних калмыков лаба (лама. — И. З.) живет у Шункея да у Мамереня тайшей». Другой сообщал: «Слышал де, государь, он от калмыцких людей в розговорах, что калмыцкие все тайши, посоветовав меж себя, хотят кочевать к дальним калмыком, потому что де, государь, к ним от дальних калмыков присланы послы с угрозою, и велят де дальние калмыки прикочевать им к себе вскоре». Третий докладывал, что

«калмыцкие тайши с улусными своими людьми с урочища от реки Сакпары учали кочевать к дальним калмыком с послом их, с лабою... А от калмыцких де, государь, людей в переговорах он слышал,—только б де у них не было от дальних калмыков посла, а из Асторахани б их калмыцкие послы приехали к ним с тем, что твои государевы астораханские люди будут с ними в миру то де они не думали о возвращении в Джунгарию». Четвертый и пятый информаторы говорили воеводе: «А дальних де, государь, калмыков посол лаба... жил в калмыцких улусех у Ельдена да у Шункея тайшей. И просят де, государь, дальние калмыки у ближних калмыков себе три тысячи дворов с людьми и з животиною. И Шункей де да Ельден тайши тому дальних калмыков послу лабе говорят, что они три тысячи дворов им дадут» [13, 1646, д. 1, л. 53, 54, 56, 58, 60, 69]. Сообщений подобного рода к русским властям поступало в то время много. Не приходится сомневаться, что они отражали намерения «ближних» ойратских владетельных князей возвратиться на их старые кочевья, к «дальним» ойратам. Эти планы действительно вынашивались правителями, и в первую очередь самим Батур-хунтайджи, который направил на Волгу специальных послов с соответствующим заданием. Он уже не опасался, что возвращение торгоутов и хошоутов вызовет снова земельную тесноту.

Более того, он говорил торгоутским правителям, что, покинув Джунгарию, они потеряли лишь множество людей. Все это можно рассматривать как свидетельство существенного укрепления внешнеполитического положения ханства, которому были уже не так опасны вооруженные столкновения с соседями, и улучшения внутреннего положения в связи с тем, что степи всей Джунгарии к этому времени вновь стали пастбищной территорией ойратских владений. Но планы возвращения торгоутских князей остались нереализованными.

Батур-хунтайджи старался возможно крепче привязать к себе дэрбэтов Далай-тайши. Судя по всему, сближение между ними происходило с известными трудностями. В начале 1636 г. Батур-хунтайджи весьма осторожно высказывался о своем влиянии на правителя дэрбэтов. Когда русский посол Томила Петров по поручению тобольского воеводы требовал, чтобы ойратские власти разыскали и вернули на родину русских людей, захваченных в плен дэрбэтскими и другими князьями, Батур-хунтайджи ответил, что «он о том полону пошлет к Куйше и к Талай-тайше говорить послов своих. Да и сам он Куйше и Талай-тайше, где с ними съедетца, о том полону и о службе говорити учнет... А будет де Куйша и Талай-тайши его, контайши, не послушают, тарского и тюменского полону не отдадут... и ему де уняти их не уметь, только де от него, контайши, з государевыми людьми войны не будет» [20, стб. 455, л. 41—42]. Однако Батур-хунтайджи, видимо, оказал соответствующее влияние на Далай, ибо последний вскоре прислал в Тобольск своих послов со всякого рода объяснениями и заверениями [2, оп. 4, кн. 11, л. 42; 106, с. 463]. По данным русских

источников, Далай-тайша умер в 1637 или 1638 г., сохраняя свою лояльность к Батур-хунтайджи и сотрудничая с ним.

Одним из наиболее важных событий времени правления Батур-хунтайджи был съезд ханов и князей Халхи, Кукунора, Джунгарии и Поволжья, состоявшийся в начале сентября 1640 г. в Тарбагатае, на территории Джунгарского ханства. Халха была представлена Дзасакту-ханом Субуди и Тушету-ханом Гомбо; престарелый Цецен-хан Шолой прислал вместо себя двух сыновей; были и другие халхаские князья. Из Кукунора прибыл Гуши-хан с несколькими сыновьями и родственниками. С Волги приехал Хо-Урлюк с сыновьями. Большая группа князей представляла собственно Джунгарское ханство. На съезде были и церковные феодалы. Не присутствовали лишь представители южномонгольских феодалов, но они в это время уже были формально и фактически подданными маньчжурских императоров.

Известные нам монгольские (в том числе ойратские) и русские источники содержат мало данных о Джунгарском съезде. Возможно, что тибетские источники богаче сведениями, но они исторической науке еще недоступны. Монгольские летописи XVII—XIX вв., равно как и китайские источники, а также оба ойратских «Сказания» даже не упоминают о съезде. В биографии Зая-Пандиты лишь однажды и весьма лаконично говорится, что в 1640 г. собрался чулган Семи хошунов (т. е. Халхи) и Четырех ойратов, на котором присутствовали Дзасакту-хан, «хоёр тайджи» (ойратские Очирту-Цецен-хан и Батур-хунтайджи) и др. [167, с. 7]. Вот все, что мы можем почерпнуть из упомянутых выше источников. Однако известно, что чулган закончился утверждением целого ряда правил, называемых в литературе «Монголо-ойратскими законами 1640 г.» («Цааджин бичиг»). Участники чулгана торжественно поклялись свято соблюдать эти правила. Текст монголо-ойратских законов сохранился лишь в единственном экземпляре в Калмыцком ханстве на Волге, переведен на русский язык и опубликован.

Не будет преувеличением сказать, что эти законы представляют собой первоклассный источник, облегчающий понимание как внутренней жизни монгольского общества, так и его внешнеполитического положения. В их основе лежали три цели: урегулировать внутренние взаимоотношения феодалов и исключить возможность междоусобной борьбы; обеспечить объединение сил и взаимную помощь в борьбе против возможной внешней опасности; укрепить феодальные порядки и власть ханов и князей над остальным населением.

Первые статьи «Цааджин бичиг» направлены на обеспечение внутреннего мира в Монголии. Устанавливалось, что в случае нападения одного из правителей на какое-либо крупное монгольское владение все остальные «монголы (т. е. халхасы.— И. З.) и ойраты должны соединиться» и наказать нарушителя, отобрав все его имущество и скот; одну половину этого имущества надо отдать потерпевшим, а другую, разделив пополам, раздать ойратским и

монгольским (халхаским) правителям. В случае нападения на небольшое владение виновный должен уплатить штраф — «сто панцирей, сто верблюдов и тысячу лошадей», а все захваченное разрушителями имущество должно быть возвращено или возмещено потерпевшим [60, с. 36]. Различие в санкциях за нападения на крупное или мелкое владение объясняется, видимо, тем, что в первом случае законодатели усматривали опасность возникновения серьезной междоусобной войны, способной нанести вред стране, а во втором — только конфликт местного значения.

Особое место в «Цааджин бичиг» занимали меры борьбы против внешней опасности. Смертная казнь угрожала тем, кто, узнав о неприятельском вторжении, не сделает всего необходимого для широкого оповещения о возникшей опасности. «Кто увидит или услышит о неприятеле и не сообщит того, изгнавши с потомками потомков, убить, разорить». Смертной казни подлежали также лица, не явившиеся по вызову на место сбора для участия в походе, равно как и те, кто не оказал князьям помощи в бою. Важно отметить, что законодатели, утверждавшие «Цааджин бичиг», сочли возможным карать смертью лишь за три вида нарушений. Все остальные проступки и преступления рассматривались ими как менее тяжкие, не требовавшие столь сурового возмездия. Так, за трусость в бою следовало виновного нарядить в женское платье и предать осмеянию. Подлежали различным наказаниям и те, кто во время сражений кидался за добычей. Доблесть и мужество, проявленные в боях, поощрялись и награждались [60, с. 37].

Ряд законов предусматривал необходимость урегулирования старых споров и взаимных претензий, постоянно таивших в себе возможность вооруженных конфликтов и междоусобных войн. Съезд решил предать забвению взаимные претензии, возникшие до 1628 г. «Баргуты, батуты и хойты, — говорит „Цааджин бичиг“, — находящиеся с года огня-змеи (1617 г.) до года земли-дракона (1628 г.) у монголов (т. е. у халхаских правителей. — И. З.), должны оставаться во владении монголов, а находящиеся у ойратов — во владении ойратов. Впредь все перебегающие семейства должны быть выдаваемы друг другу без задержки. Нарушающие подлежат штрафу в размере 20 лошадей и двух верблюдов за каждого задержанного перебежчика... Если к кому придут перебежчики, отнять у них половину имущества, а самих возвратить... Кто из князей, приютивших беглых, откажется их выдать, того оштрафовать» [60, с. 38].

Нет сомнения в том, что в основе этих законов лежало стремление ликвидировать халхаско-ойратские противоречия. В этом смысле указанные законы можно рассматривать как своеобразный мирный договор, подводящий итог прошлым халхаско-ойратским войнам. Его авторы проявили заинтересованность в аннулировании старых споров и взаимных претензий, расчистив таким образом почву для новых, добрососедских и даже союзнических отношений между феодалами Халхи и Джунгарии.

Заметное место в «Цааджин бичиг» занимают статьи, посвя-

щенные ламаистской церкви. Они узаконивали ламаизм как официальную государственную религию всей Монголии, всех ее ханств и княжеств; объявляли войну шаманизму и шаманам, поощряя в то же время переход аратов в ламы. Давно уже сложившийся фактический союз ламаистской церкви и монгольских феодалов получил в монголо-ойратских законах 1640 г. юридическое оформление.

Значительная часть законов была непосредственно направлена на укрепление крепостнического строя и власти феодалов над простыми аратами. Предусматривалось суровое наказание за самовольные откочевки аратов от их феодальных владык, за несвоевременное выполнение установленных повинностей, за неподчинение распоряжениям князей и чиновников, за нанесение им оскорблений, за кражу у них скота и т. п. «Кто оскорбит главного князя, — гласит закон, — того разорить; кто оскорбит чиновников князей или табунанов (табунан — зять хана или князя. — И. З.), с того взять один девятков (девять голов скота. — И. З.); кто ударит, с того взять 5 девятков. Кто оскорбит малых князей или табунанов, с того взять пять (пять голов скота. — И. З.)... Человек, перешедший от другого владельца, возвращается в место своего прежнего жительства... Если будет перерыв в продовольствии главных князей (т. е. в поставках продуктовой ренты. — И. З.), то с виновного взять 9 девятков; если будет перерыв в продовольствии для чиновных людей или табунанов, то взять один девятков; если будет перерыв в продовольствии малых князей и табунанов, то взять лошадей» [60, с. 40]. Законы разрешали применять телесные наказания за нарушения аратами воли их господ, причем не считалось преступлением забыть наказываемого до смерти, повинные в этом не привлекались к ответственности: «Кто из чиновных князей и табунанов, сановников (управителей), из малых князей и табунанов, дэмчиев и шуленг побьет кого-либо ради [исполнения] распоряжений, приказаний и законов государя, то в этом вины нет; если кто после побоев и умрет, то и тогда в вину не ставить» [60, с. 40].

«Цааджин бичиг» охватывал широкий круг важных вопросов внутренней жизни монгольского общества и его внешнеполитического положения. Его статьи убедительно свидетельствуют о стремлении ханов и князей укрепить феодальный строй Монголии, объединить ее на началах своеобразной федерации ханств и княжеств, связанных общими классовыми интересами их правителей и узами взаимной помощи для борьбы против общих внешних врагов³.

Источники не говорят о том, кто был инициатором созыва Джунгарского съезда, кто разрабатывал статьи «Цааджин бичиг», как шло их обсуждение и т. д. Нельзя поэтому считать вполне доказанным бытующее в литературе утверждение, что автором этого документа был Батур-хунтайджи. Но нельзя вместе с тем и отрицать возможность того, что он играл главную роль в попытке преодолеть разобщенность и раздробленность страны, объединить ее силы для отпора внешним врагам. Для решения этой задачи было избрано не насильственное подчинение местных правителей

центральной ханской власти, как это было при Эсене и Даян-хане, а метод переговоров и соглашений. Нам неизвестно в деталях отношение Батур-хунтайджи к маньчжурской экспансии. Источники, однако, говорят о том, что он до конца жизни не вступал в контакт с завоевателями, несмотря на то что ко времени Джунгарского съезда регулярные связи с маньчжурскими императорами уже поддерживали халхаские феодалы, а вскоре после съезда и правители Кукунора и сам далай-лама. Даже заинтересованность в торговом обмене с Китаем не вынудила Батур-хунтайджи наладить отношения с цинским правительством. Нам представляется несомненным, что мирное и объединительное направление деятельности Джунгарского съезда в основе своей совпадало с характером внешней и внутренней политики Батур-хунтайджи, искавшего надежные пути для укрепления феодальных порядков в Монголии и обеспечения ее политической самостоятельности. Вот почему мы считаем оправданным предположение о руководящей роли Батур-хунтайджи в подготовке текста монголо-ойратских законов и в созые съезда. Дополнительным свидетельством в пользу этого предположения служит и тот факт, что съезд проходил не в Халхе, не в Кукуноре, не на Волге, а в центре Джунгарского ханства, в кочевьях Батур-хунтайджи и его друга и союзника хошоутского Очирту-Цецен-хана.

Заслуживает внимания сообщение биографа Зая-Пандиты, что после съезда Зая по приглашению халхаского Дзасакту-хана Субуди поехал в Халху. «После Цаган сара года змен (т. е. в самом начале 1641 г. — И. З.) выехал Зая-Пандита... От Дзасакту-хана он поехал к приглашавшему его Тушету-хану. Затем он получил приглашение от Маха Самади Цэцэн-хана. Удовлетворив их святым учением, Зая-Пандита сделался ламой трех ханов Семи хошунов» [167, с. 7]. Халхаские ханы убеждали Зая-Пандиту остаться на два-три года в Халхе, но он не согласился и в 1642 г. вернулся в Джунгарию.

Можно предполагать, что Зая-Пандита проводил в Халхе линию, принятую на Джунгарском съезде: как и Батур-хунтайджи, он был, вероятно, противником Цинской династии и отрицательно относился к политике заирывания с ней. Его биограф сообщает, что через десять лет после съезда, т. е. в 1651—1652 гг., возвращаясь из своей второй поездки в Тибет, Зая-Пандита встретился с правителем Кукунора, сыном и преемником Гуши-хана — Далай-хунтайджи. Последний весьма почтительно отзывался об императоре Цинской династии и советовал Зая-Пандите просить у того содействия в распространении религиозного учения. «Гэгэн, — пишет биограф, — отвечал: „Возможно, что ты прав, но хан высокомерен. По возвращении домой выясню“. Впоследствии Зая-Пандита говорил, что он убедился в преховности этого хана» (т. е. императора маньчжуров. — И. З.) [167, с. 20]. Это свидетельство дает нам основание считать, что Зая-Пандита и Батур-хунтайджи придерживались одной политики в отношении Цинской династии.

Следует подчеркнуть, что Зая-Пандита активно способствовал

претворению в жизнь постановлений Джунгарского съезда. Биограф, фиксируя чуть ли не каждый поступок Зая, описывает его бурную деятельность, непрерывные разъезды как по территории ханства — от одного владетельного князя к другому, так и за пределы ханства — в Халху, на Волгу, в Кукунор. Эти поездки имели целью способствовать истреблению шаманизма, содействовать ликвидации то и дело вспыхивавших между феодалами ссор и конфликтов. Усилиями Батур-хунтайджи и Зая-Пандиты Джунгарское ханство, а в нем ставка Батура стали на короткое время центрами притяжения для всей Монголии, для всех ее ханств и княжеств.

Но умиротворение, наступившее в стране, не было и не могло быть длительным. С середины 40-х годов XVII в. наступает новая полоса междоусобных конфликтов и битв как внутри Джунгарии, так и в других частях Монголии.

Однако, прежде чем перейти к освещению военной и дипломатической истории ханства в 1634—1654 гг., остановимся на некоторых важных и заслуживающих внимания мероприятиях Батур-хунтайджи: развитии земледелия и ремесленного производства, строительстве оседлых поселений.

В декабре 1638 г. Батур-хунтайджи обратился к тобольскому воеводе П. И. Пронскому через своего посла Уруская с просьбой прислать ему 20 свиней и 10 собачек [20, стб. 453, л. 58]. Через год, в декабре 1639 г., в Тобольск вернулся казак К. Абрамов, отправленный тобольским воеводой к Батур-хунтайджи. Вместе с Абрамовым прибыли от Батура послы Уруская и Ноедай, которые вновь передали просьбу своего повелителя прислать ему помимо «панцири, пищали и свинца» «для плоду на завод 10 свиней, да 3 вепря, да петуха, да курицу индейских, да 10 собачек постельных» [2, оп. 4, кн. 11, л. 34об.; 106, с. 45]. Абрамову же хунтайджи лично говорил, что эти животные ему необходимы «для того, что поставил де он, контайша, на мунгальской границе в урочище Кибаксарах городок каменной и заводит пашню и хочет в том городке жити» [2, оп. 4, кн. 11, л. 38]. Абрамов слышал, будучи в Джунгарии, что в этом городке «живет у него, у контайши, лаба и заводит на контайшу пашню; а пашют де, государь, пашню бухарские люди; сеют пшеницу и просу, и семена де завезены из Бухары; а кон де тайша в том городке еще не жывал, кочует около кочевьем» [2, оп. 4, кн. 11, л. 39].

Другой русский посол, Лука Неустроев, вернувшись в конце 1641 г. в Тобольск, доложил, что в кочевье хунтайджи он прибыл 5 августа, «а кон де тайши в те поры в улусе не было: был у себя в городе, где у него хлеб сеют. И жили они в улусе без контайши две недели. И кон де тайши велел им быть к себе в город. А как де они к городу приехали, и кон де тайши стоит у города на лошади у пашни, и увидя их, с лошади сшол и учал их спрашивать про государское многолетное здоровье» [20, стб. 455, л. 659].

Летом 1642 г. русские власти передали Батур-хунтайджи две курицы и одного петуха индейских, четыре свиньи и двух боровов, десять собачек. В этом же году в Кобук-Сауре хунтайджи прини-

мал еще одного русского посла — Лариона Насонова [2, оп. 4, кн. 11, л. 55—56об.].

Новые сведения о «городовом строительстве» в Джунгарском ханстве доставил казак Г. Ильин, ездивший по делам службы к Батуру и в феврале 1644 г. возвратившийся в Тобольск. Он доложил: «А кон де тайша ныне кочует у своих городов в Кубаке (все тот же Кобук-Саур.— И. З.). А у кон тайши три города кирпичных: один белой, а четвертой де город заводит внове. А от города де до города езду по днищу. А в тех де ево городех живут ево, контайшины, лабы и пахотные ево люди. А он де, контайша, кочует около тех своих городов» [20, стб. 455, л. 651].

В том же, 1644 г. Батур-хунтайджи отправил письмо русскому царю Михаилу Федоровичу, в котором просил о присылке дополнительно десяти больших кур и пяти малых, семи свиней и трех боровов [12, д. 1, л. 3]. В 1645 г. куры, свиньи и боровы были пересланы Батуру [2, оп. 4, кн. 11, л. 118—119].

В конце 1650 г. у хана Джунгарии был из Тобольска послом В. Клепикув, который по возвращении доложил, что хунтайджи просил прислать ему «для деревянного дела двух человек плотников, да двух человек каменщиков, да двух человек кузнецов, да для пищального дела двух человек бронников... да 20 свиней, да 5 боровов, 5 петухов, 10 куриц» [20, стб. 155, л. 484].

Таковы сведения о хозяйственной деятельности Батур-хунтайджи. Есть все основания считать его инициатором и первым организатором новых в Джунгарии видов хозяйственной деятельности. Его преемники на ханском троне, равно как и некоторые подвластные ему владетельные князья, в той или иной мере следовали его примеру, развивали земледелие и промыслы или старались их восстановить, если они почему-либо прекращали свое существование.

Что собой представляли города, которые строил Батур-хунтайджи? Русские архивные документы говорят о том, что первыми жителями, а возможно, и строителями городов были ламы. Из этого следует, что Батур строил в первую очередь монастыри. Монастырь, построенный из камня или кирпичей, становился очагом оседлости. Около него располагалась ставка хана или князя со всеми службами. Сюда приезжали купцы, создававшие склады товаров и занимавшиеся торговлей. В окрестностях монастыря-города по повелению джунгарского хана занимались хлебопашеством. По свидетельству русских источников, Батур-хунтайджи за короткое время создал четыре таких города. Учитывая его стремление получить из России плотников и каменщиков, можно думать, что он предполагал развивать и дальше строительство монастырей-городов.

Чем можно объяснить заботы Батура о хлебопашестве? Источники не дают прямого ответа на этот вопрос. Удовлетворение потребностей ханства в продуктах земледелия за счет собственного производства составляло предмет забот почти всех преемников Батур-хунтайджи. Очевидно, развитие собственного земледелия диктовалось серьезными экономическими и политическими сообра-

жениями, стремлением ликвидировать зависимость ханства от других стран в снабжении земледельческими продуктами, в которых оно нуждалось всегда. В середине XVII в. положение было в этом отношении особенно тяжелым. Экономические связи Западной Монголии с Китаем прекратились примерно за два столетия до описываемых событий, на пути к рынкам Средней Азии располагались владения казахских феодалов, русская Сибирь в XVII в. не обеспечивала хлебом местного производства даже себя и, конечно, не могла снабжать им население Джунгарии. Лишь мусульманские владения Восточного Туркестана могли взять на себя роль поставщика хлеба для ойратов и их ханства, однако неустойчивость военно-политической обстановки в этом районе делала и этот источник снабжения малонадежным. В таких условиях ханы и князья Монголии не могли не думать о развитии хлебопашества в собственных владениях. И хлебопашество появилось, как только внутреннее и внешнеполитическое положение ханства стало достаточно стабильным. Что касается хлебопашцев, то ими были, по свидетельству источников, не ойраты, а так называемые бухарцы, т. е. выходцы из Восточного Туркестана и Средней Азии, захваченные в плен ойратскими феодалами или перебежавшие в Джунгарское ханство. Русский посол Федор Байков, проехавший почти всю Джунгарию по пути в Китай в 1654 г., в своем статейном списке отметил: «А на той речке Теми-чурги живут бухарцы — пашенные контайшинных детей». Эти бухарцы обрабатывали землю во владениях детей хунтайджи. В другом месте Байков записал полученные им сведения о городе, построенном Батуrom: «А городок, называют, глиняной, а в нем две палаты каменные, бурханные, а живут в том городке лабы да пашенные бухарцы» [27, с. 126].

Но Батур-хунтайджи был не единственным организатором земледелия и строительства городов. Почти одновременно с ним этим же стал заниматься хошоутский князь Аблай-тайджи, брат Очирту-Цепен-хана. Федор Байков видел город, построенный Аблаем: «А живет тут калмыцкий лама... А поставлены у того ламы две палаты бурханные великие, кирпич жженой, а избы у них, в которых живут, глиняные, а хлеба родится у того ламы пшеницы и проса много, а пашут бухарцы» [27, с. 127].

Таковы данные об основных направлениях и результатах внутренней политики главы Джунгарского ханства. Они свидетельствуют об известных успехах, одержанных им на пути умиротворения и объединения всей Северной Монголии, как западной, так и восточной ее частей, как ойратов в Кукуноре, так и ойратов на Волге. Батур-хунтайджи не удалось вернуть в Джунгарию из Кукунора всех хошоутов, а с Волги торгоутов, но он добился укрепления сотрудничества со всеми ойратскими владениями, независимо от места их расположения.

Основное направление внешнеполитической деятельности Батур-хунтайджи — укрепление связей с Русским государством, с Казахстаном и с владениями восточномонгольского Алтын-хана Омбо-Эрдени.

Глава Джунгарского ханства придавал большое значение налаживанию добрососедских отношений с Москвой и стремился устранить препятствия к этому. Он весьма ценил проявления доброжелательности со стороны московского правительства, рассматривая ее вместе с тем как одно из средств укрепления своих позиций внутри ханства. В начале 1644 г. Батур-хунтайджи говорил послу тобольского воеводы казаку Г. Ильину, что очень дорожит своей дружбой с русским царем. Г. Ильин писал царю «что он де, контайша, твоею государскою милостью всем колмацким тайшам хвалитца, что де ты, государь, ево, контайшу, своим государевым жалованием жалуешь и держишь ево в своем царском милостивом призрении» [20, стб. 455, л. 649]⁴.

Годы правления Батур-хунтайджи отмечены интенсивным обменом посольствами между русскими властями и Джунгарским ханством. В источниках сохранились достоверные данные о 33 посольствах, причем от самого Батура и лично к нему не менее 19. Есть основания полагать, что их было гораздо больше.

Какие же дела связывали Джунгарское ханство с Русским государством, какова цель этих посольств? Главной целью политики хана Джунгарии по отношению к России было использование мощи и влияния последней в интересах укрепления своей власти внутри ханства, а также для усиления позиции ханства в отношениях его с соседями, и в первую очередь с владетельными князьями Халхи. Что касается России, то ее политика ставила своей главной целью обеспечение неприкосновенности русских рубежей и прерогатив русских властей в зоне, смежной с владениями Джунгарского ханства. Приведем несколько примеров. Уже упоминавшийся нами Томила Петров, ездивший весной 1636 г. в Джунгарию с требованием прекратить сбор ясака с русских подданных и выдать пленных, захваченных ойратскими князьями в Тарском и Тюменском уездах, по возвращении в Тобольск доложил о содержании своих бесед с Батур-хунтайджи. Последний говорил: «Отец ево, Каракула-тайша государю служил, под города и на уезды и на волости сам войной не ходил и людей своих не посылал. И за то де отцу ево было государево жалованье. А он де, контайша, потому ж государю служит, государевых изменников, барабинских татар... которые к нему приходили сами в улусы своей волею, а не полоном взяты, и которых полоном взял без ево, контайшина, ведома Кула-тайша, — отдал. Да и достальных изменников... сыскав, отдаст, и впредь иных таких в улусы к себе принимать не велит. И у Ямыша озера з государевыми людьми людем своим соль в суды возить и верблюды свои давать велит... А что де было с тех барабинских татар довелось контайше на себя ясаку иметь, и ныне де контайша тем ясаком бьет челом государю и вперед с тех барабинских татар ясаку на себя иметь не велит» [20, стб. 455, л. 40, 41, 44]. В этом заявлении Батур-хунтайджи весьма определенно демонстрирует свое стремление заслужить благосклонность русского царя. Ради этого он готов не только вернуть всех русских подданных, находившихся в плену в его владениях,

но и дать рабочую силу, транспортные средства для добычи и отгрузки соли, а также отказаться от сбора ясака с пограничного населения в пользу русской казны.

В 1636 г. Батур-хунтайджи через русского посла А. Плотникова и своего представителя Кумяна предложил тобольскому воеводе свою военную помощь для отражения возможных набегов на русские города и селения [20, стб. 455, л. 40об.]. В ответ воевода Темкин-Ростовский поручил своему послу Томиле Петрову похвалить хунтайджи за его желание служить России и, со своей стороны, пообещать, что «будет ему, контайше, з братьею от кого будет какое утеснение, и он бы о том посылал послов своих в Тоболеск, и по твоему государеву указу учнут к нему твоих государевых ратных людей из городов на помощь посылати и от других его также обороняти» [20, стб. 455, л. 41].

Добиваться милостей русского царя заставляло еще и соперничество с халхаским Алтын-ханом. Об этом убедительно свидетельствует статейный список Василия Старкова, который осенью 1638 г. ехал к Алтын-хану с «государевым жалованьем». В киргизских улусах Старков неожиданно встретил сотню вооруженных ойратов под командованием молодого тайши, подданного Батур-хунтайджи. Тайша, отказавшись назвать свое имя, говорил Старкову: «Государь де жалует Алтын-царя, присылает к нему многое свое государево жалованье... а Алтын де царь чем больши нашего Багатыря-контайши... Алтын де царь государю чем выслужил, и что добро зделал, и какая от него прибыль? А от нашего от Багатыря-контайши и от иных наших тайш великому государю и прибыль есть: присылает в города с коньми и с коровами и со всяким скотом, и ваши города сибирские от нашего калмацкого скота наполняютца и кормятца, и с мяжкими товары приезжаем и со всяким торгом. И в том от нас государю прибыль». Ойраты угрожали отобрать ценности, которые Старков вез Алтын-хану, но реализовать эти угрозы не попытались. Старков объясняет такую позицию ойратов тем, что «им то, черным калмаком (т. е. ойратам. — И. З.), всем за беду, что государево жалованье великое посылаетца к Алтыну-царю, а к ним, к черным калмаком, ни к одному тайше государево жалованье не присылаетца, то им черным калмаком и забедно на Алтына-царя» [17, 1638, д. 1, л. 17, 18].

Объяснение Старкова не лишено смысла, ибо Батур-хунтайджи был действительно уязвлен предпочтением, отдававшимся в те годы Москвой Алтын-хану. Эта тема вновь и вновь возникала в переговорах представителей хунтайджи с русскими властями. В конце 1639 г. Уруская, посол Батура, говорил в Тобольске: «И ты де, государь, Алтына-царя жалуешь, послов ево велишь отпущать к себе, ко государю, к Москве, а контайшины де, государь, службы к тебе, ко государю, много, а ты де, государь, ево не пожаловал, не велишь послов ево к себе, государю, к Москве отпустить. А только ты, государь, контайшу пожалуешь, велишь послов его к себе, ко государю, к Москве отпущать и кон де тайша, государь, учнут служить выше прежнего» [20, стб. 455, л. 99]. В ответ на

это представление Москва отменила наконец свой прежний запрет и разрешила пропускать в столицу послов Батур-хунтайджи.

Но и до этого разрешения, невзирая на обиду, глава Джунгарского ханства продолжал «служить» русскому царю. Еще в 1635 г., вскоре после прихода к власти, он приказал владетельному князю Кула-тайше вернуть захваченных им во время набега русских подданных, а также ясачных людей, изменивших царю и откочевавших в Джунгарию, причем «и впредь де государевых изменников контайша в улус к себе принимать не велел» [20, стб. 455, л. 49]. В последующие годы Батур-хунтайджи неоднократно заверял русских послов, что его «службы» умножатся, если он увидит «милость» русского царя. Одному из послов, Дружине Кулагину, он в 1639 г. сказал, что «отец ево, Каракула-тайша, государю служил много лет, и государева де милость и жалованье к отцу его было многое, и послы де отца его наперед сего у государя на Москве бывали. А ныне де и мугальских послов к государю к Москве пропускают, а ево де, контайшинных, послов к государю, Москве из Тобольска не отпускают» [20, стб. 455, л. 53; 105, с. 456—465].

Аналогичные претензии он излагал в 1640 г. русскому послу Абрамову. Через Абрамова хунтайджи просил, «чтоб де ево, контайшу, ты, государь, пожаловал, велел к нему, к контайше, послати своих государевых торговых людей с русскими товары. А он де, контайша, прикажет Куле-тайши итти на весну к соляным озерам (к Ямышеву. — И. З.) и то твое государево жалованье велит ему принять у соляных озер и велит у соляных озер тебе, государь, служить, в суды соль возить, а для той воски и под торговых людей в подводы пошлет с ним, с Кулою, 100 верблюдов».

Русские источники позволяют утверждать, что Батур-хунтайджи за все годы своего правления ни разу не выступил враждебно против России. Он строго требовал того же и от всех владетельных князей Джунгарии. Некоторые князья, а также наследники царя Кучума не раз обращались к нему с предложениями о совместных действиях против русских городов, но он решительно отклонял такие предложения, добиваясь сохранения мира на границах с Россией⁵.

Из сказанного, однако, не следует, что интересы Русского государства и Джунгарского ханства нигде не сталкивались, что между двумя государствами не было противоречий. Так, постоянные конфликты порождал вопрос о подданстве племен и народов, обитавших в пограничной зоне, о том, кто является их сувереном, кто обладает правом собирать с них ясак. Как сказано выше, глава Джунгарского ханства заявил однажды, что готов отказаться от сбора ясака и признать за русским царем исключительное право на такой сбор. Дальнейшие события, однако, показали, что это был только дружеский жест, сделанный Батур-хунтайджи в первый год правления. В последующие годы вопрос о сборе ясака с енисейских киргизов, тувинцев, барабинцев и других обитателей Южной и Западной Сибири ставился послами обеих сторон почти при каждой встрече. В ходе переговоров было решено, что обе сторо-

ны — Русское государство и Джунгарское ханство — могут беспрепятственно собирать в свою пользу ясак с указанных племен и народов. Так возникла идея двоеданства и двоеподданства, воплотившаяся в реальных отношениях, сложившихся в дальнейшем в этом районе и просуществовавших около ста лет. Автором идеи был Батур-хунтайджи, впервые высказавший ее в октябре 1640 г. представителю тобольского воеводы Меньшому-Ремезову. Батур весьма решительно заявил, что «киргизы де ево, контайшины, ясачные люди... Будет де государь поволит с киргиз и ныне иметь ясак, и государь б де с них ясак иметь велел, а он де, контайша, емлет с них свой ясак». Тут же он сделал замечание о двойственности русской политики, выразившейся в том, что «ты де, Меньшой, пришел ко мне з государевым жалованьем, с подарками, а з другую де сторону ево, контайшинных, людей государевы люди идут воевать» [20, стб. 115, л. 34, 35].

Спустя год послы Батур-хунтайджи жаловались тобольскому воеводе, что тогда же, в 1640 г., весною, «шли к нему, контайше, ево, контайшины, ясачные люди, киргизы, с ясаком», а томские служилые люди на них напали, захватили одного киргиза и посадили его в томскую тюрьму. Хунтайджи просил принять меры, чтобы подобные случаи не повторялись [20, стб. 455, л. 257]. В августе 1641 г. Батур-хунтайджи говорил тобольскому послу Неустроеву, что «барабинские де татаровя были государевы ясачные люди и государю изменили и к нему приехали. А он де, контайша, к себе их не звал, и он де, контайша, тех барабинских татар государю отдал, а ему де те татаровя хотели ясак платить орловым перьем. И он де, контайша, для тово с них ясак и емлет орловым перьем» [20, стб. 455, л. 663].

Следует отметить, что вопрос о подданстве и ясаке был в Сибири в описываемое время довольно сложным и запутанным. В течение столетий отношения между обитавшими там племенами и народами регулировались исключительно правом сильного. Поражение на поле боя ставило побежденного в зависимость от победителя, превращало его в так называемого «кыштыма», обязанного платить ясак победителю. До конца XVI в. наиболее могущественными в этом районе были енисейские киргизы, в кыштымной зависимости от них находился ряд других, более слабых племен и народов. Образование державы монгольского Алтын-хана и ее экспансия изменили сложившееся соотношение сил, киргизы и их кыштымы стали кыштымами Алтын-хана. Появление новых соседей — Джунгарского ханства и Русского государства — еще более усложнило обстановку, обострив борьбу за обладание ясачными людьми. В качестве примера расскажем о событиях, описанных 22 августа 1644 г. в грамоте Сибирского приказа тобольскому воеводе Г. С. Куракину. Эта грамота обязывала тобольские власти искать новые волости, «которые нашего ясаку не платят, и тех захребетных людей под нашу царскую высокую руку приводить. А буде которых волостей люди под нашею царскою высокою рукою быть не похотят и ясаку с себя не дадут», принудить их к это-

му силой. Воевода исполнил указание, причем мандуйские, тутошские и кезегецкие захребетные люди не захотели быть в российском подданстве и давать ясак. Для того чтобы они подчинились, пришлось применить силу. Вскоре выяснилось, что раньше они платили ясак «на контайшу и на киргиз и иные де землицы с них ясак имали ж» [2, оп. 4, кн. 11, л. 95об.—98об.].

Не мудрено, что в этих условиях то и дело возникали споры и взаимные претензии, таившие опасность серьезных конфликтов между сторонами, жаждавшими ясака. Батур-хунтайджи жаловался В. Клепикову, что русские отняли у него Керсагальскую волюсть, издавна поставлявшую ему ясак, и просил волюсть вернуть [12, 1645, д. 1, л. 21].

Приведенных данных, как нам кажется, вполне достаточно для выяснения характера противоречий между Джунгарским ханством и Русским государством в вопросе о подданстве местных племен и народов и о сборе с них ясака. Хотя эти противоречия и были довольно серьезные, они в годы правления Батур-хунтайджи не привели к вооруженному конфликту, если не считать таковыми несколько мелких инцидентов местного значения. Разрешались противоречия путем фактического признания обеими сторонами двоеподданства и двоеданничества.

Уступчивость Батур-хунтайджи объясняется, видимо, тем, что он понимал полную невозможность и бесперспективность войны с Россией. Такая война могла не только сокрушить его власть, но и обессилить ханство. Русские власти также не были заинтересованы в развязывании войны против ойратов. Об этом весьма красноречиво говорится в грамоте Сибирского приказа от 20 января 1645 г. Г. Куракину, которому предлагалось отправить к хунтайджи послов, «чтобы ему все неправды ево выговорить, а в большой задор с ним не войти» [12, 1645, д. 1, л. 44]. Каждая из сторон не только не хотела войны, но не теряла надежды получить военную помощь другой стороны для борьбы против своих противников.

Выше мы уже говорили о предложении, сделанном Батуром в 1639 г. русским властям, направить людей хунтайджи против тех, кто будет совершать набеги на русские города. Это предложение было принято тобольским воеводой Пронским, который, в свою очередь, пообещал Батуру военную помощь, когда тот будет в ней нуждаться. И вот в феврале 1641 г. послы Батура обратились в Тобольск с просьбой: «Чтобы ты, государь, ево, контайшу, пожаловал как ему, контайше, понадобятца твои государевы ратные люди против его недругов, велел бы ты, государь, дати ему своих государевых ратных людей тысячу человек с воппенным боем. А кои де тайша против тово тебе, государю, на твоих государевых изменников и непослушников твоим государевым ратным людем даст своих ратных людей, сколько ты, государь, укажешь» [20, стб. 455, л. 255]. В конце того же, 1641 г. Батур вернулся к этому вопросу в беседе с русским послом Неустроевым, которого он спросил о судьбе своего предложения. Неустроев ответил, что в

Тобольск указания из Москвы еще не поступили. Выслушав этот ответ, Батур сказал: «В том де. государская воля, как он, государь, укажет» [20, стб. 455, л. 662].

В 1644 г. вопрос о военном сотрудничестве возник снова, но на этот раз по инициативе русской стороны. В. Клепиков, отправленный к Батур-хунтайджи, предложил последнему вернуть перебежавших к нему тарских и тюменских ясачных татар, изменивших русскому царю, обещая за это, что государь будет его «жаловать», от недругов оборонять [12, 1645, д. 1, л. 18]. Клепиков пытался убедить хунтайджи выступить вместе с русскими ратными людьми против торгоутского Хо-Урлюка, вызвавшего гнев царских властей своими действиями в районе Астрахани, но успеха не имел. С аналогичным предложением русские власти обратились к крупному ойратскому владельческому князю Аблаю, сыну хошоутского Байбагас-хана [20, стб. 455, л. 273].

Русские архивные материалы свидетельствуют, что переговоры о военном сотрудничестве между Джунгарским ханством и Россией не привели к положительному результату. Ни одного случая, когда бы русские и ойратские войска выступили совместно в какой-либо операции, нам неизвестно.

Как уже было отмечено, Батур-хунтайджи обижало и раздражало упорное нежелание Москвы допустить его послов в столицу Русского государства. Лишь дважды, в 1645 и 1647 гг., послы Батур-хунтайджи имели возможность вести переговоры непосредственно с правительством России. В первый раз в Москву были пропущены два ойратских посланника, именуемые в документах Тюна и Сырян. Материалов, освещающих деятельность этого посольства, сохранилось очень мало. Мы знаем лишь, что послы уже не застали в живых царя Михаила Федоровича и были приняты Алексеем Михайловичем. Их пребывание в Москве было недолгим и завершилось вручением 15 декабря 1645 г. жалованной грамоты русского царя Батур-хунтайджи. Грамота была составлена в самых общих выражениях и не содержала в себе ничего конкретного. «Из давних лет,—говорилось в грамоте,—калмыцкие тайши со всеми своими калмыцкими улусными людьми были в повеленье и в послушанье, а они, великие государи, их жаловали и берегли... и николи от отца нашего, великого государя, вы отступны не бывали». В грамоте новый царь хвалил хунтайджи за службу, обещая «жаловать» его, «оберегать», давать «повольные и беспошлинные торги», как это было и раньше, при царе Михаиле Федоровиче [12, 1645, д. 1, л. 24—30, 95—103, 108—117; 2, оп. 4, кн. 2, л. 119—121]. Новым было лишь то, что Москва разрешила тобольским воеводам пропускать в столицу России послов Батур-хунтайджи, если он будет настаивать.

Что же касается второго ойратского посольства, то о нем известно лишь, что 27 января 1647 г. два человека, Ноeday и Сырян, выехали из Тобольска в Москву. Никаких иных сведений об этом посольстве мы не имеем. Оно было последним. Москва вновь запретила тобольским властям пропускать в столицу послов

Батура, предлагая рассматривать и решать возникающие вопросы на месте, в Тобольске, и лишь информировать правительство о ходе и результатах переговоров. Это не устраивало Батура. В конце 1651 г. он жаловался тобольскому послу И. Байгачеву, что послов Джунгарии Москва принимать не желает. При этом хунтайджи добавил: «А только де государь не пожалует ево, контайшу, послов ево к себе, государю, к Москве отпустить из Тобольска не велит, и их бы де в Тобольску воеводы не задержали, отпустили их назад в Калмыки к нему, контайше, да и послов бы де к нему, контайше, не присылали» [20, стб. 455, л. 611].

Следует отметить, что по вопросам, связанным с организацией взаимной торговли, серьезных осложнений не возникало, так как обе стороны были заинтересованы в торговом обмене. Были лишь споры по частным случаям. В качестве иллюстрации приведем следующий эпизод. В июле 1647 г. стало известно, что в Тюмень движется торговый караван с лошадьми, коровами, овцами и т. д., а с караваном идет ойратское посольство в составе 32 ойратов и бухарцев. По указанию Москвы тюменский воевода отказался впустить караван в город и предложил ему идти в Тобольск, где торговля с ойратами была разрешена. Три раза приходили ойратские послы с караванами к Тюмени и каждый раз вынуждены были возвращаться. В четвертый раз, приблизившись к городу, они заявили: «А только де ныне их послов на Тюмень не примут и торгу де им повольного не дадут, и то де знатно, что де без ссоры и без войны не будет» [2, оп. 4, кн. 6, л. 120об.—121; 105, с. 519]. До войны, однако, дело не дошло. В поддержку требований ойратов выступили чуть ли не все слои населения Тюменского уезда.

Воевода И. Тургенев в июле 1647 г. писал в Сибирский приказ: «А в нынешнем, государь, во 155 годе били челом тебе, государю... тюменские головы стрелецкой и татарской, и дети боярские, и сотники стрелецкие, и атаманы казацкие, литва и немцы, и черкасы, и конные и пешие казаки, и стрельцы, и юртовские служилые тотаровя, и ямские охотники, и посадские люди, и пашенные и оброчные крестьяне, а мне, холопу твоему, в съезжей избе подавали челобитные за руками не по одно время, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел на Тюмень ис калмыцких улусов калмыцких послов с торгом принимать и торг им давать с ними повольной против прежнего, чтоб от безлошадства б им не погибнуть вконец и твоей бы царской им службы, а пашенным крестьяном пашни, не отбыть» [20, стб. 455, л. 500, 501]. Через полгода Москва разрешила Тюмени торговать с ойратами [2, оп. 4, кн. 11, л. 132—135].

Этот эпизод интересен тем, что в нем раскрываются закономерности, определявшие экономические взаимосвязи оседлых земледельческих и кочевых скотоводческих народов. Он свидетельствует, что кочевое скотоводство невозможно без налаженного обмена с народами оседлых культур, а при наличии взаимной заинтересованности в налаженном обмене исчезает и экономическая основа

для вооруженных конфликтов между кочевниками и оседлыми земледельческими обществами.

Так складывались и развивались отношения между Русским государством и Джунгарским ханством в 1634—1654 гг. В целом их можно характеризовать как отношения мирного соседства и взаимной торговли. Но положение сторон было, конечно, неравным. Батур-хунтайджи больше нуждался в России, чем Россия в Джунгарском ханстве. Первый пытался опереться на помощь России, чтобы укрепить свою власть в ханстве и превратить его в мощное, объединенное и самостоятельное феодальное государство. Русские же власти хотели главным образом, чтобы Батур-хунтайджи и подвластные ему князья не вторгались в пределы российских владений и не мешали эксплуатировать местное сибирское население. Иногда источником конфликтов были вопросы, связанные с подданством нерусского населения Сибири и сбором с него ясака. Но и эти конфликты возникали довольно редко.

Выяснение взаимоотношений Джунгарского ханства и державы Алтын-ханов в рассматриваемое время затрудняется скудостью источников.

Батур-Убаши-Тюмен в своем «Сказании» говорит: «В году гал хулугун (огня-мыши, т. е. в 1634 г.—И. З.) хан Мухур-Мучжик (некоторые называют его Мухур-Уизанг.—И. З.), желая уничтожить правление и религию дэрбэн-ойратов и желая самих их взять в плен, прибыл с большим войском, сразился с ойратами, победил их и хотел сам ойратский нутук сделать военной добычей». Но осуществить этот план ему помешал хойтский правитель Эсельбейн-Сайн-хя, которого поддерживали остальные ойратские князья. В результате дэрбэн-ойраты не только освободились от власти Мухур-Мучжика, но и его самого взяли в плен. Вскоре, однако, его освободили и отпустили на родину, получив клятвенное обещание, что впредь «монголы не будут наносить вред ойратам» [37, с. 77; 36, 1860, № 12].

Об этом же говорит и Габан-Шараб, но в отличие от Батур-Убаши-Тюмена он более лаконичен, не приводит никаких подробностей и даже не датирует описываемого им события, хотя соответствующий раздел его «Сказания» назван «Как дурбэн-ойраты освободили свои отожи из монгольского плена» [57, с. 9].

В других монгольских источниках нет ни слова о халхаско-ойратском конфликте 1636 г. Тем не менее такой конфликт действительно имел место; о нем упоминают и русские источники. Они сообщают, что весной 1636 г. Батур-хунтайджи сказал Томиле Петрову, что он не может направить людей к оз. Ямышеву для оказания содействия русским в добыче соли, «потому што шли на них (ойратов.—И. З.) мугальские люди войною. И они де, все колмацкие тайши, идут против мугальских людей» [20, стб. 455, л. 41]. Весной 1637 г. казачий голова Н. Ждановский, посланный тарским воеводой М. Темкиным-Ростовским, прибыл в ставку тайши Куйши, не застал его, так как «Куйша-тайша и другие поехали на войну на мунгал осенью 1636 г.» [2, оп. 4, кн. 11, л. 21; 106,

с. 442]. Н. Ждановский пробыл в ставке более двух месяцев. «И пришла де к ней (к жене Куйши.— И. З.) весть, что Куйшутайшу и контайшу мунгальские люди побили, а иных осадили. И она де хочет кочевать к Иртышу и к Ямышу озеру, блюдяся мунгальских людей» [2, оп. 4, кн. 11, л. 21об.].

Вот и все, что говорят об этом конфликте русские документы. Данные ойратских и русских источников позволяют считать установленным лишь то, что в 1636 г. между ойратскими феодалами и их восточномонгольскими соседями произошло вооруженное столкновение. Ничего больше мы не знаем. Неизвестно, что именно явилось причиной конфликта, кто из халхаских феодалов в нем участвовал, где произошло сражение и чем оно закончилось. Видимо, конфликт 1636 г. не имел большого значения и серьезных последствий.

Основываясь на данных ойратских, монгольских и русских источников, можно утверждать, что после 1636 г. и до конца правления Батур-хунтайджи между Халхой и Джунгарским ханством не было ни одного столкновения. Нельзя, конечно, считать, что была вражда уступила в эти годы место дружбе. Напротив, для взаимоотношений Халхи и Джунгарии были характерны прежние недоверие, подозрительность, постоянная настороженность, порождавшие иногда необоснованные слухи о начавшейся между ними войне. Так, в начале весны 1639 г. Алтын-хан направил русокому царю письмо, в котором напомнил Михаилу Федоровичу, что в свое время между ними была договоренность о взаимной военной помощи. «И ныне де, на нево (т. е. на Алтын-хана.— И. З.) хотят приходить колмаки войною, и ему люди надобе, а о кою пору люди надобе, и он для того пришлет» [17, 1638, д. 1, л. 171]. Но опасения Алтын-хана не оправдались: ни один из князей Джунгарского ханства против него не выступил. Напротив, именно в это время началась подготовка к созыву всемонгольского чулгана, который и состоялся в сентябре 1640 г. Тем не менее каждая из сторон опасалась нападения. Напряженность отношений между державой Алтын-хана и Джунгарским ханством отчетливо проявилась в эпизоде, связанном с возвращением в 1639 г. посольства Алтын-хана во главе с Мерген-Деги из Москвы на родину. Посольство было задержано в Томске воеводой Ромодановским, получившим сведения о появлении ойратских войск в районах, лежащих на пути следования алтынхановых послов. Опасаясь за сохранность «государева жалованья», предназначенного Алтын-хану, Ромодановский спросил Мерген-Дегу: «И ныне в Томском весть есть, что прошли в Киргизы черных колмаков (ойратов.— И. З.) многие люди, и им без обсылки и не проведая про калмацких людей, и есть в Киргизах колматские люди, и им з государевым жалованьем пройти мочно ли?» На это Мерген-Деги ответил воеводе: «Будет есть в Киргизах колматские люди, и им з государевым жалованьем пройти немочно, а будет колматских людей в Киргизах не будет, и им в Киргизы итти мочно, хотя в Киргизах не будет Алтына-царя людей». Пробыв в Томске около трех месяцев в ожидании

ухода ойратов из киргизских кочевий, послы Алтын-хана направились домой [17, 1638, д. 1, л. 154, 155]. Этот эпизод, равно как и приведенное выше обращение Алтын-хана к московскому царю с просьбой о помощи в случае наступления ойратских войск, свидетельствует об изменившемся в пользу Батур-хунтайджи соотношении сил.

Аналогично развивались отношения между ойратскими и казахскими феодалами. За годы правления Батур-хунтайджи между ними было три вооруженных столкновения: одно — в 30-х годах, другое — в 1643 г. и третье — в 1651—1652 гг. О первом мы знаем очень мало. В исторической литературе сообщение об ойрато-казахской войне 1635 г. впервые появилось в «Сибирской истории» И. Фишера. Вслед за И. Фишером и ссылаясь на него, об этой войне писали А. Левшин, Н. Бичурин, В. Вельяминов-Зернов, М. Красовский и др. Но И. Фишер не указывает источника, на основании которого он сделал это сообщение. Известные нам монгольские источники, за исключением биографии Зая-Пандиты, о войне 1635 г. умалчивают. В русских архивных материалах мы тоже не нашли о ней никаких сведений. В биографии Зая-Пандиты содержится глухое упоминание о походе ойратов в 1643 г. против казахского хана Есима. Этому предшествовало пленение ойратами сына Есима, Янгира, которому, однако, удалось из плена бежать [149, с. 442; 166, с. 11]. Мы не можем сказать, когда и при каких обстоятельствах Янгир-султан стал ойратским пленником, но в самом факте его пленения едва ли можно сомневаться.

Русские источники рассказывают, что в сентябре 1640 г. в ставке Батур-хунтайджи находился посол казахского царевича Янгира, дожидавшийся возвращения главы Джунгарского ханства. В своем статейном списке Меньшой-Ремезов писал: «А были у контайши в те поры, как он, Меньшой, отдавал государеву жалованье, Ильден-тайша Урлюков сын да четверы послы бухарские. Казахьи орды Янгир-царевича, да Далай-лабы» [20, стб. 115, л. 31]. К сожалению, об этом казахском посольстве Меньшой-Ремезов ничего больше не сообщает, оставляя нас в неведении о цели его приезда, содержании и результатах переговоров с ойратским правителем.

Русские и монгольские источники много и довольно обстоятельно говорят о конфликте 1643 г. и его последствиях. Первым, кто рассказал о нем, был Г. Ильин, в феврале 1644 г. возвратившийся в Тобольск из поездки к Батур-хунтайджи. Он доложил воеводе Куракину: «Как де они пришли к контайше в улусы, и кон де тайши в те поры в улусех не было: ходил де войною з зятем своим с Кочюртою (Очирту-Цецен-хан.— И. З.), да с Абулаем (Аблай, брат Очирту.— И. З.), да с меньшим своим братом с Чокуром тайшами, да с Кою-салтаном (может быть, хойтский Солтон-тайши.— И. З.), да черных мугалов с Алтыновым сыном и с мелкими тайшами на Янгир-царевича Казахьи орды, да на Ялантуша, да на алатав-киргизов. А ходило де с ними воинских людей 50 тысяч... И жили де оне в том улусе у контайшинных жон до ево, контай-

шина, приезде 4 месяца. А как де тайша с той службы приехал при них после Ильина дни» (т. е. после 20 июля.— И. З.) [20, стб. 455, л. 646, 647].

Рассказ Г. Ильина свидетельствует о том, что поход против казахов начался зимой 1643 г. и длился до середины лета 1644 г., что в походе участвовали ойратские владетельные князья, образовавшие целую коалицию во главе с Батур-хунтайджи. К этой коалиции примкнул даже сын халхаского Алтын-хана, Омбо-Эрдени, в ее распоряжении была значительная армия. Но поход оказался не вполне удачным для Батура и его союзников. Г. Ильин рассказывает: «Как де он, контайша, ходил на Янгир-царевича и на Ялантуша войною, и взял де он, контайша, две землицы ала-тай-киргизов да токмаков тысяч з 10. И после де того учинилась весть Янгиру-царевичу. И Янгир де к контайше пошел навстречу с войском, а войска де было с Янгиром 600 человек. И Янгир де, покопав шанцы меж каменем, и в те шанцы посадил 300 человек с вогненным боем, а сам с тремя стами став в прикрытье за камнем. И кон де тайша с воинскими людьми приступил к шанцам и ис шанцов де у контайши побили многих людей. И з другую де сторону на нево ж, контайшу, приходил с воинскими людьми сам Янгир и побил де у контайши на тех дву боях людей тысяч з 10. И в ту же пору на тот бой Янгиру-царевичу пришли на помощь Ялантуш, а с ним пришло воинских людей тысяч з 20. И кон де тайша, увидя тех воинских людей, пошел назад, а тех де людей, которых он, контайша, взял у Янгира, увел с собою. И ныне де те землицы за ним же, контайшею. А нынешние де весны контайша хочет итти войною на нево ж, Янгира, и на Ялантуша» [20, стб. 455, л. 650, 651].

Эта длинная выдержка довольно красочно изображает развитие операции и ход самого сражения. Сведения, сообщаемые Г. Ильиным, находят подтверждение и некоторое дополнение в рассказе Бахтыя, посла ойратского Аблай-тайши, прибывшего в феврале 1644 г. в Тобольск [20, стб. 455, л. 270—272].

Источники ничего не сообщают о причинах ойратско-казахской войны 1643—1644 гг. Эта война имела важные последствия для ойратского общества, вызвав новую вспышку междоусобной борьбы. Посол Бахтый подтвердил, что Батур-хунтайджи вернулся из похода против казахов с большим уроном, и добавил, что в походе участвовали и «урлюковы люди немногие. А как де он, контайша, пришел ис походу, и тех де урлюковых людей отпустил к Урлюку с аблаевыми да с тайчиновыми тайшей людьми, а с ними де послал лист, чтоб де Урлюк-тайша с ним, контайшею, пошел заодно на Талайташиных детей да на Кунделеня войной за то, что де Талайташины дети и Кунделень с контайшею на Янгире не пошли и ево де, контайшу, выдали. И тех де ево контайшинных послов с листом на дороге, не допустя до Урлюка, Кунделен-тайша изымал и держит у себя и лист де у них взяли. И ныне де у него, контайша, с Талайташиными детьми и с Кунделенем в том стала большая ссора и без войны де у них, чае, не будет». Аблай при-

слал Бахтыя в Тобольск с заявлением о своей готовности служить русскому царю, «как де служил тебе, великому государю, отец ево Байбагиш-тайша. И ныне де он, Абулай-тайша, с Кунделенем-тайшею готов итти на твою государеву службу на Урлюка-тайшу войною» [20, стб. 455, л. 270, 271].

Из слов Бахтыя видно, что Батур-хунтайджи удалось достаточно прочно привязать к себе правителя складывавшегося Калмыцкого ханства на Волге Хо-Урлюка и обеспечить его участие в общеойратском походе против казахов. Наследники дэрбэтского Далай-тайши, занятые борьбой за раздел отцовского наследства, уклонились от участия в походе, вызвав гнев Батур-хунтайджи. Хундулен-тайша, брат хошоутского Байбагас-хана, старый противник Батура, также не принял участия в походе и занял открыто враждебную по отношению к нему позицию. Что же касается Аблай-тайши, племянника Хундулена, то у него были претензии как к собственному брату Очирту-Цецен-хану в связи с разделом наследства их отца Байбагас-хана, так и к Батур-хунтайджи, в тесной дружбе и союзе с которым находился Очирту. Старые внутри-ойратские межфеодалные противоречия, ликвидировать которые было не под силу ни «Цааджин бичиг», ни централизаторским тенденциям Батур-хунтайджи, по-прежнему существовали, упреждая взорвать внутренний мир и относительное единство, достигнутые в результате политики Батура.

Сообщение Бахтыя получило подтверждение в докладе Г. Ильина. Находясь в ставке Батур-хунтайджи, Г. Ильин установил, что Батура от Хо-Урлюка отделяет огромное расстояние, равное пяти месяцам езды, что отношения между ними затруднены, ибо «меж де ими кочуют многие тайши, которые с ним во брани: Кунделен-тайши и Талайташины дети и Янгир-царевич и Ялантуш... И в нынешнем де во 152 году (1644 г.— И. З.), пришед ис походу, контайша послал к тестю своему к Урлюку-тайше людей своих 40 человек с листом, чтоб де Урлюк-тайша дал ему, контайше, людей своих на помощь и велел бы де людем своим итти на Кунделеня-тайшу войною. А он де, контайша, поидет з другую сторону на Янгир-царевича и на Ялантуша для того, что де с ним, контайшею, Кунделен-тайша на Янгире и на Ялантуша войною сам не ходил, и людей своих не посылал, и стоит за Янгире, и называет его названным сыном. И тех де ево, контайшинных, послов Кунделен-тайша на дороге перенял и лист у них отнял и к Урлюку-тайше их не отпустил» [20, стб. 455, л. 651—652]. Батур-хунтайджи не знал, что в это время Хо-Урлюка уже не было в живых, его убили в боях с черкасами на правом берегу Волги.

Батур-хунтайджи был полон решимости отомстить казахскому Янгиру, равно как и ойратским князьям, Хундулену и другим, уклонившимся от участия в походе. Документы свидетельствуют об организованной им закупке оружия и предметов военного снаряжения в Кузнецком уезде, куда он направил своих представителей, которые «у государевых ясачных людей покупают куюки (род кольчуги.— И. З.), и шелома, и стрелы, и копыя, и всякое железо».

Он послал также своих людей к киргизам, «а велел просить у киргиз на себя ясаку и лошадей, потому что у него лошади на боях побиты» [12, 1645, д. 1, л. 35, 37, 38].

Источники не дают ясного ответа, состоялось ли намеченное Батур-хунтайджи на весну 1645 г. новое выступление против казахского Янгира. Если учесть, что в это время проходила подготовка к активным операциям против Хундулен-тайши, можно предполагать, что выступление не состоялось, что оно было отложено. В биографии Зая-Пандиты сообщается, что очередная ойратско-казахская война началась в 1652 г., причем в этой войне отличился 17-летний сын Очирту-Цецен-хана — Галдама, который в единоборстве поразил Янгира [167, с. 21].

Таковы свидетельства источников об ойратско-казахских отношениях в годы правления Батур-хунтайджи. Несмотря на скудость, они все же дают представление о дальнейшем изменении соотношения сил в пользу ойратского государства.

Что же касается внутриойратской усобицы, то она, возникнув в 1646 г., сразу приняла довольно острую форму и тянулась несколько лет. Автор биографии Зая-Пандиты рассказывает, что весной 1646 г. Хундулен-тайша выступил против двух дэрбэн-ойратских тайджи — чоросского Батур-хунтайджи и хошоутского Очирту-Цецен-хана. Собрав войска, он двинулся в район Хара-Тала, на р. Хуху-усун. Сражение произошло в местности Ухарлик. На стороне хошоутского Хундулен-тайши выступали и сыновья дэрбэтского Далай-тайши. В сражение втягивались все новые участники. Бой закончился поражением Хундулена и его союзников. На обратном пути Хундулен был встречен Зая-Пандитой, возвращавшимся от торгоутских князей с р. Урал.

Узнав о происшедшем, Зая вызвался примирить противников. Зимой 1647 г. состоялась встреча Хундулена с Очирту-Цецен-ханом и Батур-хунтайджи, не принеся, однако, результатов [167, с. 11].

По свидетельству Габан-Шараба и Батур-Убаши-Тюмена, Хундулен-тайша в конце 40-х годов ездил на богомолье в Тибет. По дороге он посетил своего брата Туру-Байху (Гуши-хана), которому сказал: «Не возбуждай зависти к богатству во мне, обедневшем, не возбуждай тщеславия во мне, потерявшем уважение» [57, с. 14; 37, с. 69; 36, 1859, № 50].

Борьба между Батур-хунтайджи и Хундулен-тайшой описана в русских источниках. О ней говорил тобольский посол в своем статейном списке. Данила Аршинский, прибывший к Батур-хунтайджи в конце мая 1646 г., отметил, что незадолго до его приезда между Батуром и Хундуленом было сражение «и убил контайша у Кундулена 250 человек, а у контайши Кундулен убил 20 человек, да за тем боем меж собою помирились» [20, стб. 455, л. 321]. Источники свидетельствуют, что глава ханства и его союзник Очирту-Цецен-хан принимали меры к восстановлению мира и внутреннего единства в ханстве. Ф. Иванов и Б. Якшагулов, ездившие в конце 1648 г. к брату Хундулена, Эрдэни-хунтайджи, и прожившие в его

ставке на Иргизе семь месяцев, по возвращении в Тобольск рассказывали, что «Ирдени-контайша, с урлюковыми людьми и с контайшею, Каракулиным сыном, меж собою воюютца. А при них де... приезжали к нему в улус для миру Кунделен да Дое-Онбо тайши со своими людьми и иные многие тайши, чтоб ево, Ирдению-контайшу, с урлюковыми людьми и с контайшею каракулиным помирить. И Ирдени де контайша миритца не хочет. И Кунделен де и Дое-Онбо тайши [со] своими людьми и иные тайши, которые с ними на миру были, поехали от Ирдени-контайши для того же миру к урлюковым людям в улус». Но мир не был достигнут. Возвращаясь в Тобольск, Иванов и Якшагулов узнали, что «Ирдений контайша урлюковых людей с их кочевий збил и стал на тех кочевьях сам он, Ирдения, своим кочевьем» [2, оп. 4, кн. 11, л. 131—131об.].

Конфликты и открытые вооруженные действия на путях, связывавших кочевья ойратских князей на Волге с территорией Джунгарского ханства, оказались главными причинами, помешавшими возвращению ойратов с Волги в Джунгарию. Габан-Шараб рассказывает, что в 1632 г. ставка правителя торгоутов Дайчина впервые расположилась на Волге. «Прошло 14 лет. Вспомнив клятву, данную дэрбэн-ойратам, стали возвращаться на родину к своим ойратам» [57, с. 40]. Его слова подтверждают приведенные выше сведения русских источников о готовившейся в 1646 г. откочке ойратских владетельных князей с Волги в Джунгарию. Но туда они не дошли. Слишком длинной и трудной оказалась дорога для ослабленных военными неудачами преемников Хо-Урлюка. Они должны были пробивать путь к владениям Батур-хунтайджи, преодолевая сопротивление враждебных группировок Аблая, Хундулена и др. Однако Батур-хунтайджи, видимо, до конца своих дней не переставал думать о возвращении ойратских князей с берегов Волги. Об этом свидетельствует рассказ уфимского толмача В. Киржатцкого о беседе с правителем торгоутов Мончаком в 1653 г. «Слыше он (т. е. В. Киржатцкий.— И. З.),— говорил Киржатцкий,— от саво-Мончака-тайши и от ево улусных людей, что де в нынешнее вешнее время с отцом ево, Мончаковым, з Дайчином-тайшею будут к ним дальние калмыцкие люди Батыр-контайша Каракутин со многими своими калмыцкими воинскими людьми. А в какову пору они придут и куды их поход будет, того не ведемо» [13, 1654, д. 1, л. 54].

Смерть Батур-хунтайджи и последовавшая за ней новая междоусобица ойратских феодалов заставили, по-видимому, отказаться от планов возвращения ойратов с Волги в Джунгарию. Об особой дружбе между джунгарским ханом и торгоутскими правителями на Волге свидетельствует тот факт, что правнук Хо-Урлюка, впоследствии Аюка-хан, с детства жил и воспитывался при ставке Батур-хунтайджи и лишь после смерти последнего в возрасте 12 лет возвратился на Волгу.

Источники приводят и некоторые сведения о положении ойратских народных масс в годы правления Батур-хунтайджи. Эти дан-

ные заслуживают серьезного внимания, так как отражают наличие классовых противоречий в ойратском обществе. Документы свидетельствуют, что в 1644 г. в Джунгарском ханстве был голод, вынудивший владельцев князей разрешить аратам временно откочевать в русские пределы. Об этом доложили тарскому воеводе братья Костелецкие, ездившие в Барабинскую, Чуйскую и Теренинскую волости для сбора ясака и видевшие «в Теренинской волости контайшинных ясачных людей з женами и з детьми 9 изб, живут с нашими с теренинскими ясачными людьми вместе. А прислал де их контайша в Теренинскую волость кормитца, потому что у него, у контайши, голод. Да иные де многие контайшины люди от Теренинской и от Барабинской волостей кочуют неподалеку, в полуднище и в днище и в дву днищах, во многих в розных местах изб по ш[ес]тидесяти и больши, а ясак де с них, с теренинских и з барабинских ясачных людей, на контайшу емлют» [20, стб. 455, л. 208, 209].

Местные власти приняли меры к выселению из русских пределов подданных Батур-хунтайджи, направив к ним и к хану Джунгарии послов с соответствующими предложениями. В конце июля казак Плотников и один из Костелецких, ездившие в степь, вернулись в г. Тара и доложили, что на прежних местах они ойратов не обнаружили, но, возвращаясь назад, «в Барабинской де, государь, волости наехали они контайшина дворового человека Бугачка з женами и з детьми. И они де ево спрашивали, по контайшину ли велению живет он в твоей государеве в Барабинской волости или самовольством. И говорили ему, чтоб он из Барабинской волости ехал на свою землю. И им де, Герасиму и Федьке, тот контайшин человек Бугачка сказал,— живет де он в Барабе собою, кормитца, а не по контайшину велению, а обиды де он и тесноты твоим государевым Барабинским ясачным людям некоторые не чинит». Опрошенные Костелецким и Плотниковым местные русские жители подтвердили, что Бугачка действительно живет мирно и никого не обижает [20, стб. 455, л. 239, 240].

Подобные случаи не были единичными актами, выражавшими недовольство одиночек. Они свидетельствовали о недовольстве народных масс, страдавших от гнета феодальной эксплуатации и бесконечных войн, приносивших семьям простых ойратов лишь разорение и смерть. Летом 1647 г. томский воевода О. Щербатой писал в Москву, что еще в 1644 г. в русских ясачных волостях появились «беглые черные колмаки розных тайш и в их урочищах обжились». Русские власти потребовали, чтобы эти «черные колмаки» покинули пределы России. «И те, государь, черные колмаки ево государева указу не послушали и с ево государевой земли, а на их займища (русских ясачных людей.— И. З.) не пошли». О. Щербатой высказывает предположение о возможном объединении ойратских и других беглых людей, вследствие чего может возникнуть опасность для интересов российского престола. «А будет, государь, к тем беглым черным колмаком учнут такие же беглые черные колмаки или иных каких земель воры приставать... или

будет учнут бегать к тем же вором чатцких и томских мурз и татар киштыми, и их умножится, чтоб де, государь, от тех воров твоему государеву Томскому городу дурна какова не дожидаться и твоею б государевою многою землею не завладели» [20, стб. 252, л. 183—184].

Томские власти решили применить против ойратских перебежчиков оружие. Захваченные в плен беглые ойраты говорили: «Бывали де они Талайтайшины да Урлюковы, и от них де, тайш, бежали, и, бегая от них, жили на твоей государеве земле, на Барабинской и на Теренинской и на Черных водах 5 лет». Томский воевода пытался выяснить, на что перебежчики надеялись, принимая бой с русскими ратными людьми. Пленные отвечали: «Как де пришел Петр Сабанский с ратными людьми, и они де в том перед тобою, государем, виноваты, вышед из юрт и по них из луков стреляли, а надежи де у них ни на ково не было» [20, стб. 252, л. 186, 187].

Интересно отметить, что в борьбе против простых ойратов русские власти выступали в союзе с феодалами. О. Щербатой сообщал: «А после де твоих государевых ратных людей ходил войною контайшин двоюродный брат Кула на тех же схожих людей, на дербетов, и их побили и ясырь, и лошади, и коровы, и всякий скот поимали. А после де того, государь, Кулы ходил на тех же на достальных схожих колматцких людей, войною контайши человек князец Мачик и тех де достальных схожих колматцких людей, дербетов, побил, и улус весь в полон поимал, и лошади, и коровы отогнал». В заключение О. Щербатой писал: «А те де колмаки беглые Талайтайшины да Урлюковы... А в прежних де годах у Талай-тайши и у Урлюка с контайшею бывала меж ими война. И от той де войны те черные колмаки разбежались и жили на твоих государевых... землях лет с 6 и больши» [20, стб. 252, л. 189, 193].

Так раскрывается драматическая история жизни и борьбы ойратских тружеников, страдавших от феодальных поборов и повинностей, становившихся невыносимыми в годы войны. Не выдержав тяжелых условий, простые ойраты покидали своих феодальных владык и бежали во владения русского царя, наивно полагая, что здесь они будут избавлены от феодальных войн и эксплуатации, получат возможность мирно трудиться. Они вступили в неравный бой с русскими ратными людьми, по воле царской администрации выдворявшими их из русской земли. Вслед за этим араты несколько раз подвергались атакам войск ойратских феодалов и были в конце концов разгромлены.

2. Джунгарское ханство в 50—60-х годах XVII в.

Автор биографии Зая-Пандиты пишет: «Зимою 1653 года скончался Батур-хунтайджи» [167, с. 22]. Для участия в погребальной церемонии в ставку джунгарского хана прибыл Зая-Пандита, со-

вершивший все положенные ритуалом религиозные обряды над умершим [167, с. 23].

Мы не знаем, что происходило в Джунгарском ханстве в первые два года после смерти Батур-хунтайджи. Ни один из известных нам источников ничего не говорит о событиях 1655 и 1656 гг. Можно лишь предполагать, что смерть главы ханства отразилась в первую очередь на прочности центральной власти, фактически находившейся в руках князей Чоросского дома, усилив центробежные силы в среде владетельных князей Джунгарии и ее кыштымов. В русских архивных документах говорится о затяжной войне «белых калмыков» (т. е. калмыков, обитателей Алтайских гор.— И. З.) с ойратскими князьями, о длительном, почти десятилетнем отсутствии дипломатических связей русских властей с преемником Батур-хунтайджи, носителем центральной ханской власти, об участвовавших набегах ойратских князей на владения России и т. д.

В марте 1657 г. в Тобольск прибыли послы от вдовы Батур-хунтайджи, Дарибанчи, от ее детей — Ончон-батурса и Цзотба-батурса, от Очирту-тайджи и Аблай-тайджи, от хойтского Солтон-тайджи, от Галдамы и Малая. Послы просили направить их в Москву [20, стб. 535, л. 23—25]. Через некоторое время тобольский воевода А. Буйнов-Ростовский докладывал Сибирскому приказу о прибытии к нему новых послов от Очирту-тайджи и его сына Галдамы, а также «от Аблая и от сына его Аюки, от Ирки, от Тархана, от Ишкена, от Алдара, от Малая, от Даена с сыном, от Зорокту, от Даши-тайши... от всекого тайши по два человека и зимуют в Тобольску для своих торговых промыслов» [20, стб. 535, л. 62]. Среди множества князей, приславших своих представителей в Тобольск, не было Сенге, наследника и преемника Батур-хунтайджи. Следует учесть, что вдова Батура, Дарибанчи, не была родной матерью Сенге; ее родными сыновьями были Ончон и Цзота-батур. Непосредственный контакт между Сенге и русскими властями был впервые установлен лишь в 1664 г.

Все это говорит, по-видимому, о расколе семьи Батур-хунтайджи на враждующие группировки. И борьба началась сразу же после смерти хана и не прекращалась в течение всех лет правления Сенге. О ней обстоятельно рассказывают ойратские источники. «Батур-хунтайджи, — пишет в „Сказании“ Габан-Шараб, — разделил свой улус на две части. Одну он отдал одному сыну, вторую — прочим восьми сыновьям» [57, с. 24]. Батур-Убаши-Тюмен, в свою очередь, говорит: «Батур-хунтайджи разделил своих подвластных на две равные части, одну половину отдал одному сыну (Сенге), а другую половину — прочим восьми сыновьям своим (Галдан был десятый сын)» [37, с. 77; 36, 1860, № 11]. Источники не объясняют причин такого неравного раздела наследства, тем более странного, что Сенге даже не был старшим сыном умершего главы ханства. Многочисленные братья Сенге считали себя несправедливо обойденными. Естественно, что они только выжидали удобного момента, чтобы попытаться силой перераспределить отцовское наследство. Так в дополнение к старым возник новый очаг опасных меж-

доусобных конфликтов, на этот раз в доме чоросских владетельных князей. Новые конфликты тесно переплетались с давними — между сыновьями хошоутского Байбагас-хана, Очирту и Аблаем, о чем мы говорили раньше. В 50—60-х годах XVII в. развернулась борьба между различными группировками ойратских князей за передел феодальных владений.

Автор биографии Зая-Пандиты, закончив подробное описание похорон Батур-хунтайджи зимой 1653/54 г., сразу же переходит к рассказу о том, как к лету 1657 г. владение Чоросского дома разделилось на две части, образовав два враждебных лагеря: на правое, или южное (барун-гар), и левое, или северное (дзун-гар). В северный лагерь входили старшие братья Сенге (Щецен-тайджи, Цзотба-батур и др.), недовольные разделом наследства и преимущественным положением их младшего брата, к которому по наследству перешел и отцовский пост «первенствующего члена» ойратского чулгана; в южный лагерь входили сторонники Сенге.

Северный лагерь развернул активную деятельность, стремясь привлечь на свою сторону возможно больше владетельных князей. К ним примкнул хошоутский Аблай-тайджи, хотя его брат Очирту встал на защиту Сенге. Такое размежевание между Аблаем и Очирту не было случайностью. Враждующие в течение многих лет из-за отцовского наследства, каждый из них считал друзей и союзников брата своими врагами. Между Очирту-тайджи и Батур-хунтайджи был тесный союз. После смерти Батура Очирту сохранил дружбу с Сенге, ставшим мужем его дочери. Этого оказалось достаточным, чтобы Аблай-тайджи, брат Очирту, примкнул к лагерю противников Сенге. Так конфликт внутри Чоросского дома начал перерастать в общеойратскую междоусобную борьбу [167, с. 23] ⁶.

Летом 1657 г. войска враждующих лагерей сошлись на берегах р. Эмель. Но кровопролитие на этот раз было предотвращено вмешательством двоюродных братьев, сыновей Очирту и Аблая, Галдамы и Цагана, которые были связаны узами многолетней тесной дружбы. Они прибыли к месту сражения со своими дружинами и потребовали прекращения войны и заключения мира. Усилия братьев увенчались успехом. Мир был восстановлен ⁷. Сенге остался владельцем доставшейся ему по наследству южной половины чоросского владения и «первенствующим членом» ойратского княжеского чулгана, деля этот пост, как и его отец, с хошоутским Очирту-тайджи.

Вероятно, Сенге пользовался поддержкой и Зая-Пандиты, который, как пишет его биограф, полюбил Сенге еще тогда, когда тот сватался к дочери Очирту. Он почитал Сенге как «великого нойона», преданного сына ламаистской церкви и родственника [167, с. 23].

Однако положение Сенге было весьма непрочным, и борьба еще не была закончена. Пользуясь ослаблением центральной власти в Джунгарском ханстве, от него начали отделяться кыштымы. Первыми на путь борьбы против кыштымной зависимости встали «белые калмыки», правитель которых Кока Абаков говорил тоболь-

скому представителю Д. Вяткину летом 1658 г.: «Ныне де он, Кока, завоевался с черными калмыками и з братьями своими». Кока возил Вяткина с собой, и тот 26 июля 1658 г. был свидетелем сражения, в результате которого «черные калмыки белых калмыков ево, Кокиных, улусных людей многих побили и разогнали» [17, 1658, д. 1, л. 9, 10]. Вероятно, такие сражения между «белыми» и «черными калмыками» происходили неоднократно. Об этом свидетельствует доклад томского воеводы в Посольский приказ от 14 сентября 1659 г. Воевода сообщил о прибытии в Томск послов Коки Абакова, который просил защитить «белых калмыков» от ойратских князей. «И мы, холощи твои,— писал воевода,— без твоево государева указу, в Белые Калмыки... ратных людей послать не смели потому, что ныне у нево, Коки, ссора с черными калмыки, и чтоб с ними ссоры не учинить. А посланцы, государь, ево перед нами, холощи твоими, словесно говорили, что он, Кока, с теми недрузьями своими, с черными калмыки, хочет управливатца. А у черных, государь, калмыков улусы великие, а по се число от них твоим государевым людем дурна никаково не бывало» [17, 1658, д. 2, л. 2].

Правители «белых калмыков» были не единственными, кто боролся против домогательств ойратских князей. В 1661 г. татарское население Тарского уезда выступило с оружием в руках против дэрбэтского князя Ишкэпа, вторгшегося в их пределы, и нанесло ему поражение. Тогда на татар пошел один из братьев Сенге, Ончон, но и он был разбит; Ончон едва спасся бегством в сопровождении шести оставшихся в живых воинов [20, стб. 220, л. 361—368].

Наиболее тесные и регулярные связи с русскими властями в первые после смерти Батур-хунтайджи годы поддерживал хошоутский Аблай-тайджи, владение которого лежало на путях из России в Китай. Он оказал покровительство и ряд услуг первому официальному русскому послу в Китай Ф. Байкову, благодаря чему пользовался в России некоторыми преимуществами по сравнению с другими ойратскими князьями. Его послов время от времени допускали в Москву. В январе 1662 г. посол Аблая, Ирки-мулла, был принят в московском Посольском приказе. Ирки-мулла сообщил, что владение Аблая находится в шести неделях езды от г. Тара, что у тайджи 40 тыс. воинов, у его брата Очирту — 60 тыс., что «была де у Аблая-тайши ссора з братом Сейкулом-тейшею за отзывные улусные люди, только де ныне они живут в миру» [17, 1662, д. 2, л. 7]. В мае 1662 г. он получил для Аблая жалованную грамоту царя Алексея Михайловича [17, 1662, д. 2, л. 55, 56, 59, 60].

Ирки-мулла правильно указал место обычных кочевьев улусных людей Аблая, но основательно преувеличил численность войск своего повелителя, равно как и его брата Очирту. У Аблая, как известно, был всего один брат — Очирту, с которым он действительно годом раньше воевал. Некоторые сведения об этой войне мы находим у Габан-Шараба в его «Сказании» и в биографии Зая-

Пандиты. Осуждая действия, противоречившие добрым ойратским обычаям, Габан-Шараб писал: «Цэцэн-хан и Аблай, родные братья, сражались друг с другом» [57, с. 20]. Зая-Пандита прилагал много усилий, чтобы примирить хошоутских правителей, как, впрочем, и других владетельных князей Джунгарии. Он проявил большую активность, непрерывно разъезжая по стране, выступая в роли посредника и стараясь предотвратить вооруженные столкновения. Летом 1656 г. он жил в ставке Аблая, где в его присутствии состоялась встреча Аблая, Галдамы, сына Очирту, и торгоутского Дайчина, сына Хо-Урлюка [167, с. 23]. От Аблая Зая поехал к торгоутам; летом 1658 г. он прибыл к хошоутскому Очирту, весной 1659 г. оказался в ставке дэрбэтского владетельного князя Гомбо, летом 1660 г. присутствовал на чулгане хошоутских и чоросских князей, а осенью того же года с его участием состоялась непродолжительная встреча хошоутского Очирту с Аблаем [167, с. 25—26].

Было бы, конечно, ошибкой предполагать, что примирительная деятельность являлась единственной целью бесконечных разъездов Зая-Пандиты. Его биограф рассказывает, что в 1647 г. Очирту-тайджи спросил Зая: «По какой причине вы всюду ездите?» Тот ответил: «Первой причиной является распространение святого учения, второй — собирание даров и пожертвований с целью отблагодарить далай-ламскую казну, оказывавшую мне великие милости в годы моего учения» [167, с. 12]. Действительно, разъезжая по ойратским владениям, Зая проповедовал ламаизм, искоренял шаманизм, организовывал обучение грамоте на основе составленного им нового алфавита, переводил сам и поручал грамотным ламам переводы канонической литературы с тибетского на монгольский язык, наконец, собирал в огромных количествах дары и жертвования скотом, драгоценными металлами и другими ценностями. И тем не менее, если Джунгарское ханство после смерти Батур-хунтайджи не распалось совершенно в результате всеобщей войны феодальных правителей друг против друга, то в этом немалая заслуга Зая-Пандиты.

Однако попытки Зая-Пандиты примирить Очирту и Аблая не имели успеха. Война стала неизбежной. Зимой 1660 г. Очирту-Цэцэн-хан с 30-тысячным войском выступил в поход против своего брата, находившегося в долине р. Аягуз. Зая-Пандита и другие деятели церкви попытались еще раз убедить Очирту воздержаться от войны. «Склоняюсь перед вашими советами,— сказал Очирту,— пусть Аблай приедет на свидание». Но Аблай на примирение не пошел. И тогда в июне 1661 г. на берегу р. Эмель войска двух братьев вступили в бой [167, с. 27]. Армия Аблая насчитывала тоже 30 тыс. воинов, на его стороне, кроме того, воевали его двоюродные братья, дети хошоутского Хундулун-тайши. Но и к Очирту подошло подкрепление — чоросский Сенге и хойтский Солтон-тайджи. Создалось равенство сил, что привело к затяжным военным операциям. В конце концов Аблай, преследуемый войсками брата, стал отступать. При переходе через перевал Хамар-Дабан его

группировка понесла крупные потери. Аблай отступил к построенному им на Иртыше городу-монастырю, известному в русских документах под названием «Аблай-хит» и торжественно освященному Зая-Пандитой в 1657 г. В этом городе Аблай был осажден армией противника, державшей его в осаде около полутора месяцев. Осажденные терпели большой урон от болезней, косивших людей и скот.

Мать Аблая (она же мачеха Очирту), Сайзхан-Чжу, выйдя из осажденного города, направилась к Очирту и стала убеждать его помириться с Аблаем. В результате ее посредничества состоялось новое свидание враждующих братьев. После этого в лагере победителей начались длительные совещания, на которых обсуждался вопрос о том, что делать с Аблаем. В конце концов, преодолев разногласия, решили вернуть ему все его владения, захваченное у него имущество и всех пленных. Так закончилась война Очирту-Цецэн-хана и Аблай-тайджи, которую, видимо, и имел в виду Ирки-мулла, когда беседовал в Посольском приказе в Москве в начале 1662 г.

В источнике рассказывается об отношении народных масс к этой войне. Не имея возможности влиять на политику своих правителей, простые ойраты с тем большей радостью встречали окончание войны и возвращение к мирной жизни. Так было и в данном случае. Армия Аблай-тайджи и население осажденного Аблай-хита с восторгом встретили весть об окончании войны. Биограф Зая-Пандиты пишет: «Во время свидания Аблая с Цецэн-ханом Галдама с 4—5 человеками поехал в осажденный монастырь. Так как простые люди перенесли много страданий, то приезд Галдамы без войска был для них счастьем. Все радовались, говоря: „Взошло солнце веселья!“» [167, с. 29].

Прошло восемь лет после смерти Батур-хунтайджи. Эти годы были, как мы видели, заполнены борьбой двух главных соперников: чоросского Сенге, поддержанного хошоутским Очирту-тайджи и косвенно Зая-Пандитой, и старших братьев Сенге, поддержанных хошоутским Аблай-тайджи. В результате побед, одержанных на полях сражений, положение Сенге к середине 60-х годов окрепло. Пришло время восстановить нормальные отношения с Русским государством, которые с начала 50-х годов фактически прервались. За это десятилетие в города Сибири лишь изредка приходили посланцы того или иного ойратского владетельного князя, а из сибирских городов посылались ответные посольства, имевшие весьма ограниченное, чисто местное значение. Обмен послами со ставкой хана Джунгарии полностью прекратился.

И вот осенью 1664 г. в Томск прибыл сначала купеческий караван, а затем и послы от Сенге, от его дяди Чохура-убаши и от хутухты [20, стб. 646, л. 79—82]. Этим хутухтой был младший брат Сенге, Галдан, впоследствии вошедший в историю под именем Галдан-Бошпекту-хана. Русские архивные материалы сообщают, что Галдан родился в 1645 г. и в детстве был посвящен в духовное звание, поэтому, вероятно, и стал именоваться хутухтой.

Таким образом, имя Галдана впервые стало известно в России в 1664 г., когда ему было около 20 лет.

Прибывшее ойратское посольство во главе с Ирка-Чечень-Янзаном по поручению пославших его правителей просило о возобновлении обмена посольствами и о разрешении ойратам торговать в Томске. В ответ томский воевода И. Бутурлин направил к Сенге, к Чохуру и к хутухте сына боярского В. Бубенного.

В. Бубенной прибыл к Сенге в июне 1665 г. Хан сказал ему: «В прежних де в давних летех при отце ево, контайше, воры, изю многих орд собрався, воевали государевых ясашных людей Тарскова уезду боробинцов». Отец Сенге выслал тогда из своих улусов всех барабинцев. «А после де отца своего, контайши, ныне владею всеми улусы я, Сенге; и отехали де от голоду в Томский город кыштымы ево, Сентины, ясашные колмыки Кокина улусу телеуты и ныне де живут в Томском, а царского величества воеводы тех кыштымов моих не выдают и посланцов моих к великим государем в Москве не отпускают, а хотя де великие государи тех моих кыштымов, ясашных людей, и не велят отдать, и я де, Сенга, теми людьми не буду скуден» [20, стб. 623, л. 94, 95].

Из материалов источника следует, что именно Сенге Батур-хунтайджи оставил главой Джунгарского ханства. Сомнения, высказывавшиеся по этому поводу А. Позднеевым и другими исследователями, являются неосновательными. Из слов Сенге можно сделать вывод, что он и раньше отправлял своих послов в Томск, однако в русских источниках никаких сведений об этом не обнаружено. В разговоре Сенге с В. Бубенным затрагивался и вопрос о кыштымах. Следует отметить, что в период правления Сенге вопрос о кыштымах стоял в центре русско-ойратских отношений, приобретая временами исключительно острый характер.

На обратном пути в Томск В. Бубенной по распоряжению Сенге был задержан и целый год не мог вернуться на родину. В июне 1666 г. его вновь принял хан Джунгарии. Сенге объяснил задержку русского посла тем, что им были получены в предыдущем году сведения, будто войска халхаского Алтын-хана Лубсан-тайджи совместно с отрядом русских войск идут походом на Джунгарское ханство. Сведения эти, однако, не подтвердились, и В. Бубенному было разрешено возвратиться домой [20, стб. 623, л. 94, 95].

Тем временем летом 1665 г. в Томск прибыло новое посольство от Сенге, Чохура и его детей. Часть этого посольства поехала в Москву, остальные были отправлены обратно. Их сопровождал русский посол В. Литосов. В ноябре В. Литосов прибыл в улус Чохура, который в это время уехал в Тибет, поручив управление улусом своим сыновьям Баахану и Цагану. В апреле 1666 г. Литосов добрался до ставки Сенге. «Стоит ево улус,— докладывал В. Литосов,— промеж высокими горами на речке Кусутан на урчище Джаир Шера Моудун» [20, стб. 646, л. 88]. Литосову Сенге сказал: «В прежних годех были под царскою высокою рукою калмыцкие тайши — дед мой Карагула и отец мой Баатырь-контайша и от великого государя с Москвы было прислано к ним государь-

ское жалование большое. А после де отца моего Баатырь-контайши от великого государя ко мне, Сенге, ни ис которых государевых городов послы не бывали» [20, стб. 646, л. 92]. В присутствии Литосова Сенге послал строгий приказ правителям «белых калмыков» Коке и Мачику, требуя от них прекращения набегов на русские владения.

Летом 1666 г. от Сенге, Чохура и Галдана в Томск прибыло третье посольство, с которым вернулся и В. Бубенной. Это посольство во главе с Урянкой было отправлено в Москву.

Очередным русским послом в Джунгарию был Павел Кульвинский. Осенью 1666 г. к Сенге, Чохуру и его сыну Баахан-манжи отправилось русское посольство во главе с П. Кульвинским с царскими грамотами, жалованием и дарами. Сын Чохура, Цаган, приняв у себя Кульвинского, оказал ему, что отец еще не вернулся из Тибета, «а Сенга-тайша и брат ево Баахан Манжи из улусов своих пошли воевать мугальского царя Лоджана⁸ и велели им дожидатца» [20, стб. 646, л. 115—117]. Сенге вернулся лишь летом 1667 г. В июле того же года он принял русского посла, который вручил ему грамоту царя Алексея Михайловича и подарки. Кульвинский был отпущен домой, а с ним Сенге отправил в Россию новое посольство.

Война с Алтын-ханом, центральное событие 1667 г., была вместе с тем и последней войной между ним и Сенге. Решительная победа, одержанная правителем ханства, подвела окончательный итог вековой борьбе двух групп монгольских феодалов. Держава, созданная на северо-западе Халхи знаменитым Шолой-Убаши-хунтайджи, в результате поражения 1667 г. фактически перестала существовать, а династия Алтын-ханов сошла с исторической сцены.

Монгольские источники об этой войне не упоминают, но данные русских документов не только не оставляют места сомнениям в достоверности самого факта, но и дают достаточный материал для суждения о вызвавших ее причинах. Они позволяют сделать вывод, что в основе войны лежала борьба за обладание кыштымами и за сбор ясака. Известно, что Алтын-ханы в XVII в. не раз силой оружия принуждали киргизских князей к подчинению и к ясачной повинности, не встречая при этом противодействия ойратских феодалов. В 1667 г. третий представитель династии Алтын-ханов, Лубсан-тайджи, в очередной раз вторгся в киргизские кочевья с целью закрепить кыштымскую зависимость киргизов и собрать с них ясак. Получив сведения об этом, Сенге, сам претендовавший на господство над киргизами, обрушился на Алтын-хана и разгромил его.

Финал этой драмы разыгрался на глазах П. Кульвинского, который в своем статейном списке сообщал: «Июня в 12 день Сенга-тайша с мугальской службы в свой улус приехал, а с собою Сенга привез мугальского царя Лоджана: детей ево — трех сынов: один лет в 20, а другой лет 15, а третий лет 10, а сестру Лоджанову за себя взял, а самому Лоджану-царю Сенга велел руку правую по завить отсечь, и собачья мяса Лоджану велел в рот класть и

отдал ево, Лоджана, с двумя женами олгонотцкому царю. Да он де, Сенга, привез с собою мугальского полону добрых ближних людей и кыштымов с женами и с детьми тысячи с две. И Сенга-тайши лутчих людей скотом наделил и велел жить подле себя, а держать в береженьи» [17, 1658, д. 3, л. 13].

Приведенная выдержка из статейного списка Кульвинского интересна не только данными о победе ойратских феодалов над их старинным, когда-то таким грозным противником, но и фактами, иллюстрирующими классовый союз между феодалами той и другой стороны. Только общностью классовых интересов можно объяснить наделение побежденных «лутчих людей» скотом, приближение их к повелителю ханства и разрешение находиться при ханской ставке. В этом можно заметить осуществление принципов, непрерывно провозглашавшихся всеми известными нам чулганами монгольских князей, обязывавшими поддерживать и крепить союз и сотрудничество между людьми «одинаковой кости», т. е. феодалами.

Победа Сенге подтолкнула его к активным наступательным операциям с целью восстановления господства ойратских феодалов и над теми их кыштымами, которые в свое время перешли в подданство русского царя и платили ясак русской казне. Для реализации этих планов Сенге оставил в киргизских кочевьях отряд, насчитывавший 4—5 тыс. воинов, под командованием своего дяди Дандызина и двоюродного брата Баахана.

О том, как развивались события, можно судить по челобитной красноярских служилых людей на имя царя Алексея Михайловича и по высказываниям самого Сенге. Красноярские челобитчики писали: «И в нынешнем, государь, во 175 году (1665 г.— И. 3.) пришли калмацкие многие воинские люди Сенга-тайши на Киргизскую землю для мугальского Алтынова сына Лоджана-сайн-контайши. И они, калмацкие люди... Лоджана развоевали. И прислал калмацкой Сенга-тайша в Красноярский острог посланцев своих к воеводе... и говорили они о киргизских и о тубинских людях, чтоб их отпустить на свои урочища и из аманатов и ясак бы де с себя... Сенге-тайше попрежнему дали... что же промеж Красноярского острогу с качинцов и с аринцов отцу ево, Батуру-контайше, давали. И воевода Алексей Сумароков в том им во всем отказал... Да они ж, калмацкие посланцы, говорили,— не отпустишь де киргиз и тубинцов на свои урочища, и калмацкой де Сенга-тайша, конечно, пошлет под Красноярской острог калмацких и киргизских многих воинских людей войною» [20, стб. 802, л. 81]. И действительно, в мае 1667 г. войска Сенге осадили Красноярск, а его окрестности опустошили. Осаждающие кричали осажденным: «Отдайте де нам всех киргизских людей и из аманатов выпустите, и мы де воевать не станем, а буде не отдадите киргиз и из аманатов не отпустите, и мы де от Красноярского острогу, не взяв, не отойдем» [20, стб. 802, л. 82].

Так рассказывали красноярцы о происходящем. Иную оценку событиям дал правитель Джунгарского ханства в разговоре с русским послом В. Былиным в начале апреля 1668 г. Следует отме-

тить, что хан Джунгарии принял русского посла весьма холодно и решительно отказался выполнить ставшие уже традиционными требования этикета, выражавшие уважение к русскому царю. Излагая претензии русской стороны, В. Былин говорил, что во время похода Сенге в киргизские владения его люди грабили многих русских ясачных людей Томского уезда, отнимали у них скот и собирали с них ясак; часть войск Сенге пошла на Красноярск. Они напали на качинцев и аринцев, разграбили их скот и имущество, побили многих красноярских служилых русских людей, а некоторых из них взяли в плен. В. Былин говорил, что позднее от Сенге и Чохура приходили в Томск послы, которые требовали выдачи «белых калмыков», и «грозили они, посланцы, войною приходить под Томской и под Кузнецкой. И посланцы ваши, Сенгины и Чохуровы, были на Москве двжды, а великим государем о выезжих белых колмыков не бивали челом, и о том в Томской великих государей указу не было» [20, стб. 623, л. 182].

На это Сенге ответил: «Томского уезду никаких государевых ясашных людей люди мои не воевали... посылал де я на Красной Яр послов своих к воеводе, что живет под Красным Яром деда и отца моего есашные люди, и воевода де в том на меня не посердился, что велел я с них есаку просить против преждево, как они деду и отцу моему давали. И есак и посла моего воевода посадил в тюрьму. И посол де мой сидел три дня в тюрьме. И я де как пошел из Киргиской земли назад, а людей своих послал с аринцов и с качинцов есак збирать силою, и как де люди мои пришли под Красноярской острог, и воевода де выслал служилых людей, и ночью служилые люди на мои люди наступили и почали людей моих побивать и колоть. И люди мои поборолись. И великие бы государи велели бы сыскать в русских людех от ково задор учинился, а я де в своих людех стану сыскивать» [20, стб. 623, л. 187].

Сенге категорически отрицал, что поручал когда-либо своим послам давать за него *шерть* (т. е. присягать на верную службу и подданство русскому царю). «То де русские люди,— говорил он,— затевают сами, которые преж сего приходили ко мне в послах». Он был заинтересован в возвращении ему «белых калмыков» и заявлял: «Ведаю де я то, что государь по моих телутов войны не посылал и силою их не взел, збежали они от меня сами, и их бы в Томском и в Кузнецком не велел бы, великий государь, держать и за них своим государевым людям приставать, а я де сам их под Томском и под Кузнецком острогом возьму... а будет де пристанут великого государя люди за тех калмыков и на меня б не жаловались» [20, стб. 623, л. 188, 189].

В. Былин предупредил Сенге о возможных неприятных последствиях такой политики. На это Сенге ответил: «Уж де я шестова посла посылаю к великому государю о телеутах своих, и будет де великий государь не выдаст телеутов моих, и я де буду воевать Томской и Кузнецкой острог, чтоб на меня не жаловались» [20, стб. 623, л. 190].

В заключение Сенге сообщил В. Былину, что отправляет еще

одного посла, Ярему Тарсухая, которого просит пропустить в Москву для переговоров с царем о телеутах. Если ему и на этот раз их не выдадут, предупреждал Сенге, «и впредь бы государева гнева на меня не было, и я де сам стану их доставать, и пойду под Томской и под Кузнецкой острог войною» [20, стб. 623, л. 192].

Так объяснял Сенге события 1667 г., а также свое отношение к вопросу о кыштымах и сборе ясака. Больше всего поражает тон Сенге, хотя он и разговаривал с посланцем русского царя. Таким тоном до Сенге не говорил ни один правитель, ни один владетельный князь Монголии. Чем объясняется такая позиция? Причинами являются не только разгром Лубсан-тайджи, но и несомненное укрепление в ханстве самого Сенге.

В этой связи представляет определенный интерес беседа В. Былина с братом Сенге — «кутухтой» Галданом. 6 апреля 1668 г. Галдан пригласил Былина к себе и, узнав от него содержание речей Сенге, сказал: «Мы де, кутухты и лабы, не воинские люди. Во всей Калматцкой земле да усуетана де у нас о том, у всех кутухт и у лаб, чтоб ни в коих землях наши калматцкие люди и тайши с великим государем войны не подымали, а к великим де государем за наши телеуты выезжия стоять нечево» [20, стб. 623, л. 191]. Но Сенге, как мы видим, не был согласен с мнением брата. В ханской ставке В. Былина рассказывали: «Как де наш Сенга-тайши пришел в свою землю, взял Лоджана-царя, и разослал послов своих ко всем тойшам колматцким с похвалою своею и под Астрохань к Урлюка-тайши дегем и призывал к себе, чтоб им идти с ним вместе подо все великих государей города сибирския. И ему де, Сенге, многия люди на токое дело потокнули, а Урлюкая-тайши дети прислали к нему, Сенге, послов своих и велели говорить, что де ты затеваешь не дело, с великим государем хочешь воевать, что де тебе в поле травы не выкосить и лесу не вырубить, то де тебе у великих государей людей не вывоевать, а притчею де великии государи велят по Иртышу и по Обереке свое великих государей города поставить, а самому де тебе где будет деватца» [20, стб. 623, л. 193].

Сообщение В. Былина, по-видимому, правильно отражает борьбу мнений и настроения в среде ойратских феодалов в описываемые годы; нельзя отказать в дальновидности и в реалистическом понимании обстановки тем, кто здесь назван «Урлюкая-тайши дети».

Былин вернулся в Томск в июле 1668 г. С ним прибыл посол от Сенге с письмом на имя царя. Посол заявил воеводе Вельяминову, что прислан за «выезжими белыми калмыками». «Будет де государь из Томского выезжих белых калмыков не отпустят, и Сенга де тайша под Томской и под Кузнецкой острог будет войною, а учнет де под Томским городом стоять три годы» [20, стб. 623, л. 337].

Можно было ожидать, что после столь категорических, решительных заявлений правитель Джунгарского ханства, не получив удовлетворения своих требований, перейдет от слов к делу и на-

chnet войну против русских владений в Сибири. Не для этой ли цели оставил он в районах, прилегающих к р. Кемчик, отряды под командованием Даньдзина и Баахана, находившиеся там до конца жизни Сенге [20, стб. 623, л. 345, 389, 451—453]. Но война тем не менее не началась. Мы не знаем причин, помешавших Сенге реализовать свои угрозы.

После посольства В. Былина в русско-джунгарских отношениях наступил двухлетний перерыв. Если за четырехлетие — с 1664 по 1668 г. — было четыре крупных русских посольства к Сенге, то после В. Былина к хану никого не посылали до 1670 г. Этим в известной мере объясняется отсутствие в источниках сведений о событиях, имевших место в указанные годы. Но как бы то ни было, несомненно, что Сенге не рискнул начать военные действия против России, что никакой войны в смежных с Джунгарией районах Сибири не происходило. Более того, казак Скибин, отправленный из Тобольска в начале 1670 г. к Сенге для вручения ему царского жалования, по возвращении доложил, что хан Джунгарии принял у него это жалование «чесно», т. е. с соблюдением всех требований этикета. Сенге только просил, чтобы ему вернули шесть подданных, бежавших в пределы России [20, стб. 623, л. 308], угрожая в противном случае задержать Сеиткула Аблина, когда тот будет возвращаться из Китая, и повторил свои угрозы пойти войной на Томск, Красноярск и Кузнецк. Вместе со Скибиным в Тобольск прибыли послы от Сенге, от Чохура и его сына. Осенью 1670 г. эти послы были отправлены в Москву [20, стб. 623, л. 296].

Источники не богаты сведениями об экономическом положении Джунгарского ханства в годы правления Сенге, о его торговых связях с соседними странами. От Сеиткула Аблина, вернувшегося в 1672 г. из Китая, мы узнаем, что в улусе Чохура, дяди Сенге, стали заниматься земледелием. К сожалению, Аблин не говорит ни о площади обрабатывавшихся земель, ни о хлебопашцах. Можно предполагать, что и у Чохур-тайши земледелием занимались крестьяне, переселенные или добровольно переселившиеся из земель сельскохозяйственных областей Восточного Туркестана, Средней Азии и России. Во всяком случае, появление земледелия в улусе Чохура говорит о том, что эта отрасль сельского хозяйства со времен правления Батур-хунтайджи не сократилась, а продолжала расширяться.

Что касается торговых связей Джунгарского ханства, то вполне устойчивыми они были в эти годы только с Россией. Можно без преувеличения сказать, что ойратское население Джунгарии и его хозяйство в рассматриваемое время уже не могли существовать и развиваться без торгового обмена с Русским государством. Каждый случай более или менее длительного перерыва торговли между русскими и ойратами отрицательно отражался на положении обеих сторон, причем в большей степени на положении обитателей Джунгарского ханства, создавая условия для всякого рода политических осложнений. В этом отношении характерен эпизод, имевший место в августе 1672 г. в районе оз. Ямышева, куда из То-

больска прибыла экспедиция за солью во главе с Львом Поскочным. Ойраты прибыли сюда раньше и ожидали приезда русских, чтобы начать торговый обмен. «И как из займища на степь ратные люди вышли и хановы, собрався, многие люди, конные и пешие, с ружьем и с копьями, и с луками, и с пищальми дорогу заняли и ратных людей к соли пропустить и соли дать не хотели, а говорили, чтоб им дать торг и купить б у них всякие товары по их цене». Лев Поскочин вынужден был усилить ушедшую вперед группу русских ратных людей полусотней человек, а ойратам велел объявить: «Чтоб они ваших, великих государей, ратных людей к озеру пропустили без зацепки, а торг им повольной дан будет в то время как ваши великих государей ратные люди на Ямыш-озере соль возмуют и покупать у них товары станут как цена обдержит... И калмыки смирились, по соль пропустили, и с вашими, великих государей, ратными людьми торговали смирно, безо всякие зацепки» [20, стб. 623, л. 502—506].

Иной характер имели торговые отношения Джунгарии с мусульманскими ханствами Центральной и Средней Азии. Купечество этих ханств в течение столетий специализировалось на торговле шелком и другими дорожными товарами, производившимися в Китае. Их везли в страны Южной и Передней Азии, а также в Европу. Караванный путь из Китая в русскую Сибирь проходил через территорию Джунгарии. Мусульманское купечество снабжало ойратских феодалов своими товарами (главное место среди них занимали предметы роскоши) в обмен на скот и продукты скотоводства, которые они сбывали купцам в прилегающих к Джунгарии районах Сибири. В конце концов почти вся торговля Джунгарии оказалась в руках мусульманского купечества, «бухарцев», как их именуют русские архивные документы. Этим объясняется тот факт, что почти каждое ойратское посольство в Россию имело в своем составе одного-двух мусульманских купцов, доверенных лиц джунгарского хана и владетельных князей.

Торговые связи Джунгарского ханства с Китаем в годы правления Сенге оставались по-прежнему эпизодическими. Биограф Зая-Пандиты сообщает, например, что в 1647 г. хошоутский владетельный князь Торгун-Эрдэни-хунтайджи, собираясь поехать в Тибет на поклонение далай-ламе, приказал собрать много скота, часть которого велел отправить на продажу в Китай. Так же поступил в 1653 г. Очирту-тайджи, который отправил в Китай 10 тыс. лошадей, чтобы на вырученные от их продажи средства совершить поездку в Тибет.

К концу 60-х годов XVII в. все владетельные князья Халхи имели уже вполне устойчивые связи с цинским правительством, успевшим к этому времени учредить довольно действенный контроль над их внешней и внутренней политикой. В результате халхаские князья постепенно теряли свою политическую самостоятельность. Ойратские владетельные князья Кукунора во главе с Гуши-ханом еще в 40-х годах встали на путь сотрудничества с Цинской династией, которая всеми мерами старалась привлечь их на свою

сторону, оказывая им внимание и подкупая щедрыми дарами. Одновременно и ламаистская церковь Тибета во главе с далай-ламой установила контакт с новой династией, очень быстро уяснившей, что дружба и союз с ламами открывают надежный путь к упрочению господства маньчжурских феодалов во всех ламаистских странах, и в первую очередь в Монголии.

В нашу задачу не входит подробное изложение исторических событий в Тибете в середине и второй половине XVII в., сложных взаимоотношений и борьбы различных феодальных группировок, выступавших в религиозной оболочке двух главных сект — «желтошапочников» и «красношапочников». Эти вопросы, равно как и вторжение в Тибет хошоутского Туру-Байху, установившего господство в стране «желтых» во главе с далай-ламой и его министра по делам светского управления — динпы, уже получили более или менее обстоятельное освещение в русской и зарубежной литературе [81; 166; 168].

Отметим лишь, что Цинская династия с самого начала стремилась превратить ламаистскую церковь в орудие подчинения Монголии. Эта политика проводилась представителями династии весьма последовательно на протяжении всей истории завоевания Монголии. В. Рокхил, основываясь на китайских источниках, сообщает, что далай-лама, приглашенный цинским правительством, в середине 1652 г. прибыл в Ордос и послал императору маньчжуров Чжу Юцзиню письмо с предложением прибыть в Куку-Хото или в Датун для встречи его, далай-ламы. Предложение вызвало переполох в правящих кругах Пекина. В результате был издан указ следующего содержания: «В годы правления императора Тайцзуна (1627—1644) Халха (Монголия) не была подчинена. Учитывая, что все тибетцы и монголы повинуются словам своих лам, далай-ламе было послано приглашение. Но император Тайцзун умер, прежде чем его посол доехал до далай-ламы. В дальнейшем, во время регентства принца Юй, далай-ламе было послано новое приглашение... сейчас он находится в пути, сопровождаемый свитой в 3000 человек. Мы желали бы выехать за наши границы для его встречи, но опасаемся, что если он прибудет в страну с такой огромной свитой в год, когда у нас плохой урожай (как нынешний год), то народу будет причинен ущерб. С другой стороны, если мы, послав ему приглашение, не поедem его встречать, то он может вернуться с полдороги в Тибет... В результате этого Халха откажется нам подчиниться» [168, с. 14]. Далее в указе говорилось, что император предложил своим советникам высказать мнение по существу вопроса. Китайские сановники возражали против поездки императора за пограничную линию (т. е. за Великую стену) для встречи далай-ламы, а маньчжурские сановники высказались за такую поездку, мотивируя свою позицию тем, что, «если император лично встретит далай-ламу, халхасы нам подчинятся, что будет иметь очень положительные последствия; но если далай-лама, будучи приглашен, не будет встречен (лично императором), это будет нехорошо» [168, с. 15—16].

В этом документе позиция цинского правительства сформулирована с такой предельной ясностью, что едва ли возникает необходимость каких-либо пояснений. Эта позиция может быть сведена к следующим главным пунктам: а) Халха необходима Цинской династии, Халху надо подчинить; б) ламы вообще, далай-лама в особенности, пользуются исключительным влиянием среди монголов; в) чтобы подчинить Халху, а за ней и всю остальную Монголию, надо привлечь на свою сторону ламаистскую церковь, и в первую очередь далай-ламу.

Важность союза с ламаистской церковью понимали не только императоры Цинской династии, но и их противники. Так, У Саньгуй регулярно в течение ряда лет посылал в Лхасу своих представителей с дарами, стремясь использовать влияние церкви в интересах готовившегося им антиманьчжурского восстания. И это ему в известной мере удалось. Лхаса в 70-х и 80-х годах оказывала тайную поддержку чуть ли не каждому антиманьчжурскому выступлению. Это говорит о том, что среди приближенных далай-ламы были не только сторонники, но и противники Цинской династии [168, с. 19].

Ойратские источники изобилуют фактами, свидетельствующими, что ламаистская церковь в Джунгарском ханстве пользовалась не меньшими привилегиями и влиянием, чем в ханствах и княжествах Восточной Монголии. Габан-Шараб рассказывает, что все ойратские нойоны во главе с Гуши-ханом, Хо-Урлюком и его шестью сыновьями, Батур-хунтайджи, Хундулен-тайшой, Аблаем и дэрбэтским Тойном «признали далай-ламу своим ламой», т. е. объявили себя приверженцами «желтошапочников» [57, с. 13]. Всем тибетцам разрешили свободу передвижения по Джунгарии. В дальнейшем постановили предавать смертной казни независимо от титула и звания каждого, кто осмелится похитить что-либо у людей из Тибета [57, с. 13]. Во всех слоях ойратского общества непререкаемым авторитетом пользовался Зая-Пандита. Его биограф сообщает, что Зая-Пандита в конце 40-х годов издал постановление, направленное против шаманов и шаманских обрядов, требуя строго наказывать как шаманов, так и лиц, пользующихся их услугами. Все ойраты почитали Зая-Пандиту «как лучшее украшение страны» за то, что он возвеличил религию Будды и значение Тибета как религиозного центра [167, с. 17].

Ойратские владетельные князья и даже их жены наперебой стремились в Лхасу на поклонение далай-ламе, которому подносили богатые дары, взамен получая различные почетные титулы. Так, Очирту-тайджи стал в 1657 г. Очирту-Цецен-ханом. Но за все годы правления Батур-хунтайджи и Сенге не было ни одного случая, когда кто-либо из владетельных князей Джунгарии послал бы своего представителя в Пекин. Источники, правда, рассказывают, что в 1650 (или 1651) г. в составе посольства, отправленного далай-ламой и Гуши-ханом из Тибета в Пекин, оказался представитель хошоутского Хундулен-тайши по имени Соном, но эпизод этот, если он и имел место, прошел незаметно [167, с. 47].

Мы уже говорили об антиманьчжурской позиции Зая-Пандиты. Весьма возможно, что отрицательное отношение владетельных князей Джунгарии к вопросу о контактах с Цинской династией было результатом влияния их первосвященника. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что Зая-Пандита предпринял в 1652 г. вторую поездку в Тибет именно тогда, когда далай-лама собирался в Пекин, причем в дороге они встретились. Хотя содержание их бесед нам неизвестно, но вполне вероятно, что собеседники затронули вопрос о целях путешествия далай-ламы и, следовательно, о политике по отношению к Цинской династии вообще. Невольно возникает вопрос: не является ли высокомерное требование далай-ламы, чтобы маньчжурский император лично явился встретить его далеко за пределами столицы Китая, равно как и непродолжительность его визита, результатом бесед с Зая-Пандитой? Мы этого не знаем. Но точно установлено, что Зая-Пандита имел немало влиятельных единомышленников при лхасском дворе. Иначе было бы невозможно назначение на пост дэпы, известного своими антиманьчжурскими взглядами Сандзай-Джамцана, сыгравшего весьма важную роль в событиях конца XVII в.

Антиманьчжурская направленность внешней политики правителей Джунгарского ханства нам представляется несомненной. Не приходится сомневаться и в том, что такая политика в небольшой степени вдохновлялась некоторыми руководящими кругами ламаистской церкви. Это подтверждается и приведенным выше заявлением хутухты Галдана, брата Сенге, русскому послу В. Былину о том, что среди ойратов всеми хутухтами и ламами твердо решено, чтобы «ни в коих землях наши калмыцкие люди и тайши с великим государем войны не подымали» [20, стб. 623, л. 191]. Особый интерес этому заявлению придает то, что оно принадлежит Галдану, человеку, который двумя десятилетиями позже был объявлен Цинской династией самым опасным ее противником. Стремление ойратских феодалов сохранить политическую самостоятельность своего государства неминуемо вело к конфликту, который должен был тем быстрее привести к взрыву, чем быстрее Цинская династия подчиняла своему влиянию Халху.

В этих условиях укрепление внутреннего единства Джунгарского ханства являлось необходимым для успешной подготовки к будущей борьбе за независимость. Мы уже видели, как ламаистская церковь в лице Зая-Пандиты стремилась примирить соперничавших, уладить споры и конфликты, не допустить взрыва междоусобной борьбы. Зая-Пандита поддерживал действия Батур-хунтайджи, не отказался в поддержке и Сенге. Опираясь на помощь церкви и своих союзников из дома хошоутских князей, Сенге удалось преодолеть сопротивление противников и укрепить свою власть в ханстве. Но все его успехи, конечно, не могли разрешить коренные внутренние противоречия, питавшие центробежные силы в ханстве и разрушавшие его единство. В конце концов Сенге пал жертвой этих противоречий.

В начале 1671 г. в Тобольск, Красноярск и другие сибирские

города стали поступать сведения об убийстве Сенге. Житель Кузнецкого уезда, вернувшийся из Джунгарии, сообщил местным властям, что «Сенга-тайши убит в прошлом во 178 году (1670 г.— И. З.) до ево... приезде, а убил де ево, Сенгу, брат его родной Маатыр-тайши у нево, Сенги, в юрте, ночью, сонново. И после де ево, Сенги, брат же ево другой Кеген-кутухта собрався с воинскими людьми, и того убойца брата своего Маатыря-тайши убил и другою брата своего Чечен-тайшу и Чокуровых тайшиних детей побил всех» [20, стб. 623, л. 350].

В феврале 1671 г. вернулся в Тобольск служилый человек А. Бурчеев, сопровождавший на родину посла Сенге — Аблая. Бурчеев доложил воеводе, что «не дошед де Сенгина дального улуса, в Тарском уезде в Барабинских волостях сказывали им Сенгина улуса кочевные люди, что де тайшу их, Сенгу, в улусе брат ево родной Баатыр-тайша убил, а Сенгины де люди ево, Баатыря, и с сыном убили ж, а большой же ево, Сенгин, брат Чечен-тайша из улуса убежал к мугальскому Сайн-контайше с тридцатью человеки, а меньшой брат ево Галдам-кутухта после смерти брата своего Сенги взял за себя жену ево, Сенгину, с людьми и повоевал Чокура-убаши-тайши сына ево Булат-манжи, убежал в улус к тестю своему к Учюрте-тайше, да и люди де ево, Сенгины, кочевные и улусные калмыки розбежались по разным кочевьям и улусам все без остатку» [20, стб. 623, л. 358—359].

Убийство Сенге в конце 1670 г. и воцарение Галдана отражено во многих русских документах. Так, в «отписке» тобольского воеводы И. Репнина в Москву сообщается, что в Красноярск в конце 1671 г. «присылал ис Черных калмыков им Сенгина улусу Кеген-кутухте, который владеет Сенгиным улусом, посланцов своих, а ему де, Алексею (красноярскому воеводе Сумарокову.— И. З.), на съезде дворе говорили, что Сенга-тайша убит, а убил брат ево Батур, а Батура убил Кеген-кутухта, и ныне владеет Сенгиным улусом. А мугальской де Лоджан (т. е. Алтын-хан.— И. З.) стоит на Мугальской земле на Кемчюге, а от ево, Лоджана, стоят в одном днище калмыцкие тайши Должин-Кошючи да Абабан-хан... да он же де, Кутухта Кеген, прислал в Киргизскую землю Ейзана своего Байгу-хана, для всякой розправы» [20, стб. 623, л. 389—390].

Из показаний источников следует, что Сенге был убит в конце 1670 г. в результате заговора, организованного его старшими братьями Цецен-тайджи и Цотба-батуром. Имена других заговорщиков неизвестны. Заговор имел характер типичного дворцового переворота, и народные массы никакого отношения к нему не имели. Более того, опасаясь новой вспышки междоусобной борьбы и связанных с этим тягот, многие ойраты предпочли покинуть улус убитого хана. Заслуживает внимания факт необыкновенно быстрой реакции младшего брата убитого, хутухты Галдана, на действия заговорщиков. Как сообщают монгольские источники, он с согласия далай-ламы или его приближенных снял с себя духовный сан и расправился с убийцами Сенге, не дав им опомниться и организовать какое-либо сопротивление.

Самыми характерными чертами правления Батур-хунтайджи и его первого преемника были, во-первых, установление новых форм связи и сотрудничества между центром ойратских владений в Джунгарии и ханствами, образовавшимися в Кукуноре и на Волге; во-вторых, стремление к ликвидации междоусобной борьбы и объединению сил владетельных князей для укрепления феодального строя и отражения внешних угроз; в-третьих, дальнейшее распространение ламаизма, сопровождавшееся усилением влияния церкви, которая превращалась в могущественную экономическую и политическую организацию.

В области внутренней политики Батур-хунтайджи выступил борником развития на территории ханства собственного земледелия и ремесла, а также строительства очагов оседлости в виде монастырских поселений, добившись в этом деле известных успехов. Наряду с этим Батур-хунтайджи стремился к сохранению мирных взаимоотношений с другими владетельными князьями и к укреплению сотрудничества с ними.

Наиболее важным событием внутренней жизни Джунгарского ханства было принятие монголо-ойратских законов («Цааджин бичиг»), имевших целью укрепить господство феодалов над массой крестьянства, а также объединить ханов и князей для отражения угрозы их политической самостоятельности со стороны маньчжурских завоевателей.

Внешнеполитические цели Джунгарского ханства в рассматриваемое время сводились к борьбе за обладание кыштымами и сбор ясака, с одной стороны, с Русским государством, с другой — с державой Алтын-ханов. Не имея возможности навязать свою волю России, правители ханства выдвинули идею двоеданничества и двоеподданства, согласно которой обе стороны получали право собирать ясак с местного населения. Правительство России, также не располагавшее достаточными силами, чтобы навязать джунгарским ханам собственную волю, вынуждено было терпеть такое положение. Что касается Алтын-ханов, то этой династии в ходе борьбы был нанесен сокрушительный удар, от которого она уже не могла оправиться и сошла с исторической арены. Но в целом Батур-хунтайджи и его преемник не стремились к военным конфликтам.

В эти годы растет внутренняя консолидация ханства и укрепляется его внешнеполитическое положение. Кризис конца XVI — начала XVII в. был преодолен. Но именно в это время возникла и стала быстро нарастать угроза со стороны маньчжурских феодалов, пришедших в 1644 г. к власти в Китае и образовавших Цинскую династию. Владетельные князья Джунгарии были в Монголии в эти годы единственными, кто упорно уклонялся от контактов с цинским правительством. Даже заинтересованность в налаженном торговом обмене с Китаем не могла заставить их изменить отрицательную позицию в этом вопросе. Политика правителей Джунга-

рии поддерживалась ламаистской церковью Джунгарского ханства и влиятельными ламами Лхасы. Уже в это время в Тибете и Джунгарии зародились и стали развиваться идеи своеобразного панмонголизма и панламаизма, выразившиеся в дальнейшем в планах образования самостоятельного государства под эгидой ламаистской церкви Тибета. Так складывались условия, сделавшие войну между Джунгарским ханством и Цинской империей неизбежной.

ХАЛХАСКО-ОЙРАТСКАЯ ВОЙНА 1688 г. ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО И ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ. ВОЙНА 1690—1697 гг.

Последние три десятилетия XVII в. в истории ойратов — да и не только ойратов, но и ряда народов Центральной и Восточной Азии — связаны с именем Галдана, одного из сыновей Батур-хунтайджи и родного брата Сенге. Интерес к нему со стороны исследователей объясняется особой ролью этого человека в исторических событиях того времени. Но подавляющее большинство писавших о нем подходило к оценке деятельности Галдана с позиций его противников, тех, против кого он боролся. Поэтому история жизни и деятельности Галдана еще ждет своего объективного исследователя, который, опираясь на проверенные, вполне достоверные факты, а также данные источников на китайском, маньчжурском, монгольском, русском, тибетском языках, раскроет историческую роль Галдана, его взаимоотношения с руководителями ламаистской церкви в Тибете, с владетельными князьями Джунгарии, Халхи и Кукунора, с Цинской династией Китая и властями Русского государства, характер и историческое значение его войн, в частности с халхаскими феодалами в 1688 г. и с Цинской династией в 1690—1697 гг.

Выше мы отмечали, что главным недостатком работ Иакинфа об ойратах является его некритическое отношение к китайским источникам, которые он считал единственно возможной базой изучения монгольской истории. Поэтому в его главном труде об ойратах, посвященном Галдану, множество фактических неточностей и неудачных оценок. Заклучая обзор деятельности Галдана, Иакинф тем не менее писал: «Галдан Бошохту, образованный в Лхассе для духовного звания, известен остался в истории как просвещенный государь и законодатель. Он пополнил „Степное Уложение“ („Цааджин бичиг“.— И. З.), изданное Батором-хонь-тай-цзи: составил новую систему феодального разделения земель, которым нарочито ограничил и власть и силу прочих трех ханов ойратских, и первый, сколь известно, в Монголии начал отливать медную монету» [77, с. 88—89]¹.

А. Позднеев в своих трудах об ойратах базировался главным образом на монгольских, точнее, на халхаских источниках. Концепция А. Позднеева о Галдан-Бошокту-хане и его войнах, с наибольшей полнотой изложенная в работе «Материал для истории Халхи», основана на показаниях халхаских аймачных хроник, име-

нуемых «Илэтхэль шастра», а также хроники Цинской династии «Шэн-у-цзи» (см. [121]). Но Позднеев не обратил внимания на то, что эти хроники не могут в данном случае претендовать на роль вполне объективных свидетельств, ибо они отражают интересы и взгляды противников Галдана. Уже это должно было насторожить исследователя и внушить ему необходимость критической проверки их показаний. По словам А. Позднеева, «„Илэтхэль шастра“ по своему характеру есть не что иное, как сборник формулярных списков всех монгольских князей с обстоятельным перечислением всех их деяний, заслуг, проступков, отличий и пожалований. Дополняемая время от времени, как и формулярные списки наших чиновников, местным начальством, т. е. советом целого сейма халхаских князей, „Илэтхэль шастра“ представляется потом к утверждению маньчжурскому министерству, а засим становится официальным документом для суждений о том или ином князе» [121, с. XIX].

Как видим, этот источник обладает специфическими особенностями, вытекающими из его служебного назначения. Они приобретают тем большее значение, что «Илэтхэль шастра» появилась на свет тогда, когда халхаские феодалы уже превратились в верноподданных Цинской династии: хроники составлены в 1780 и изданы в 1796 г., после чего дополнялись и переиздавались в 1803 и 1840 гг. Пекинской палатой внешних сношений (Ли фань юань), ведавшей делами застенных владений Китая. Совершенно очевидно, что хроники отражали интересы и взгляды не только халхаских феодалов, но и Цинской династии. Вот почему излагать историю ойратов и Галдана, руководствуясь показаниями только этого источника, значит, заранее отказаться от объективного рассмотрения событий того времени.

О другом источнике — летописи Цинской династии «Шэн-у-цзи» — А. Позднеев писал: «Считаю долгом сказать, что сочинение это буквально служило для меня руководящей нитью, держась за которую единственно и была возможность разобраться в массе фактов, бессвязно и отрывочно изложенных во всех вообще монгольских летописях» [121, с. XXIII]. Нет необходимости доказывать, что официальная хроника Цинской династии, написанная через полтора столетия после интересующих нас событий, еще менее, чем «Илэтхэль шастра», может претендовать на роль объективного источника, свободного от влияний общественных сил, противостоявших ойратским феодалам и их предводителю Галдан-Бошокту-хану.

Не учитывая особенности этих источников, А. Позднеев пошел у них на поводу и дал в целом ошибочное освещение событий монгольской истории конца XVII в., связанных с деятельностью Галдан-Бошокту-хана. Концепция А. Позднеева в основных чертах сводится к следующему. Галдан, с малых лет проживавший у далай-ламы, а затем у хошоутского Очирту-Цецен-хана, в 1671 г. получил разрешение оставить духовный сан и отомстить убийцам своего брата Сенге. Галдан напал на них, предал смерти, «а по-

том овладел всем имением и землями Сенге, прямой наследник которых Цэван-Рабдан с семьей приближенными слугами своего отца бежал в Турфан» [121, с. 175]. Оттуда он отправил к императору Сюань Е послов с просьбой принять его в подданство. В дальнейшем Галдан, движимый властолюбием, завершил «объединение под своей властью племен древнего ойратского союза» [121, с. 176], преследуя и истребляя всех, кто пытался воспротивиться его воле. Затем он овладел Восточным Туркестаном, после чего стал готовиться к завоеванию Халхи. В 1688 г. он напал на нее. Цинское правительство всеми мерами старалось удержать Галдана от нарушения мира, а когда война все же стала фактом, прилагало усилия к скорейшему примирению враждующих сторон. Но Галдан не хотел мира. Вторгшись в пределы Китая, он принудил Сюань Е взяться за оружие. Так началась маньчжуро-ойратская война, закончившаяся разгромом Галдана и его самоубийством. В результате агрессивной политики Галдана Халха была вынуждена отказаться от политической самостоятельности и перейти в подданство Цинской империи. Упрека халхаских феодалов за их неспособность прекратить междоусобную борьбу, А. Позднеев писал: «Но не от взаимной междоусобной смуты суждено было, однако же, пасть Халхе, потерять свою независимость и признать себя рабою чуждого владычества. Падение ее, совершившееся не далее как в следующем, 1688 году, обуславливалось внешнею причиною, а именно новым нападением со стороны чжунгаров; что же касается усобицы, то она только ослабила Халху и тем дала возможность неприятелю с большею легкостью покорить ее» [121, с. 187]. В одном из писем к Н. Веселовскому А. Позднеев возвращается к этой теме: «Что разорило Халху вконец, как не чжунгарские походы? Что привело халхасов к совершенной потере самостоятельности и к подчинению маньчжурам, как не те же нападения соплеменных чжунгаров» [123, с. 284].

Итак, чжунгарские походы, единственной причиной которых были властолюбие и страсть Галдана к завоеваниям, обусловили разорение Халхи и ее подчинение власти Цинов. Если бы не было Галдана с его властолюбием и агрессивной внешней политикой, Халха могла бы сохранить политическую самостоятельность. Лишь такой вывод возможен из рассуждений А. Позднеева.

Но эти рассуждения ошибочны. Им явно не хватает глубины и широты анализа. Они сужают проблему, сводя ее, по сути дела, к вопросу об особенностях характера Галдана и о его личных отношениях к тому или иному владетельному князю. Они идеализируют личность и политику императора Сюань Е, наделяя его идеальными чертами справедливого, миролюбивого и мудрого монарха.

Мы остановились более или менее подробно на концепции А. Позднеева потому, что он наиболее последовательно развивает мысли, господствовавшие в литературе XIX и отчасти XX в. Его общая эрудиция, превосходное знание монгольского языка, несомненные заслуги в развитии русского и мирового монголоведения

послужили причиной того, что многие авторы с доверием отнеслись к приведенным выше рассуждениям и в собственных работах воспроизводили их и ссылались на них. Так, в частности, обстоит дело с соответствующими разделами в трудах Г. Грум-Гржимайло [65, с. 650—654], В. Бартольда [35, с. 231], К. Пальмова [115, с. 12] и некоторых других.

Забегая вперед, мы должны сказать, что не разделяем концепции А. Позднеева. Мы не считаем Галдана, особенности его характера, его личные симпатии и антипатии, взаимоотношения с тем или иным монгольским правителем главной и тем более единственной причиной драматических событий, обусловивших войну 1688 г. и включение Халхи в состав Цинской империи. Мы считаем его не столько инициатором этих событий, сколько исполнителем воли и планов других, гораздо более могущественных сил, стремившихся к образованию независимого от Цинской династии объединенного монгольского государства, которое включало бы в себя все или почти все районы с населением, говорившим на монгольском языке и исповедовавшим ламаистскую религию. Центр и главный штаб этих сил находился в Лхасе, в ближайшем окружении далай-ламы. Решающей силой, противостоявшей этим планам, была Цинская династия. Не халхаские феодалы были главным препятствием на пути реализации планов Галдана и его вдохновителей, а Цинская империя. Если Лхаса, как это будет видно из дальнейшего, направляла деятельность Галдана, то императорский дворец в Пекине в такой же мере являлся центром, поддерживавшим сепаратизм халхаских феодалов и стремившимся использовать раздробленную Халху с целью сорвать планы создания объединенной Монголии под эгидой верховного ламы Тибета. Перед нами несомненный конфликт двух противоположных сил и тенденций: с одной стороны, панмонгольские, а возможно, и панламаистские устремления некоторых руководящих кругов церкви в Тибете, с другой — экспансионистские планы маньчжурских и китайских феодалов, заинтересованных в захвате всей Монголии, и в первую очередь Халхи. Выражением этого конфликта и явилась политика и конкретная деятельность Галдан-Бошукту-хана, с одной стороны, и его халхаских противников во главе с Тушетуханом Чихунь-доржи — с другой.

Таково наше понимание смысла и внутреннего механизма исторических событий в Монголии в конце XVII в. Главным источником, дающим богатый фактический материал для такого сообщения, является официальное маньчжурское описание войны против Галдана — коллективный труд, выполненный непосредственно после окончания войны коллегией ученых и сановников, специально назначенных именным указом Сюань Е. Этот труд был лично просмотрен и одобрен императором, снабдившим его собственноручно написанным предисловием. Предисловие датировано 1709 г. Объем труда огромен: в нем более 3 тыс. страниц, разделенных на пять частей и 48 книг. Главная ценность этого источника заключается в том, что он свободен от каких-либо авторских рассуж-

дений, предположений и оценок. В нем нет ничего, кроме официальных документов — императорских указов, личных писем Сюань Е к его сыну и наследнику, множества донесений военных и гражданских должностных лиц, в том числе тайных агентов, а также переписки Сюань Е с далай-ламой и другими высшими иерархами ламаистской церкви, с Галданом, Цэван-Рабданом, Тушету-ханом и другими лицами. Изложение событий начинается с 1677 г. и доводится до 1698 г. Две главные особенности выгодно отличают этот труд от «Шэн-у-цзи» и многих других китайских исторических сочинений: он написан по свежим следам недавно закончившейся войны и является собранием громадного документального материала, приводимого не в выдержках, а полностью и, как правило, без каких-либо пропусков.

Этот источник известен нам в неопубликованном переводе, сделанном в Петербурге в 1750 г. прапорщиком Илларионом Россохиным, озаглавившим его «История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии». Официальный характер издания, его явно пропагандистская направленность, рассчитанная на прославление Цинской династии вообще, императора Сюань Е в особенности, на принижение и всяческое разоблачение противников Цинского дома, и в первую очередь Галдана, служат достаточной гарантией, исключающей возможность проникновения в него каких-либо монголофильских и тем более ойратофильских настроений. Это дает нам право с полным доверием относиться к подавляющему большинству фактов, сообщаемых «Историей о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии».

У нас есть основания полагать, что указанный источник был известен и А. Позднееву. В предисловии к «Эрдэнийн эрихэ», говоря о маньчжурской литературе по истории монголов, он в числе других называет «Варпи амарги ба-бо нэчихэмэ токтобуха бодохон-и битхэ» («Умиротворение и присоединение Северо-Западного края»), которое «представляет собой капитальнейший источник для исследований о маньчжуро-халхаских войнах с чжунгарями, или, собственно, с Галдан-Бошокту, в царствование императора Канси. Сказания о войнах с Галданом это сочинение начинает с 16-го года правления Канси и доводит их до 38-го года того же правления» [121, с. XXV]. Судя по содержанию и хронологическим рамкам, указанное А. Позднеевым произведение представляет собой маньчжурский оригинал сочинения, переведенного И. Россохиным на русский язык. Непонятно только, почему А. Позднеев не использовал этот «капитальнейший источник», почему он предпочел ему «Шэн-у-цзи», впервые изданный в 1842 г., в котором, как отмечал он сам, история монголов занимает лишь одну главу, а истории похода Сюань Е против ойратов отведен в этой главе всего один раздел из четырех.

Упомянутая выше история маньчжуро-ойратских войн была вначале написана на двух языках — на маньчжурском и китай-

ском. Это видно из донесения, адресованного императору составителями [2, оп. 5, д. 1, л. 21]. Если И. Россохин перевел от начала до конца это грандиозное по объему произведение с маньчжурского текста, то другой русский востоковед XVIII в., А. Леонтьев, имея дело с китайским текстом, сделал из него сравнительно небольшое извлечение, которое перевел на русский язык и издал в 1777 г. под названием «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами» [20, стб. 623, л. 477—478]. Работа А. Леонтьева довольно широко известна специалистам, в литературе на нее делались и делаются ссылки, тогда как труд И. Россохина остается до сих пор труднодоступным и мало кому известным. Интересно, что даже А. Позднеев в «Материале для истории Халхи», ссылаясь иногда на «Уведомление» А. Леонтьева, ни разу не использует «Историю» И. Россохина.

Вторым важным источником, использованным нами, являются русские архивные документы, которые дополняют или уточняют сведения из монгольских, маньчжурских, ойратских и других источников, а иной раз служат им подтверждением.

1. Внутренняя и внешняя политика Галдана в первые годы его правления. Война 1688 г.

Источники не раскрывают полностью события первых пяти-шести лет правления Галдана. Нам известны пока далеко не все обстоятельства, способствовавшие приходу к власти 26-летнего Галдана, вчерашнего ламы, не имевшего ни собственного домена, ни своих войск. Мы не знаем, кто именно и в каких конкретных формах оказал ему помощь в борьбе против других претендентов на ханский трон, среди которых были достаточно влиятельные и могущественные правители хошоутских, дэрбэтских, чоросских и других владений. Несомненно лишь, что Галдан не мог рассчитывать на победу в этой борьбе, если бы не пользовался поддержкой и помощью церкви. Только благодаря ей Галдан уже осенью 1671 г. смог в качестве правителя Джунгарского ханства принять возвращавшегося из Китая в Россию Сеиткула Аблина и отправить с ним своих послов в Россию.

Аблин, прибыв в октябре 1671 г. в Тобольск, представил воеводе Репнину доклад, в котором писал, что еще в пути он узнал об убийстве Сенге, но что он и его спутники были должным образом встречены и приняты Галданом и Араптаном (т. е. Цэван-Рабданом). Воевода Репнин, в свою очередь, докладывал в Москву о возвращении Аблина, добавляя со слов последнего, «что для провожания вышние великих государей казны послали с ними до Тобольска и до Москвы тайши Гаган да Араптарь посланцев своих Маметелипа да Чадыра... И на посольстве те калмыцкие послы Маметелип и Чадыр сказали: Прислали де тайши их с листом и проводят вашу государеву казну и Сеиткула Аблина с товарищи до Тобольска и до Москвы, а листа де им в Тобольску подать

нельзя для того, что велели им тайши их тот лист подать вам, великим государям, на Москве» [20, стб. 623, л. 477—478].

Тайша Раптарь, или Араптан, упоминаемый вместе с Галданом, — это Цэван-Рабдан, сын Сенге и племянник Галдана. Отсюда следует, что лишена оснований и версия А. Позднеева, будто Галдан отнял трон у Цэван-Рабдана, являвшегося прямым наследником Сенге, после чего тот вынужден был бежать в Турфан. В первые годы после убийства отца Цэван-Рабдан поддерживал Галдана. Их размолвка и начало вражды относятся к более позднему времени, что подтверждается и показаниями самого Цэван-Рабдана.

Одной из первых забот Галдана было достижение соглашения с правительством России по вопросу о сборе ясака. Еще в своем первом письме красноярскому воеводе Сумарокову летом 1671 г. Галдан, сообщая об убийстве Сенге, отстаивал свое право собирать ясак с населения, бывшего когда-то кыштымами ойратских владетельных князей, добавляя при этом, что не имеет ничего против того, чтобы и русские власти получали с этого населения ясак. В одной из своих отписок Сумароков докладывал Сибирскому приказу: «В прошлом, государь, в 175 (1667 г. — И. З.) году приходил калмыцкой Сенга-тайша с воинскими людьми на мунгальского царя Лоджана-Сайн-кон-тайшу и его де, Лоджана, взял и людей его побил. И на той Лоджанове земле Сенга-тайша оставил дву тайш своих Донжина Кожецю да Абахан-хан, а воинских людей, калмыков, с ними оставил 5000, и стояли те тайши за рекою Кемчюгом. И в нынешнем, государь, во 180 (1672 г. — И. З.) году перелезли реку Кемчюк те тайши с воинскими людьми и стали по сю сторону реки, от киргиской земли во шти днищах... И до нынешнего, государь, 180 года те тайши Донжи Кожечи и Абахан-хан в Красноярской посланцев своих не присылавали, а в нынешнем, государь, во 180 году те тайши присылали трижды в разных месяцах посланцов своих, и те их посланцы двои говорили речью, а тре[тей] посланец подал мне на съезде двора Донжина Кожечи письмо... в письме написано и речью говорили то ж мне, холопу твоему, чтоб Донжину Кожецю и Абахану подгородные татаровя качинцы и аринцы, и камасинцы, и канские, и со всех земель тайшам дали ясак» [20, стб. 623, л. 451—452]. В противном случае эти военачальники угрожали применить оружие. Документы этих лет подтверждают, что в начале правления Галдана вопрос о сборе ясака оставался столь же острым, как и в конце правления его предшественника — Сенге. Домогательства ойратских правителей, подкрепленные мощью 5-тысячного войска, привели к фактическому сокращению ясачных поступлений в русскую казну. Осенью 1672 г. новый красноярский воевода Хрущов докладывал, что к нему прибыл посол от тайши Донжина, вручивший письмо от Кегеня (т. е. Галдана) с извещением об отправке купеческого каравана. Посол говорил также, что «контаяша Кегень пришел со своей земли на мунгальскую землю с калмыцкими людьми и стал де на Кемчюге реке от Красноярского в 10 днищах, и стоять де

ему тут и зимовать... И то де знатно, что им, калмыцким тайшам, с киргизы и с тубинцы приходить под Красноярской острог и на уезды войною, потому что присылают они, тайши, посланцов своих безпрестанно, чтоб ясашные люди качинцы и аринцы, и канские, и камасинские, и удинские им, тайшам, ясак платили» [20, стб. 623, л. 455—456].

Летом 1673 г. из Красноярска вновь писали, что туда прибыл от «кеген-кутухты» посол Мыш, который заявил воеводе, что «Кеген учинился на Сенгино место и пришел со всеми своими воинскими людьми на Мугальскую землю, где стоял Лоджан, а воинских де людей с ним 10 тысяч. Да посланец же де говорил Алексею: которые ясачные люди ясак платят великому государю в Красноярской и те б люди ясак платили ему, Кегеню. А буде платить не станут, и Кегень будет под Красноярском войною» [20, стб. 623, л. 568]. Из этого документа видно, что осенью 1673 г. Галдан покинул берега Или и перебрался в верховья Енисея, откуда продолжал поддерживать отношения с сибирскими властями, претендуя на право сбора ясака с местного населения, не возражая в то же время против того, чтобы и русская казна взимала с этого населения свой ясак.

Русские власти опасались, что Галдан сконцентрирует войска в пограничной зоне, чтобы вторгнуться в русские пределы и силой оружия решить вопрос о ясаке в свою пользу. Но эти опасения были неосновательны. Галдан не хотел войны с Россией. Напротив, он искал возможности договориться с русскими властями, предлагал узаконить двоеданнычество, т. е. право обеих сторон собирать в свою пользу ясак с бывших ойратских кыштымов, перешедших в подданство России. В декабре 1672 г. в Тобольск вернулся И. Карвацкий, который годом раньше был отправлен для сопровождения на родину посла Сенге, Неуруса, возвращавшегося из Москвы, а также для вручения царского жалования хану Джунгарии. И. Карвацкий доложил, что Сенге был убит до их приезда и что жалование, ему предназначавшееся, было передано Галдану. «И Гаган-тайша ваших, великих государей, жалование принял чесно» [20, стб. 623, л. 515]. Галдан просил, чтобы ему были возвращены подданные, откочевавшие в прошлые годы от ойратских князей в пределы России. Он жаловался также на то, что сибирские власти не желают пропустить в Москву его посла Девлет Шиха, несмотря на его службу русскому царю и помощь, оказанную им Сеиткулу Аблину. «Да он же говорил: будет де ево, Девлетшиха, и прежних посланцов Зайсана и Чадыра к вам, великим государям, к Москве с листы и с подарки не отпустят, и впредь де вашим государевым послом, кто будет к тайше их посланы, и которые приедут для торгу, быть задержанным» [20, стб. 623, л. 517].

Москва приказала не задерживать послов Галдана и отправить их в столицу. В Посольском приказе они жаловались: «Приехали де они в Тобольск в прошлом во 179 (1671 г. — И. З.) годе и в Тобольску де боярин и воевода князь Иван Борисович Репнин

с товарищи держали их 3 года» [20, стб. 623, л. 548]. 1 августа 1673 г. послы вручили Посольскому приказу в Москве два письма от Галдана. В одном из них было написано: «Род де их издавна прежним великим государем царем и великим князем Российским служили и послов своих безпрестанно присылали. И он, тайша, последствуя предком своим, к великому государю посла своего Зайсана послал о том, чтоб великий государь пожаловал его, не велел сибирским боярам и воеводам людям ево никаких налог чинить, чтоб о том в иных государствах ведомо не было». Во втором письме Галдан писал: «После де смерти брата ево, Сенги-тайши, учинился тайшей он, Галдан-тайша, и послал к великому государю посланника своего Зайсана, и ево вскоре к Москве не отпустили и учинили задержание в Сибири. И как ему о том учинилось ведомо, и он послал к великому государю другого своего посланника Иркебека проведать подлинно о Зайсане и от кого задержание ему учинилось» [20, стб. 623, л. 547].

Мы располагаем весьма скудными данными об этом посольстве. Отсутствие материалов не позволяет проследить ход и результаты переговоров между послами Галдана и правительством России. В одном из документов дается, однако, более подробное изложение писем Галдана и речей его послов. Так, в первом письме Галдан сообщал, что при его брате, Сенге, царские люди взимали ясак с его подданных. Сенге по этому поводу посылал в Москву послов, но безрезультатно. Теперь место Сенге занял он, Галдан, который также послал одного посла, но его в Москву не пропустили. Узнав об этом, Галдан направил нового посла.

В другом письме Галдана говорилось, что калмыцкий народ прежде служил русским царям; сейчас Галдан отправляет своего посла изложить царю обиды, которые чинились русскими властями хану Сенге в сборе ясака, и выяснить, знает ли об этом царь. «А их де люди,— писал Галдан,— живут блиско от Тобольска и к службе великого государя всегда готовы». О прочих делах Галдан поручил послу говорить устно. Речь джунгарского посла сводилась к тому, что дед, отец и брат Галдана служили русским царям, что место Сенге занял Галдан, который до этого был хутухтой, и что он существенно помог Сеиткулу Аблину, который проезжал через его владения. Аблай-тайджи дал Аблину провожатых до Китая, а Галдан послал туда же и своего представителя. Вскоре, однако, на улус Аблая напал его старший брат Очирту-Цецен-хан. Узнав об этом, сопровождавшие Сеиткула люди Аблая пришли в большое смутение. Тогда представитель Галдана, Зайсан, «видя их в такой опасности, покинул людей своих, ездил с ними для людей и для подвод под государеву казну к тайше своему. И тайша де, служа великому государю, людей с ними в провожатых посылал и подводы дал. А он де, Зайсан, великого государя с казной и с Сеиткулом ехал вместе до китайского государства, а ис китайского государства до Тобольска» [20, стб. 623, л. 105—107]. Оттуда Аблин поехал в Москву, а Зайсана воеводы более трех лет держали в Тобольске.

Версия о помощи, оказанной Галданом Аблину, не вполне совпадает с докладом самого Аблина [17, 1673, д. 2, л. 67—68] и является, вероятно, преувеличением. Но слова посла сами по себе представляют интерес, свидетельствуя о стремлении Галдана заслужить расположение Москвы, а также о новой войне между Очирту-Цецен-ханом и Аблаем в 1668—1671 гг.

Что касается письма Цэван-Рабдана, то оно целиком повторяло содержание писем Галдана. Новым в нем было лишь напоминание о 60 семьях «белых калмыков», плативших его отцу Сенге ясак, но потом изменивших и бежавших к Томску. Эти люди при жизни Сенге не были возвращены. Цэван-Рабдан просил вернуть ему перебежчиков.

Данный документ свидетельствует о том, что Цэван-Рабдан в первые годы правления Галдана сотрудничал с ним и поддерживал его. Разрыв произошел позже.

Москва ответила на просьбу Галдана о ясаке довольно решительно. Его послам, приглашенным в октябре 1673 г. в Посольский приказ, было разъяснено, что русские подданные не могут платить ясак Галдану. «А он, тайша, подданный царского величества, и он бы, тайша, ясаку с них не имал и тем на себя гневу царского не наводил». Послам также сказали, что царю известно о перековке Галдана со всем его улусом со старых кочевьев в киргизскую землю и о намерении Рабдана объединиться с киргизами и тубинцами для нападения на Томск, Кузнецк и Красноярск; пусть послы, вернувшись домой, скажут своим тайшам, чтобы те жили с русскими людьми в мире. Одновременно в Сибирь был послан указ, повелевавший направить к Галдану «доброе» посольство с письмом и дарами, а также пропускать впредь его послов в Москву без задержки, если он будет о том просить [17, 1673, д. 2, л. 110, 113, 114, 116, 119].

В начале 1674 г. в Москву прибыло многочисленное посольство от Очирту-Цецен-хана, от Чохур-убаши, их сыновей и других родственников. Материалы посольства дают основания утверждать, что конфликт между Галданом и указанными владетельными князьями возник раньше, чем обозначился разрыв с Цэван-Рабданом. В феврале 1674 г. послы вручили в Посольском приказе письма от своих правителей. Чохур-убаши в письме жаловался, что во время его поездки на богомолье в Тибет на его улус напал Галдан, которого он именует расстригой-хутухтой. Он писал: «[Галдан] землю мою с пашнями и с людьми разорил... земля моя совсем разорена, а я в своей земле был старожилец» [17, 1673, д. 2, л. 52]. Из письма видно, что Галдан напал на улус Чохура не раньше осени 1671 г. и не позже лета 1673 г. Мы не знаем, что явилось причиной конфликта между Галданом и его старым дядей, но факт совместного посольства хошуутского Очирту-Цецен-хана и чоросского Чохур-убаши свидетельствует о том, что симпатии Цецен-хана были на стороне Чохура, а не Галдана. Можно думать, что их объединяла одинаковая оценка деятельности Галдана. В пользу этого предположения говорят факты.

Посольство 1673 г. положило начало новой полосе оживленных дипломатических отношений между Джунгарским ханством и Русским государством. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что в 1671—1680 гг. от Галдана в города Сибири и в Москву было направлено не менее шести посольств, к нему же из сибирских городов и из Москвы — не менее четырех.

Русские власти, заинтересованные в ликвидации напряженного положения в пограничной зоне, принимали меры к тому, чтобы не допускать возникновения инцидентов по вине русской стороны. Характерен случай, упомянутый в русских архивных материалах. В августе 1678 г. тарский воевода направил к Галдану боярского сына Петра Романовского сообщить о набеге на ойратские улусы местных ясачных жителей, «чтобы тайши об таких чиненных набегах от тарских татар не гневались... те воры пойманы и наказаны» [16, л. 329].

Не менее характерен и другой случай. Местные сибирские власти не раз жаловались Москве, что послы ойратских владетельных князей, освобожденные от таможенного досмотра и пошлин, злоупотребляют этой льготой, чем наносят ущерб казне [20, стб. 623, л. 480]. Учитывая это обстоятельство, но не желая в то же время давать повод для обострения отношений, тобольские власти еще в 1670 г. издали распоряжение об обязательном осмотре товаров, привозимых ойратскими послами, и взимании пошлин «по гривне с рубля, по гривне с коня и коровы, по 5 копеек с овцы» [16, л. 306], но не с ойратов, а с русских купцов, покупающих у них товары.

В 1678 г. в Тобольск прибыло от Галдана посольство во главе с Себевди-ходжой и Шара-Мергеном. Вместе с ними из Джунгарии пришел купеческий караван. Послы вручили воеводе письмо Галдана, в котором тот писал о своем стремлении, «чтоб пограничный соседственный союз держать и задоров на границах не было». По просьбе Галдана Себевди-ходжа был направлен в Москву в сопровождении Г. Вакулина.

Себевди-ходжа в июле 1679 г. был принят дьяками Посольского приказа. Он заявил, что «Галдан-тайша с людьми царского величества ссор никаких не желает, для того и его, посланца, к великому государю послал бить челом, чтоб про то разыскать, кому от кого обиды чинят» [20, стб. 709, л. 126—127]. В заключение Себевди-ходжа сообщил, что улус Очирту-Цецен-хана перешел к Галдану.

Свою готовность устранить препятствия, мешавшие налаживанию добрососедских отношений с Россией, Галдан продемонстрировал вскоре после возвращения к нему Себевди-ходжи. В июне 1680 г. он направил в Кузнецк посла с заданием выяснить, кто повинен в имевших место инцидентах. В беседе с кузнецким воеводой Давыдовым посол заявил, что Галдан хочет довести до конца расследование, выявить виновных и наказать их. Удалось установить, что виновником инцидентов в районе Кузнецка был киргизский князь Ереняк [20, стб. 709, л. 178].

Русские архивные материалы позволяют выяснить общее направление политики Галдана по отношению к России в первое десятилетие его правления, равно как и некоторые важные события внутренней жизни Джунгарского ханства в эти годы. Энергично отстаивая вначале права ойратских феодалов на их бывшие кыштымы и на сбор с них ясака, подкрепляя иногда требования угрозой применить оружие, Галдан постепенно смягчал свою позицию по спорным вопросам, добиваясь, чем дальше, тем более настойчиво, налаживания добрососедских отношений с Русским государством. Эта задача с течением времени становилась основной целью его внешней политики на северных рубежах Джунгарского ханства. Русские источники за указанные десять лет не регистрировали ни одного вооруженного столкновения с ойратскими войсками, предпринятого по инициативе хана Джунгарии. Если Сенге считал задачу возвращения кыштымов и беспрепятственного сбора с них ясака главной целью своей внешней политики и готов был ради них пойти на любое обострение отношений с Россией, то Галдан готов был пожертвовать и кыштымами и ясаком, лишь бы укрепить дружественные отношения с этой страной. Впоследствии он будет настойчиво добиваться военного союза с ней.

Что касается внутренней политики Джунгарского ханства, то в первые годы своего правления Галдан сотрудничал с прямым наследником Сенге — Цэван-Рабданом. В числе первых жертв деспотизма Галдана был его родной дядя Чохур-убаши, на улус которого он напал в промежутке между осенью 1671 и летом 1673 г.; к 1678 г. он расправился с Очирту-Цецен-ханом и подчинил себе его владение.

В 1677 г. Галдан вступил в непосредственные отношения с цинским правительством. Он отправил в Пекин посольство «с данью и грамотой», принятое там с большими почестями. Об этом посольстве сохранились сведения в китайских источниках. Там же имеется материал об ойратах и о Галдане. Так, об ойратах сообщается следующее: «А хотя живут они по разным местам и потому имеют разные названия, то, однако ж, произошли они от одного поколения». Это поколение источник называет «элэт» или «элут», т. е. «ойрат» [85, л. 11]. О Галдане рассказывается, что он «во младенчестве своем, оставя свой дом, к Далай-ламе ушел и там духовный чин ламства принял... Между его братьями, которые родились от другой жены его отца, а именно Чечень и Батур, называемых, с помянутым его большим братом Сенге, в разделе имения и пожитков великая ссора произошла, по которой сего законного наследника оные Чечень и Батур ночью нечаянным нападением убили, и все его владение привели в такой великий мятеж, что Далай-лама обратно Галдана для успокоения сего мятежу и подданных послать принужден был» [85, л. 12—13].

Эта длинная выдержка приведена, чтобы показать, что авторы источника отметили географическую и политическую, но отнюдь не этническую основу разделения ойратского населения на отдельные владения. Это во-первых. И во-вторых, чтобы подчеркнуть тот

факт, что далай-лама специально отправил Галдана в Джунгарию после смерти Сенге для наведения там порядка.

Выше мы приводили сообщение одного из русских документов о том, что убийство Сенге повлекло за собой бегство простых ойратов из ханства. Мы склонны думать, что за этим лаконичным указанием скрывается довольно широкое и бурное движение ойратского населения, которое искало спасения от бед, приносимых междоусобными войнами князей. Возможно, что, отправляя Галдана в Джунгарию, далай-лама поручил ему не только навести порядок среди князей, но и подавить сопротивление аратов.

В пользу этого предположения говорит тот факт, что Галдан в 1678 г., вскоре после прихода к власти, обнародовал указ, имевший целью навести жесткий административный порядок в ханстве, укрепить крепостнические отношения, запретить свободное передвижение населения по территории ханства и т. д. Указ повелевал: «Десятью кибитками должен заведовать один, и заведующий должен иметь свои 10 кибиток в распоряжении; об учинении воровства (десятский) должен объявить, если не объявит, то обрубить ему руки, а других его (людей) заковать в железо... Вообще людей, ходящих по чужим хошунам и между собой смешавшихся, должны собирать; если они без отоков (не входят в состав отока), то водворяются в отоки, если они без аймаков, то водворяются в аймаки» [60, с. 58]².

Другой пункт указа гласил: «Если какие-либо люди, живущие в определенном им отоке, переменят (местожительство), то за людей целого аймака с управляющего им (аймаком) должно взять девяток (девять голов скота.— И. З.). Кто, не послушавшись слов управляющего (аймаком), отделится от своего аймака и переменит (местопребывание), с того взять девяток. Кто скрывающегося из своего отока или аймака человека доставит в его аймак, тот имеет получить с управляющего им (аймаком) лошадь, с других же столько баранов, сколько было (в аймаке) юрт... Кто, поймав перебежчика, доставит его к князю, тот имеет получить» определенное вознаграждение [60, с. 59].

Указ требовал от владетельных князей твердого руководства деятельностью подчиненных им *дэмчи* (старший над четырьмя десятками аратских семей), обязывая их неуклонно наблюдать за поведением аратов, за выполнением распоряжений властей, бороться против бродяжничества, организовывать помощь не имеющим средств к существованию и т. д.

Заслуживает внимания статья указа о долгах и расчетах по ним. «Долги, (взятые) ранее года лошади (1654 г.), касающиеся Батур-хунгайджия, оставляются (т. е. аннулируются.— И. З.); но следующие за тем долги, если сделаны при свидетелях, должны быть взысканы, а если сделаны без свидетелей, то оставляются (т. е. не взыскиваются.— И. З.)» [60, с. 58].

Как видим, указ Галдана охватывает широкий круг административных вопросов, а также социальных отношений внутри ойратского общества. Основная идея указа — укрепление феодально-

го правопорядка и прерогатив центральной ханской власти. Время его опубликования точно неизвестно, но, по данным К. Голстунского, он обнародован не позже 1678 г., т. е. в тот именно период, когда главной задачей было «наведение порядка» в ханстве. Мы вправе рассматривать указ как прямое и непосредственное следствие того «беспорядка», устранить который он был призван, т. е. сопротивления владетельных князей центральной ханской власти, неподчинения аратов владетельным князьям, посягательства на собственность феодалов, именуемого в указе «воровством», ослабления крепостнических привилегий князей и т. п. И Галдан оправдал надежды, возлагавшиеся на него ойратскими феодалами и церковью. Он твердой рукой подавил «беспорядки», укрепил центральную власть и, сломив сопротивление своих главных противников — Чохур-убаши и Очирту-Цецен-хана, превратился в единовластного правителя ханства.

В 1678 г. Галдан овладел Восточным Туркестаном. Нет необходимости подробно излагать причины, обусловившие присоединение этого богатого и культурного края к Джунгарскому ханству. Они подробно освещены в трудах Ч. Валиханова и В. Бартольда, в распоряжении которых были оригинальные и вполне достоверные источники. Отметим лишь, что подчинение мусульманских владений Восточного Туркестана хану Джунгарии явилось результатом, с одной стороны, внутренней борьбы в этих владениях, с другой — вмешательства ламаистской церкви. «Кашгарский хан Измаил, — писал Ч. Валиханов, — ревностный черноморец, принудил Аппака оставить свое отечество; ходжа пробрался в Кашмир и оттуда в Тибет, представился Далай-ламе и успел так ему понравиться, что тот отправил его к Джунгарскому хон-тай-дзи Галдану с письмом, в котором просил его, Галдана, утвердить Аппака в Кашгаре и Еркенде. Галдан, пользуясь этим случаем, в 1678 г. покорил Малую Бухарию и сделал Аппака своим наместником» [45, с. 35—36].

Примерно то же говорит об этих событиях и В. Бартольд (см. [33, с. 250]), отметивший расхождения в источниках и литературе относительно датировки указанных событий. По одним данным, они произошли в 1678 г., по другим — в 1679 г., по третьим — в 1682 г., по четвертым — в 1683 г. Учитывая, что в начале 80-х годов Галдан уже был полностью занят делами Халхи, следует думать, что подчинение Восточного Туркестана было им осуществлено в 1678—1679 гг.

К этому же времени завершилась и борьба между Галданом и Очирту-Цецен-ханом. В августе 1678 г. цинские власти провинции Ганьсу допрашивали Дархан-хасиха, одного из подданных Очирту-Цецен-хана, попавшего в плен к Галдану и затем бежавшего. «Оной Дархан-хасиха сказывал им, что как Галдан убил их владельца Очирту-хана, то он второй луны сего году своим зажиточным людям приказал взять по 10 лошадей, по 3 верблюда и по 10 баранов, а скудным и не весьма зажиточным — по 5 лошадей, по 1 верблуду и по 5 баранов и с тем своим войском из своей

земли в поход выступил. А куда он намерен идти, того он, Дархан-хасиха, подлинно не знает» [85, с. 40—41].

Свидетельство Дархан-хасиха позволяет точно установить, что разгром Очирту-Цецен-хана произошел в конце 1676 — начале 1677 г. Оно интересно тем, что раскрывает особенности организации войск Галдана, а также источники его содержания. Это бремя легло на плечи простых ойратов. Мало того, что они по воле своих правителей выступили в поход и сражались за чуждые им интересы ханов и князей, они должны были обеспечивать воинов лошадьми и продовольствием.

Разгром Чохур-убаши и Очирту-Цецен-хана окончательно связал руки Галдану, превратил его в единственного «первенствующего» члена ойратского чулгана. Но победа далась Галдану не легко. Некоторые владетельные князья, опасаясь нового хана Джунгарии, предпочли покинуть родные кочевья и уйти на Волгу или в Кукунор, где к этому времени окрепли ойратские ханства, во главе которых стояли потомки Хо-Урлюка и Гуши-хана. Так, в 1672 г. на Волгу прикочевали хошоутский Хундулен-убаши и дербэтский Соном-Церен-тайджи со своими улусами. В 1678 г. туда же прибыла Доржи-Рабдан, жена Очирту-Цецен-хана, и родная сестра Аюка-хана, правителя Калмыцкого ханства на Волге. Галдан потребовал, чтобы Аюка вернул бежавших, но он не подчинился. Вопрос о беглецах стал яблоком раздора между Галданом и Аюкой, их отношения резко ухудшились. В 1687 г. Аюка писал русским властям, «что Бушухтухан с ним в войне... А наперед де сего тот Бушухтухан жил с ним, Аюкаем, в миру. А ныне де прислал к нему, Аюкаю, он, Бушухтухан, посланцев своих для того, что наперед де ево, Аюкаевы, люди отбегали к нему, Бушухтухану, а ныне де от него, Бушухтухана, его владения люди пришли к нему, Аюкаю, кочевать... И Аюкай де тайша тех ево, Бушухтухановых, людей от себя отпускает, и те Бушухтухановы люди не идут... И ныне де тот Бушухтухан хочет идти на него, Аюкаю, войною» [13, 1687, д. 5, л. 4—5].

Что касается сыновей и вассалов Очирту-Цецен-хана, то многие из них устремились на восток, в районы Кукунора. Так, внук Очирту-Цецен-хана, Лубсан-Гомбо, который в августе 1682 г. доносил в Пекин, «что его дед и отец из имений своих лучшие вещи его величеству в дань посылали, но, после того как у них, элетов, произошло великое междоусобное кровопролитие, то он к Далай-ламе откочевать принужден был. А понеже ныне оной мятеж уже несколько утих, то просит он, дабы его величество... около горы Алак-Алинь кочевать позволил» [85, л. 86]. В маньчжурском источнике неоднократно говорится об ойратском князе Батур-джинуне (или Батур-Эрхе-джинуне) сыне (или внуке) Очирту-Цецен-хана, также просившем у императора Сюань Е убежища. Первое упоминание о Батур-джинуне относится к 1677 г., когда власти провинции Ганьсу доносили в Пекин, что он называет себя сыном Очирту-Цецен-хана, что он потерпел поражение от Галдана, прибыл с остатками своего улуса к границам империи и просит дать

ему землю для кочевания. Затем выяснилось, что Батур-джинун совершил нападение на одно из монгольских владений и разграбил его. В связи с этим Сюань Е в начале 1684 г. издал следующий указ: «Когда Галдан победил Очирту-хана, то Батур-Эрхе-джинун с товарищи, оставя свою землю, прибежал к нашим границам и пограбил моуминганов и уратов, за что по всему праву подлежал он конечному истреблению. Но понеже как он, так и прочие были подданные Очирту-хана, который нам из рода в род... дань приносил... чего ради мы вину ему отпустили. Что же касается до Лобдзан-Гумбу-Арабтана, то и он также доводится Очирту-хану внуком, а Батур-Эрхе-джинуну братом» [85, л. 124—125]. Сюань Е распорядился дать им место для кочевания, титулы и золотые печати.

Защиты у Цинской династии просили и потомки Чохур-убаши. В конце 1684 г. к Сюань Е обратились Ханьду-тайджи и служитель его Эрдэни-хошоуци с письмом: «Во время того несчастия, — сказано в письме, — как нашему элетскому роду приключилось великое разорение, Галдан деда моего Чухур-убашия поймал, а отца моего Бандия живота лишил. В которое время был я, всенижайший раб, от рождения моего только 13 лет. И служитель мой Эрдэни-хошоуци взял меня и бегом живот мой спас» [85, л. 118]. Эрдэни-хошоуци, в свою очередь, писал: «Мои два государя нояна: один будет Галдану дядя, а другой — меньшой брат, которых Галдан без всякие вины одного в полон взял, а другого живота лишил. И как он меня моих государей лишил, то мне служить ему, Галдану, весьма противно показалось. Для того я, пограбя его пограничные земли, в здешнюю сторону побежал» [85, л. 119]. Сюань Е простил Ханьду-тайджи его набеги и выделил ему территорию для кочевания.

Между тем посол Галдана в Пекине Ботой-Элету, прибывший туда летом 1677 г., заявил властям, что не может возвратиться на родину, ибо, когда он выезжал из Джунгарии, Очирту-хан и халхаский Тушету-хан выступили против Галдана. Сейчас он узнал от купцов, прибывших из Куку-хото, что халхаский тайджи Церен-Даши с отрядом в 300 воинов поджидает его на дороге. Ботой-Элету просил разрешения остаться на некоторое время в Пекине [85, л. 20]. Если учесть, что Ботой-Элету потратил на проезд в Пекин не менее шести месяцев, можно заключить, что нападение Тушету-хана и Очирту-Цецен-хана на Галдана произошло в конце 1676 г.

Весной 1678 г. в Пекине были получены сведения, что Галдан готовится к выступлению против кукунорских правителей. Учитывая, что военные действия могут проходить недалеко от границ Китая, Сюань Е издал указ, гласивший: «Ежели Галдан пойдет воевать хухунорских элетов дальнею дороною, т. е. через гобийскую степь, Дабасату-гоби называемую, то дать ему волю. А ежели он примет намерение, чтоб ему идти ближнею дороною через местечко Сира-Тала и станет показываться у наших границ, то генералу Джан Юну (Чжан Юну. — И. З.)... взяв с него с крепким

обязательством... чтоб он нашим подданным никакой обиды и утеснения не чинил, пропустить его с войском под крепким конвоем нашего войска» [85, л. 32—33]. В этом эпизоде отчетливо проявилось стремление правительства Цинской династии уклониться от конфликта с Галданом и сохранить нейтралитет в его борьбе с правителями Кукунора.

Между тем пекинские власти выяснили, что тангуты (народность фань), обитавшие в окрестностях г. Ганьчжоу, при жизни Сенге платили ему дань, а теперь платят Галдану. Осенью 1678 г. Галдан прислал к старшинам фаней посла с предложением явиться на совет в местность Тоул. Цинские власти выяснили также, «что Галдану из мунгал, кочующих в соседстве его земли, многие покорились, а некоторые из покорившихся и опять от него отстали, и что прежде Галдан намерен был идти с кукунорским владельцем, но затем он отложил сие намерение, что не все его люди были в том согласны» [85, л. 42].

О том, что Галдан стремился захватить Кукунор, свидетельствует его письмо Чжан Юну, полученное последним в августе 1679 г. Излагая содержание этого письма, Чжан Юн докладывал в Пекин: «Галдан давно намерен был послать ко мне людей, но за препятствием некоторых дел, случившихся в дороге, того своего намерения исполнить не мог. А ныне нарочно прислал он с ним, джайсаном, при своем поклоне в подарок 3 лошадей и 1 соболем шубу. И что Галдан северо-западную сторону без остатку всю под свое владение достал. Но только хухунорскою землею, которую их деды обеих сторон обще завоевали, владеют ныне одни хухунорцы. И хотя имеет он намерение из оной земли свою часть взять, то однако же сего дела того ради начать не смеет, что здешние земли состоят под моею командой» [85, л. 53—54].

Так постепенно вырисовывается весь план действий Галдана, стремившегося создать объединенное монгольское государство под эгидой далай-ламы. Укрепив свою власть в Джунгарском ханстве, обезопасив тыл соответствующей политикой по отношению к России и перебросив ханскую ставку на территорию бывшего алтынхановского владения — поближе к театру будущих операций, Галдан развернул активную работу среди владетельных князей Западной Халхи и начал подготовку к захвату Кукунора. Он не скрывал своих намерений, мотивируя их тем, что его отец Батур-хунтайжди вместе с Гуши-ханом воевал за овладение краем. Пытаясь по возможности обосноваться в Кукуноре мирными средствами, Галдан вступил в родственные связи с его правителями, взяв в жены дочь одного из сыновей Гуши-хана и выдав свою дочь замуж за одного из его внуков. Но планы Галдана в отношении Кукунора не встречали поддержки со стороны преемников Гуши-хана. Они не хотели поступиться своими привилегиями во имя будущего объединенного государства, в котором не им предстояло играть главные роли. Так возник конфликт между Галданом и правителями Кукунора. Невозможность мирным путем разрешить этот конфликт явилась первым серьезным препятствием на пути реали-

зации великодержавных планов ламаистской церкви и Галдана. Даже руководителям церкви в Лхасе не удалось склонить феодалов Кукунора на сторону Галдана, они лишь согласились соблюдать нейтралитет и не вмешиваться в борьбу Галдана за овладение Халхой, а затем в его войну против Цинской династии. Известно, кто и по какой причине удержал Галдана от вооруженного вторжения в Кукунор в 1678 г., но планы такого вторжения говорили о попытке Галдана и тех, кто стоял за его спиной, решить конфликт насильственным путем.

Цинское правительство вело по отношению к Галдану и Джунгарскому ханству весьма осторожную политику, избегая каких-либо осложнений и принимая в то же время меры к отражению возможной угрозы интересам династии. Когда летом 1679 г. Чжан Юн доложил Пекину, что Галдан, отказавшись от похода в Кукунор, отправил 30-тысячный корпус для завоевания Турфана, Сюань Е издал указ: «А понеже Галдан, как уже известно есть, человек беспокойный и суров, а притом силен войском и богат скотом, то сего дела оставить без надлежащих предосторожностей не должно, хотя его земля от наших городов Ганджоу и Суджоу и весьма в дальнее состоит расстояние» [85, л. 52].

В это же время из Пекина к Галдану выехал представитель цинского императора Китат, который летом 1683 г. представил правительству отчет о своей поездке. По сообщению Китата, Галдан, узнав о приезде посла, сказал, «что он прибытие таких послов, которые никогда в земле элетской не бывали, с великой радостью слышит» [85, л. 93]. Характерны некоторые подробности переговоров о процедуре приема цинского посла правителем Джунгарии, который предложил руководствоваться правилами, принятыми в Пекине, где «принимают коллежские господа, а потом докладывают его величеству... А у них (т. е. в Джунгарии. — И. З.), — писал Китат, — хотя коллежского и канцелярского учреждения не имеется, то однако ж вместо того имеются учрежденные джайсаны, которые ту же самую должность, что и наши коллеги, отправить могут, и тако нашему обыкновению противно быть не может».

28 декабря 1683 г. Китат был принят Галданом, проявившим большой интерес к недавним восстаниям против Цинской династии. Он спросил: «Правда ли то, как слышал он, что в государстве были великие бунтовщики и по некотором времени оные вкопец истреблены?» На это Китат ответил, что «прежде сего в нашем государстве бунтовщики подлинно были. Однако его величество... из бунтовщиков иных добровольно, а некоторых оружием смирил. Однако ныне бунтовщики уже все совершенно успокоены и искоренены, и что ежели бы земля, в которой засели бунтовщики, положением места такова была, какова есть их пространная степь, то б долговременного труда не требовалось».

В конце января 1683 г. Китат выехал на родину. Вместе с ним Галдан отправил в Пекин своих послов с дарами, в числе которых были 400 лошадей, 60 верблюдов, 300 соболей, 500 горностаев и т. п. [85, л. 96—97].

Материалы посольства Китая свидетельствуют о стремлении Галдана произвести впечатление на посланцев Пекина, о его желании внушить им представление о Джунгарском ханстве как о могущественном и богатом государстве, правитель которого вполне равен правителю Китая. Важно отметить, что пекинский посол на этот раз не оказывал противодействия претензии Галдана на равенство с императором Китая. Можно думать, что он действовал в соответствии с полученными им в Пекине инструкциями. Во всяком случае, у нас нет данных о том, что его поведение в ставке джунгарского хана было в Пекине осуждено.

Подтверждение сказанному мы находим в эпизоде, связанном с пожалованием Галдану почетного титула Бошокту-хан (т. е. благословенный правитель). В сентябре 1679 г. Галдан письменно уведомил Пекин о том «что он от Далай-ламы пожалован в достоинство ханства с титулом Бошокту-хана» [85, л. 57]. Это уведомление смутило правительственные органы Цинской династии. Палата внешних сношений, исследовав вопрос, установила, что «никогда такого примеру не бывало, чтоб от оных (т. е. от ойратских.— И. З.) владельцев, которые сами собою объявляли себя ханом, присланные дары приняты были», что раньше грамоты на титулы давались Пекином и следовало бы отказаться от приема даров, присланных Галданом, нарушившим порядок и традиции. Но, учитывая, что он прислал дары «от всего своего усердия,—глубокомысленно рассудила палата,—и притом нарочно прислал своего посла о себе объявить, того ради да благоволит ваше величество присланные от него дары всемилостивейше принять» [85, л. 59]. Сюань Е согласился с доводами палаты и принял дары Галдана, молчаливо тем самым признав за ним право на ханский титул, пожалованный далай-ламой.

Столь примирительное в эти годы отношение Пекина к Галдану объясняется напряженной внутренней обстановкой в Китае, где еще не погасло пламя антиманьчжурского восстания, поднятого У Саньгуем (1675—1684), а также началось брожение в Южной Монголии. Во главе недовольных стоял Буринай, правнук чахарского хана Лигдана. Немало тревог и забот вызывали и события в Халхе, о которых мы будем говорить ниже. В этой обстановке пекинское правительство не рискнуло обострять отношений с Джунгарским ханством.

Но независимо от этого пожалование Галдану главой ламаистской церкви титула Бошокту-хан не случайно. Известно, что среди владетельных князей Чоросского дома после Эсен-хана, никто не носил ханского титула. Ханами не были ни Хара-Хула, ни Батурхунтайджи, ни Сенге, не был ханом ни один из правителей Джунгарии после Галдана. Но Галдану, которому в 1679 г. исполнилось 34 года и который лишь 8—9 лет правил Джунгарией, утверждая свое единовластие и беспощадно расправляясь со всеми, кто мешал осуществлению его планов, церковь официально выразила свое одобрение и благоволение, присвоив титул «благословенного хана». Этот факт служит еще одним подтверждением особых от-

ношений, существовавших между церковью и Галданом, который фактически выступал в роли представителя интересов влиятельных лиц, окружавших далай-ламу.

В начале 80-х годов XVII в. внутривосточное положение Цинской империи существенно окрепло. Антиманьчжурские движения были подавлены. Но усилилась опасность подчинения монгольских владений Халхи Галдану, что рассматривалось цинским правительством как явление, чреватое серьезными осложнениями. Следует отметить, что краеугольным камнем политики Цинов по отношению к Монголии была безусловная, бескомпромиссная, решительная борьба против любой возможности политического объединения последней и тем более против объединения Халхи с ойратским государством.

Мы не будем останавливаться на описании известных событий в Халхе, связанных с борьбой за престол во владении Дзасакту-хана. Они положили начало вмешательству Галдана, что в конечном счете и привело к кровавой развязке 1688 г. и к переходу подавляющего большинства халхаских феодалов в фактическое и юридическое подданство Цинской империи. Для нас представляет интерес освещение этих событий официальными историографами Цинской династии, писавшими под непосредственным руководством Сюань Е.

Маньчжурский источник сообщает, что в 1662 г. в дзасактухановском владении Халхи началась борьба претендентов за ханский трон. В ней принял участие Лубсан-тайджи (последний Алтын-хан), но потерпел поражение и бежал под защиту ойратского Галдана³. Но в 1681 г. Галдан выдал Лубсан-тайджи Ценгуню, новому Дзасакту-хану.

О том, как дальше развивались события, мы узнаем из сообщения об отправке указа Сюань Е к далай-ламе в 1684 г. «А прежде сего дважды доносили его величеству правого крыла калкаской владелец Джасакту-хан,—говорилось в указе,—что с самого того времени как владения его величества Элхе-Тайфань (маньчжурское имя Сюань Е.—И. З.) 1 году Лабдан-тайджи взбунтовался, то из его подданных многие перешли в сторону ко владельцам левого крыла. А хотя он о возвращении и многократно требовал, однако ему ни одного человека не возвратили, чего ради принужден он был просить суда у Далай-ламы, по которому его прошению от Далай-ламы во все 7 калкаских знамен послан был Джарпай с таким объявлением, чтоб они все его, Джасакту-хана, содержали в почтении, и оных его подданных, которые во время бунту, разбежавшись, перешли в сторону левого крыла, до последнего человека ему назад возвратили. И как оной Джарпай для того договору учинил съезд, то Тусету-хан на оной съезд не поехал, и что его величеству, как общему их великому государю о сей своей обиде доносил. А ныне его величество ради их многолетних дани, которую они из роду в род с великим почтением и ревностью приносили, не желая видеть их род в великом упадке и разлучении, милостиво рассудил: Ачиту-гелуна послать с своим указом к Да-

лай-ламе, дабы он со своей стороны для примирения оных владельцев посла послал» [85, л. 114—115].

Ациту-телун вернулся в Пекин в декабре того же, 1684 г. с письмом от далай-ламы, в котором говорилось: «Я для примирения калкаских владельцев правого и левого крыла посылал Джарбуна. Но затем он их на съезде примирить не мог, что прежде правое, а потом и левое крыло к миру склонности не показало... Я ныне по силе вашего величества указу отправил от себя Семба-Чембу-кутухту с таким приказом, чтоб он 12 луны в земли калкаских владельцев явился» [85, л. 120—121].

Однако представитель далай-ламы, доехав до г. Куку-хото, умер, что вызвало новое послание Сюань Е к далай-ламе. «Прежде всего,— писал Сюань Е,— подавал нам калкаской владелец Джасакту-хан прошение, что Тусету-хан обещание свое нарушил, подданных ему не возвратил и на съезд для договору не поехал» [85, л. 122]. Император просил далай-ламу направить в Халху вместо умершего Семба-Чемба-хутухты нового представителя. Далай-лама ответил, что посылает Галдан-ширету. Было решено, что Галдан-ширету встретится с послами Сюань Е на границе Халхи и они совместными усилиями попытаются примирить враждующие стороны.

В октябре 1686 г. Галдан-ширету и представитель Сюань Е, Арани, донесли о том, что порученное им дело успешно выполнено. «8 месяца 16 дня,— писали они,— собрав всех калкаских правого и левого крыла ханов, дзинунов, ноянов и тайдзиев, вашего величества высочайший указ объявили, а 22 дня мы оных владельцев опять велели собрать и вашего величества следующий наставительный указ, который мы при отъезде нашем получили, им при всенародном собрании прочитали... И как мы сей вашего величества указ им объявили, то Серен-Ахай-тайдзи с товарищи, став на колени, доносил, что их семь калкаских знамен произошли от одного прародителя, и прежде сего жили они друг с другом во всяком миру и согласии, пока напоследок Лобдзан-тайдзи великой мятеж не произвел, после чего стали они друг у друга подданных таить и у себя удерживать... Однако ж по высочайшему вашему величества указу, оставя ссоры, между ими последует ли мир или нет, то оное состоит в воле их двух ханов... Мы Джасакту-хану и Тусету-хану велели, обнявшись друг друга спросить о здоровье, равным же образом и прочие все тайдзи обоих крылей, друг друга обняв, поздоровались. Той же луны 23 дня от ханов, дзинунов и знатных ноянов и тайдзиев выбрано было искусных и честных джайсан более 60 человек, которые перед ламою Галдан-Ширетум и Джебдзун-Дамба-кутухтоу, повеся образ фуцухин (Будды.— И. З.), клянулись великою клятвою, и потом со обеих сторон те тайдзи и люди, которые доселе у них в разных руках находились, прежним хозяевами возвращены. И тако всякие дела, которые касались решения судом, окончены» [85, л. 148—152] 4.

Как свидетельствуют приведенные документы, цинское правительство было в эти годы действительно озабочено положением

дел в Халхе, где свыше десяти лет длилась острая междоусобная борьба. Следует учесть, что монгольская политика Цинской династии не была неизменной во все времена. Заинтересованные в ослаблении феодальных владений Монголии, Цины в первый период своего правления стремились использовать внутренние противоречия и конфликты, натравливая одного монгольского владельца князя на другого. В начале 80-х годов, когда все более отчетливо стала вырисовываться опасность подчинения Кукунора, Халхи и других частей Монголии быстро усиливавшемуся ойратскому повелителю Галдан-Бошокту-хану, положение изменилось. Ослабление Халхи облегчало осуществление планов Галдана, но не устраивало цинское правительство. И оно стало добиваться прекращения в Халхе междоусобной борьбы.

В это же время начало меняться отношение Пекина и к самому Галдану. Примирительная ранее политика цинского правительства стала более жесткой. Прежде всего это проявилось в вопросе об ойратской торговле на территории Китая, о чем свидетельствует послание Сюань Е к Галдану, отправленное из Пекина в конце 1683 г. «С самого того времени, как между нами пребывающая дружба и согласие соединились,— писал цинский император,— то ты всегда постоянно с крайним усердием, почитая нас, дань нам приносишь. А понеже мы, видя твои толь честные и учтивые поступки, которые ты нам с великой равностью оказывал, всегда тебя похваляли, то прежде сего посылаемых твоих послов без определения числа, всех, до последнего человека, сколько их прислано ни было, на границах наших с торгом пропускали, тогда послы твои приезжали не в великой свите, а притом и никаких от них не порядков не происходило, потому что главные командиры над подчиненными имели доброе и крепкое смотрение. А ныне твои послы, как нам известно есть, иногда более 1000, а иногда и несколько тысяч человек, соединившись, безпрерывно приезжают, а в проезде дорогою у подданных наших мунгал, кочующих за Великою стеною, сильною рукою скот отнимают, а вступивши внутрь нашей земли, ко своему великому своевольству пускают в поля скот и топчут хлеба, вьжут людей, грабят пожитки и чинят великие и несносные обиды и противности... И того ради мы принуждены ныне твоих послов пропускать на границе со определением числа, т. е. впредь послы твои, которые будут иметь за твоею печатью пашпорты, на границе более 200 человек пропущено не будет. А прочим, которые будут при их свите, позволяем торг свой иметь в Джан-Цзя-жоу (Чжанцзякоу.— И. З.) и Хухухото. Да и от тех владельцев, которые без твоих пашпортов сами от себя присылают к нам дань, а именно — от элетского владельца Гарма-Данцин-хошоуция, от хошотского владельца Борокудзи-тайдзи, от дурбетского владельца Алдар-тайдзи, от тургутского владельца Аюки-тайдзи, присылаемых послов свыше 200 человек на границах наших пропущено не будет» [85, л. 108—109].

Мы воспроизвели этот документ почти полностью потому, что он положил начало целой серии посланий Галдана к Сюань Е и

императора к хану по вопросам торговли, а также потому, что он отражает изменение политики Пекина по отношению к Джунгарскому ханству.

Через год, осенью 1684 г., Галдан вновь послал в Китай своего представителя в сопровождении 3 тыс. служителей. Пекинские власти, однако, категорически отказались впустить в пределы страны более 200 человек. В связи с этим Галдан летом 1685 г. прислал Сюань Е письмо, в котором сообщал, что доложил далай-ламе решение Пекина не пропускать в Китай более 200 послов и купцов. «И ежели,— писал он,— подлинно от моих подданных происходят неурядки, то весьма справедливо есть, что ваше величество изволили так указать. Однако я те трактаты, по которым из древних времен четыре элетские рода купечество и торги свои имели, нарушить и уничтожить не могу. И ежели все дела по оным древним трактатам отправляться будут, то, как уповать должно, обоим сторонам не без пользы быть может» [85, л. 125—126].

Мы не знаем, о каких древних трактатах говорил в этом письме Галдан. Известно лишь, что его доводы не изменили позиции Пекина. Решение Сюань Е об ограничении числа ойратских представителей, допускаемых в страну, осталось в силе.

В апреле 1687 г. Галдан прислал в Пекин два новых письма. В одном из них он снова ставил вопрос о разрешении ойратам свободно торговать в Китае, еще раз подчеркивая, что от такой торговли выиграют обе стороны. Но маньчжурское правительство и на этот раз осталось непреклонным. Еще более серьезным было второе письмо Галдана, адресованное сановнику Арани. В нем он обращал внимание министров пекинского правительства на недружелюбное отношение халхаского первосвященника Джебдзун-Дамба-хутухты к представителю далай-ламы Галдан-ширету во время примирительного съезда 1686 г. Напоминая историю раздоров в Халхе, роль в них Тушету-хана, родного брата Джебдзун-Дамба-хутухты, не увенчавшееся успехом посредничество далай-ламы, положительный исход миссии Галдан-ширету, хан писал, что и он приветствует этот результат. Однако его радость по поводу наступившего в Халхе мира омрачается полученными им сведениями о неправильном, оскорбляющем достоинство личного представителя далай-ламы поведении Джебдзун-Дамба-хутухты, который осмелился считать себя равным Галдан-ширету. «А прежде сего,— писал он,— когда были у меня ваши придворные министры, то между прочим сказывали мне, что его величества священного государя намерение в том состоит, что закон есть тех, которые на себе желтые шапки носят, а ламы есть, далай-лама. И потому вам, господа министры, надлежит то делать, что к пользе закона желтых шапок служить может. А понеже мы почитаемся желтых шапок государями олигейства (исповедующих ламаизм.— И. З.), то... что по вашему мнению к пользе священных законов служить может, прошу ко мне обстоятельно отписать» [85, л. 171—172].

В этом документе ясно раскрывается концепция Галдана, вся

его политическая позиция. Считая себя главным представителем далай-ламы и защитником интересов «желтошапочной» церкви, «главным государем олигейства», он вмешивался во все, что, по его мнению, нарушало законы Дзонхавы и ущемляло авторитет далай-ламы. Из письма Галдана видно, что в свое время он излагал эту же концепцию представителям Сюань Е, которые заверили его, что император также стоит на страже интересов «желтошапочной» церкви и далай-ламы. Мы не знаем, в какой мере эта мысль была внушена Галдану самим далай-ламой и другими руководителями церкви в Лхасе, но источники дают все основания полагать, что политика Галдана поддерживалась Лхасой.

В Пекине, однако, решили не отвечать на письмо Галдана. Вскоре Джебдзун-Дамба-хутухта сообщил Сюань Е, что также получил от Галдана письмо, в котором тот писал: «На съезде Курень-Бельцирском весьма то противно законам, что ты себя с ламой Галдан-ширетуем сравнил... А лама Галдан-ширету есть такой лама, который на кровати Дзункабы место имеет и послан был для миротворства главным членом» [85, л. 173].

Пекинские власти и на этот раз решили не вмешиваться: донесение Джебдзун-Дамбы-хутухты, как и письмо Галдана, было оставлено без ответа.

Между тем конфликт между Галданом и халхаским первосвященником разрастался и обострялся. В июне 1687 г. Тушету-хан Чихунь-Доржи представил в Пекин доклад о том, что и он получил от Галдана письмо. В нем Джебдзун-Дамба-хутухта обвинялся в нарушении ламаистских законов, выразившемся в приравнивании себя к личному представителю далай-ламы Галдан-ширету. «А ныне,— писал Тушету-хан,— получил я ведомость, что Галдан посылал своего служителя, Чечень-убаши называемого, для учинения съезду с калхаским правым крылом. А на съезде публично Галданева прамота читана, в которой гласит тако: всем тем людям, которые состоят в правом крыле, Джасакту-ханова повеления не преступать, а кто преступит, то оному, яко противнику, то же учинено будет, что и Лобдзаин-сайн-тайдзию учинено. Также носится слух, что Галдан от гор Алтай-Олинь с южной стороны подвинулся сюда и намерен вступить на местечко Илань-Хегар, на которое местечко для соединения и Джасакту-хан следовать имеет, и что Галдан Декдехый-мырген-ахаю велел к той же стороне откочевать, а с левым крылом не соединяться. А правого крыла ноянам велел он собираться в один корпус и для прикрытия следовать за Джасакту-ханом. И понеже прежнее его письмо весьма жестоко и прозно, а ныне, сколько нам известно есть, против нас войною итти намерен, то мы без надлежащего приуготовления и осторожности остаться не можем... однако и того опасаемся, чтоб первым зачинщиком не быть» [85, л. 174—176].

В ответ на это Тушету-хану от имени Сюань Е рекомендовалось не нарушать мир. В сентябре 1688 г. к владетельным князьям Халхи и Джунгарии обратился Сюань Е с предложением не начинать войну. Тушету-хан и некоторые другие владетельные князья

Халхи представили в Пекин новый доклад, гласивший: «Мы против Галданева письма посылали к нему своих послов, которым объявлял он, что понеже он есть желтых шапок главный государь олигейства, то он восприятого своего намерения во всем отложить не может, но всеми мерами стараться будет о том, чтобы способного случая сыскать, что подтвердили нам как природные наши калкасы, которые находятся в его, элетской, земле, так и сами элеты, которые с нами дружески обходятся, что Галдан к нашим землям подвинулся и идет он против нас войною двумя дорогами и что все наши калкаские князья правого крыла, кроме Джасакту-хана, Дыкдехый-мыргын-ахайя и Дайцин-тайдзия, вооружились и с ним сюда же идут, отчего наши пограничные подданные пришли в великой страх и нас неотступно просили, чтоб мы оружием их защитили. То мы по тому их прошению, вооружившись, навстречу к нему пошли... А Галдан, сколько можно примечать, то намерен он под видом защищения права законов с нами в войну вступить» [85, л. 177—178]. Получив столь тревожную информацию, пекинское правительство решило обратиться к далай-ламе с просьбой о посредничестве в этом новом конфликте. Далай-ламу просили также послать Тусету-хану и Галдану новые указы с предложением сохранять мир.

О дальнейшем развитии событий рассказывал в Пекине в июне 1688 г. посол Джебдзун-Дамба-хутухты, прибывший с поручением доложить о крайне тяжелом положении халхаского первосвященника. «Прошлого году,— говорил посол,— Галдан, собрав своего войска до 30 000 человек, разными дорогами шел против калков и потом Джасакту-хана, Дыкдехый-мергын-ахайя и Дармасири-нояна на свою сторону склонивши, взбунтовал. А как о сем их бунте Тусету-хану известись учинилось, то он за ними в погоню побежал и, догнавши их, объявил им, что третьего году (т. е. в 1686 г.— И. З.) семь калкаских знамен уже примирены и что потому им бунту чинить не надлежит, и оных трех калкаских владельцев вооруженною рукою назад возвратил. После чего Галдановы меньшие братья, а имянно — Дордзиджаб, Гульджан-Гумбу называемые, захватя владельцев правого крыла, а имянно: Банди-Дайцин-тайдзия, Балдан-тайдзия, Бутуксень-кутухту, и пограбя их имущества и скот, к себе повели. Однако Тусету-хан, увидавши о том, их догнал и Дордзиджаба убил. Но токмо не мог он найти, куда они отвели Бутуксень-кутухту и Балдан-тайдзия с товарищи. А протчих тайдзиев и их имущества все назад возвратил. А потом, когда Тусету-хан услышал о приближении Галданевом с тремя частями войска, то он с хухунорским владельцем Любдзан-Гумбуем пытал против Галдана и доходил даже до Галданевых кочевых местечек, Кара-Эрцик, Цаган-Эрцик называемых, где он встретил от Далай-ламы посланных послов, которые объявили ему, что ваше величество священный государь... и Далай-лама желает калков с элетами помирить и чтоб он со своим войском назад возвратился, то он, Тусету-хан, потому без всякого прекословия, собрав свое войско, назад возвратился... А ныне Галдан, как оказы-

вают, от северной стороны хангайских гор, пограбя правого крыла владельцев Выйджен-Хатан-батура, Чечен-нояна, Илден-тайдзия, да левого крыла владельца Кундулен-бошоктуя, стоит на местечке Темур, где Тусету-ханов сын, Галдан-тайдзи называемый, с ним баталию имел, однако с уроном ста человек сам с Эрким-дайцином и протчим осьмью человеками едва бегом живот свой спас. И что ныне Дандзун-Омбу, Дандзила и Дугар-Арайтаны взяли городок Эрдени-джоу и оным совершенно овладели, который состоит от моего кочевья в двух днях езды» [85, л. 188—191].

В это же время в Пекин поступило донесение от сановника Арани, направлявшегося через территорию Халхи в Россию, в г. Селенгинск, где его ожидал русский посол Головин. В своем донесении Арани описывал обстановку, которую он застал в Халхе. «А потом я, не доехав за 7 или за 8 дней до кочевья Джебдзун-Дамбы-кутухты,— писал Арани,— получил ведомость, что Галданево войско уже прибыло на местечко Эрдениджоу. Однако я, не веря тому, с одной стороны, для подлинного известия отправил на подводах находящегося при мне... Санданя к Джебдзун-Дамбе-кутухте, а сам, следуя обыкновенным трактом, в пополнение прежнего получил ведомость, что Галданево войско владельцев Выйджен-Хатан-батура и Кундулен-бошокту называемых, совершенно разбило, а Дармасири-нояновых тайдзиев и протчих князков войско в его, Галданеву, волю отдались. И потом, когда пошел он к местечку Эрдени-джоу, то Тусету-ханов сын, Галдан-тайдзи называемый, на его учинил нападение, но претерпя великой урон, с такой скоростью обратился в бегство, что со своими детьми и женою соединиться не успел... А Галданево войско около помянутого местечка Эрдени-дзу, кочующих его владения мунгал всех до последнего человека разграбя, стало при местечке Хара-Джоргонь называемом, которое состоит от Джебдзун-Дамбы-кутухты не далее одного дня езды, чего ради оной кутухта, забрав тусету-хановых детей, жен и невесток, тож своих, сам и бандиер (молодых лам, послушников.— И. З.) до 300 человек, с великой робостью от Галдана на побег пошел, а протчие калки все до последнего человека, оставя войско, свое имение, кибитки, посуду, оружие, лошадей, верблюдов и рогатый скот... бегут к нашим землям... а где сам Тусету-хан обретается, о том никто не знает» [85, л. 193—195].

Дополнительные сведения о событиях в Халхе весной и в начале лета 1688 г. поступили в Пекин от послов цинского правительства, отправленных для участия в похоронах халхаского Цецен-хана Норбо. Они доложили: «Прибыли мы в землю Чечень-ханову, где нам тутошние обыватели объявили, что когда Галданев меньшей брат Дордзиджаб с четырьмястами человек своего войска ехал к ним для того, чтобы ему о состоянии всех калкаских владельцев уведомить, то Тусету-ханов сын, Галдан-тайдзи называемый, на его нападение учинил и его, Дордзиджаба, убил. После чего сам Галдан с войском своим пошел и прежде... Выйджен-Хатан-батура разбил, а потом местечко Эрдени-джоу огнем выжег,

а Тусету-ханов улус пленным учинил. А сам Тусету-хан к реке Онгин называемой убежал. А Джебдзун-Дамба-кутухта... убежал в Чечен-ханову землю на местечко Эгумур называемое с таким намерением, чтоб ему там собрать войско и на помощь к Тусету-хану итти. Но когда увидел он, что и Чечен-хановы люди все разбежались, то он, опасаясь элетов, чтоб его не захватили, от реки Керулен, оборотясь на южную сторону, к нашим сунютским караулам пошел» [85, л. 197—198]. Доклад заканчивается выражением опасения, что смятение, охватившее всю Халху, может перекинуться в районы Внутренней Монголии.

Пекинское правительство, обсудив обстановку, решило пока не впускать халхаских беженцев в районы Внутренней Монголии. Но, исходя из того, что они, как докладывали Сюань Е советники, «от крайнего утеснения, а не добровольно под защищение вашего величества пришли... И того ради сие дело еще отсрочить на один месяц» [85, л. 197—198]. Сюань Е согласился с этим предложением.

В это же время в Пекине было получено новое письмо от Галдана. «Когда Джебдзун-Дамба-кутухта и Тусету-хан, — говорилось в нем, — преступя Далай-ламинские законы, Ширетую достойного почтения по его характеру не отдали... то я для общего благополучия предложил им свое мнение, чтоб тем исправить сию их погрешность, учиненную против законов. Однако они не токмо мое предложение пренебрегли, но и против меня вооружились. Однако я щастием Далай-ламы так благоуспешно против них оборонялся, что и кочевые их совсем опровергнул. А понеже никто их за правых не признает, то им убежать некуда, а хотя к кому и побегут, однако их как уповаются, никто не примет, и за них не вступится» [85, л. 202]. Устно послы Галдана передали следующую его просьбу: «Что ежели Джебдзун-Дамба-кутухта придет в защищение, то б его величество не принимал или б, поймав, ему отдал» [85, л. 203].

Советники Сюань Е, обсудив по его предложению просьбу Галдана, высказались за то, чтобы Джебдзун-Дамба-хутухту, даже если он и вступит в пределы Китая, Галдану не выдавать. Император согласился. По его распоряжению Джебдзун-Дамба-кутухте были посланы для сведения копии писем Галдана и ответов на них пекинского правительства.

Есть все основания полагать, что политика Цинов по отношению к Галдану и его государству к этому времени вполне определилась. Период выжидания и невмешательства закончился. Победа Галдана над халхаскими владетельными князьями ставила Цинскую империю перед возможностью образования объединенного монгольского государства под властью ойратского Галдана-Бошокту-хана и высших иерархов ламаньской церкви. Этого она не могла допустить. Вот почему борьба против Галдана с целью его полного сокрушения превратилась в одну из главных задач цинского правительства.

Началась мобилизация маньчжурских, монгольских и китай-

ских войск, стягивавшихся в район Халхин-Гола, готовились запасы продовольствия и транспортные средства.

Что касается Галдана, то он прилагал усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону владетельных князей Халхи, изолировать Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту, которых считал своими главными врагами, а затем, договорившись с цинским правительством, завершить образование самостоятельного объединенного северомонгольского государства.

О методах, с помощью которых Галдан пытался осуществить эти цели, дает представление доклад маньчжурского сановника Цзинь Дзиня. Он сообщал, что к нему явился Араптаны, сын одного из зайсанов Цецен-хана, и рассказал, что обычно они кочевали по южному берегу Керулена, но «6 месяца 8 числа передняя часть элетского войска, состоящая из нескольких сот человек, нечаянно на них напала... После чего сам Галдан с некоторой частью войска вниз по реке пошел и прислал к его отцу своих людей, чтоб он ехал к нему в лагерь без всякого страха и опасения для взятия от него охранительных грамот. По которому его призыву отец его... принужден был к нему ехать. И как в 4 дни нагнал его на местечке Дойнюк называемом, то Галдан, взяв его перед себя, объявлял ему, что Тусету-хан и Джебдзун-Дамба-кутухта его крайние неприятели и злодеи и того ради он сюда пришел, а до них никакого дела нет. А чтоб никто им обид не чинил, то он, Галдан, давать им будет охранительные грамоты и опять каждого на прежние места отпустит... И потому как он, Дянь-джайсан, со своим родом, так и прочие калки все до последнего человека его подданные стали и чтоб они ему, Галдану, заблаговременно в послушание шли. И ежели ему будут послушны, то в будущем году осенью к нему своих послов прислали... И потом, награда его от... людьми и скотом, назад отпустил» [85, л. 218—219].

В этом же духе была составлена и его охранная грамота. «Галдана-Бошокту-хана, у которого законы в руках состоят, грамота! Дана Чечень-ханова владения большим и малым тайдэням, всем до последнего человека! Прежде сего между нами по имеющемуся дружеству всегда пересылка послами была, которая и поныне постоянно продолжается. А понеже ныне от Джебдзун-Дамбы-кутухты и Тусету-хана произошла великая война, то я, следуя за ними в погоню, сюда к вам пришел. И впредь для пресечения опасности призвал я Дянь-джайсана, которому объявляя свое намерение, с сею грамотою отпустил. И кто сию мою грамоту за справедливую признает, то б оной во всем поступал по силе той грамоты» [85, л. 220].

Но борьба за Халху не была еще закончена. Тушету-хан собирал силы и готовился дать Галдану генеральное сражение. В августе 1688 г. он обратился к Сюань Е с посланием, в котором писал: «Мы и предки наши из давнейших лет с показанием истинного своего усердия того ради вашему величеству приносили дань, чтоб мы по крайней опасности от сильного неприятеля защищены и не оставлены быть могли. А ныне Галдан с войском своим уже

на нас совершенно наступил, который случай ни малого времени терпеть не может. А хотя у меня войско в рассуждении его силы и не столько соберется, однако я против него, Галдана, генеральный бой дать намерен. Но только того опасаясь, что мне против него, как сильного неприятеля, не устоять. Того ради всенижайше прошу, да благоволит ваше величество из своего небесного государства вспомогательного войска ко мне послать» [85, л. 221—222].

Сюань Е предложил своим советникам высказаться по поводу просьбы Тушету-хана Чихунь-Доржи. Они дали знаменательный ответ: «А хотя Тусету-хан, будучи от элетов с поля збит, и просит против них вспоможения, то однако ж, как нам уповається, наше войско послать и ему помощь дать не надлежит, потому что он, Тусету-хан, не в таком подданстве состоит, как сорока девяти знамен мунгальские владельцы... Однако если Тусету-хан со всеми своими подданными в совершенное подданство вашего величества отдается, то с титулом ханства от вашего величества все милостивейшее определение себе получить может» [85, л. 223].

Сюань Е согласился с мнением советников, и Тушету-хану было отправлено соответствующее послание.

Цинское правительство прямо и недвусмысленно предлагало на этот раз владетельным князьям Халхи свою военную помощь против Галдана при условии, если они, подобно князьям Внутренней Монголии, не только фактически откажутся от политической самостоятельности, но и формально станут подданными Цинской династии. Вопрос заключался в том, кому, в чьи руки передать судьбу Халхи: в руки Галдан-Бошокту-хана и стоявших за ним ойратских феодалов или в руки Цинской династии и стоявших за ней групп маньчжурских и китайских феодалов. Владетельные князья Халхи, возглавляемые Тушету-ханом и Джебдзун-Дамбахутухтой, отвергли первый вариант; они предпочли отдать Халху в руки Цинской династии.

В августе 1688 г. состоялось генеральное сражение между армиями Галдана и Тушету-хана. «8 месяца 1 да 4 и в прочие числа при озере Олохой-ноур,—гласило полученное в Пекине донесение,—сряду три дня происходило великое сражение. Однако элеты ночным нападением взяли лагерь тайдзи Шамба-Эрхэ-дайцина, чего ради калкаские тайдзи, оставя Тусету-хана, все до последнего человека разбежались. А Тусету-хан, будучи силою против него не в состоянии, чрез побиские пески к Джебдзун-Дамбахутухте побежал» [85, л. 231—232].

В ответ на это донесение Пекин усилил мобилизацию войск.

Сентябрь 1688 г. стал последним месяцем независимости Халхи. Тушету-хан, Джебдзун-Дамбахутухта и другие владетельные князья, «которые,—как писал Тушету-хан,—держат нашу сторону», каждый порознь и все вместе направили в Пекин просьбы о принятии их в полное подданство империи, о предоставлении им территории для кочевания, об оказании им вооруженной защиты и т. п.

Сюань Е вновь спросил мнение советников, которые на этот раз поддержали просьбу владетельных князей Халхи. Он утвердил это предложение. Халха формально и фактически стала частью Цинской империи. Но это вместе с тем означало, что халхаско-ойратская война окончилась. И теперь Галдан имел против себя не владетельных князей Халхи, слабых и разобщенных, а мощную Цинскую империю. Халхаско-ойратская война превращалась в войну Джунгарского ханства против Цинской империи. Но Галдан был непреклонен и не помышлял о прекращении борьбы. Война между Цинской династией и Джунгарским ханством становилась неизбежной.

2. Война 1690—1697 гг. и ее результаты

После того как ханы и князья Халхи признали себя подданными Цинской империи, последняя уже не была заинтересована в немедленной войне против Галдана. Интересам династии более соответствовало бы примирение Галдана с его халхаскими недругами и на этой основе освобождение Халхи от ойратских войск. Убедив Галдана отказаться от продолжения военных действий и возвратиться в пределы Джунгарского ханства, цинское правительство получило бы возможность приступить к «освоению» Халхи, провести в ней необходимые реформы с целью поставить ее материальные и людские ресурсы на службу интересам маньчжурских и китайских феодалов и исподволь подготовиться к борьбе за завоевание самой Джунгарии, борьбе неизбежно трудной и дорогостоящей.

Вот почему главной задачей цинской дипломатии в это время было убедить Галдана помириться с Тушету-ханом и Джебдзун-Дамбахутухтой.

В августе 1688 г. в Пекине было получено донесение о беседе Галдана с послом далай-ламы Цицик-Далай-хамбо, прибывшим к нему с посредническими целями незадолго до сражения у оз. Ологой. В этой беседе Галдан спросил, «над кем он тогда отмстит смерть своего меньшого брата Дордзиджаба, ежели он помирится с Тусету-ханом. А хотя б ему еще 6 лет воевать, однако он, Галдан, покамест не положит своего оружия» [85, л. 226].

Осенью того же года из Пекина к Галдану было отправлено посольство во главе с сановниками Байри и Ацитуем, которые отвезли ему письмо Сюань Е и дары. Возвратившись в Пекин, послы доложили, что «Галдан принял их с великой честью и показывал к ним особливую свою склонность и просил одного Ацитуя, чтоб он ему в купечестве свободное отправление у его величества исходатайствовал... объявляя, что когда его величество... свыше 200 человек принимать не повелел, то его фамилии братья и тайдзи, будучи о том неизвестны, на него, Галдана, гневаются в том, якобы он до того купечества не допускает» [85, л. 249—250].

Мы не знаем содержания письма Сюань Е к Галдану. Но в от-

ветном послании Галдан повторил, что Тушету-хан и Джебдзун-Дамба нарушили законы далай-ламы, напали на ойратов «и тако их своеволие и вредительные поступки обществу весьма умножились. И потому они есть такие люди, которые общее благополучие своими толь мерзкими делами разрушают, а вместо того великое беспокойство в народы всевают. По которым их толь великим беззаконствам явно есть, что мы пред ними совсем правы» [85, л. 250—251].

Столкнувшись с такой неуступчивостью Галдана, Сюань Е вновь обратился к своим советникам, и на этот раз они рекомендовали не спешить и отложить принятие решения на месяц.

В конце 1688 г. Галдан опять встретился с цинскими сановниками Ананьдой и ламой Шайнань-дордзи и заявил им, что считает своими противниками не население Халхи, а только Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту, которые нарушили священные законы Дзонхавы и указы Сюань Е, убили нескольких владетельных князей Халхи и младшего брата Галдана, а их имущество разграбили, после чего начали открытую войну против него. «И потому они есть самые разорители закону. А понеже от них никому добра, кроме всякого зла, ожидать не надлежит, то вашему величеству и Далай-ламе весьма благоугодно быть может, ежели их в свете не будет». Узнав, что Тушету-хан и Джебдзун-Дамба находятся в китайских пределах, Галдан сказал, что никуда они от него убежать не могут. А потом, докладывали Ананьда и Шайнань-дордзи, Галдан вновь поставил вопрос о торговле «с таким представлением, что элеты из древних лет, принося дань, с торгом в нашу землю (т. е. в Китай.— И. З.) от каждого владельца ездили особо; понеже де ныне всем ездить не позволено, то от того из подданных его некоторые претерпевают немалую нужду» [85, л. 259—262].

Доклад послов был по предложению Сюань Е обсужден его советниками. Они отметили, что почти все пункты обвинения, выдвинутые Галданом против Тушету-хана, являются обоснованными и справедливыми. «И того ради,— предложили советники,— к Далай-ламе послать вашего величества указ, чтоб он с своей стороны для примирения знатного ламу отправил, тогда и с нашей стороны послать верховных министров, дабы оные обще с послом Далай-ламы Галдана с Тусету-ханом примирили. И Тусету-хану, как главному зачинщику всего сего беспокойства, вину свою публично на съезде признать велели... ежели он по сему определению поступать обещается, то... чтоб будущего году учинен был примирительный съезд» [85, л. 262—263].

Сюань Е одобрил предложения своих советников, но Тушету-хан, которому они были немедленно сообщены, их отклонил.

В январе 1689 г. к далай-ламе, а в апреле того же года к Галдану были отправлены из Пекина послания Сюань Е почти одинакового содержания. Вновь излагая всю историю конфликта между владетельными князьями Халхи, переросшего затем в конфликт между Тушету-ханом и Галданом, Сюань Е напоминал о пред-

принимавшихся им совместно с далай-ламой попытках примирить враждующие стороны. «Но в противность всего того калкаской Тусету-хан и Джебдзун-Дамба-кутухта,— писал он Галдану,— не хотя жить в покое, наши указы преступили и к возбуждению войны наперед против вас вооружившись, и перво Джасакту-хана и Декдеhey-мерген-ахая, а потом и трою меньшого брата Дордзи-джаба убили, и тем они к своей собственной попибели и разорению прямую дорогу показали. А одержанная твоя победа над калками от того зделалась, что они неправедным образом наперед тебя задрали. И потому всю вину на калков положить надлежит, а ты перед нами совсем прав... Мы за то тебе никакой вины приписать не можем... Ныне уже оные калкаские владельцы тобою разорены, и все ханы, дзинуны, нояны и тайдзии до последнего человека со всеми своими подданными в наше подданство совершенно отдались, и мы... приняв их, присовокупили в число наших подданных... а за то, что они своим безумством подали причину к возбуждению войны, жесточайшими словами наказали... Мы к вам,— писал Сюань Е в заключение,— сего ради нарочно с нашим указом посольство отправили, дабы вы, оставя прежнюю между вами ссору, друг с другом купечество имели, каждый из вас свои земли оберегал, и обще все, уничтоживши войну и ссору, пребывали в миру и согласии» [85, л. 282—291].

Император требовал, чтобы его посланцы в беседах с приближенным к Галдану Дзиргалан-зайсаном дали понять, «что купечеству их вся дорога пресечена будет и потому они, элеты, всю свою пользу потеряют, ежели Галдан сего нашего указу не послушает» [85, л. 281].

Признавая, что в происшедшем кровопролитии виноваты только Тушету-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта, Сюань Е, как видим, пытался успокоить Галдана, ссылаясь на наказание, которому он подверг виновников, обругав их «жесточайшими словами». Император пытался убедить Галдана в том, что устный выговор следует считать достаточным наказанием виновников войны, что этот выговор компенсирует потери, понесенные ойратскими феодалами. Сюань Е хотел, чтобы Галдан оставил свои захватнические планы и удовлетворился бы заявлением об устном наказании своих противников, ориентировавшихся на Цинов. В письме Сюань Е даже не поднимался вопрос о торговле. Он был лишь вскользь затронут в беседе с одним из второстепенных деятелей ойратского государства в форме ни к чему не обязывающего намека.

Было очевидно, что Галдан на такой мир не пойдет.

Послы прибыли к Галдану 7 августа. В беседе с ними Галдан заявил, что и он готов отдалиться под защиту Цинов, но «только ему Джебдзун-Дамба-кутухта и Тусету-хан с товарищами, которые всему злу начинатели, весьма противны». Арани на это ответил, «что его неоднократные доношения от вашего величества всеми-лостивейше рассмотрены, и калки за свое преступление наказаны, а он великие похвалы удостоен, и для того изволили к нему указ свой послать, чтоб он, уничтожа войну, жил по-прежнему в мирном

согласии, и что уже почти ему о таком деле упоминать, которое уже давно прошло» [85, л. 309]. 22 августа Арани получил ответное послание Галдана для Пекина. Собираясь в обратный путь, пекинские представители сообщили сановникам Галдана Даньдзину и Гелей-Гуену, что к хану с посредническими целями скоро придут послы от далай-ламы и от Сюань Е и спросили, «то ли же им будут отвечать, или иное у них будет рассуждение, на что отвечивали они именем своего хана, что от них иного ответа не будет» [85, л. 310].

Вскоре в Пекин прибыл представитель далай-ламы Шамба-ин-хамбо, который от имени дикби передал, что «всему животному немалая может быть польза, ежели Тушету-хан и Джебдзун-Дамбахутухта будут пойманы и отданы Галдану, и что он в том ручается, что их здравия повреждены ничем не будут» [85, л. 313].

Сюань Е не собирался ссориться с далай-ламой. Ламаистская церковь нужна была Цинской династии если не как исполнитель ее воли, то по меньшей мере как союзник. Вот почему, когда выяснилось, что дикба, влиятельное лицо в церковной иерархии, поддерживает позицию Галдана, император приказал немедленно отправить к далай-ламе посольство с поручением убедить главу церкви в ошибочности этой позиции и в беспристрастности Сюань Е, который якобы одинаково расположен к халхасам и ойратам. «А ныне, — писал Сюань Е далай-ламе, — наш посол Арани, который послан был к Галдану, возвратясь, между прочим доносил, что Галдан от владельца Цэван-Рабдана так разбит, что подданные его почти все разбежались» [85, л. 315—316].

Здесь впервые в маньчжурском источнике встречается упоминание имени Цэван-Рабдана. Имея в виду, что посольство Арани покинуло ставку Галдана в конце августа 1689 г., следует считать, что нападение Цэван-Рабдана на улус Галдана произошло весной или в начале лета 1689 г.

Весной 1690 г. цинское правительство усилило подготовку к войне против Галдана. Сюань Е отдал приказ начать военные действия, если Галдан перейдет в наступление против халхасов. Одновременно с этим правительство Цинов приняло меры, которые явно свидетельствовали о его решимости оказать полную поддержку Тушету-хану и другим халхаским противникам Галдана. Так, 20 февраля 1690 г. к халхаскому Цецен-хану прибыл сановник Ананьда с посланием от Сюань Е, извещавшим о ведущихся с Галданом мирных переговорах, но предупреждавшим, что, поскольку Галдану верить нельзя, ханы и князья Халхи должны быть готовы объединить свои силы для борьбы против него [85, л. 328]. В ответ на это Цецен-хан заявил, что, во всем полагаясь на императора, он надеется на его помощь и Галдана «ни в чем не боится. И ежели он подлинно со своим войском на них наступит, то они общею силою против него станут надлежащий отпор учинять и из своих 12 чжасаков (т. е. откоков. — И. З.) 10 000 войска вооружат» [85, л. 329].

Между тем Галдан, успешно закончив кампанию 1688 г., вер-

нулся в долину р. Кобдо, где обосновалась его главная ставка. Здесь он продолжал готовиться к борьбе за Халху. Отдавая по видимому себе отчет в подлинном значении и возможных последствиях политики цинского правительства, открыто выступившего в защиту его противников, Галдан направил усилия к тому, чтобы договориться о военном союзе с Россией. Используя в своих интересах обострившиеся взаимоотношения Русского государства с Цинской империей, с одной стороны, и Тушету-ханом — с другой, Галдан в 1689, 1690 и в последующие годы домогался соглашения с русскими властями о совместных операциях против «общих недругов», т. е. против Тушету-хана и тех, кто его поддерживал.

В январе 1690 г. в Иркутск прибыл посол Галдана Дархан-зайсан с письмами к воеводе Кислянскому и послу Ф. Головину. В беседе с последним Дархан-зайсан сообщил, что Галдан стоит в верховьях Селенги, в урочище Хобдо, готовый продолжить войну. Он просит направить русские войска на соединение с его армией к р. Керулен. Об этом же говорилось и в письме хана к Головину.

Учитывая недавние операции Тушету-хана против Селенгинска и Удинска, а цинских войск против Алтазина, Головин решил не отклонять предложений Галдана. В своем письме он обещал поддерживать наступление ойратских войск на Тушету-хана соответствующими военными действиями. Отпуская Дархан-зайсана, Головин послал к Галдану казака Г. Кибирева, которому было поручено передать хану Джунгарии письмо и продолжить переговоры о возможных совместных операциях против Тушету-хана и его сторонников [11, стб. 685, д. 202, л. 7—38].

Статейный список, представленный Кибиревым по возвращении на родину, интересен сведениями о положении в Джунгарии и Халхе, о первом крупном сражении между цинской армией и войсками Галдана, очевидцем которого был Кибирев. Он сообщает, что в конце марта вместе с Дархан-зайсаном прибыл на р. Или. Там он застал Ирким-зайсана, которому Галдан поручил управлять делами группы халхаских князей, перешедших в его подданство. Отсюда Кибирев шесть недель ехал до Керулена степями Халхи, в которых видел множество овежих доказательств опустошительной войны и крайне бедственного положения народных масс. На Керулене он присоединился к отряду ойратских воинов, охранявших послов далай-ламы и Сюань Е — Джирун-хутухту и Илагутсан-хутухту, ехавших к Галдану. В этом отряде было 400 воинов, которых сопровождали жены и дети. В середине мая на них напали 800 халхаских воинов. Произошел бой, закончившийся бегством нападавших, они потеряли около 150 человек убитыми.

Далее путь послов проходил по Керулену и Ульзе до оз. Хулун, а от него — вдоль рек Аршун и Халха. 20 июля они добрались до ставки Галдана, который в тот же день в присутствии Джирун-хутухты принял Кибирева. 22 июля на лагерь Галдана напала цинская армия, в которой, по показаниям пленных, насчи-

тывалось до 20 тыс. человек. «Калмыцкий Бушукту-хан, — писал Кибирев, — тою богдойскую силу побил без остатку». Галдан взял русского посла с собой «на бой для свидетельства». Он говорил ему, что воюет не против цинского императора, а против Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты. После сражения у оз. Ологой Галдан преследовал противника около шести недель и нагнал его на р. Шандахай, уже на территории Китая. Здесь произошел бой со 100-тысячной армией Цинов, располагавшей сотней пушек и множеством другого огнестрельного оружия. Ночью после боя эта армия, бросив несколько пушек, ушла вместе с Тушету-ханом и Джебдзун-Дамба-хутухтой. Галдан не преследовал их, «потому что де ему до него, богдохана, дела нет, а когда де будет время, будет де и дело с ним, богдоханом». От Шандахая Галдан повернул назад. На обратном пути на Керулене к нему прибыл Илагутсан-хутухта, посланный Сюань Е для переговоров о мире. Главным условием, выдвинутым Галданом, было требование либо выдать ему Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту, либо казнить их в Пекине в присутствии представителей Галдана, либо отправить их к далай-ламе. Кроме того, Галдан требовал, чтобы Сюань Е дал ему в жены свою дочь.

Таковы сведения, доставленные Кибиревым в Иркутск, куда он вернулся в начале февраля 1691 г. [11, стб. 685, д. 202, л. 10—21]. Из этой информации следует, что Галдан предвидел в будущем возможность и даже неизбежность вооруженной борьбы непосредственно против Цинской империи; победу в Халхе он не считал окончательной и ставил целью полностью обезвредить Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту; своей главной внешнеполитической задачей в эти годы он считал заключение соглашения с Россией о совместной вооруженной борьбе против общих, как он думал, недругов в лице Тушету-хана и цинского императора. Ради этого он готов был пойти на любые уступки, вплоть до территориальных [18, д. 215, л. 71].

Русско-ойратские переговоры о военном союзе весьма встревожили пекинское правительство. Сюань Е поручил сановнику Сонготу сорвать эти переговоры.

Но тревога цинского правительства была напрасной. От мысли о возможности использования Галдана в интересах политики России русские власти очень скоро отказались. Правительство России не имело в Сибири достаточно сил, чтобы поддержать Галдана. В этих условиях ни о каком русском вмешательстве в дела Монголии и Цинской империи не могло быть и речи.

Иной была политика Лхасы. В 1690 г. и в последующие годы она приобрела ярко выраженную ойратофильскую и прогалдановскую направленность, маскируемую внешними проявлениями лояльности по отношению к Цинской империи и лично к Сюань Е. По предложению императора далай-лама направил к Галдану своего посла Джирун-хутухту, который должен был встретиться в дороге с представителем Сюань Е, Илагутсан-хутухтой, и ехать вместе с ним к Галдану. Они хотели убедить последнего согла-

ситься с условиями мира, выдвинутыми китайским императором.

Илагутсан-хутухта доносил в Пекин, что в сентябре 1689 г. он и его спутники выехали из Сучжоу. В начале ноября они были у оз. Тонкин, откуда направили одного из сопровождавших их лиц установить местопребывание Галдана. Во второй половине ноября, когда посланный прибыл к Галдану «и ему о причине своего приезда объявил, то отвечал ему Галдан, что он со своим войском уже совсем в поход выступил и что на пространной степи съезду быть неспособно, и для того назначил он для съезду реки Тамир называемые» [85, л. 322]. Узнав об этом, Илагутсан-хутухта «с великим поспешением поехал». «И хотя я, — доносил Илагутсан-хутухта, — 12 месяца 5 числа к реке Цилоуту, лежащей на северной стороне помянутых рек Тамир, прибыл, однако Галдана там не нашел. А как послал я людей к реке Эдер-бира... то нашли мы по обеим сторонам реки след, которым Галдан ехал со своим войском. И для того он, кутухта, с Джирун-кутухтой того же часу за ним, Галданом, вслед поехал» [85, л. 323].

Из документа видно, что в конце 1689 г. Галдан со своей армией ушел из лагеря, располагавшегося в долине р. Кобдо, где он находился около года, и выступил в новый поход. Его маршрут был: район Кобдо — р. Тамир — р. Эдер и далее, по-видимому, через реки Орхон и Тола к Керулени, а затем к озерам Хулун и Буир. Послы далай-ламы и Сюань Е двигались по этому же маршруту следом за Галданом, который не торопился начинать переговоры о мире. К этим послам на Керулени присоединился в мае 1690 г. Г. Кибирев. В июне 1690 г. они прибыли к Галдану. Через два дня Г. Кибирев стал очевидцем первого крупного сражения между войсками Галдана и цинской армией.

Еще перед сражением цинское командование опасалось, что Галдан, узнав о том, какие огромные силы собраны против него, начнет отходить, навязывая противнику трудный и опасный переход через гористые пески. Это привело бы к растягиванию коммуникаций и неминуемым перебоям в снабжении цинской армии. Ее командование решило не допустить отхода Галдана. Из Пекина к нему были отправлены послы с поручением уговорить Галдана не помышлять об отходе. Послов инструктировали: «А говорить вам с ним ласково, ублажая гладкими приятными словами, чтоб он к побегу никакой причины иметь не мог». Выполнив поручение и убедившись, что Галдан не намерен покинуть занимаемые позиции, посольству следовало разделиться. Один из послов должен был как можно быстрее ехать в ставку цинского командования, которому «объявить секретно, что вы к Галдану были посланы для того, чтобы удержать его от побега». Но если бы послам не удалось убедить Галдана и тот начал бы отходить, они должны были передать командованию приказ «всем войскам учинить на него нападение, а ежели он обратится в бегство, то... для конечно-го истребления следовать за ним в погоню» [85, л. 373—374].

Таким образом, цинское правительство к лету 1690 г. пришло к твердому убеждению в необходимости уничтожить мощь Галда-

на. Во имя чего же оно собиралось воевать? Если верить официальным документам и дипломатическим переговорам, можно подумать, что главным, если не единственным пунктом разногласий между Сюань Е и Галданом был вопрос о том, какого наказания заслуживают Тушету-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта, которых считали виновными не только Галдан, но и Сюань Е. Но первый хотел их казнить или надежно обезвредить, тогда как второй предлагал ограничиться устным выговором. Других спорных вопросов между цинским императором и ханом Джунгарии якобы не было, а если и были, то стороны о них умалчивали.

В действительности, конечно, дело обстояло не так. Ниже мы приведем слова Сюань Е о подлинных целях войны, из которых становится ясным, что она была предпринята и доведена императором до успешного конца отнюдь не ради интересов Халхи и ее деятелей. Что касается целей, осуществления которых добивались Галдан и силы, стоявшие за его спиной, то мы о них уже говорили и еще скажем в дальнейшем.

Вопреки опасениям пекинских властей Галдан не собирался отступать. Наоборот, он был полон решимости довести до конца борьбу за образование объединенного самостоятельного халхаско-ойратского государства. Первым шагом к этому должно было стать уничтожение или обезвреживание его главных противников — Тушету-хана и ургинского хутухты, ориентировавшихся на Цинскую династию.

Командующий цинской армией Арани в своей реляции сообщает о сражении с ойратскими войсками, состоявшемся 21 июля. Он доносил, что, узнав о прибытии войск Галдана численностью 20 тыс. человек к р. Улхун, Арани немедленно выступил в поход. На рассвете 21 июля он увидел ойратский лагерь и приказал тотчас же «двумстам мунгалским отборным крепким солдатам нападение учинить, да пятистам человекам калкаского войска пограбленное отхватить. Однако прежде нежели до самого сражения дошло, все джасакские (т. е. владений Внутренней Монголии. — И. З.) и калкаские войска, упреждая друг друга, ухвативши элетских жен и детей и скот, назад пошли, которых он никоим образом удержать не мог. И для того принужден был назад отступить. Но как потом элеты, распорядя свое войско в две линии, построились полумесяцем, и вторая часть нашего войска на них стала наступать, то они из мелкого огненного ружья жестокою пальбою учинили, и затем она вторая часть назад отступила. После того, когда наша первая часть войска с калкаским войском вторично на них наступала, то калка, опасаясь их огненного ружья, прежде всех побежали, за которыми и все джасакские, не видя себе подкрепления, им уступили. А между тем элетского войска знатное число прибавилось. И как оное элетское войско сверху горы наши обеи крылья вдруг обступать стало, то он, Арани, все войско, понеже оное уже более противиться не могло, собравши, назад отступил» [85, л. 380—381].

Если Г. Кибирев ограничился заявлением, что Галдан «раз-

воевал» наступавшую на него «богдойскую силу», то Арани рассказывает, каким образом Галдану удалось это сделать. Некоторые дополнительные подробности об этом сражении были сообщены послами Галдана в Иркутске в марте 1691 г. в беседе с воеводой Кислянским. «Вночи на утренней заре, скрав караулы, напали китайского богдохана воинским поведением на Бошокту-хана и на ургу его два полководца алаханбы, а по ведомости от пойманных богдойских языков, что де с теми алаханбами было ратных людей 20 000 человек без пушек, легким делом, с копий и сайдаками, и исправлясь де, Бошокту-хан с войски своими учинили с теми богдойцы бой, бились с утренней зари до позднего обеда, и Бошокту-хан де богдойское войско побил всю и полководец один алаханба тут же на бою убит, а другой алаханба... ушел в малолюдстве человек в 15 или в 20. А за тем де алаханбою гонялся бошоктуханов брат двоюродный Дандзила... а обоз де их со всем взял телег больше 500» [11, стб. 258, л. 215, л. 43].

Через несколько дней после победы на р. Ульхун Галдан двинулся в обратный путь. Об этом свидетельствуют как маньчжурские, так и русские документы. Послы Галдана говорили в Иркутске, что их хан пошел по степи в поисках Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты. Но эти же послы в другом случае говорили, что причиной ухода Галдана от Великой стены было переданное ему Джирун-хутухтой письмо от далай-ламы, который рекомендовал Галдану прекратить кровопролитие и обещал, что «супостаты» будут ему выданы цинским правительством. «И Бошокту-хан на те ево Далай-ламы Джирим-хутухты посольские речи положился и бой чинить перестал и от стены богдойской пошел в степь» [11, стб. 258, л. 215, л. 46].

Возникает вопрос, зачем же он приходил под Великую стену, откуда через день после одержанной победы пошел обратно на Керулен. Ответить на этот вопрос мы не можем. Но каковы бы ни были причины, принудившие Галдана начать отступление, оно чрезвычайно встревожило Пекин, где поняли, что он может уйти за пределы досягаемости цинской армии. Допустить этого Пекин не мог. Галдана следовало задержать. Командование цинской армии решило направить к нему новых послов и предложить дожидаться приезда принцев крови, выделенных якобы для мирных переговоров с ним и уполномоченных подписать мирный договор. Если же Галдан не захочет ждать, организовать преследование и уничтожить его (см. [11, стб. 258, л. 215, л. 32; 85, л. 418, 419]).

В июле 1690 г. от Галдана в Пекин прибыл представитель с разъяснением, что хан Джунгарии перешел линию пограничных караулов Китая потому, что гнался за своими недругами, но его войска нигде и никому «никаких противностей не чинили». В ответном письме Сюань Е подчеркивал вероломство «левого крыла» халхасов, т. е. Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты, которые «учинили тебе (Галдану. — И. З.) великие обиды, по которому делу невинность твоя перед ними совсем оказалась. И мы их правыми никогда не называли». Сюань Е писал, что предполагает в этом

же году созвать всеобщий съезд князей Халхи, чтобы окончательно разобраться в происшедшем, определить, кто прав, кто виноват, восстановить владение Дзасакту-хана и т. д. «Однако Тушету-хан и Джебдзун-Дамба-кутукта покамест отданы тебе быть не могут, пока настоящее дело до действительного окончания приведено не будет». В заключение Сюань Е сообщал Галдану, что получил сведения из Синина о его конфликте с Цэван-Рабданом, который обратился с жалобой к далай-ламе: «И как нам о сем известно учинилось, то намерены мы были, не допуская вас до войны... по согласию с Далай-ламой примирить» [85, л. 425—428].

Сюань Е стремился убедить Галдана прекратить отступление и задержаться где-нибудь южнее пустыни Гоби в ожидании выдачи его противников. Это позволило бы вооруженным силам империи нанести ему сокрушительный удар. Что касается Цэван-Рабдана, то источник сообщает, что из Пекина еще в январе 1690 г. к нему и к его матери Ану-хатун был отправлен посол с письмом Сюань Е, предлагавшим «обстоятельно объявить» о причинах происшедшей между ним и Галданом ссоры. Было очевидно, что цинское правительство намерено использовать Цэван-Рабдана для борьбы против Галдана.

В середине июля к цинскому сановнику Амиде прибыли послы от хутухт Джируна и Илагутсана. По их словам, Галдан заявил, что, находясь на территории Китая, он не трогал чужого имущества, а между тем, по полученным им сведениям, против него «войска собрано превеликое множество и отправлены за Великую стену... что с оным войском отправлен знатный министр, при котором и сын Тусету-хана Галдан-гайдзи находится, и чтомышь руку откусит, если за хвост поймана будет, а он, Галдан, сего нисколько не страшится, хотя боюя армия и до ста тысяч состояла» [85, л. 442]. Такое заявление может рассматриваться как предупреждение не ставить Галдана перед необходимостью считать своим врагом и Цинскую династию. Вскоре от него и Джирун-хутухты прибыли новые послы, которые от имени своих повелителей заявили, что Сюань Е «есть южных земель государь, а он, Галдан, есть северных стран хан» [85, л. 446], что Галдан ждет представителей Сюань Е для переговоров о мире. Галдан все еще пытался разговаривать с правителем Цинской империи на равных началах; он еще надеялся на благополучный для себя исход мирных переговоров.

В ответ Сюань Е отправил к Галдану новых представителей, вручивших ему дары и вновь заверивших его в скором прибытии брата императора, которому поручено якобы окончательно договориться о мире. Во второй половине июля такого рода посольства непрерывно ездили от одной стороны к другой, стремясь создать видимость действительной подготовки мирных переговоров. На самом же деле их цель была лишь одна — удержать Галдана на месте и скрыть от него подготовку удара, который должен был его сокрушить и уничтожить. Желая лично руководить предстоящими операциями, Сюань Е в середине июля покинул столицу и направи-

лся к армии, подчеркивая этим большое значение, которое он придавал войне с Галданом.

В конце июля к командующему цинскими войсками прибыл очередной представитель Джирун-хутухты, выразивший недовольство последнего тем, что в то время, когда он и Илагутсан-хутухта старались склонить Галдана к мирному урегулированию конфликта и почти достигли успеха, сановник Арани совершил внезапное нападение на лагерь Галдана. При таком положении нельзя надеяться на успех порученной ему далай-ламой примирительной миссии⁵.

Сановник, командовавший цинскими войсками, докладывая об этом посольстве, писал, что поскольку «по силе данных ему от его величества наставительных указов токмо о том стараться должен, чтоб через пересылку писем неприятеля до прибытия следующих войск на одном месте продержать, то опять с прежде посланными людьми к Галдану в ответ письмо послал» [85, л. 460—461]. В этом письме он приглашал Галдана подойти ближе и обосноваться в местности Улан-Бутун. Галдан принял это предложение и пошел в Улан-Бутун, где его ждала ловушка.

1 августа 1690 г. в Улан-Бутуне произошло генеральное сражение, решившее исход кампании этого года. Командующий цинской армией в своем донесении писал: «7 месяца 29 дня, когда я с элетах, что имеют они свой лагерь при местечке Улан-Бутуне, ведомость получил, то я армию немедленно разделил на части и 8 месяца 1 числа на рассвете прямо к неприятелю пошел, а как в самые полдни его перед собой увидел, то войско с рогатками, пушками и мелким огненным ружьем в порядок поставил и в таком порядке начал я помалу к нему приближаться. А в час овна, по приближении к неприятелю, при пушечной и из мелкого ружья пальбе к находящейся поре подошел; оттуда увидел, что и неприятель, будучи в лесу, для защиты положи своих верблюдов, по ту сторону имеющейся реки, у которой были высокие берега, против нас сильное сопротивление учинил. И так бились мы от часа овна до наступления самого вечера. Левое крыло, окруживши неприятеля... одержало великую победу, и великое множество элетов побило, а правое крыло, хотя неприятеля с места и сбило, однако потом за препятствием топкие реки... на прежнее свое место возвратилось... И хотя мы притом хотели достальных воров вконец истребить, но за наступлением темных ночи и за неспособностью места принуждены были войско собрать и благополучно в лагерь свой возвратиться...» [85, л. 465—466].

Из этого описания видно, что цинская армия, несмотря на опростное численное превосходство, значительное количество пушек и другого огнестрельного оружия, оказалась не в состоянии разбить ойратские войска, совершенно не имевшие артиллерии и в два-три раза уступавшие противнику в численности. Ойратская армия проявила в этом бою стойкость и способность к организованному сопротивлению в условиях явно неблагоприятного соотношения сил.

Получив донесение, Сюань Е приказал командующему «со всею армиею для конечного истребления элетов вслед за ними гнаться». Кроме того, он потребовал: «А впредь коим образом весь воровской корень до основания истреблен и достальные сообщники усмирены быть могут, о том вам надлежит свое мнение представить с такой ясностью и основанием, чтоб за одним делом весь корень без остатку выведен быть мог» [85, л. 469]. Это распоряжение раскрывает подлинные цели войны, предпринятой цинским правительством. Полное истребление «воровского корня», т. е. тех сил, которые стоят на пути экспансионистской политики, — вот в чем была заинтересована Цинская династия. Галдан упреждал кровным интересам маньчжурских феодалов тем, что намеревался, объединив Халху с Джунгарией, образовать независимое государство. Поэтому они считали, что Галдан и его «сообщники» подлежали истреблению. От разгрома Галдана зависела прочность обладания Халхой.

Сражение продолжалось и на следующий день. «А как я, — доносил в Пекин командующий, — на другой день для конечного истребления достальных воров к ним приступил, то Галдан, укрепив себя прутьями и худыми местами, против меня к сражению уже всякой готовности был. И в самое то время, как я хотел армии на малое время дать отдохновение, прислал ко мне Галдан Илагугсан-кутухту с прежним же требованием, чтоб ему Тусету-хан и Джебдзун-Дамба-кутухта выданы были, а притом он, кутухта, объявил, что завтра или послезавтра Джирун-кутухта для договоров о постановлении мира ко мне будет... 4-го числа Джирун-кутухта, имея при себе не с большим 70 человек своих учеников, ко мне приехал» [85, л. 470—471].

Очевидно, цинской армии за четыре дня не удалось сломить сопротивление ойратских войск. Тем не менее их положение было крайне тяжелым, и вмешательство Джирун-хутухты можно расценить как попытку спасти Галдана от полного разгрома. Джирун-хутухта говорил: «Бошокту-хан оттого впал в сие погрешение, что, требуя о выдаче своих неприятелей Тусету-хана и Джебдзун-Дамба-кутухту, сюда зашел, что ныне он, Бошокту-хан, Тусету-хана не требует, но только просит... Джебдзун-Дамба-кутухту к Далай-ламе яко к своему учителю отослать, и что он, Джирун-кутухта, приказал ему, Галдану, понеже он просит о постановлении мира, чтоб он, Галдан, для ожидания ответу отступил в дальние места, где правы и воды получить может, а близко бы не стоял». Узнав о намерении цинской армии атаковать лагерь Галдана, Джирун-хутухта сказал, что будет «с крайним старанием Галдана уговаривать, чтоб он, Галдан, требование свое о Джебдзун-Дамба-кутухте отложил и из праниц наших выступил».

Командующий цинской армией спросил Джирун-хутухту, можно ли быть уверенным в том, что Галдан не убежит в дальние места и не начнет грабить пограничное население Китая. Джирун-хутухта ответил, что Галдан «никакого грабительства учинить не посмеет, ежели с нашей стороны... на него, Галдана, оружие воз-

ложено не будет, и что он, Галдан, в даль не побежит, но всемерно его, кутухту, ожидать будет» [85, л. 472—474].

Когда командующий сообщил хутухте, что другие пруппы цинских войск нападут на Галдана, не зная о переговорах Джируна и цинского командования, «то он, кутухта, сего зело утешился и говорил, что к отвращению сего уже никакого более способу не имеет, ежели все дело таким образом в разрушение приведено будет». Но командующий успокоил хутухту, заявив, что даст ему приказ к командам, «которые им с войсками навстречу попадать будут, а они, увидевши те листы, не токмо на элетов нападать не будут, но и войска свои одержат». Джирун-хутухта обрадовался этому заявлению и вернулся в лагерь Галдана.

Заключая свое донесение, командующий писал, что хотя Галдану и нельзя верить, «однако из того, коим образом он по поражении на другой день беспрестанно стал присылать людей, довольно приметить можно, что состоит он в весьма многом утешении. И хотя я крайне старался, чтоб для истребления элетов вперед итти, но понеже элеты укрепили себя в таких неспособных местах, что никак поступить к ним было невозможно». Поэтому принятое им решение командующий считает единственно правильным. Но как только подойдут мукденские, корцинские и другие войска, находящиеся еще в пути, «то на сего лукавого вора со обеих сторон для конечного его истребления учинено будет жестокое нападение, и сего толь способного случая я никогда не упущу» [85, л. 474—477].

Приведенное донесение свидетельствует о том, что Галдан потерпел в Улан-Бутуне поражение, вынудившее его пойти на ряд серьезных уступок, и что представитель далай-ламы Джирун-хутухта приложил большие усилия, чтобы спасти Галдана от сокрушительного удара.

Действия командующего вызвали гневную реакцию в правящих кругах Цинской империи. Его порицали за то, что он упустил такой удобный случай, и предложили организовать преследование Галдана. Император одобрил мнение советников. Он тоже считал, что командующий поступил неправильно, что дело «сие исключительно важно» и что виновных надо наказывать.

Галдан не стал ждать нового нападения и начал отходить из района Улан-Бутуне на север. Командующий цинской армией доносил, что «Галдан, будучи утеснен нашею армиею и опасаясь погони, взяв из реки Сира-Мурен-бира довольно число воды, чрез гору Дадзишань-Алинь ночным временем побежал к озеру Ганганур называемому. И хотя у нас принято было намерение, чтоб за ним гнаться в след, однако лошади наши так обезсилены, что далее бежать не могли, а чтоб он, Галдан, от нас весьма не отдалился, то договорился с Джирун-кутухтой с таким обязательством, чтоб он, Джирун-кутухта, для заключения мирных договоров его, Галдана, не в дальном расстоянии остановил» [85, л. 483—484], а когда подойдут новые войска, начнется погоня за Галданом.

Но последний, нуждаясь в передышке, прислал письмо, в кото-

ром писал: «Благоугодно было Далай-ламе для постановления мирного согласия послать Дэйрун-эрдения. А ныне, когда его величество, великий хуанди (император.— И. З.) своею высочайшую милость и щедрость ко мне показать соизволил, то я обещаюсь с сего времени до калков отнюдь не касаться и на них неприятельски не нападать. И для того сие мое печатью утвержденное письмо нижайше подаю» [85, л. 485].

11 августа командующий цинской армией послал к Галдану Илагугсан-хутухту, который через четыре дня вернулся и привез от него новое письмо. Галдан признавал себя виновным в том, что вторгся в пределы Китая. «Сверх сего оной Илагугсан-хутухта словесно объявлял, что Галдан, поставя образ фуцихин на голову, с клятвой говорил следующие речи: Я, по всей моей справедливости требуя о выдаче Тусету-хана и Джебдзун-хутухты, перешедши караулы, вступил в самую середину ваших земель. И того ради я, оставя небо и фуцихия, не могу ныне того сделать, чтоб свою вину не признать... И притом нижайше прошу, да благоволит ваше величество по своим щедротам в вине моей меня яко человека простить... А ныне для ожидания вашего величества всемилостивейшего указу к самым границам отойду и, усмотря довольство травы и воды, стоять буду на таком месте, где никакого жилья не будет» [85, с. 490].

В ответ на это Сюань Е направил Галдану послание, в котором подчеркивал, что цинское правительство стремится якобы только к миру и благоденствию для всех. «А ныне,— писал Сюань Е,— когда ты признал свою вину... повелевается следующее: 1. Со своим войском из наших земель выступи, ожидая нашего указу; 2. До наших подданных калков не токмо до одного человека, но ниже до одной скотины не касаться; 3. Ко всем нашим подданным джасакам ни одного своего человека ни под каким видом не пересылать; 4. Ежели ты утеснен или имеешь какую необходимую нужду, то о том нам донеси, по которому доношению мы... никогда тебя не оставим и милости не лишим, а все твои противные поступки предадим забвению» [85, л. 495—496].

Итак, первый поход Галдана на восток закончился серьезным поражением. Галдан явно переоценил свои силы, рассчитывая при поддержке отрядов Джасакту-хана и других халхаских князей — его союзников не только разгромить противников в Халхе, но и отстоять завоеванное в борьбе против Цинской империи.

В результате поражения Галдан вынужден был отступить в район Кобдо. Отступление проходило в трудных условиях. Ойратские рядовые воины и их семьи испытывали серьезные лишения. Некоторые сведения об этом мы находим в русских источниках. Так, в июле 1691 г. в Селенгинск пришли три ойрата, которые рассказали, что «они были калмыцкого владельца бушухтухановы воинские люди, а отстали де они от него, бушухтухана, как он пошел з боев от китайских людей на белом месяце (т. е. в феврале.— И. З.) в мугальской земле у Ханай-олоя за конною скудостью и от голоду, потому что де у него, бушухтухана, в войске за ску-

достью скота голод великой и от того де голоду в войске многие люди помирают» [11, стб. 258, л. 216, л. 136]. Из рассказа перебежчиков стало ясно, что Галдан со своей армией лишь в феврале 1691 г. дошел до Хан-ула (гора в районе совр. Улан-Батора). О бедственном положении ойратов говорит и та настойчивость, с которой Галдан добивался разрешения торговать в Китае. В одном из посланий к Сюань Е Галдан писал, что он «с самого того времени, как Калка потеряла свое правительство (т. е. с 1688 г.— И. З.), купечества не имел и что того ради на содержание своих людей просит милостивого награждения» [85, л. 536].

Тяжелое положение Галдана Пекин решил использовать в своих интересах. Сюань Е писал Галдану: «А ныне ты обстоишь... зело в великой нужде, ибо не токмо весь скот употребил на пищу, но и людей твоих от заражения моровой язвы мрет превеликое множество... И тако тебе, буде ты ныне за совершенным голодом в землю свою возвратиться не можешь и состоишь в крайней бедности, ближе к пограничным нашим караулам прикочевать, где от нас получить имеешь всемилостивейшее пропитание, а ежели и совершенно покоришься, то и еще того больше пожалован и награжден будешь» [85, л. 556—558].

В Цинской империи шла усиленная подготовка к продолжению войны против Галдана. Из императорского дворца в Пекине исходили указы, требовавшие улучшить обучение, вооружение и оснащение войск, изучить возможные маршруты на северо-запад, условия судоходства по Хуанхэ и т. д. В это же время шли последние приготовления к Долоннорскому съезду, целью которого было оформить превращение Халхи в составную часть Цинской империи. 1 мая 1691 на этом съезде состоялась церемония прощения Тушету-хана и освобождения его от наказаний за те действия, которые привели к войне с Джунгарским ханством. Тушету-хан принес повинную, халхаские князья просили его простить, и, наконец, был прочитан указ Сюань Е, возвещавший о помиловании виновного.

Решив сообщить далай-ламе об окончательном урегулировании вопроса, Сюань Е направил ему письмо, в котором, между прочим, выражал недовольство деятельностью Джигуна и Илагугсана. Последние, по его мнению, «ничего полезного не учинили, ибо они во всем поступали не по нашим намерениям, и для того Галдан, удержав их у себя, к наивящей войне вооружился, и собравшись со всем своим домом, трабя и убивая калков, в самую середину наших пограничных караулов вступил». Сюань Е писал, что Галдан находится в очень тяжелом положении и, возможно, решит пойти к далай-ламе, который может поступить с ним по своему усмотрению. Император предупреждал, что в случае, если Галдан осмелится хоть чем-нибудь обидеть халхасов, он будет уничтожен [85, л. 658—665].

В конце 1691 г. в Пекин от далай-ламы прибыло ответное письмо. Далай-лама порицал Джигун-хутухту за то, что он своевременно не удержал Галдана от требования выдать ему Джеб-

дзун-Дамба-хутухту, но считал, что Джирун-хутухта делал все, чтобы примирить ойратов с халхасами. Посол сказал Сюань Е, что далай-лама всегда видел свою задачу в установлении мира, что еще до начала войны от Тушету-хана и Галдана «к хухунорским тайдзиям посланы были послы и каждый из них от оных тайдзиев требовал себе войско на помощь. А как о сем хухунорской Далай-тайдзи Далай-ламе донес, то Далай-лама на оное отвечивал ему тако: Как Халха, так и элеты почитаются его, Далай-ламы, его ударами олгигейства, и ему, Далай-ламе, их единодушие и мир и пребывание не инако, как весьма приятно и радостно быть кажется. И для того ему, Далай-тайдзию, из них ни тому, ни другому помогать не надлежит» [85, л. 714—715].

Далай-ламе, однако, не удалось убедить Сюань Е. Последний настаивал на виновности Джирун-хутухты, считая, что он не только не удерживал Галдана, но, напротив, подстрекал его. «А из сего легко понять можно, — писал Сюань Е, — что он, Джирун, не токмо один сам собой сие делал, но также де и из твоих ближних людей себе сообщников имеет, которые, ослепившись лакомством, таяся тебя, держат сторону Галданову и его защищают» [85, л. 714—715].

События 1690 и 1691 гг. убедили Пекин в том, что Галдан действовал не один, что его поддерживали в кругах, близких к далай-ламе. Но серьезное предупреждение, что вместе с Галданом будут истреблены и все его сообщники, не было принято во внимание. Летом 1692 г. Илагугсан-хутухта, доверенное лицо Сюань Е, открыто перешел на сторону Галдана и убежал к нему в район Кобдо, куда Галдан с остатками своих войск прибыл в конце лета 1691 г.

Положение Галдана было весьма затруднительным. От основной территории Джунгарского ханства он был отрезан Цэван-Рабданом, который готов был силой оружия воспрепятствовать возвращению своего дяди на родину. На ойратские владения в Кукуноре Галдану нечего было надеяться, владетельные князья Кукунора оставались нейтральными даже в период его военных успехов, а теперь, после понесенных им поражений, об их активной помощи не могло быть и речи. Халха была опустошена, ее население разбежалось, степи опустели. Надежды на русскую помощь также не оправдались. Власть Галдана распространялась лишь на район Кобдо. Цэван-Рабдан лишил его собственного домена — основного источника силы и влияния каждого феодала.

Весной 1691 г. из Тобольска к Галдану был направлен Матвей Юдин, который встретил в дороге ламу, ехавшего из ставки Галдана. Лама сообщил М. Юдину, что Цэван-Рабдан с армией в 40 тыс. человек кочует в долине р. Иртыш; что у Галдана в походе на восток тоже участвовало 40 тыс. воинов, но на обратном пути около половины их умерло от оспы.

В сложившихся условиях у Галдана было два пути: либо прекратить борьбу и сложить оружие, либо возобновить активные действия с целью овладеть Халхой. И он избрал последнее.

Осенью 1692 г. Галдан отправил в Пекин послов с письмом.

Наряду со старым требованием о выдаче ему Тушету-хана и Джеб-дзун-Дамба-хутухты Галдан поставил вопрос о возвращении халхаских князей и рядовых аратов на их родные кочевья в Халху. Он сделал вид, что не знает ничего о Долоннорском съезде 1691 г., на котором был решен вопрос о переходе Халхи в подданство Цинской империи, и дал понять, что считает свое право на Халху бесспорным.

Заслуживает внимания также и то, что Галдан упомянул о помощи, полученной от далай-ламы. Мы ничего не знаем о характере и размерах этой помощи, но, бесспорно, без нее Галдан не смог бы быстро оправиться от неудач 1690 г. Лхаса была единственным в это время источником его моральных и материальных сил. Если бы не поддержка церкви, едва ли при Галдане остались бы его вассалы, те владетельные князья, у которых были и скот, и подвластное население. Сюзерен, не имеющий собственного домена, казны, войск и т. п., не обладал ни властью, ни силой, чтобы принудить владетельных князей к повиновению. Поэтому поддержка церкви, ее религиозное влияние в известной мере заменяли Галдану собственный домен и богатую казну.

Что касается конфликта между Галданом и Цэван-Рабданом, то о нем можно судить по письму последнего к Сюань Е. Цэван-Рабдан писал: «Происшедшему между нами несогласию причина есть сия. Когда его человек, называемый Найчун-Омбо, возымел великую силу и самовольно отравил моего меньшого брата и при том и на меня стал много гневаться, то мой подданный все до последнего человека пришли в великое роптание. И таким образом я, поссорясь с ним, прочь от него отошел» [85, л. 551]⁶. Дополнительные сведения об истории конфликта сообщили в июле 1696 г. послы Галдана в беседе с цинским сановником Сира. Они рассказали, что внучка хошоутского Очирту-Цэен-хана по имени Ахай должна была выйти замуж за Цэван-Рабдана, но когда ее привезли, то взял ее в жены Галдан. В 1678 г. умер Соном-Рабдан, живший у Галдана. Тогда Цэван-Рабдан с 5 тыс. воинов тайно ушел от Галдана. Последний с отрядом в 2 тыс. воинов напал на Цэван-Рабдана и спросил его о причинах откочевки. Цэван-Рабдан ответил, что между ними не может быть мира, так как Галдан отобрал у него невесту и уморил его брата. А в 1690 г., когда Галдан пошел на восток, Цэван-Рабдан «всех его жен и детей со всеми домашними служителями» забрал к себе [85, л. 1627—1628].

Но каковы бы ни были причины конфликта, отношения между ними стали враждебными. Следует отметить, что Лхаса принимала меры к их примирению, но, по-видимому, безуспешно. Мы знаем о двух таких попытках. Об одной — из письма далай-ламы, полученного в Пекине в феврале 1693 г. Там, между прочим, сообщалось: «А понеже элетов большая половина с Цэван-Рабданом соединились, то хотя я и писал, чтоб они друг с другом поступали так, как того добрая дружба требует, но элеты на то не согласились» [85, л. 795]. О второй попытке упомянуто в письме далай-

ламы и дибы, полученном в Пекине в апреле 1695 г. В нем говорилось о том, что к Цэван-Рабдану и Галдану были посланы представители с целью примирить враждующих. Далай-лама и диба просили императора «сохранить за Цэван-Рабданом и Галданом ханские титулы «и всемилостивейше наградить их своею грамотою и печатью» [85, л. 882—883]. В заключение авторы письма обращались к Сюань Е с просьбой вывести его войска из северо-западных областей Китая, прилегающих к Тибету, ибо все владетельные князья верны Цинской династии и никто из них не помышляет о неповиновении.

Приведенные факты представляют несомненный интерес. Они свидетельствуют о действительной заинтересованности Лхасы в примирении Цэван-Рабдана и Галдана, а также о том, что силы первого возрастали, а второго — слабели. Предложение далай-ламы и дибы о присвоении племяннику и дяде ханского титула позволяет предположить, что существовал план раздела ойратского государства на две части: западную — с Цэван-Рабданом во главе и восточную — с Галданом. Возможно, что на основе этого плана стороны готовы были договориться о примирении. Что же касается предложения Лхасы о выводе цинских гарнизонов из Ордоса и Кукунора, то смысл его ясен: оно должно было облегчить реализацию этих планов. Однако замысел Лхасы реализовать не удалось. Галдан и Цэван-Рабдан не помирились. Предложение же об отводе войск вызвало гневную реакцию Сюань Е, усмотревшего в нем желание помочь Галдану. Он приказал отправить в Лхасу послание, в котором заявил дибе, «что он не того ли ради старается о сведении наших караулов, чтоб между тем Галдан, исправясь, усмотря способное время, на наши земли свободнее напасть мог» [85, л. 883—884].

В такой обстановке развернулась подготовка к войне. Претензии Галдана на Халху, равно как и требование о выдаче ему Тушету-хана и ургинского хутухты, были решительно отвергнуты цинским правительством, начавшим в ответ на эти требования мобилизацию войск и материальных ресурсов.

Что мог противопоставить этому Галдан? Он пытался привлечь на свою сторону владетельных князей Халхи и Внутренней Монголии, рассылал им множество писем. Зимой 1692 г. один из владетельных князей Внутренней Монголии переслал в Пекин письма, данные ему тайно послом Галдана. В ноябре того же года из Пекина к Галдану было отправлено письмо, в котором сообщалось, что Цинам известно о действиях Галдана. «А ныне бывшие здесь твои послы, присланные с данью, именем твоим нашим подданным мунгалам твои письма раздавали... Однако наши мунгалы, как верноподданные, обо всем нам доносили, и мы о твоих умыслах известны, то потому мы весьма не уповаем, чтоб они, прельстясь на обманы, от нас отпали. А что ты в своих письмах объявляешь, что якобы ты все то делаешь к пользе Дзункабина закону, то и мы... защищаем закон онго Дзункабы» [85, л. 779—780]. Содержание письма свидетельствует о том, что Галдан обращался к

князьям в первую очередь как к единоверцам, пытаясь воздействовать на них с помощью религии.

Продолжая военные приготовления, пекинские власти писали Галдану: «А ныне ты писал к нам, что... ежели о Джебдзун-Дамба-кутухте и Тусету-хане так учинено будет, как ты требовал... и все семи знамен калки возвращены будут на прежние свои места, то ты как нашим мунгалам, так и прочим всем никакого дерзновения и обид чинить никогда не будешь» [85, л. 808—809].

В Пекине отчетливо представляли себе, что Галдан не сможет длительное время оставаться в границах небольшого Кобдоского оазиса, что он попытается раздвинуть границы своего владения, а поскольку путь на запад закрыт Цэван-Рабданом, то направление на восток, к Толе и Керулену, является для него единственно возможным. В марте 1694 г. Сюань Е приказал ускорить подготовку к походу. «Понеже ныне уже весна истекает и земля везде покрывается новою травою, то потому определить того невозможно, чтоб Галдан, будучи от Цэван-Рабдана утеснен великою войною, не приступил поближе к нашим пограничным землям» [85, л. 826].

О тяжелом положении Галдана Пекин хорошо знал от перебежчиков, число которых неуклонно возрастало. Они рассказывали о недостатке продовольствия у Галдана, о его попытках наладить хлебопашество в своем владении и т. д. Пекин по-прежнему не разрешал подданным Галдана торговать в пределах империи, несмотря на его неоднократные просьбы об этом. В мае 1694 г. на границу прибыл очередной посол Галдана в сопровождении 2 тыс. человек, среди которых было более тысячи женщин и детей. Это посольство не было допущено внутрь страны. Своё решение цинские власти объясняли тем, что ойраты ездят по стране только в шпионских целях.

Следует отметить, что Галдан действительно засылал в монгольские и другие районы Китая много агентов. Источники сообщают о частых казнях галдановских шпионов. Обращает на себя внимание тот факт, что среди агентов преобладали ламы. В 1695 г., например, была раскрыта целая организация, возглавлявшаяся восемью учениками Илагугсан-хутухты и насчитывавшая более 200 человек. Члены этой организации были не только шпионами, «но притом и о том старались, чтоб мунгальские сердца склонить на свою сторону» [85, л. 974].

Общее содержание писем Сюань Е к Галдану в 1694 г. сводилось к утверждению, что последний в бою при Улан-Бутуне мог быть уничтожен, но якобы из жалости пощажен. Требуя выдачи Тушету-хана и Джебдзун-Дамбы и добиваясь власти над халхасами, Галдан нарушает данную им клятву и вновь поднимает вопросы, которые уже окончательно решены и не могут быть пересмотрены. Единственный выход из создавшегося положения — съезд и переговоры; для участия в них Галдан должен приехать лично и дать заложников — наиболее близких и преданных ему Дандзилу или Дандзин-Гомбо. Выполнив эти условия, он полу-

чит в награду 60 тыс. лан серебра, тогда же будет рассмотрен и вопрос о разрешении на торговлю в Китае.

Летом 1695 г. Галдан выступил из района Кобдо, в августе его войска достигли берегов Керулена. В это время он, как и раньше, не прекращал попыток привлечь на свою сторону владетельных князей Халхи и Внутренней Монголии. Зная об этом, Сюань Е предпринял все меры, чтобы заставить Галдана подойти ближе к границам и там его уничтожить.

Разведчики доносили, что у Галдана всего около 20 тыс. воинов и он не помышляет о движении за границу Халхи. Его основной базой являются верховья Керулена и Толы. Убедившись в том, что Галдан не намеревается идти навстречу ожидающим его цинским войскам, Сюань Е вынужден был принять решение о наступлении на Галдана. Для этого надо было направить войска через пустыню Гоби, обеспечив их снабжение. Император решил лично участвовать в походе. Предвидя трудности и лишения, неминуемые в таком походе, сановники и высшие военачальники убеждали императора доверить им выполнение операции, а самому оставаться в столице. Сюань Е ответил на это указом, из которого предельно ясно причины и цели очередного похода против Галдана. Он объявлялся более опасным, чем все до него выступавшие против Цинской династии, ибо мог отторгнуть от империи территории, населенные монголами, и таким образом пробудить желание и у других народов, завоеванных Цинами, освободиться от их власти. Не доверяя столь важную операцию своим сановникам, Сюань Е решил лично возглавить армию и вместе с ней совершить трудный поход через Гоби.

Войска должны были двигаться на Халху по трем направлениям: с востока, из центра и с запада. Они были оснащены многочисленными пушками, транспортными средствами, провиантом. Воины были одеты в надежные доспехи, имели запасных лошадей. Мы не можем точно определить численность армии, выступившей против Галдана, но можно полагать, что в операцию было вовлечено, включая вспомогательные службы, около 400 тыс. человек.

В конце февраля 1696 г. восточная, центральная и западная группы войск двинулись в путь, тщательно скрывая маршрут и цель движения от монголов, особенно от халхасов, которые могли бы предупредить Галдана и тем осложнить всю операцию. Китайским войскам было запрещено разжигать костры [85, л. 1152].

В апреле 1696 г. в штаб Сюань Е поступили сведения, что армия Галдана насчитывает 20 тыс. ойратских воинов и 60 тыс. человек, прибывших якобы из России. Эти сведения вызвали в штабе переполох. Многие сановники настойчиво рекомендовали Сюань Е прекратить поход. Но император пригласил их в свой шатер и напомнил, какие огромные усилия были затрачены на подготовку похода, имеющего большое значение для судеб империи. Он предупредил сановников, что «ежели кто из них с крайней ревностью служить не будет, а будет трусить и не иметь радения, то оного мы без всякого упущения смертью казнить будем» [85, л. 1216—1217].

Цинские войска стремительно продвигались к верховьям Керулена и Толы. Лагерь Галдана находился в районе, центром которого был Баин-Ула.

Судя по данным цинских разведчиков, непрерывно наблюдавших за лагерем Галдана, последний не знал о надвигающейся на него грозной силе. Сюань Е писал своему сыну в Пекин в середине апреля: «Мы час от часу наши отводные караулы далее распространяем и, наведываясь о неприятеле, собираемся с задними войсками. Нам немалой от того будет авантаж, ежели Галдан на том же месте находится, в котором видел его Чекчу (один из разведчиков.— И. З.)» [85, л. 1236]. В другом письме к сыну он сообщал, что, по полученным от разведчиков сведениям, «Галдан при реке Керулен подлинно находится и ныне... Наш главный корпус отстоит от Галдана в 5 днищах, токмо, однако, он ничего сего не знает» [85, л. 1243—1244].

Однако не все шло так, как было задумано. Командующий западной группой Бе Фяньгу 21 апреля прислал донесение о том, что его войска приблудут к р. Тола не 24 апреля, как было намечено, а лишь 4—6 мая. Опоздание угрожало сорвать план окружения Галдана и открывало ему путь к отступлению на запад. Стремясь выиграть время и не дать Галдану ускользнуть, император в начале мая отправил к нему послов с письмом, в котором сообщал, что на границе сосредоточена и готова выступить против него мощная армия, которая, однако, задержана, так как Сюань Е хочет избежать войны и кровопролития. Возвращаясь к своему старому предложению о созыве съезда для переговоров о мире и торговле, Сюань Е убеждал Галдана, что «мы хитрыми коварствами и лукавствами подлогами никого не обманывали и никогда обманывать не хотим. Ты в сем деле никакого не имей страху и ни в чем не сомневайся. А когда ты, утрапившись, возмиешь в себе сомнение и с тем отбежишь от нас прочь, то сему делу никогда конца не будет» [85, л. 1303].

6 мая 1696 г. послы с этим письмом и с дарами подошли к передовым ойратским караулам, которые предложили им вернуться и ожидать решения Галдана. Ойратские военачальники сказали, что им известно о прибытии императора с армией. Они просят Сюань Е повременить с началом наступления, ибо Галдан стоит не с ними на Керулене, а на южном берегу Толы, «ежели наша армия прямо на них пойдет,— доносили послы,— то они укрываться будут, а когда их вслед теснить будут, то и они на оборону себя руки имеют» [85, л. 1327]. Ойраты предложили одному послу возвратиться к Сюань Е, а другому остаться и ожидать ответа Галдана.

Из показаний ойратских пленных, допрошенных в штабе Сюань Е, известно, что Галдан, поднявшись на высокую гору, изучал расположение цинских войск, а затем отдал приказ об отходе с берегов Керулена. Опасаясь, что Галдан и на этот раз уйдет далеко на запад и станет недосыгаемым, Сюань Е вновь направил к нему послов, чтобы убедить его не уходить, ибо император прибыл сюда якобы для того, чтобы помириться.

10 мая цинские войска заняли ставку Галдана. Все свидетельствовало о поспешном и беспорядочном бегстве ойратов. Пленные сообщали о начавшемся разладе между Галданом и его ближайшими сподвижниками. Сюань Е писал сыну: «Три дня сряду, т. е. 10, 11 и 12 числа, гнались за неприятелем, и неприятеля нашего видели мы в таком бедном состоянии, что принужден он был при своем робостном побеге многих жен и с детьми их бросить... Из сего видно, что неприятели наши от нас уже весьма далеко отделились. Однако сей бунтовщик никак не может из рук наших уйти, ежели... Бе Фянь-гу с войском своим его перехватить успеет» [85, л. 1355].

Моральное состояние ойратских войск было, по-видимому, невысоким. Появились перебежчики и оставшие от войск. Они рассказывали, что простой народ «горестно говорит: будет ли горю нашему конец?» Бе Фяньгу доносил, что в его руки попала группа ойратских беженцев: пять женщин, трое мужчин и восемь мальчиков, с ними было немного скота. Беженцы рассказали, что они вместе со всеми отступали, а когда дошли до Кентейских гор, то убедились в том, что «господин их не столь ласково стал их принимать, как прежде того обходился с нами. Чего ради, желая питать себя тарбаганьею ловлею, от него сбежали» [85, л. 1426].

13 мая в местности Цзун-Мод, на р. Терельджи, войска Галдана были встречены армией Бе Фяньгу. Произошло сражение, закончившееся поражением ойратов. Бе Фяньгу доносил императору, что у Галдана было 10 тыс. человек, из которых в бою убито более 2 тыс., взято в плен около 100 человек. Большое численное и подавляющее техническое превосходство решило исход сражения. Остатки ойратской армии рассеялись, сам Галдан с группой приближенных бежал на запад.

Поражение усилило поток перебежчиков. Среди них были два ойратских чиновника, неоднократно ездившие к Сюань Е в качестве послов. Будучи доверенными людьми ойратского повелителя, они многое знали, поэтому их рассказ о Галдане, о его планах, о поражении и отступлении во многих отношениях интересен. Один из них, Дамба-хасиха, говорил: «Галдан по природе своей не только разумен есть, но и ко всем своим подданным в любовь пришел. Он о том весьма сожалел, что зашел в столь дальнее местечко Улань-Бутун и несчастливую войну имел. А потом около Керулен, Тула и прочих рек для того поселился, чтоб как калков, так и прочих всех мунгал... возмутить... а ежели манджур, рассуждал он, уведомятся и против него в малой силе выдут, то он баталию даст, а в великой силе выдут, то уклонится. А при обратном шествии манджур с тылу нападать хотел. И так тем способом уповал он чрез несколько лет всю силу и провиант у манджур... в совершенный упадок и бессилие привести» [85, л. 1455—1462].

Галдан не предполагал, что через Гоби может пройти такая огромная армия и что ее возглавит сам император. На рассвете 7 мая его армия начала отступление от Керулена. Он собирался дать бой у горы Тоно-алинь, но не смог удержать войска от бегст-

ва. «А как еще хотел он при местечке Эхей-бургасутай в тальнике, положа верблюдов, к баталии построиться, то получил он весть о приближении западной армии» [85, л. 1457—1458]. Тогда Галдан решил обрушиться на западную группу войск. В это время с ним было всего около 5 тыс. воинов, а ружей не более 2 тыс. К тому же в результате поспешного пятисуточного отступления по местам, где из-за засухи не было ни травинки, лошади и скот обессили, многие люди отстали. Поэтому к Цзун-Мод прибыло не все его войско. Кроме того, части Бе Фяньгу заняли все высоты, а ойраты «захватили только невеликой холм и, спешившись, к сражению приуговетились». Но противостоять стрельбе из пушек и ружей они не могли. Конница противника окружила ойратский обоз, захватила жен и детей, а также около 20 тыс. голов крупного и более 40 тыс. мелкого скота. Дамба-хасиха объяснил, что он изменил Галдану «того ради, чтоб живот свой спасти» [85, л. 1455—1462].

Рассказ Дамба-хасиха раскрывает план Галдана, который предполагал укрепиться в центральных районах Халхи и добиваться перехода на его сторону владетельных князей Халхи и Внутренней Монголии, не выступая активно против Цинской династии, но отражая ее попытки подавить его. Таким образом он мог бы выжидать более благоприятной ситуации. Мы не можем сказать, какое участие в выработке этого плана принимала Лхаса, но пленные ойраты рассказывали о том, что Галдан говорил: «Никогда того намерения не было, чтоб к реке Керулен итти, а пошел я сюда по совету Далай-ламы, потому что он меня словами своими обольстил» [85, л. 1476].

Но план Галдана был раскрыт, и ему нанесли сокрушительный удар.

19 мая Сюань Е с основной армией двинулся в обратный путь. Допуская, что Галдан в поисках спасения может направиться в Кукунор, император послал кукунорским владетельным князьям строгий указ, чтобы они, увидев Галдана, его схватили и передали в руки цинских властей. Князей предупредили, что за невыполнение указа они будут рассматриваться как враги.

Одновременно с этим Сюань Е приказал своим командующим потребовать от всех монгольских князей и тайджи выдачи писем, полученных ими от далай-ламы и других светских и духовных владык Тибета [85, л. 1566]. Было очевидно, что он готовит расправу с лхасскими покровителями Галдана. В июне 1696 г. в Кукунор было направлено послание, в котором дьбу обвиняли в том, что он скрыл от верующих смерть далай-ламы, умершего более 10 лет назад, а также поощрял военные замыслы Галдана, действовавшего якобы от имени и по поручению далай-ламы. Сюань Е потребовал от кукунорского владетельного князя Бошокту-дзинуна, чтобы тот прислал к нему под конвоем жену своего сына, дочь Галдана, а также других людей Галдана, которые находились у Бошокту-дзинуна [85, л. 1569]. Вскоре был издан еще один указ, в котором сообщалось о решении Сюань Е направить посольство

к далай-ламе. «И ежели Далай-лама подлинно жив и моим по-слам, допустивши пред себя, объявит, что Галдан делал все по его воле, то мы не токмо все дела предадим вечному забвению, но и ни о чем упоминать и гневаться не будем» [85, л. 1619—1620].

Сюань Е твердо знал, что далай-лама давно уже умер, что дига, сын умершего, действовал от имени главы ламаистской церкви, в покой которого никого не допускал под тем предлогом, что далай-лама погрешен в самосозерцании и никого не желает видеть. Сюань Е необходимо было убедить массы верующих, что дига действительно обманывал их. С этой целью он и намеревался отправить послов в Лхасу.

Так было начато уничтожение «бунтовщицкого корня».

В июле 1696 г. Галдан вернулся в район р. Тамир, куда постепенно прибыли и его сподвижники: Рабдан, Дандзила, Дандзин-Гомбо, Илагугсан-хутухта и др. Не пришли лишь те, кто оказался в руках цинских властей, а также те, кто ушел к Цэван-Рабдану или в Кукунор. У Галдана и его сторонников было менее 5 тыс. воинов, скота у них было очень мало, а многие не имели даже юрт. Положение Галдана было тяжелым, особенно если учесть, что приближалась зима и встречали ее без продовольствия, без жилья, без надежных источников снабжения. Галдан созвал совет, чтобы решить, как преодолеть трудности, но на совете возникли разногласия, в результате от Галдана отделились Дандзин-Гомбо и Рабдан. На р. Тамир остались Галдан, Дандзила и Илагугсан.

Между тем Сюань Е прилагал усилия к тому, чтобы закрыть Галдану выход из его базы. Цэван-Рабдану он писал: «И того ради надлежит тебе, не упуская сего времени, во все места войско разослать и прихватя его (Галдана.— И. З.), в конец истребить. Однако ежели ты его, Галдана, поймашь живого, то пришли его к нам под караулом, а ежели убьешь, то голову его пришли» [85, л. 1765]. От правителей Кукунора он продолжал настойчиво требовать ареста и доставки в Пекин дочери Галдана.

В сентябре 1696 г. от Галдана к цинским войскам перебежал один из зайсанов. Он сообщил, что «Галдан их пришел в такую бедность и крайнее оскудение, что не токмо дневной пищи, юрт и палаток не имеет, но и, не имея дороги куда идти, со всех сторон весьма утеснен. И ныне токмо одними травными кореньями питается. Сверх сего 4-го числа в землю его выпал на несколько аршин глубины превеликий снег. И так нынешнюю зиму ему прожить никто не уповает» [85, л. 1869—1870].

Сообщения, из разных источников поступающие к Цинам, говорили, что положение Галдана осенью и зимой 1696 г. было исключительно тяжелым. Вскоре стало известно, что его соратник Рабдан с тысячей воинов ушел к Цэван-Рабдану.

Сюань Е не терпелось самому увидеть своего врага окончательно поверженным. В сентябре 1696 г. он еще раз написал Галдану, убеждая его покориться и перейти в подданство Цинской династии, обещая ему и всем его сановникам всякие блага [85, л. 1885—1886].

Галдан не ответил на это письмо, как не отвечал и раньше на подобные послания и предложения.

В ноябре 1696 г. Сюань Е стало известно, что с Галданом осталось всего несколько сотен человек. «Однако как от великого голоду,— писал император сыну,— так и от жестоких морозов не токмо великое множество из них бежит, но также многие и з голоду мрут... А хотя прежде слышно нам было, что Галдан намерен идти в землю Хами, однако ж.. Галдан и еще около прежних мест бродит. Из чего видеть можно, что ему ни в которую сторону воротиться нельзя и уйти некуда, но еще и прежнего гораздо крепче огорожен» [85, л. 2019—2020].

Желая ускорить уничтожение Галдана и «всего бунтовщического корня», Сюань Е перебрался со своим штабом в Нинся, ближе к ставке Галдана. «Однако,— писал император в указе,— до тех пор от намеренного дела не престанем, пока сам Галдан в полон взят или убит не будет» [85, л. 2042—2043].

В конце 1696 г. цинские войска задержали группу людей, назвавших себя послами далай-ламы и диги, а также некоторых кукунорских князей, ездивших к Галдану с целью «спросить о его здоровье» и теперь возвращавшихся домой. Вместе с ними в Лхасу и к кукунорским правителям ехали три посла от Галдана.

Одновременно Галдан отправил посла и к Сюань Е с предложением начать переговоры о мире. Император ответил послу: «Поезжай ты и скажи своему Галдану, что тогда гораздо лучше будет, ежели мы с ним обо всех делах персонально договариваться станем, потому что без того делу нашему никогда конца не будет. А ежели он сюда не поедет, то мы неотменно прямо к нему пойдем, хотя одним снегом питаться будем, а намерения своего не отложим» [85, л. 2075—2076].

Сюань Е и в самом деле решил ускорить выступление на Галдана. Однако в войсках, испытывавших трудности со снабжением продовольствием, поднялся ропот. Тогда Сюань Е приказал сформировать два отряда в 2 тыс. и 3 тыс. воинов, чтобы двинуть их на лагерь Галдана. С этими отрядами император решил идти сам.

Галдан еще не терял надежды на лучшее будущее. Он рассылал письма в разные концы Монголии, убеждая владетельных князей и лам перейти на его сторону. Но его письма перехватывались цинской армией, теоным кольцом окружившей его лагерь.

В январе 1697 г. в районе Хами был захвачен на охоте сын Галдана — Цебден-Бальжир. По распоряжению Сюань Е захваченный был «привезен в Пекин в глухой телеге и казан всем обывателям публично, а потом под крепкий караул посажен» [85, л. 2284].

В марте 1697 г. началось общее наступление цинской армии на ставку Галдана. Сведения, поступившие в это время к Сюань Е от ойратских перебежчиков, говорили о том, что Галдан уже вряд ли способен оказывать наступающим какое-либо сопротивление. Число оставшихся при нем людей непрерывно сокращалось, причем, по словам перебежчиков, он никого не удерживал и разрешал каждому действовать по своему усмотрению. Среди немногих дру-

зей и соратников Галдана росло недовольство в связи с тем, что он бездействует. Один из них прямо сказал Галдану: «Разве нам здесь, с тобою будучи... з голоду помереть? Так же ты прежде сего всегда поваривал, что ты все делаешь в пользу закона Дзункабина, но своими делами так оказался не согласен, что не токмо семи знамен калкаской народ, но и весь четырех родов элетский народ крайнему нещастью подвергнул, правительство свое разрушил... Мы прежде сего тебе ничего не говорили... а ныне уже великая нетерпеливость и крайняя горесть побуждает нас обо всем тебе выговорить» [85, л. 2303—2304]. Очевидцы передавали, что Галдан, выслушав эти гневные упреки, не сказал ни слова в ответ.

Несмотря на безвыходность положения, он все же упорно отклонял предложения о капитуляции. Возможно, что Галдан все еще надеялся на помощь из Лхасы, где вершил делами церкви диба — его наставник и союзник. И в самом деле, диба делал все возможное, чтобы помочь Галдану. Благодаря его усилиям Цэван-Рабдан уклонился от участия в походе на последнюю ставку Галдана. Цэван-Рабдан сказал прибывшему к нему представителю цинского правительства, что «по силе вашего величества указу, взяв свое войско, на Галдана пошел. И не дошедши за 20 дней езды до рек Сакса и Техурик, нагнал его Далай-ламин посол, Дархан-эмци называемый, которой объявил ему... чтоб он в свою землю возвратился и более ни против кого не воевал. И того ради он, Цэван-Рабдан... возвратился назад» [85, л. 2333—2334].

В это же время диба пытался созвать съезд всех кукунорских князей. Один из них переслал в штаб Сюань Е полученное им письмо с извещением, что «все хухунорские нояны посланными от Далай-ламы и дибы послами первого месяца 28 дня, при горе Чаган-Толохой называемой на съезд соберутся и свое военное оружие исправлять будут. Того ради и тебе со всеми твоими людьми военное оружие исправить, и наступающего месяца к 5 числу, нигде ни мало не стоя, со всевозможным поспешением неотменно на показанное место быть надлежит» [85, л. 2338]. Видимо, созыв этого съезда, так или иначе был связан с вопросом о помощи Галдану. Во всяком случае, в штабе Сюань Е в этом не сомневались. Советники императора так оценили действия дибы: «По всем сим делам довольно явствует, что диба и поныне Галданеву сторону держит и нас явно обманывает» [85, л. 2338].

В марте 1697 г. Сюань Е направил Галдану еще одно послание с предложением сдаться [85, л. 2407—2410].

Но Галдана уже не было в живых. Утром 13 марта 1697 г., находясь в урочище Ача-Амтатай, он занемог, а к вечеру того же дня он на 52-м году жизни умер. В ночь на 14 марта его труп был предан сожжению. Сюань Е писал сыну: «Галдану случилась смерть от принятого им ядом исполненного зелия... Но токмо того жаль, что Галданево тело сожжено. А однако ж только б мы одну его сухую голову видеть могли, хотя б он и совсем цел был, прежде сего и У Сань-гуево тело также сожжено было, однако оно потом на лобном месте в ступе истолчено и по всем рынкам рас-

сеяно. И тако сего закону мы уже переменить не можем» [85, л. 2474—2475].

Смерть Галдана положила конец военным действиям. Халха стала частью Цинской империи. Но Джунгарское ханство продолжало существовать как самостоятельное монгольское государство.

* * *

Приведенные в главе документы убедительно свидетельствуют о том, что Галдан-Бошокту-хан был ставленником влиятельных кругов Лхасы, возглавлявшихся далай-ламой и дибой. Они стремились к образованию объединенного независимого монгольского феодально-теократического государства под эгидой ламаистской церкви. Вся деятельность Галдан-Бошокту-хана была подчинена этой цели. Она определяла его внутреннюю и внешнюю политику, равно как и его отношение к тому или иному монгольскому владельческому князю. Все, кто поддерживал план образования монгольского государства, были союзниками Галдана, все противники этого плана были его врагами.

Руководители ламаистской церкви активно поддерживали Галдана на всех этапах его деятельности, поставив ему на службу многочисленные слои ламства разных степеней и рангов, используя в этих же целях и то огромное религиозное влияние, которым церковь пользовалась в народных массах. Без могущественной помощи церкви Галдан не смог бы овладеть Восточным Туркестаном, разгромить Тушету-хана и его союзников, а после понесенных поражений продержаться почти целое десятилетие.

Планы Лхасы и Галдана встретили решительное противодействие со стороны маньчжурской знати во главе с императором Сюань Е, который раньше многих своих сановников понял, какая грозная для интересов династии опасность таится в планах Лхасы и Галдана. Уже после гибели Галдана, подводя итоги всей кампании, Сюань Е говорил: «Галдан так далеко распространил свои победы, что он в западной и северной стороне живущих многих хуйдзыских (татарских и бухарских.— И. З.) владельцев, а именно Самархань, Бухар, Хасак, Бурут, Еркень, Хасхар, Сайрам, Турфань и Хами, под свое владение подбил и покорил, а городов и местечек более тысячи двух сот во владении своем имел. И понеже он в войнах почти век свой изжил и воинскими делам довольно искусился, то калкам ни по которой мере стоять было против него не можно. И тако он семи знамен калкаской народ, состоящий из многих тысяч сот человек, в один год очистил. Чего ради калкаские ханы, нояны и тайдзиги... под покров наш прибежали. Однако ежели бы мы их тогда не приняли... то б они поневоле принуждены были поддаться элетам. А коль был тогда силен Галдан, то и кроме нашего изъяснения всяк видеть может... Однако ежели бы мы сего дела (т. е. войну с Галданом.— И. З.) благополучно окончить не могли, то б мы... ту бы на себе славу понесли, что мы все соки своего государства в северных странах истощили» [85, л. 2523—2529].

Решающей причиной, обусловившей поражение Галдана, было то, что ему даже с помощью церкви не удалось объединить вокруг себя большинство монгольских владетельных князей. Более того, в результате его чрезмерно прямолинейной и деспотической политики в числе врагов Галдана оказался Цэван-Рабдан, который фактически изгнал его из Джунгарского ханства и тем лишил надежного тыла. По этой же причине Галдан не сумел привлечь на свою сторону князей Кукунора, активная поддержка которых могла бы коренным образом изменить обстановку в его пользу, значительно увеличив его людские и материальные ресурсы, обеспечив надежную коммуникацию с Лхасой. Трудно сказать, какую пользу могло оказать Галдану Калмыцкое ханство на Волге, но он умудрился восстановить против себя его правителя Аюку.

Панмонгольские и панламаистские планы, разработанные в Лхасе, отвечали интересам монгольских феодалов, но они не меняли сколько-нибудь существенно положения народных масс Монголии, для которых войны Галдан-Бошукту-хана ничем или почти ничем не отличались от обычных феодальных войн, всю тяжесть которых несли на своих плечах простые труженики. Положение народных масс Джунгарского ханства и их настроение отражены в словах, которые были приведены выше: «Будет ли нашему горю конец?»

Глава пятая

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРИОД НАИБОЛЬШЕГО МОГУЩЕСТВА (первая половина XVIII в.)

После смерти Галдан-Бошукту-хана ойратские владения перешли к Цэван-Рабдану. Годы правления Цэван-Рабдана и особенно его преемника Галдан-Церена были временем наибольшего могущества Джунгарского ханства, наиболее активной его роли в жизни Восточной и Центральной Азии.

Интенсивные внешнеполитические и экономические связи Джунгарии с Россией и Китаем, с феодальными владениями Казахстана и Киргизии, Средней Азии и Восточного Туркестана в этот период оставили заметный след в истории сопредельных с Джунгарией стран и народов.

Именно это обстоятельство обусловило особый интерес исследователей к истории ойратского государства первой половины XVIII в. и породило поток книг и статей, авторы которых стремились возможно полнее рассказать о событиях этого периода, раскрыть их причины и внутренний смысл. Больше всего публикаций, книг и статей появилось на русском языке [29; 53; 116 и др.].

Недостаточность источниковедческой базы и некритическое отношение исследователей к имевшимся источникам явились причиной многих ошибок и неточностей в изложении и трактовке событий. А. Позднеев, например, слепо доверяя монгольским источникам XVIII и китайским XIX в. и игнорируя показания русских архивных документов, отрицательно характеризовал Джунгарское ханство и его деятелей, идеализировал политику и правителей Цинской империи. А. Позднеевым написано несколько значительных работ, посвященных монгольской истории рассматриваемого периода. В них он настойчиво проводит мысль, что именно ойраты, т. е. правители Джунгарского ханства Цэван-Рабдан и Галдан-Церен, были инициаторами и виновниками войн и других международных осложнений того времени [121, с. 275 и сл.; 123, с. 284; 120, с. 246 и сл.]. Говоря о событиях халхаской истории, А. Позднеев писал: «Виновниками нового смутного времени в Халхе были опять-таки те же чжунгары, во главе которых стоял теперь так недавно изъяслявший свою преданность маньчжурам и искавший у них защиты от нападений Галдана Цэван-Рабдан» [121, с. 275]. Попытка А. Позднеева объяснить сложные исторические процессы в странах Центральной и Восточной Азии в первой половине XVIII в. только злой волей ойратских ханов находится в резком

противоречии с показаниями источников и не выдерживает критики. Следует также отметить, что в основной работе А. Позднеева по истории ойратов рассматриваемого времени — в «Материалах для истории Халхи» — содержится много фактических ошибок и неточностей.

Свидетельством слабой изученности этого периода ойратской истории могут служить противоположные оценки деятельности Цэван-Рабдана, даваемые К. Пальмовым и Н. Веселовским. Первый считал Цэван-Рабдана ставленником Китая [115, с. 13], тогда как второй приписывал ему стремление завоевать не только Монголию, но и Китай [53, с. XXVII].

О завоевательной политике правителей Джунгарского ханства писали многие ученые. И. Минаев в рецензии на книгу Н. Веселовского о посольстве И. Унковского к Цэван-Рабдану писал: «Подобно своему предшественнику, Цэван-Рабдан был воинствен и, как кажется, имел грандиозные завоевательные планы; они-то и привели его к борьбе с китайцами и заставили в момент сильной неудачи искать покровительства у русского императора» [108, с. 247]. С. А. Козин утверждал, что в период правления Цинов «Джунгария, со всей очевидностью, считала себя преемницей национально-исторических прав бывшей Юаньской державы, а следовательно, и прав сюзерена над вассальными странами и народами этой державы... Отсюда факты неоднократных захватов джунгарами этих стран, имевшие место и в XVI—XVII вв. (Гуши-хан Хошоутский) и даже в XVIII в. (Цэван-Рабдан Джунгарский), какими бы внешними поводами ни вызывались эти захваты» [90, с. 78].

Вопрос о Джунгарском ханстве так или иначе затрагивался в многочисленных трудах по истории Сибири, Казахстана, Калмыкии, Средней Азии, России и их отношений со странами Востока. Часть этих трудов, опубликованных в XIX и начале XX в., представляет собой популярные и научно-популярные произведения, не имеющие самостоятельного научного значения. Другая их часть состоит из серьезных исследований, расширяющих и углубляющих познание истории нашей Родины. Однако подавляющему большинству этих трудов свойственно то, что их авторы, пользуясь только русскими источниками и не принимая во внимание процессы внутренней истории Монголии, ограничивали свои исследования рамками русско-джунгарских отношений, вольно или невольно идеализируя в известной мере политику правящих кругов тогдашней России [25, 38, 48, 96, 140, 153].

Из зарубежной литературы можно отметить работы М. Курана о некоторых проблемах истории Центральной Азии в XVII—XVIII вв., Г. Каэна о русско-китайских отношениях при Петре I. Первая из упомянутых работ представляет собой свод данных, почерпнутых автором преимущественно из русских и китайских исторических сочинений, а также из опубликованных записок путешественников и миссионеров, посещавших Китай и страны Центральной Азии.

М. Куран противопоставляет два политических курса: один из

них проводился маньчжурскими правителями, а другой — ойратскими. По его мнению, целью тех и других было образование собственной империи за счет другой стороны. Эту концепцию автор отразил уже в заголовке книги, назвав ее «Империя калмыков или империя маньчжуров?». Сведя всю проблему к указанному противопоставлению, М. Куран необычайно упростил ее, и поэтому научного значения его произведение не имеет. Что касается исследования Г. Каэна, то автор рассматривает историю Джунгарского ханства конца XVII — первой трети XVIII в. исключительно в аспекте борьбы за влияние между Россией и Китаем.

Оба эти произведения мало чем могут помочь в раскрытии внутренней и внешнеполитической истории ойратского государства в годы правления Цэван-Рабдана и Галдан-Церена.

Нашим главным источником при изучении истории Джунгарского ханства в конце XVII — первой половине XVIII в. были русские архивные материалы из фондов ЦГАДА и особенно АВГР. Значение этих материалов неоспоримо. В них содержится огромное количество фактических данных о событиях главным образом внешнеполитической истории Джунгарского ханства, хотя они дают немало сведений и о внутренней жизни ойратского общества. Значение указанных материалов тем более велико, что в подавляющем большинстве они состоят из подлинных документов, включающих статьиные списки, журналы путешествий и дневниковые записи русских послов Саввы Владиславовича Рагузинского, Лоренца Ланга, Максима Этыгера, Леонтия Угримова и др., ездивших в Китай или к хану Джунгарии, донесения, справки сибирских губернаторов и других представителей русской администрации Сибири, Оренбургского края и Поволжья, доклады и письма калмыцких ханов и князей. Большую ценность имеют также заверенные копии русских правительственных грамот, указов и инструкций разного рода, переводы, а иногда и оригиналы писем правителей Джунгарского ханства русским властям.

Нет сомнений, что при отсутствии собственно ойратских и калмыцких источников, посвященных первой половине XVIII в., при недоступности тибетоязычной литературы русские архивные документы приобретают значение основного источника, позволяющего раскрыть объективный ход исторических событий. Разумеется, нельзя не учитывать, что русские архивные материалы отражают интересы и официальную политику правящих кругов России, поэтому и требуют строгого критического анализа. Но на сообщаемые ими фактические данные можно, как правило, положиться.

1. Внутренняя и внешняя политика

Ойратское государство оказалось достаточно жизнеспособным, чтобы устоять под напором бурных событий периода правления Галдан-Бошокту-хана. Сам Галдан полюбил, предпочтя самоубийство неминуемому плену и позорной казни, но Джунгарское ханство в

течение еще шести десятилетий продолжало существовать и развиваться как независимое государство западномонгольских феодалов.

В предыдущей главе отмечалось, что со времени вторжения в пределы Халхи в 1688 г. Галдана фактически был отрезан от основной территории Джунгарского ханства и больше там не появлялся. В этих условиях Цэван-Рабдан без труда захватил бразды правления, не встретив, по-видимому, сопротивления.

С какого же времени следует считать Цэван-Рабдана ханом Джунгарии? Фактически он стал им еще при жизни Галдан-Бошукту-хана, но внешний мир, народы и страны признали его правителем ханства лишь после смерти Галдана. Таким образом, 1697 г. следует считать первым годом правления Цэван-Рабдана.

Источники не позволяют проследить деятельность Цэван-Рабдана в течение тех 20 лет, которые отделяют разрыв его с Галданом от восшествия на ханский трон, т. е. с 1678 до 1697 г. Мы знаем очень мало о том, как происходило укрепление его позиций в ханстве, как он постепенно превратился в действительного правителя ойратского государства. Известно, однако, что владетельные князья и народ Джунгарии не выступили в защиту прав Галдан-Бошукту-хана, когда Цэван-Рабдан, фактически узурпировав ханскую власть, решительно отказывал в помощи бедствовавшему правителю ханства.

Из этого можно сделать лишь вывод, что великодержавные планы Галдана не пользовались большой поддержкой в Джунгарии. Даже владетельные князья, не говоря уже о народных массах, предпочитали не ввязываться в такое предприятие, как попытка создать «великое монгольское государство» под эгидой иерархов Лхасы. Возможно, что эти планы встречали поддержку крупных и крупнейших феодалов, а также высших лам Джунгарии, но средние и мелкие феодалы, не участвовавшие в войнах Галдана 90-х годов и кочевавшие на джунгарской территории, не хотели жертвовать своими непосредственными интересами ради этих планов. Вот почему они оставили Галдана и оказали поддержку Цэван-Рабдану. Последнего не поддержали лишь ближайшие сподвижники Галдана и личные враги Цэван-Рабдана. Большинство из них предпочли подданство Цинской империи возвращению в Джунгарию под власть Цэван-Рабдана [85, л. 2585—2587, 2601, 2608, 2614 и сл.].

Необходимо отметить, что источники не подтверждают распространенной в литературе версии, будто Цэван-Рабдан, желая завоевать расположение Сюань Е, выдал цинским властям останки Галдана, а также сына и дочь Галдана [121, с. 276 и сл.]. По данным источников, Сюань Е действительно всячески стремился захватить детей и близких родственников Галдана, заполучить пепел от его сожженного трупa. Он не раз посылал соответствующие письма и послы к Цэван-Рабдану. Но тот под разными предлогами длительное время уклонялся от выполнения этих требований.

«Прежде сего,—говорит источник,—к Цэван-Рабдану послан

был указ, чтоб он Галданево тело без всяких оговорок прислал, а ежели не пришет, то б он более своих послов и караванов для купечества не присылал» [85, л. 2619]. Только в сентябре 1698 г. прах бывшего правителя Джунгарского ханства был доставлен в Пекин, где по приказу Сюань Е он был выставлен в воротах города.

Что касается дочери Галдана, то Цэван-Рабдан, уступая давлению Пекина, отправил ее лишь летом 1699 г.¹

Первым крупным внешнеполитическим актом Цэван-Рабдана в качестве джунгарского хана была война с казахским ханом Тауке. Весной 1698 г. Цэван-Рабдан писал Сюань Е, что начал войну «не от доброй воли, но по великому принуждению», что ее причиной является вероломство Тауке, который обратился к нему с просьбой помочь освободить сына, взятого в свое время Галданом в плен и отправленного в Лхасу в подарок далай-ламе, обещая, что за это «он, Тауке, со мною в союзе и согласии пребывать будет». Цэван-Рабдан добился освобождения сына Тауке и отправил его к отцу в сопровождении 500 человек «для обережения». Но Тауке «за сии мои благодеяния,—писал Цэван-Рабдан,—вместо благодарности оных моих людей всех до последнего человека наголову побил. Потом моего подданного Урхедей-Батур-тайдзия убил и всех его людей, разграбивши, в плен к себе отвел. После сего не в долгом времени давних моих ясаших урянхайцев более ста кибиток с женами и с детьми, со всем их скотом и пожитками забрал». Кроме того, люди Тауке-хана совершили нападение на караван, с которым ехала в Джунгарию с берегов Волги невеста Цэван-Рабдана, дочь Аюка-хана. «Тако же де он, Тауке, моих купеческих людей, возвращающихся с товарами из Российской земли, разграбил». Поэтому «принужден я силе силою отвращать и против них со своим войском войною итти. Я сим объявлением невинность мою изъясняю того ради, дабы ваше величество не подумали, что я к войне великую склонность имею» [85, л. 2657—2660].

Мы привели выдержки из письма Цэван-Рабдана не потому, что они могут оправдать джунгарского хана и обвинить казахского. У нас нет оснований верить как в благородство и бескорыстие Цэван-Рабдана, так и Тауке. Несомненно, что оба хана имели основание обвинять друг друга в проступках, подобных тем, о которых писал джунгарский хан в письме к Сюань Е. Война 1698 г. положила начало новой полосе вооруженных столкновений между ойратскими и казахскими феодалами. Именно с этого времени Джунгария начала превращаться в главную опасность, угрожавшую независимости и самостоятельности феодального Казахстана. Если в XVII в. Джунгарское ханство воевало против казахских ханов в 1643 и 1681—1684 гг., то в годы правления Цэван-Рабдана эти войны следовали одна за другой — в 1711—1712, 1714, 1717, 1723 и 1725 гг. Но этот перечень не является полным, так как здесь не учтены ответные удары казахских ханов по ойратским феодалам.

Что лежало в основе всех этих войн? Факты, подобные пере-

численным в письме Цэван-Рабдана, даже если все они соответствовали действительности, могли служить лишь поводом к началу военных действий. Причины же ойратско-казахских войн XVIII в. гораздо глубже.

Встает и другой вопрос: что побудило Цэван-Рабдана послать Сюань Е письмо, имевшее целью объяснить и оправдать начатую против казахов войну? Источники говорят о том, что Цэван-Рабдан, вопреки мнению А. Позднеева и К. Пальмова, не был ни ставленником Цинской династии, ни ее вассалом и, следовательно, не был обязан отчитываться в своих действиях. Но были другие, не менее веские причины, заставившие его послать письмо императору. Они заключались в особенностях внутреннего и внешнего положения Джунгарского ханства на рубеже XVII и XVIII вв.

Хотя Джунгарское ханство и выстояло, оно существенно пострадало от невзгод и неудач во время правления Галдана. Ханство потеряло обширные пастбищные угодья на восточных склонах Алтая, в долине р. Кюбдо и в Урянхае. Большое экономическое и политическое значение этих потерь видно из того, что вопрос о возмещениях утраченных территорий занял главное место во взаимоотношениях джунгарских правителей с цинскими властями в течение чуть ли не всей первой половины XVIII в. Помимо территории ханство потеряло часть населения. Во время войн Галдана многие были убиты или попали в плен, некоторые переселились за пределы Джунгарии. Трудно назвать число этих потерь. Известно, что Галдан вступил в Халху с 30-тысячной армией. Предполагая, что одна семья давала одного воина — а так бывало в Монголии обычно, — можно допустить, что он вывел из Джунгарии около 30 тыс. семей, в каждой из которых было два-три человека (нетрудоспособные старики и дети оставались дома), т. е. всего около 70 тыс. Анализируя данные источников, можно заключить, что из этого числа не вернулось на родину, вероятно, около 50 тыс. человек.

Ойратское государство лишилось также значительного количества скота — основного богатства страны. Некоторое представление об этом можно получить, если учесть, что в одних лишь майских боях 1696 г. в районе Цзун-Мод цинские войска захватили 20 тыс. голов крупного и более 40 тыс. голов мелкого скота [85, л. 1461]. Легко понять, что все это ослабило Джунгарское ханство.

Хотя большинство ойратских владетельных князей поддерживали Цэван-Рабдана, он не мог не считаться с тем, что имеет серьезных противников в лице бывших соратников Галдана: Даньдзилы, Даньдзин-Омбо, Дугар-Рабдана и др. Большая часть их обосновалась в Кукуноре, где блокировалась с местными правителями — потомками Гуши-хана, относившимися к Цэван-Рабдану недружелюбно.

Военные неудачи и гибель Галдана, неустойчивое положение в самой Джунгарии, где позиции Цэван-Рабдана еще не успели окрепнуть, создавали благоприятную обстановку для давления на

ханство с севера и запада, со стороны России и Казахстана. Как известно, в начале XVIII в. новая волна русской колонизации устремилась к верховьям Енисея, Тобола и Иртыша. В течение первых 15—20 лет XVIII в. вся прииртышская долина была присоединена к России, тогда как до этого крайним русским поселением на Иртыше была слобода Чернолуцкая, примерно в 60 км ниже впадения Оми в Иртыш [38, с. 273; 146, с. 5]. Столь же быстро осваивались и долины среднего и верхнего течений Енисея, где еще в 1701 г. к югу от Красноярска не было ни одного русского селения [48, с. 18—19, 27]. Успехи русской колонизации неминуемо влекли за собой оттеснение ойратских кочевий. Так возникли новые противоречия между Русским государством и Джунгарским ханством. Эти противоречия с течением времени становились все более острыми. Они составили важную страницу в истории русско-ойратских отношений XVIII в.

Мы полагаем, что небывалое обострение джунгаро-казахских отношений в XVIII в. также имело в своей основе противоречия территориального характера. Казахские ханства нуждались в дополнительных пастбищных угодьях, но не находили свободных земель. Именно этим, по нашему мнению, объясняются их многочисленные конфликты с калмыками, башкирами и т. п. Используя сложившуюся в Джунгарии обстановку, казахские феодалы в 90-х годах XVII в. продвинули свои кочевья на восток и юг — в сторону ойратского государства. Следует отметить вместе с тем, что территориальные споры, играя главную роль в джунгаро-казахских отношениях, не были единственной причиной войн между ними. Немалое значение имело также стремление феодальных группировок каждой стороны установить свой контроль над торговыми путями и центрами торговли, поживиться богатством противника и т. д.

В результате в конце XVII — начале XVIII в. Джунгарское ханство оказалось стиснутым на ограниченной территории, причем давление извне усиливалось; на восточных рубежах ханства место халхаских феодальных владений заняла могущественная Цинская империя, явно стремившаяся распространить свою экспансию на запад; на северных и северо-западных рубежах ханства располагались владения не менее могущественной Российской империи.

Таким было положение ойратского государства в то время, когда Цэван-Рабдан пришел к власти. Обстановка была довольно сложной и требовала от него большой осмотрительности. Он начал прежде всего с укрепления центральной власти. Дальнейшие события показали, что эту задачу Цэван-Рабдан решил успешно. Об этом свидетельствует, например, Черепановская летопись: «Эрдени Шурукту контайша, который перед тем Цаган-Араптан назывался и в 1697 г. принял правление, последуя правилам дяди своего Бушукту-хана, покорением рассеянных по разным местам калмытских улусов под свою власть так усилился, что он не только начатую Бушукту-ханом против мунгал и китайцев войну мог продолжать, но и тибетской и тангутской земле победением та-

мошного хана и пропнянием Далай-ламы делался страшным» [16, л. 157, 158].

В первые годы своего правления Цэван-Рабдан избегал всего, что могло испортить отношения с Китаем. Его письмо к Сюань Е по поводу войны, начатой против казахского хана Тауке, следует рассматривать как одно из проявлений этой тактики. Цэван-Рабдан делал вид, что считает себя почтительным и послушным, если не вассалом, то учеником Сюань Е, которого он намерен ставить в известность о каждом своем шаге. Аналогичными соображениями, видимо, руководствовался Цэван-Рабдан и осенью 1702 г., когда в принудительном порядке, с помощью 2,5 тыс. своих воинов, переселил подвластные ему киргизские улусы из долины Енисея далеко в глубь своих владений. Это было сделано с целью устранить одну из причин возможных русско-ойратских осложнений [116, кн. 1, с. 232]. Нам неизвестен исход войны 1698 г., но мы знаем, что после этого Джунгарское ханство более полутора десятилетий ни с кем не воевало и поддерживало мир на всех своих рубежах. Цэван-Рабдан занимался в эти годы преимущественно вопросами внутренней жизни ханства.

Многочисленные источники свидетельствуют, что он, как и его предшественники, стремился развивать земледелие и ремесленные промыслы. Немало интересных сведений, подтверждающих сказанное, мы находим в журнале И. Унковского. На основании данных И. Унковского и других материалов в Коллегии иностранных дел России в 1734 г. был составлен обзор внутреннего положения Джунгарского ханства. В обзоре сообщалось, что Цэван-Рабдан «по смерти дяди своего Бошпекту-хана над всеми людьми владетелем учинен, и от Далай-ламы дано ему другое имя — Эрдени-Журыкту-Батыр-контайша... Перед тем временем, как Унковский был, лет за 30, хлеба мало имели, понеже пахать не умели. Ныне пашни у них от часу умножаются, и не токмо подданные бухарцы сеют, но и калмыки многие за пашню приемлются, ибо о том от контайши приказ есть. Хлеб у них родится: зело изрядная пшеница, просо, ячмень, пшено сорочинское. Земля у них много соли имеет и овощи изрядные родит... в недавних летах начали у него, контайши, оружие делать, а железо у них, сказывают, что довольно находится, из которого панцыри и кюяки делают, а завели отчасти кожи делать и сукна, и бумагу писчую у них ныне делают» [3, 1734, д. 3а, л. 1об.—4об.].

Тобольский дворянин М. Этигеров, посланный в 1729 г. из Тобольска к хану Джунгария, отметил, что он и сопровождавшие его люди, спустившись с Талинского перевала и приближаясь к ханской ставке, «шли степью, а по той степи имеетца пахоты контайшина владения бухарцов и калмыков», а затем «шли степью по правую сторону реки Цаган-Усуна мимо пашен бухарских» [3, 1729, д. 1, л. 60].

Приведем также свидетельство Габан-Шараба, который весьма сдержанно относился к Цэван-Рабдану, поскольку тот незаконно и несправедливо, по мнению калмыцкой знати, поступил с сыном

Аюка-хана, Санжибом, отобрав у него 15—20 тыс. человек подвластного населения и отпустив его с шестью-семью служителями к отцу. Габан-Шараб писал: «Дел (т. е. заслуг.— И. 3.) Зорикту-хунтайджи у подвластных немного. Захватив калмыков (у Санжиба.— И. 3.), он мало пользы получил... Советов не слушался... О народе не заботился. Но все же людей подчиненных привлекал к землепашеству. Включая его в число совершавших добрые дела» [57, с. 29].

«Памятники сибирской истории» сообщают, что русский слесарь Зеленовский в самом начале XVIII в. завел у Цэван-Рабдана ружейное дело, а другие русские люди, имен которых «Памятники» не называют, налаживали у него кожевенное производство [116, кн. 1, с. 525].

У нас нет оснований преувеличивать роль и значение земледелия и особенно ремесленного производства в экономике ханства. Собственное земледелие при Цэван-Рабдане, равно как и при его преемниках, не обеспечивало внутреннего спроса, о чем свидетельствуют непрерывавшиеся закупки хлеба на внешних рынках. О характере ойратских ремесленных предприятий и об их внутренней организации в годы правления Цэван-Рабдана позволяют судить слова одной ойратки, жаловавшейся жене И. Унковского на то, что в ханстве «по вся лета собирают со всех улусов в Ургу к контайше по 300 и больше баб и чрез целое лето за свой кошт шьют к латам кюяки и платье, которое посылают в войско» [53, с. 149]. Из этих слов вырисовывается более или менее типичная картина: феодальный правитель для удовлетворения нужд войска и двора создает мастерскую, основанную на принципах простой кооперации и принудительного труда крепостных (в данном случае кочевников-скотоводов), отбывающих в этих мастерских свою образную государственную барщину. На барщину их посылали правители улусов, в свою очередь обязанные вассальной службой сюзерену — правителю Джунгарского ханства.

Мы не располагаем данными об организации производственного процесса в таких сравнительно сложных предприятиях, как ружейные, кожевенные, «железные» и т. п., где сама технология производства порождала разделение труда. Возможно, что в этих предприятиях, особенно в возникшем вскоре в ханстве пушечном производстве, разделение труда стало развиваться, преобразуя простую кооперацию в мануфактуру, но известные нам источники об этом молчат. При любых условиях значение создававшихся Цэван-Рабданом, а затем его преемником Галдан-Цереном производств в экономике ханства было очень невелико. Мы можем рассматривать возникновение этих предприятий скорее как проявление некоторых, безусловно, прогрессивных тенденций в политике данных деятелей, а не как развитие уже сложившейся отрасли экономики ханства. Такой особой отраслью производства ремесло в Джунгарии не стало.

Судя по данным источников, феодальные владения Восточного Туркестана не оказали сопротивления Цэван-Рабдану и признали

его власть над собой еще при жизни Галдана. Во всяком случае, после 1697 г. между этими владениями и новым правителем ханства не было ни одного вооруженного конфликта. Коллегия иностранных дел России в 1734 г. писала, что Цэван-Рабдан «бухарцов, живущих в городах в Еркени, в Турфане, в Кашкаре, в Аксу и в прочих к ним принадлежащих городках, под свою власть привел и дань брать начал. Ханов же и многих беков и лучших людей из тех городов к себе побрал, которые уже при нем, контайше, и пашню завели... Всех бухарцов при нем, контайше, кочует, кроме пашенных, около 2000 человек. Тако ж народом, именуемым бурутами, завладел, которые кочуют около озера, именуемого Туокель (Июсык-Куль.— И. 3.)» [3, 1734, д. 3а, л. 1об.]. Из этих слов следует, что Цэван-Рабдан окружил себя многочисленными представителями мусульманской аристократии, потомками правивших в прошлом Восточным Туркестаном династий, а также «лучшими людьми», т. е. богатым купечеством. Ханы, беки и «лучшие люди» завели при Цэван-Рабдане пашню, из чего ясно, что последний пожаловал им землю, на которой были созданы имения; их обслуживали «пашенные люди», т. е. крестьяне. Такая система, видимо, устраивала обе стороны, устраняя возможность конфликтов: Цэван-Рабдан получал продукты земледелия, а мусульманские помещики в ойратском царстве оставались такими же помещиками, какими были у себя дома. Возможно даже, что твердая власть ойратского хана надежнее обеспечивала их права и привилегии, чем неустойчивая власть местных правителей на их родине. К тому же, будучи при ойратском хане, мусульманские помещики лишались или почти лишались возможности интриговать и бунтовать, что обеспечивало регулярную доставку дани из Восточного Туркестана в ханскую казну и имело большое значение для стабильности обстановки в ханстве. И в течение всей первой половины XVIII в. никаких осложнений во взаимоотношениях между Джунгарией и мусульманскими владениями Восточного Туркестана не возникало. Мусульманская аристократия этих владений была тесно связана с ойратскими феодалами.

Подобно своим предшественникам, Цэван-Рабдан прилагал немалые усилия к тому, чтобы установить сотрудничество с Калмыцким ханством на Волге и хошоутскими владениями в Кукуно-ре. Одним из средств для достижения этого были брачные связи. Выше уже говорилось о том, что в числе поводов к войне 1698 г. с казахами было нападение последних на караван, с которым ехала к Цэван-Рабдану невеста, дочь Аюка-хана. Вскоре после этого из Джунгарии на Волгу выехала дочь Цэван-Рабдана, Дармабала, ставшая в 1701 г. женой Аюки.

Связи между Калмыцким и Джунгарским ханствами поддерживались и по церковной линии. Путь через Джунгарию в Тибет был для Калмыцкого ханства на Волге наиболее удобным и коротким. Паломники с берегов русской реки, священнослужители из Лхасы путешествовали, как правило, через Джунгарию. От этого привычного и самого короткого пути отказывались лишь при чрез-

вычайных обстоятельствах, например во время военных действий, угрожавших безопасности путников. В таких случаях приходилось добираться от Волги в Лхасу через Сибирь, а затем через весь Китай, с востока на дальний его запад. Так случилось, например, с родственником Аюка-хана Арабджуром, который в 1698 г. отправился через Сибирь и Китай на богомолье в Тибет, но на обратном пути был задержан в Пекине. Это явилось поводом для цинского правительства, чтобы склонить Аюку к совместному вооруженному выступлению против Цэван-Рабдана [70, с. 352—353]. Тем же путем в 1718 г. прибыл на Волгу из Лхасы видный ламаистский деятель Шохур-лама, занявший пост верховного ламы Калмыцкого ханства [4, 1723—1725, д. 6, л. 281об., 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 11].

В целом можно сказать, что Цэван-Рабдану удалось установить с калмыцкими правителями довольно тесные и дружественные связи. Мы не знаем, правда, ни одного случая непосредственного участия волжских калмыков в войнах Цэван-Рабдана, хотя последний и предпринимал в этом направлении определенные шаги. Но ему зато удалось исключить возможность использования сил Калмыцкого ханства в вооруженной борьбе Цинов против ойратского государства.

Источники говорят, что в 20-х годах XVIII в. некоторые круги калмыцкой аристократии вынашивали план откочевки калмыков с Волги и их объединения с Джунгарским ханством. С этой целью в 1724 г. к Цэван-Рабдану был отправлен посол с просьбой о «протекции». Однако из этого плана ничего не вышло, главным образом потому, что многие владетельные князья не желали покидать обжитые ими поволжские степи и, кроме того, опасались подвергнуться участи Санжиба, сына Аюка-хана; в 1701 г. Санжиб прикочевал с 15—20 тыс. подвластных семей к Цэван-Рабдану, который отобрал у него все подвластное население, а самого с семьюдесятью служителями отправил домой [4, 1728, д. 9, л. 200—210; 1723—1725, д. 6, л. 153, 304об., 340, 365]. Интересно, что в некоторых документах встречаются данные о поддержке далай-ламой плана объединения калмыков с Джунгарским ханством. Далай-лама поручил Шохур-ламе сообщить калмыцким князьям его мнение о желательности объединения ойратов. «В прошлых годах по прибытии Шакур-ламы от Далай-ламы, объявил он, Шакур-лама, повелением Далай-ламы, хану Аюке, чтоб они все, калмыки, ис под российской протекции к своему однозаконному хану откочевали, и хан де Аюка и жена его Дармабала и Шакур-лама и емчигелен (великий духовный сан, который жаловали ламам-врачам.— И. 3.) предложили, чтоб им откочевать к хонтайше, обослався с ним и объявля ему повеление Далай-ламы, и надеялись де, что он, хонтайши, Далай-ламы повеление не оставит и их (так, как ханова сына Санжиба) не разорит» [4, 1728, д. 9, л. 203].

Правительство России внимательно следило за калмыцко-джунгарскими связями, стремясь сохранить над ними свой контроль. Отвечая на запросы русских властей, Аюка-хан в феврале 1720 г.

писал царю Петру: «К контайше часто посланцов посылаю для того, что сын мой, когда от меня отпочевал, с собою многих подданных отвез к нему из калмыков. Тогда он, контайша, всех при нем бывших улусов и калмыков насильством своим у себя удержал, токмо сына моего самого одного отпустил. И когда я у него тех улусов и калмыков спрашиваю, то он хотя и обещается возвратить, но не возвращает и не отдает. Того ради часто к нему посланцов посылаю взять у него подлинную отповедь и слово» [4, 1720, д. 2, л. 30б.]. Несмотря на требования правителей Калмыцкого ханства, Цэван-Рабдан не вернул им людей, захваченных у Санжиба, а разделил их между своими владетельными князьями.

Более сложными были отношения Цэван-Рабдана с хошоутскими правителями Кукунора, которые к этому времени формально и фактически стали подданными Циннов. Завершение операций против Галдан-Бошукту-хана позволило Циннам значительно упрочить свои позиции в Кукуноре, принудив хошоутских владетельных князей принести присягу на верность династии, и, что самое главное, ввести в Кукунор свои войска. Здесь же нашли себе приют некоторые открытые враги Цэван-Рабдана из бывших сподвижников Галдана.

Мы не располагаем данными о тех конкретных мерах, которые предпринял Цэван-Рабдан для налаживания отношений с правителями Кукунора. Известно, однако, что успеха он не добился. Большинство хошоутских князей оставались его противниками. А. Позднеев, ссылаясь на один из китайских источников, приводит поддержку из обращения к Сюань Е в 1705 г. Даныдзили и Даныдзин-Рабдана. «Теперь, когда все монголы... живут под вашим крепким покровительством,— писали эти бывшие соратники Галдана,— неужели же один только Цэван-Рабдан будет оставлен с своими зложелательными замыслами? Рано или поздно он, укрепившись, непременно начнет играть роль другого, маленького Галдана. И так не лучше ли... послать войска...» [53, с. 259].

Не добившись успеха в Кукуноре, Цэван-Рабдан обратил свои взоры на Тибет, светским правителем которого был внук Гуши-хана — Ладзан-хан. В результате переговоров с последним дочь Цэван-Рабдана стала женой сына Ладзан-хана.

Важнейшее значение для судеб ойратского государства имело в эти годы налаживание мирных отношений с Китаем и Россией. Цэван-Рабдан в первые 12—15 лет своего правления стремился главным образом к тому, чтобы убедить правительства России и Китая в своем миролюбии, в желании избежать споров и конфликтов. Одним из его первых шагов было урегулирование инцидентов в пограничной полосе, смежной с Россией. Мы не будем останавливаться на каждом случае переговоров по этим вопросам между послами джунгарского хана и русскими властями: они достаточно широко освещены в литературе. Отметим лишь указание Черепановской летописи, что 24 января 1701 г. из Тобольска в Москву был отправлен посол Цэван-Рабдана — Абдул Ерке-зайсан. Этому предшествовало прибытие к «немирным киргизам» предста-

вителей Цэван-Рабдана для выяснения обстоятельств и виновников имевших место конфликтов. Летопись отмечала, что если бы виновность киргизов была установлена, то послы Цэван-Рабдана «кыргызского князца Корчика Еренякова отдали в Томск головою» [16, л. 103]. Через два года, 10 января 1703 г., Абдул Ерке-зайсан вернулся из Москвы в Тобольск, откуда согласно указаниям русского правительства был с честью препровожден на родину [16, л. 111]. В это время Цэван-Рабдан, желая ликвидировать очаг конфликтов, направил в киргизские районы Южной Сибири крупный отряд своих войск, с помощью которого все киргизы оттуда выведены и переселены в район Иссык-Куля.

По отношению к Китаю Цэван-Рабдан проявлял в эти годы такую же сдержанность. Пекин часто отправлял к нему своих послов с целью убедить правителя Джунгарского ханства последовать примеру далай-ламы, а также монгольских владетельных князей Халхи, Внутренней Монголии, Кукунора и вступить в подданство Цинской династии. «Все они,— говорил Цэван-Рабдану в 1703 г. посол Боочжу,— управляя своим народом, мирно проживают в своих кочевьях, сохраняя свои достоинства правителей. Неужели же они хуже тебя? Но за всем тем, благоговей перед отличными добродетелями святейшего государя, они признали над собою его верховную власть, стали наравне со всеми монголами, приняли титулы и достоинства, получают жалование и под благотворным покровительством его величества просто благоденствуют» (цит. по [120, с. 258]). Однако Сюань Е не удалось убедить джунгарского хана отказаться от независимости и стать подданным Цинской империи. Всячески подчеркивая свое глубокое почтение к императору Китая, избегая осложнений во взаимоотношениях с ним, Цэван-Рабдан стремился решить главную задачу — укрепить ханство и свою власть в нем.

Такая политика не оставалась незамеченной в Пекине. В том же, 1703 г. Сюань Е указывал своим советникам: «Прежде Цэван-Рабдан обнаруживал в своих докладах преданность и благоговение; но после того как был уничтожен Галдан, да одержал он победу над хасаками и получил некоторое число военнопленных, он начал мало-помалу переменяться. Теперь, присоединив к себе торгоутов (имеются в виду калмыки Санжиба.— И. З.), он час от часу становится надменнее» [120, с. 257].

Вскоре Цэван-Рабдан стал требовать возвращения ему территорий, ранее принадлежавших Джунгарскому ханству. После разгрома Галдана они отошли к Цинской империи, власти которой передали их владетельным князьям Халхи. А. Позднеев, ссылаясь на монгольскую хронику дзасактухановского аймака, писал: «Известно, что до времени возникновения войн Галдана чжунгары занимали своими кочевьями места вплоть до низовьев р. Хобдо и даже далее к востоку, в Улан-коме и урочищах по Кэму и Кэмчику жили смешанно с халхасами; по поражении же Галдана халхаские кочевья раздвинулись далеко на запад, так что заходили на ту сторону Алтая и простирались вплоть до р. Иртыш. На эти-то зем-

ли и объявил свое притязание Цэван, заявив маньчжурскому правительству, что места к востоку от Или до Кэма и Кэмчика искони принадлежали чжунгарам и должны быть теперь возвращены им» [121, с. 276].

Территориальный вопрос приобрел значение основного противоречия между Джунгарским ханством и Цинской империей, вызвавшего новую войну между ними.

Некоторые исследователи, отмечая сходные черты в политике Цэван-Рабдана и Галдан-Бошокту-хана, считали первого прямым продолжателем дела второго. А. Позднеев, например, писал, что «Цэван-Рабдан начал замышлять то же самое, за что ратовал и Галдан: он думал соединить под своей властью все четыре рода древнего ойратского союза, сделаться самостоятельным ханом всех ойратских поколений и восстановить сполна старые границы чжунгарских владений» [121, с. 276].

Однако планы Галдана, как мы видели, были вовсе не такими скромными, они выходили далеко за рамки тех целей, о которых говорил А. Позднеев. Кроме того, в политике Галдана и Цэван-Рабдана были не только сходные черты, но и весьма важные различия. Если Галдан, владея малонаселенной территорией Халхи, нуждался в подданных и потому требовал от Сюань Е возвращения в родные кочевья ее обитателей, то Цэван-Рабдан, по крайней мере в первое время, нуждался не в людях, а именно в территории и потому требовал возвращения ханству земель, ранее входивших в пределы ойратского государства, чтобы на этих землях могли кочевать его подданные и скот [121, с. 280 и сл.; 120, с. 260 и сл.; 77, с. 90; 74, с. 68 и сл.].

Предвидя неизбежность войны с Джунгарией и отдавая себе отчет в трудностях ведения операций в таком отдаленном крае, где полностью отсутствовали какие-либо базы снабжения войск, пекинское правительство стало искать союзников, с помощью которых можно было бы поставить на колени непокорное ханство. Первой попыткой этого рода было посольство, отправленное в 1712 г. к калмыцкому хану Аюке. Источники говорят, что мысль об использовании последнего в качестве союзника против Цэван-Рабдана возникла в Пекине еще в 1709 г., когда туда прибыли представители Аюка-хана для выяснения судьбы Арабджура. Находившийся в то время в Пекине русский купец П. Худяков был приглашен сановниками маньчжурского правительства, просившими его сообщить губернатору Сибири М. Гагарину о предстоящей вскоре поездке их послов на Волгу. М. Гагарин в докладе Коллегии иностранных дел писал: «А с чем послан китайский посланец, того купчина доведаться не мог, только дали знак, будто свойственник Аюкин в Китае тому 16 лет и в службу приверстан 8 лет, будто о том послуется; но знатно, что за немалым делом идет, для того, что из Китая никогда никуда послов и посланников не посылавали. А обносится де от китайцев, чтоб подговорить Аюку воевать с китайцы калмыцкого владельца Контайшу... а без Аюки китайский [хан] один завоевать его не может». 26 июня

1712 г. Правительствующий сенат разрешил послам Китая проехать на Волгу к хану калмыков, но предусмотрел, что если они будут «подзывать его, Аюку, на калмыцкого владельца, Контайшу, войною, то ему, Аюке, говорить, дабы он на него, Контайшу, войной не ходил для того, что он, Контайша, царскому величеству примирителен» [70, с. 353].

Попытка Цинов склонить Аюку к выступлению против Джунгарского ханства не увенчалась успехом. Не только «советы» русских властей, но и личные соображения правителя Калмыцкого ханства, не расположенного воевать против Цэван-Рабдана, обусловили неудачу цинского посольства.

Военные действия между войсками Цэван-Рабдана и армиями Цинской империи, длившиеся до конца жизни Сюань Е (1722 г.), довольно полно освещены в литературе [121, с. 283 и сл.; 77, с. 94 и сл.; 147, с. 174—178; 161, с. 147; 168, с. 37—41; 166, с. 28—30; 157, с. 39—40]. Отметим лишь, что эта война оказалась исключительно трудной для Цинской империи. Ее армии терпели поражения, огромные военные расходы тяжело отразились на государственных финансах, поток поборов и повинностей, обрушившийся на Халху, вызывал ропот и растущее недовольство ее населения. Что касается Джунгарского ханства, то успехи его войск способствовали укреплению положения ханства и позиций самого Цэван-Рабдана. Возможно, что под влиянием этих успехов у правителя ханства возникло желание овладеть всей Халхой, а не только ранее принадлежавшей ойратам ее западной частью. Но к этому вопросу мы вернемся ниже.

В конце 1716 г. Цэван-Рабдан попытался овладеть Тибетом. Воспользовавшись не прекращавшимися там и в Кукуноре смутами и усобицами, он направил к Лхасе группу войск под командованием Церен-Дондоба-старшего. В сентябре 1717 г. главный город Тибета был взят ойратами; фактически хозяином Тибета стал хан Джунгарии.

Но цинское правительство не могло допустить, чтобы центр ламаизма и руководство ламаистской церковью перешли в руки ойратских ханов и князей. Собрав достаточно крупные силы, Сюань Е двинул их в 1719 г. в Тибет. Ойратские войска потерпели поражение, и весной 1720 г. Тибет был от них освобожден. Цинская администрация уничтожила в Тибете всех тех, кто оказывал какую-либо помощь Галдану или Цэван-Рабдану. Тибет был снова включен в состав Цинской империи. Однако в самой Джунгарии цинские армии по-прежнему терпели поражения, что, впрочем, не приносило решающей победы Джунгарскому ханству. Война затягивалась. Военные действия возобновлялись почти ежегодно весной, с наступлением зимы они приостанавливались, чтобы вновь начаться весной следующего года. Хотя Джунгарское ханство вело войну в основном на своей территории или в непосредственной близости от нее и испытывало сравнительно мало трудностей в снабжении своих войск, тем не менее война расшатывала отсталую экономику страны.

Положение еще более осложнилось в 1716—1720 гг., когда началось резкое обострение русско-джунгарских отношений. Мы уже отмечали, что в первые годы своего правления Цэван-Рабдан приложил немало усилий к урегулированию многочисленных конфликтов в пограничной с Россией зоне. Но в дальнейшем, по мере укрепления своего положения, он стал все более резко переходить от уступчивости к требовательности. Прежде всего вновь стал просить о ясаке. Цэван-Рабдан возобновил старую практику посылки сборщиков ясака в те районы и волости, которые русские считали подвластными России. Вскоре, однако, к этому старому конфликтному вопросу прибавился новый, связанный с начавшимся в первые годы XVIII в. быстрым продвижением русских поселений и военных укреплений на юг, в верховья Иртыша и Енисея. Кое-где в пограничной полосе начались столкновения, участились взаимные обиды и претензии.

Летом 1713 г. М. Гагарин направил к Цэван-Рабдану И. Чередова с требованием, чтобы хан Джунгарии прекратил сбор ясака с населения Барабинской волости и наказал тех своих людей, которые в 1710 г. напали на русский город, расположенный между Бией и Катунью, и после трехдневных боев разорили его (см. [3, 1731, д. 2, л. 44]).

Миссия И. Чередова положила начало длинной цепи посольств, писем и переговоров, посвященных спорным территориальным вопросам. Эти переговоры так и остались незаконченными.

В мае 1714 г. Петром I был одобрен предложенный М. Гагариным план экспедиции в район Яркенда. Экспедиция во главе с подполковником Бухгольцем в июне 1715 г. выступила из Тобольска. В отряде было 2932 человека и большая группа русских торговых людей. 1 октября 1715 г. эта экспедиция достигла Ямышева озера, где заложила острог и зимовала [16, л. 145, 147, 152].

Послам Цэван-Рабдана, находившимся в Тобольске в момент прибытия туда Бухгольца, заявили, что экспедиция не имеет завоевательных целей, ее задачей является только разведка недр. Тем не менее движение русского отряда вверх по Иртышу и строительство крепости в Ямышеве встревожили ойратских правителей.

Зимой 1715 г. Бухголец послал к Цэван-Рабдану поручика Трубникова с письмом, в котором пытался рассеять опасения относительно целей и характера экспедиции. Но на Трубникова напали казахи, и он около года пробыл у них в плену. По этой причине письмо Бухгольца к Цэван-Рабдану не дошло.

9 февраля 1716 г. десяти тысячный отряд ойратских войск во главе с Церен-Дондобом подступил к Ямышевской крепости и после неудачных попыток взять ее штурмом осадил.

Подкрепление, посланное Бухгольцу из Тобольска, было захвачено ойратскими войсками. Для улаживания конфликта М. Гагарин в феврале 1717 г. направил к хану И. Чередова. Но Цэван-Рабдан и слышать не хотел о приеме русского посла и продержал его у себя под стражей пять лет [16, л. 167].

Обострением русско-ойратских отношений пытались воспользо-

ваться казахские ханы и султаны. 11 сентября 1716 г. к Гагарину прибыли «от всей казачьей орды» два посла со следующим предложением: «А хан де их и вся казачья орда хотят в миру быть везде с людьми его царского величества... и ест ли де повелено будет от его царского величества им, казачьей орде, с людьми его царского величества или одним им воевать калмыцкого владельца, контайшу... то де в двадцати или в тридцати тысячах хан их и вся казачья орда всегда будут готовы». М. Гагарин считал нецелесообразным отклонять предложение казахских правителей, ибо «соседи они ближние тому калмыцкому владельцу... и опасность он от казачьей орды... имеет... всегда». М. Гагарин им ответил, «что из губернии сибирской войны на казачью орду посылать не буду... а калмыцкого владельца воевать им велел. А когда де его царское величество укажет послать войска свои на контайшу, то будем иметь о том согласие, и пришло ведомость тогда к ним». Расчет сибирского губернатора был прост. «Есть ли сведает тот калмыцкий владелец,— писал М. Гагарин Петру I,— что казачья орда войною на него будет со стороны величества вашего, то не надеюся ему воеваться с людьми вашего величества и противности чинить в городских делах». В заключение М. Гагарин просил, чтобы Петр I прислал на имя Цэван-Рабдана грамоту, которая подтвердила бы, что строительство городов происходит не самочинно сибирскими властями, а по указам царя [5, 1716, д. 3, л. 1—2об.].

Донесение Гагарина было получено Петром I на пути в Голландию. Он написал на донесении: «По его желанию послать грамоту. Однако ж ежели они будут смирно жить, то с ними не воевать». 18 декабря 1716 г. Петр I послал письмо джунгарскому хану, в котором сообщал, что М. Гагарину было приказано «в краях сибирских, по Иртышу, и на Зайсан озере, и в вершинах Иртышных сыскивать серебрянные, и медные, и золотые руды, и для того в тех местах, где потребно будет, построить городы». Теперь же он, Петр, узнал, что «вы, контайша, с улусными своими людьми близ тех помянутых мест жилища свои имеете, того ради... желаем, дабы вы в строении тех городов... никакой помешки не чинили... но наипаче... потребное вспоможение чинили... А мы... желая, чтоб вы також, как и хан Аюка и прочие калмыцкие владельцы, у нас в милости пребывали, позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь свободно, хотя оные и к Сибирскому нашему царству принадлежат». Далее Петр I сообщил Цэван-Рабдану, что приказал губернатору Сибири, «ежели вы будете пребывать смирно и никакого препятствия в строении городов и приискании руд... чинить не будете, тоб отнюдь с тех земель не высылали... никакого разорения и обид от подданных наших отнюдь не было бы, но наипаче вас и от посторонних неприятелей велел оборонять и охранять» [3, 1595—1736, д. 1, л. 16—17].

7 марта 1717 г. письмо Петра I было отправлено к Цэван-Рабдану с Г. Вильяновым, которому М. Гагарин дал и от себя письмо

к правителю ханства. Но спасти экспедицию Бухгольца было уже невозможно. 28 апреля 1717 г. остатки Ямышевского гарнизона (около 700 человек) разрушили крепость и, погрузившись на суда, отплыли по Иртышу в Тобольск, не встретив ни малейшего противодействия ойратских войск. Двигаясь вниз по Иртышу, экспедиция заложила в устье р. Омь крепость и город Омск.

Между тем Г. Вильянов 27 июня 1717 г. был принят Цэван-Рабданом, ставка которого в это время располагалась у горы Музарт. Хан Джунгарии был по-прежнему крайне раздражен действиями русских властей и до конца февраля 1718 г. держал Г. Вильянова под стражей. Он принял посла только 1 марта 1718 г. Хан жаловался на правителей Томска, Кузнецка и Красноярска, строивших города и требовавших ясак с его подданных. Он отпустил Г. Вильянова в Тобольск и дал ему письмо на имя сибирского губернатора. Ставка хана в это время была уже на р. Хоргос [16, л. 183—184]. В письме Цэван-Рабдан вновь требовал, чтобы русские власти прекратили собирать ясак с его подданных.

Положение Джунгарского ханства в это время было довольно сложным, и его правители не могли рисковать мирными отношениями с Россией. Им предстояла борьба с Цинами за Тибет и южные области Восточного Туркестана, они ожидали также нападения казахских ханов, стремившихся восстановить свои позиции в Семиречье и вытеснить оттуда ойратских феодалов. Неудача в Тибете, занятие цинскими войсками в том же году городов Хами и Турфан произвели переполох в ставке правителя Джунгарского ханства. Оно не в состоянии было оказывать эффективное сопротивление одновременно нескольким противникам. В этих условиях ойратские феодалы вынуждены были пойти на крупные уступки Русскому государству. Наиболее ярко это проявилось в связи с экспедицией И. Лихарева, отправленного Петром I в 1719 г. для расследования деятельности М. Гагарина, а также с поручением «старатца сколько возможно, дабы дойти до Зайсана озера... построить у озера крепость... а в газарт не входить, дабы даром людей не потерять и убытку не учинить» [116, с. 183].

В мае 1720 г. И. Лихарев с отрядом в 440 человек выступил из Тобольска и беспрепятственно добрался до Зайсана. Ойратское население, кочевавшее по берегам озера, увидя русских, бежало в глубь страны. В районе озера находилось 20 тыс. ойратских воинов, охранявших рубежи ханства от возможного наступления цинских войск. Командовал ойратским отрядом сын и наследник Цэван-Рабдана — Галдан-Церен.

«О прибытии россиян, — писал летописец Черепанов, — всех ужас объял, ибо неиннако думали, что русские с китайцами согласились, чтоб здесь соединиться, калмыков совокупными силами воевать». Но когда выяснилось, что прибыл только один немногочисленный отряд русских, ойратские войска 1 августа начали с берегов озера обстреливать русские суда. 2 августа начались переговоры. Ойраты добивались одного, чтобы русские ушли назад.

Представители русской стороны отвечали, «что им никогда на ум не приходило войну или неприятельские действия начинать», что они заняты лишь исследованием верховьев Иртыша и поисками «рудокопных мест». Мир был восстановлен. «Многие калмыки, радуясь о возвратном пути россиян, русские суда провожали». Возвращаясь в Тобольск, И. Лихарев заложил Устькаменогорскую крепость [16, л. 201—205].

В это время И. Чередов, отправленный М. Гагариным в 1716 г. в Джунгарию, все еще находился в ставке Цэван-Рабдана. Хан, получив донесение о мирном разрешении зайсанского конфликта, был очень обрадован. Призвав к себе И. Чередова, он сказал ему, что хочет жить с Россией в дружбе и мирно торговать, и соглашался не препятствовать поискам руд. Взамен Цэван-Рабдан просил: «1. Оборонить бы его от китайцев и от мунгалцев, и он будет жить так как Аюка-хан. 2. И отобрать бы у китайцев мунгалов, дать ему, как Аюке мангуты даны. 3. Чтоб ему с ясашных людей, с которых он имел ясак, по-прежнему брать. 4. Беглых бы его калмыков не принимать и отдавать».

Для переговоров по всем этим вопросам Цэван-Рабдан направил в Россию Борокурмана, который в 1721 г. прибыл в Петербург и в сентябре того же года был принят Петром I. В письме царю, переданном Борокурманом, Цэван-Рабдан просил, «чтобы его величество охранил его, контайшу, от китайского хана» [3, 1722—1723, д. 1, л. 11; 1731, д. 2, л. 168—175]. Устно же Борокурман от имени своего хана просил направить вверх по Иртышу тысяч двадцать русского войска, с помощью которого хан мог бы «освободиться от страха китайского, ибо он его утесняет», а также овладеть Халхой. Правители Джунгарии вновь ставили вопрос о границах между ханством и Русским государством и просили, чтобы подданным хана разрешили кочевать «по обе стороны Иртыша невозбранно» [3, 1722—1723, д. 1, л. 12; 1595—1736, д. 1, л. 27].

Петр I решил воспользоваться возможностью присоединить Джунгарское ханство по просьбе его правителей к Российской империи и для продолжения переговоров направил к Цэван-Рабдану своего посла И. Унковского.

Но действительно ли так велика была опасность, угрожавшая существованию Джунгарского ханства, как ее рисовал Цэван-Рабдан? Факты говорят, что правители ханства преувеличивали стоявшие перед ними трудности, что Цины были еще очень далеки от реализации своих планов в отношении ойратского государства.

Показательны в этом отношении данные статейного списка Л. Измайлова, отправленного Петром I летом 1719 г. в Китай. В июне 1720 г. к Л. Измайлову в Селенгинск прибыл сановник Тулишен. По поручению Сюань Е он сообщил, что против Джунгарского ханства посланы войска, «понеже де слышно им, что и от Российской стороны против его, контайши, войска отправлены к Ямышеву» [14, 1719, д. 3, л. 25]. Цинской армией командует один из сыновей Сюань Е, каждый полк имеет «по 10-ти пушек

больших да по сту малых... пушки возят на телегах и на верблюдах» [14, 1719, л. 27]. В начале ноября 1720 г. Тулишен сообщил Л. Измайлову, находившемуся в это время на монгольской территории, в 50 км от Селенгинска, что цинские войска одержали победу в Джунгарии и захватили там несколько городов, что в Пекин от Цэван-Рабдана прибыл посол с просьбой о мире. Тулишен сказал также, что Сюань Е просит русского посла принять посланца Джунгарии и разъяснить ему безнадежность сопротивления Цэван-Рабдана, против которого якобы согласовано действуют войска Цинской империи и Русского государства [14, 1719, л. 42, 43, 45—47].

Но Л. Измайлов, разгадав замыслы Пекина, наотрез отказался выполнить просьбу, чем вызвал гнев Тулишена, заявившего, что за непослушание русский посол будет задержан и лишен снабжения продовольствием. 12 ноября посол Цэван-Рабдана «поехал из города в путь свой, а провожали его честно и для выезда его стреляли у города из стоящих трех пушек» [14, 1719, л. 48]. В тот же день и Л. Измайлов покинул этот город, держа путь в Пекин, однако он и его люди «из города выехали, не имея такой чести, которая учинена конташину послу» [14, 1719, л. 93, 96].

Приведенный эпизод свидетельствует о том, что итоги военных операций 1720 г. против Джунгарии были незначительны, несмотря на занятие цинскими войсками Хами и Турфана, что конца войне еще не было видно. Вот почему в Пекине возникла мысль создать видимость военного сотрудничества между Цинами и русским царем и принудить Цэван-Рабдана к капитуляции. Стремлением ухудшить русско-джунгарские отношения и натравить Россию на Джунгарское ханство объясняется и предложение Сюань Е, чтобы русские купцы ездили для торговли в Китай не восточной дорогой, не через Сибирь, а сначала вверх по Иртышу и далее до Пекина «в три месяца без великого убытку». Это предложение было отклонено Л. Измайловым, который выразил, однако, надежду, что после усмирения Джунгарского ханства Цинами купцы, возможно, и будут ездить в Пекин таким путем [14, 1719, л. 93, 96].

В письме к Измайлову от 26 декабря представители Сюань Е сообщали о трудностях, испытываемых Китаем в связи с войной в Джунгарии. «А мы имеем войну, — писали они, — и в том нам царское [величество] споможения никакого дать не может, токмо нашим подданным ... есть великое разорение» [14, 1719, л. 125, 126].

11 февраля 1721 г. китайская сторона вручила Л. Измайлову послание, в котором говорилось, что «ныне война с контайшей приходит ко окончанию, и для того на Иртыше крепость китайцы построят и войсками своими наполнят... и чрез оное место ближе будет ходить послам и караванам российским» [14, 1719, л. 171].

В материалах посольства Измайлова о Джунгарии говорится неоднократно. В целом эти материалы позволяют утверждать, что в рассматриваемое время борьба против Джунгарского ханства была одной из главных задач Цинской династии, что эта борьба

причиняла императору и стоящим за ним маньчжурским, китайским и поддерживавшим их восточномонгольским феодалам немалый ущерб и была чревата политическими осложнениями. Достигнутые Цинами к 1721 г. успехи были минимальными. Сюань Е и его сановники вынуждены были сочетать вооруженную борьбу против ханства со сложными дипломатическими маневрами, имевшими целью привлечь к участию в этой борьбе Русское государство или в крайнем случае Калмыцкое ханство.

Сказанное выше подтверждается и в донесениях неофициального посланника России в Пекине Лоренца Ланга, часто встречавшегося и беседовавшего с Сюань Е и пекинскими сановниками в 1721—1722 гг. Л. Ланг писал в Петербург 21 октября 1721 г.: «Война с конташами (т. е. с Джунгарским ханством. — И. З.) китайцам есть весьма трудна, понеже их армия, которая, как я уведомил, состоит в 200 000 человек и ежегодно от морового поветрия умалывается... тако ж нужда в провианте так велика, что принуждены ясти падшие верблюды, лошади и другую скотину... Сия есть причина, что мор великий в их войсках, которые они принуждены по вся весны паки рекрутировать» [7, 1721—1722, д. 2, л. 13]. Далее Ланг писал, что Сюань Е требует, «чтобы контайши о сем нарушенном мире просили прощения, токмо контайша к тому не склоняется и велел сему двору в прошедшем году (т. е. в 1720 г. — И. З.) чрез своего посланника объявить, что он к миру склонен, ежели его богдыханово величество в сем пункте согласится, чтоб мунгальская степь за вольное государство объявлена была» [7, 1721—1722, д. 2, л. 13]. Годом позже, в сентябре 1722 г., Ланг сообщил, что «контуш (т. е. Цэван-Рабдан. — И. З.) с китайским государством ни в какое примирение вступать не хочет, разве ему провинция Хами паки уступлена будет и мунгалы вольными людьми объявлены будут» [7, 1721—1722, д. 2, л. 45].

Таким образом, цели войны для хана Джунгарии сводились к тому, чтобы добиться ухода цинских войск из всех районов Джунгарии и Восточного Туркестана, а также присоединить Халху к ойратскому государству и образовать объединенное монгольское государство под властью чоросской династии.

В ходе войны у ойратских военачальников выработалась своя тактика. Зная, что их войска, почти не имевшие артиллерии, мало приспособлены к наступлению на укрепленные позиции противника, ойратское командование ограничивало операции своих войск, как правило, сражениями в открытом поле. Л. Ланг докладывал в Петербург, будто бы Цэван-Рабдан через своих послов объявил в Пекине, «что он всегда готов будет с китайской армией баталию дать, ежели она к ним придет, для того, что его народы не привыкли китайские ретрейшменты атаковать, а ежели оные от них оставлены будут и пойдут в их собственную землю, то и он за ними вскоре с своею армией следовать будет» [7, 1721—1722, д. 2, л. 45].

Трудности войны, невозможность склонить Россию к военному сотрудничеству против Цэван-Рабдана раздражали императора и

его министров. Л. Ланг сообщал, что к нему приезжали министры Сюань Е, выражавшие недовольство дружбой России с Джунгарским ханством, тогда как это ханство является противником Цинской империи, с которой Россия также намерена поддерживать добрососедские отношения. Они настаивали на том, что «тот, который против одного из двух монархов неприятельски поступает, от другого неприятельски трактован имеет быть» [7, 1721—1722, д. 2, л. 44—45]².

В таких условиях наиболее выигрышным было положение России, в помощи которой нуждались обе стороны. В этой связи представляет интерес посольство Асан-ходжи, который летом 1722 г. прибыл от Цэван-Рабдана в Тобольск. Напомнив губернатору Сибири князю Черкасскому, что между русскими и ойратами издревле существовали хорошие отношения, посол отметил, что эти отношения ухудшились, когда русские начали двигаться в верховья Иртыша. Теперь Цэван-Рабдану стало известно, что Россия намерена якобы направить против него войска; если эти сведения верны и русские войска начнут его теснить, то единственным для него выходом будет подчиниться Цинской династии. Князь Черкасский заверил Асан-ходжу, что русский царь никогда и не думал о посылке войск против Джунгарии, что подобные слухи могут распространяться лишь теми, кто хочет запугать Цэван-Рабдана и заставить его покориться цинскому императору [3, 1722—1723, д. 1, л. 2—3].

Крупнейшим событием в русско-ойратских отношениях 1722—1723 гг. было посольство И. Унковского к Цэван-Рабдану. Мы не будем останавливаться на истории этого посольства, поскольку самые важные документы, имеющие к нему отношение, были в свое время опубликованы Н. Веселовским. Известно, что целью посольства было убедить Цэван-Рабдана отправить в Тобольск своих представителей для подписания договора о его добровольном переходе в российское подданство на условиях, аналогичных положению Аюка-хана. Когда такой договор будет подписан, «тогда уже, — гласит параграф 5 инструкции, данной И. Унковскому, — его императорское величество изволит его, яко своего подданного, от других оборонять, и китайского хана может сперва через посылку грамоты своей склонять, чтоб он ему, контайше, яко подданному его императорского величества, никаких обид не чинил, а буде того хан китайской не послушает, то сыщутся способы и силой его к тому привести, а от других его неприятелей может его императорское величество и оружием оборонять, и другие народы ближайшие повелит в его послушание привести, и в том ему сибирскими своими войсками вспомогать» [3, 1722—1723, д. 1, л. 15].

Но миссия И. Унковского не достигла цели. Цэван-Рабдан отказался от мысли перейти в российское подданство и не принял выдвинутого И. Унковским предложения о постройке на территории ханства русских крепостей с русскими гарнизонами. Столь радикальная смена позиций объясняется тем, что план присоеди-

нения к России всегда встречал сопротивление некоторых влиятельных лиц, окружавших джунгарского хана. Оппозиция этому плану резко усилилась в связи со смертью Сюань Е и вступлением на престол в Китае Инь Чжэня. Характерен в этом отношении ответ Цэван-Рабдана И. Унковскому. Он сказал, что «было де его наперед сего прошение, чтобы города построить для того, что китайцы на улусы его чинили нападения, а ныне де старый китайский хан умер, а на место его сын вступил, который прислал к нему послов своих, чтоб жить попрежнему в дружбе, также мунгальские и кошеуцкие (хошоутские из Кукунора. — И. З.) послы к нему за тем же приехали, и китайцы де стали быть в худом состоянии, для чего ныне и города ему, контайше, не надобны» [3, 1726, д. 2, л. 21].

Цэван-Рабдан вновь выдвинул на первое место старые спорные вопросы о сборе ясака и о границе. Нет сомнения, что продвижение линии укреплений России в верховья Иртыша и Енисея серьезно напугало Цэван-Рабдана и многих других владетельных князей Джунгарии.

Цэван-Рабдан направил в Россию вместе с И. Унковским нового посла Доржи, который 4 апреля 1724 г. был принят в Петербурге Петром I. В ходе переговоров выяснилось, что Доржи не имел поручения говорить о переходе Джунгарии в русское подданство, равно как и о разведке недр русскими на территории ханства. Он был уполномочен говорить только о том, чтобы Россия и Джунгарское ханство жили в дружбе и согласии, чтобы царь Петр I приказал защитить Цэван-Рабдана в случае какого-либо нападения на него, чтобы власти возвращали в Джунгарию лиц, бежавших оттуда. Этими вопросами ограничивалась его миссия. Получив 28 сентября 1724 г. ответное письмо Петра I Цэван-Рабдану, в общей форме выражавшее согласие поддерживать традиционную дружбу, Доржи отправился на родину (см. [3, 1724—1725, д. 2, л. 1—36]).

Было очевидно, что со смертью Сюань Е наступило затишье на восточных рубежах ханства. В спорных районах Южной Сибири вновь появились посланные Цэван-Рабданом сборщики ясака (см. [3, 1724—1728, д. 6, л. 1]). Его посол в Пекине в 1726 г. снова поставил вопрос о возвращении ханству Хами, Турфана и территорий, отошедших к Халхе (см. [121, с. 320]); усилился натиск ойратских феодалов на казахские кочевья в Семиречье. В 1723 г. Цэван-Рабдан, собрав крупные силы, нанес удар по владениям Большого и Среднего жузов Казахстана, подчинив большую их часть и превратив в своих данников [100, с. 79—82; 84, с. 234].

Есть основание полагать, что и в эти годы Цэван-Рабдан не оставлял мысли о присоединении Халхи к Джунгарии. А. Позднеев, ссылаясь на халхаские аймачные хроники, сообщает, что хан Джунгарии пользовался каждым удобным случаем, чтобы поднять население Халхи против власти Цинов. В этих целях хан «постоянно волновал олозов и урянхаев, которые, состоя в плену у маньчжуров, были расселены в разных местах халхаских кочевьев...

Такого рода беспокойства, возникавшие, собственно, под влиянием чжунгар... совершались на различных концах Халхи почти ежегодно, и продолжались они вплоть до самой смерти Цэван-Рабдана» [121, с. 320—321].

В 1723 г. в Кукуноре вспыхнуло крупное восстание хошоутских владетельных князей во главе с внуком Гуши-хана — Лубсан-Даньdziном. Целью восстания было свержение власти Цинов и восстановление былой самостоятельности хошоутских владений. Восставшие поддерживали контакт с ойратским государством в Джунгарии. Через год, однако, это восстание было подавлено цинскими войсками. Сам Лубсан-Даньdziн нашел убежище у Цэван-Рабдана, который решительно отклонил требование пекинских властей о выдаче беглеца.

Взаимоотношения между Джунгарским ханством и Цинской империей в эти годы были в основном мирными. В августе 1725 г. Л. Ланг писал в Петербург из Пекина, что цинские войска отошли от джунгарской границы, «однако же между китайским ханом и контайшею мир еще не учинен потому, что контайша у него взятые бухарские провинции Хами и Турфан назад требует, а оные уступить китайцы не хотят» [7, 1725, д. 3, л. 31]. Об этом же в мае 1727 г. писал в своем статейном списке граф Савва Рагузинский, возглавлявший российское посольство при переговорах с Китаем, завершившихся подписанием Кяхтинского договора 1727 г. «С контайшею не помирились, — писал С. Рагузинский в мае 1727 г., — ибо они не дают завоеванных городов от контайши, а контайша без того не мирится. Правда, что армия их держала поле, а контайша генеральной баталии не смел дать, хотя китайцев никогда более 44 тысяч не было, хотя и разглашивали будто двести тысяч. Однако ж контайша частыми партиями более число разбил» [7, 1725—1729, оп. 62/1, д. 12а, т. I, л. 450].

В нашем распоряжении очень мало данных о положении народных масс в ойратском государстве в годы правления Цэван-Рабдана. Но некоторое представление об этом дает рассказ одного из ойратских перебежчиков, явившегося в мае 1726 г. в Верхнеиртышскую крепость. Оттуда он был доставлен в Тобольск. Этот ойрат, по имени Баисхалан, родился в урочище Баин-Ула, его отец умер в ставке джунгарского хана, а брат четыре года назад решил бежать на Волгу, но был схвачен, «бит плетью и клеймен на щеках горячим железом и на лбу и натерли чернилами... Сам Баисхалан был тогда малолетен, и его не тронули» [3, 1726, д. 1, л. 4]. Упоминавшаяся уже нами ойратская женщина, беседовавшая с женой И. Унковского, говорила ей, что из-за войны с Китаем у людей «собирают добрых лошадей и всякой скот и туда ж (т. е. в войска.— И. З.) посылают; для того они ныне в великой скудости пребывают... где ныне войска и много ли оных — про то она не знает; только де осьмой тому год (разговор происходил в 1723 г.— И. З.), как мы в великом страхе пребываем, а от кого — о том не объявила, и притом сказала: имею де я язык и ум, а действовать оным не смею, понеже всем было заказано под смертью,

чтоб с русскими людьми ни о чем не говорить... И наши де все люди радуются, что с русскими стала быть дружба по-прежнему, а пред сим де временем всегда ожидали, что нас по рукам разберут и в чужие страны развезут» [53, с. 149].

Приведенные нами рассказы двух рядовых членов ойратского общества рисуют тяжкую картину жизни народных масс Джунгарского ханства, бесправных и закабаленных, за счет которых ойратские феодалы вели войны и обогащались.

В конце 1727 г. умер Цэван-Рабдан. Первые сведения об этом доставил в Тобольск 13 декабря сержант Д. Ильин, ездивший в Джунгарию по поручению губернатора для переговоров о возвращении в Россию пленных и имущества, захваченных ойратами в Ямышевских боях 1716 г. Д. Ильин рассказывал, что наследник Цэван-Рабдана, Галдан-Церен, обвинил свою мачеху Сетерджаб и прибывших в ханскую ставку послов Аюки в том, что они отравили его отца. Рассказ Д. Ильина подтверждается и дополняется многими архивными документами. Из них выясняется, что начало этим событиям было положено еще в 1723 г., когда Цэван-Рабдан направил на Волгу посла сватать свою дочь за сына Аюка-хана. Для продолжения начатых переговоров с Волги в Джунгарию в 1724 г. был послан зайсан Ехе Абугой сватать дочерей Цэван-Рабдана в жены трем другим сыновьям Аюка-хана. Цэван-Рабдан тепло встретил калмыцкого посла, «обещал дочерей своих отправить, а за ними в приданое сто девок и для провожания послать восемь тысяч человек» [3, 1727—1729, л. 80]. В 1727 г. к нему прибыли с Волги новые послы, но в это время хан Джунгарии скоропостижно умер. Послы Аюка-хана были заподозрены в отравлении Цэван-Рабдана. Началась расправа. Галдан-Церен казнил четырех и отправил в ссылку двух членов калмыцкого посольства, заключил в тюрьму и держал год в заточении Ехе Абугая, а мачеху свою и трех ее дочерей подверг мучительной казни [4, 1729, д. 8, л. 73].

Сын Сетерджаб, Лоузан-Шоно, сводный брат Галдан-Церена, еще до этих событий бежал на Волгу и тем избежал казни. Верховный лама Калмыцкого ханства Шохур-лама уже в феврале 1726 г. говорил майору Беклемищеву, что причина бегства Лоузан-Шоно из Джунгарии была следующая: «Брат де его большей (т. е. Галдан-Церен. — И. З.)... собрав войско, хотел его воевать, отчего убоясь, к нам и прибежал. И ныне де его по должности сроднической (внук Аюка-хана. — И. З.) в чести содержат, а с ним де 8 человек приехали» [4, 1726, д. 6, л. 159об.].

Сам Лоузан-Шоно объяснял свой приход на Волгу тем, «что он, Шуну, умершего Аюки-хана дочери его сын, и выехал в калмыцкие улусы за тем, что он как был в улусах отца своего, контайши, и его, Шунуя, все войско контайшинных улусов весьма любили и хотели по отце, Шунуя, учинить наследником. Чему завидуя, отца его, контайши, больший сын, а его, Шунуев, брат разноматерной, на него; Шунуя, наговорил отцу их, контайши, умысла неподобные слова, и учинил между ими, Шунуем и отцом его,

вражду и ненависть, и отец их, контайша, хотел его, Шунуя, убить до смерти» [4, 1729—1730, д. 16, л. 22].

Иначе объяснял бегство и последовавшие за ним события новый хан Джунгарии Галдан-Церен. Его первый посол в Россию Боджир, прибывший в Тобольск 13 декабря 1727 г., а в Москву 1 февраля 1728 г. и принятый Петром II, вручил письмо своего хана, в котором тот писал: «Брат мой меньший, к калмыкам ушел и с владельцем Дондук-Омбою соединясь, к мачехе моей прислал отраву, чтобы ею меня отравить. И помянутая моя мачеха, убоясь тою отравой меня отравлять, рассуждая, что ежели про оное сведает мой отец, то ей не без беды пробудет, вымыслила оною отравить отца моего, что она и учинила, от чего он, отец мой, и преставился» [3, 1727—1729, д. (б. н.), л. 58].

Несмотря на обилие документов, так или иначе касающихся указанных событий, многое в них остается неясным. Данные источников позволяют высказать предположение, что переговоры о брачных союзах были не единственной целью миссии Ехе Абугая и других представителей Калмыцкого ханства, что намечавшиеся браки служили средством для достижения каких-то более широких целей, возможно связанных с планом возвращения с Волги в Джунгарию калмыцких владетельных князей. Выше, ссылаясь на документы, мы уже говорили о том, что в 20-х годах XVIII в. некоторые влиятельные круги Калмыцкого ханства энергично отстаивали мысль о возвращении в Джунгарию. Перечень документов, подтверждающих сказанное, можно значительно увеличить [4, 1723, д. 8, л. 29—30; 1723, д. 6, л. 304об., 345, 355; 1726, д. 9, л. 10об; 1727, д. 5, л. 300об.; 1728, д. 10, л. 73—75], но углубляться в эту тему не входит в наши задачи.

Отметим лишь, что такой план больше всех должен был устраивать самого Цэван-Рабдана, но его отстаивали и некоторые калмыцкие князья.

В отсталом феодальном обществе, подобном ойратскому, смена одного правителя другим почти всегда сопровождалась более или менее значительными внутренними осложнениями. В основе же их лежала борьба за власть. Острота противоречий, их длительность и глубина находились в прямой зависимости от соотношения сил борющихся группировок. Победившая группировка, придя к власти, начинала свою деятельность с того, что расправлялась с соперниками.

Так было и в Джунгарском ханстве. Выше мы уже говорили об острой борьбе, развернувшейся в ханской ставке после смерти Цэван-Рабдана, о казнях, ссылках и других карах, обрушенных Галдан-Цереном на тех, кого подозревали в заговоре и отравлении хана Джунгарии. Данные источников позволяют предполагать, что в основе этих событий лежала борьба за власть между Галдан-Цереном и его братом по отцу Лоузан-Шоно. Победила группировка Галдан-Церена, а его противники были либо уничтожены, либо обезврежены. Однако сам Лоузан-Шоно бежал на Волгу, откуда он, как не без основания и полагал Галдан-Церен, мог возоб-

новить борьбу за власть в ханстве. Вот почему последний стремился захватить бежавшего в Калмыцкое ханство соперника.

С этой целью Галдан-Церен отправил к правителю Калмыцкого ханства письмо, в котором, сообщив о раскрытом заговоре и о принятых им против заговорщиков мерах, писал: «А ныне, ежели памятуя предков наших... дружбу, от Орлюка и поныне, и быть чтоб в добром состоянии, то Шону и Дондук-Омбу (тесть и союзник Шоно. — И. З.) обоих, поймав, отдайте, а я недружбу взыщу» [4, 1732, д. 6, л. 139]. Галдан-Церен не раз обращался и к правительству России с требованием выдать ему Шоно, его жену и детей. В июле 1735 г. Лоузан-Шоно умер. Послам джунгарского хана, явившимся для переговоров в Коллегию иностранных дел, было сказано: «И оной Шуну... предь давным уже временем умер, а детей после его смерти не осталось, а жена его... яко российская подданная... к отдаче им не надлежит» [3, 1735, д. 1, л. 69].

В своей внутренней и внешней политике Галдан-Церен строго следовал линии Цэван-Рабдана. Подобно отцу, он заботился о развитии земледелия и различных промыслов, которые при нем достигли сравнительно высокого уровня. Это подтверждают многочисленные показания очевидцев — русских послов, купцов и мастеров, ездивших в Джунгарию или проживавших там,

Переводчик М. Этигеров, например, посланный в 1729 г. из Сибири к хану Джунгарии, записал в путевом журнале, что в районе Талкинского перевала «имеетца пахоты контайшина владения бухарцов и калмыков», что он ехал «по правую сторону реки Цаган-Усуна мимо пашен бухарских, видел пашни в долинах рек Или и Эмель, а также в горах Тарбагатайских» [3, 1729—1730, д. 1, л. 60, 73, 76].

Русский посол Л. Угримов, находившийся во владениях Галдан-Церена в 1731 и 1732 гг., записал в своем дневнике много интересных сведений и наблюдений. По его данным, пахотные угодья в долине р. Или, у подножия Талкинского перевала, орошали с помощью арыков, в долине р. Гурбульджин землю обрабатывали бухарцы, построившие для себя дома и селившиеся, по-видимому, целыми поселками (см. [3, 1731—1733, д. 3, л. 16, 115об.]).

Возле ханской ставки располагался сад. «Был я во оном саду... — писал Л. Угримов, — встретил нас один бухаретин... которой над теми садами имеет по указу своего владельца смотрение... В которых садах видно было довольно всяких дерев, и величиною оной сад, например, кругом будет версты три, которой огражден стеною из незжеженного кирпича вышиною выше сажени» [3, 1731—1733, д. 3, л. 16]. По свидетельству Л. Угримова, таких садов в Джунгарии было довольно много. Они создавались и обслуживались «бухарцами», т. е. выходцами из Восточного Туркестана, но принадлежали эти сады джунгарскому хану и другим представителям ойратской знати. Один сад Галдан-Церен дал во владение шведскому офицеру Ренату, участнику экспедиции Бухгольца, попавшему в 1716 г. в плен к ойратам, который организовал

в Джунгарии производство пушек и мортир [3, 1731—1733, д. 3, л. 37]. В сентябре 1732 г. Л. Угримов посетил еще один сад, принадлежавший Галдан-Церену, располагавшийся в Илийской долине, на берегу оз. Хашатунор. Этот сад был огражден кирпичной стеной в окружности «верст на 5 или больше... где и прочего кирпичного строения имеется довольно, и птичьи покои... А потом показывали оные сады, в которых довольно изобретено разных фруктов и овощей» [3, 1731—1733, д. 3, л. 99].

Мы не располагаем данными о размерах земледелия и садоводства в Джунгарском ханстве в годы правления Галдан-Церена, о степени удовлетворения потребностей ханства в земледельческой продукции за счет внутреннего производства. Но можно считать установленным, что при нем хлебопашество поощрялось так же, как и при его отце и деде. Земледелием занимались не только «бухарцы», но и ойраты, хотя среди последних земледельцев было значительно меньше, чем среди «бухарцев». Получило распространение и садоводство, им занимались в основном выходцы из Восточного Туркестана. Развитие земледелия среди коренного населения ханства сильнее всего тормозилось большими феодальными поборами и повинностями. Источники сообщают, что в конце 1744 г. один из ойратских подданных говорил русскому казаку Б. Поилову, что «приехал де в Канскую волость из земли Зенгорской зайсан и по приказу Зангорского владельца Галдан-Чирика во всех тех зенгорских волостях, также и в таутелеутах велено с каждой пяти десяткой человек готовить по тридцать пар шубы» [3, 1715, д. 2, л. 170б.]. Особенно тяжело отражалось на хозяйстве ханства войны. Для участия в них нередко привлекалось все трудоспособное мужское население, а в кочевьях оставались лишь старики, женщины и маленькие дети. Л. Угримов 1 декабря 1732 г. писал сибирскому губернатору, что «сего лета... у них людей оставалось токмо одни попы и бухарцы и несколько джиратов, с которыми их владелец всегда ездит на охоту, а прочие калмыки все до малого ребенка были из всех улусов высланы на службу противу китайцев и казачьей орды» [3, 1731, д. 2, л. 376].

Галдан-Церен прилагал много усилий, чтобы улучшить существовавшие в ханстве промыслы и наладить новые. Д. Ильин, вернувшись из Джунгарии, рассказывал, что там делают ружья, порох и пули, добывают селитру, медь и железо [3, 1727—1729, д. (б. н.), л. 74]. Важную роль в развитии литейного и пушечного производств сыграл Ренат, деятельность которого высоко оценивалась джунгарским ханом. Ренат говорил Л. Угримову, что изготовил для армии Галдан-Церена 15 пушек четырехфунтовых, 5 пушек малых и 20 мортир десятифунтовых [3, 1731, д. 2, л. 360]. Интересные сведения об этом производстве доставил дворянин г. Кузнецка И. Сорокин, который в 1716 г. был взят в плен ойратами, жил среди них 14 лет, а затем был отпущен на родину. Он сообщил, что когда Ренату понадобились люди «для перевозу дощеником чрез одно озеро Тексел на другой берег железной руды,

то отданы ему были российских пленных сто человек, в том числе и он, Сорокин, при которой работе он, Сорокин, был до отпуску своего в Россию» [3, 1731, д. 2, л. 217].

И. Сорокин рассказывал, что в окрестностях озера имелось довольно много железной руды, которую ойраты исстари добывали сами, затем везли вокруг озера на противоположный берег. Там в лесу руду плавяли в горнах, а из полученного железа «делали (и ныне делают сами) турки, сабли, панцыри, латы, шлемы и прочее. И такого дела мастеров было у них и ныне есть близко тысячи человек». И. Сорокин также сообщал, что Ренат изменил способ доставки руды к плавильным печам, построив дощаник, на котором руду перевозили с одного берега на другой, откуда уже доставляли для плавки (см. [3, 1731, д. 2, л. 218]).

По свидетельству И. Сорокина, пушечное производство было создано в Джунгарии в середине 20-х годов XVIII в., еще при жизни Цэван-Рабдана. До этого Ренат вместе с другим шведским пленным поручиком Дебешем наладили суконное производство, обучив этому ойратов. «Ныне в контайшинных улусах немалое число из природных контайшинцов суконщики находятся» [3, 1731, д. 2, л. 218].

Галдан-Церен при переговорах с Л. Угримовым неоднократно подчеркивал свое желание получить помощь от России в налаживании в ханстве различных производств. В марте 1733 г. он сообщил Л. Угримову, что отправляет с ним своих послов, которые будут просить царицу Анну «прислать для обучения ко мне на время артиллерных несколько мастеров, которые б умели пушки и мортиры делать и научили б наших людей стрелять... также и фабричных мастеров, которые б могли делать всякие материи, какие и у вас делаются — золотые, серебряные и шелковые, и наших бы людей тому обучили. Да с посланцем же своим посылаю я двух человек для обучения железного дела... которые б могли во всем железном мастерстве знать силу» [3, 1731—1733, д. 3, л. 46, 141].

Халхасец Данжин, попавший в 1732 г. в плен к ойратам и бежавший в 1747 г., говорил в Tobольске местным властям, что ойраты умеют делать из селитры и серы порох. «А какие к деланию того пороха составы оне, зенгорцы, чинят, кроме того, что серу горючую и селитру толкут мелко и мешают с угольем, и пушки льют ли, того он не знает, понеже де он всегда находился у пазби овец» [3, 1748, д. 1, л. 21].

Анализируя показания источников, можно сказать, что промысловая деятельность в Джунгарском ханстве во второй четверти XVIII в. развивалась по трем направлениям: производство оружия и военного снаряжения, украшений и некоторых предметов быта, текстильное дело. Все известные нам «предприятия» обслуживали ханский двор и высшую аристократию. Работали на таких «предприятиях» араты, отбывавшие своеобразную государственную барщину. В таких условиях социальное и экономическое значение промыслов было незначительным, база, на которой они возникали

и развивались, была непрочной, их существование зависело от политической конъюнктуры.

Ранней весной 1748 г. в Тарбагатае в улусах племянника Галдан-Церена, владетельного князя Даваца, находился по делам службы сержант М. Котовщиков. Он видел там «завод серебряной и медной руды, называеца Буха. А что де ис тех руд делаеца, не знает. И прежде, при Галдан-Чирине, к тем заводам ис команды ноена Дебачи давано было людей в работу по тысячи, по пяти-сот, а ныне де при владельце Цебек-Доржи-Намжи людей ничего не даеца, понеже он, ноен, с ним, владельцем, имеет несогласие... И при том заводе имеетца русских один мастер и два подмастерья и один толмач... показанную руду добывают бурилами чрез порох и из медной руды делают посуду... посылаетца в работу на тот завод людей их по 3000» [3, 1748, д. 1, л. 37об.].

Купец Айбек Бахмуратов, постоянно проживавший в Джунгарии, рассказывал в 1748 г.: «Заводы медные и серебряные, которые де были при Галдан-Чирине, ныне де брошены, ибо де прибыли нет, а труда весьма много было. А российские мастера Иван Билдега с товарищи в их урге праздно (т. е. не работают. — И. З.). А в прошлом де годе сделана была ими медная пушка, токмо при пробе оную разорвало. А есть у них небольших медных же пушек до 20, которые делал швет Арена (Ренат. — И. З.). И те пушки возят на верблюдах, а порох де, свинец и железо калмыки их делают сами. А меди и серебра ныне не делают» [3, 1748, д. 1, л. 26, 26об.]. Двумя годами позже, весной 1750 г., из Джунгарии были получены сведения о том, что «порох, свинец, ружья, турки, сабли и панцыри при прежнем владельце Галдан-Чирине делали. А ныне де оное получают из Большой Бухарии, где и мастера их, зенгорцы, имеются». Кроме того, стало известно, что И. Бильдега у одного из зайсанов на р. Или «делает юфти красные. И хотя де прошлого году оное их мастерство и несостоятельно было, но ныне делают лутче. И те юфти отбираются в казну, а в народ еще отпуска не было» [3, 1750, д. 1, л. 14, 15].

Смерть Галдан-Церена (1745 г.), вызвавшая резкое обострение внутривосточной обстановки в Джунгарии, отразилась на положении промыслов, деятельность некоторых из них была прекращена. В целом, однако, экономическая политика Галдан-Церена, направленная на развитие земледелия и ремесленного производства, имела, несомненно, положительные результаты. Она способствовала в некоторой степени повышению экономического и культурного уровня ойратского общества, сыграла свою роль в тех успехах, которые были достигнуты государством в области внешнеполитической, во взаимоотношениях с Китаем, Россией и другими соседними странами. Наибольшее значение имели взаимоотношения Джунгарии и цинского Китая. Они определяли в значительной мере общее международное положение в обширных пространствах Восточной и Центральной Азии.

А. Позднеев чрезвычайно упрощал проблему джунгаро-китайских отношений. «Этот новый правитель чжунгаров, — писал он о

Галдан-Церене, — был коварен не менее своего отца, любил войну и много раз нападал на китайскую границу. Император, выведенный из терпения дерзостью чжунгаров, порешил наконец в 7-м году своего правления (1729. — И. З.) наказать их» [121, с. 331—332]. Так, по мнению А. Позднеева, началась новая серия войн между Джунгарским ханством и Цинской империей. В действительности дело гораздо сложнее, оно не сводилось к плохому характеру одного и недостатку терпения у другого.

Выше мы отмечали, что смерть Сюань Е и последовавшие за этим события прервали военные действия между Китаем и Джунгарией. Но мир был непрочным, противоречия, толкавшие оба государства на путь взаимной борьбы, не были разрешены, цели, которые ставили перед собой обе стороны, не были достигнуты. Очевидно, причины, приведшие к войне Джунгарского ханства с Цинской империей в первые годы XVIII в. продолжали действовать и в конце 20-х годов XVIII в. Возобновление военных действий было неизбежно, и обе стороны к ним тщательно готовились. Галдан-Церен принимал меры к тому, чтобы снабдить свои войска артиллерией и огнестрельным оружием, создать его необходимые запасы. То же делало и правительство Инь Чжэня, концентрируя войска на халхаско-ойратской границе, мобилизуя людей, готовя лошадей и продолжая в то же время поиски союзников, с помощью которых можно было бы навязать Джунгарскому ханству борьбу на два фронта [74, с. 78—81].

Из статейного списка С. Рагузинского явствует, что еще в марте 1728 г. к нему поступили сведения о готовившейся отправке из Пекина на джунгарскую границу представителей цинского правительства для переговоров с братом Галдан-Церена, который восстал против хана «и для того пришел в подданство к богдыхану величеству, обещая всю контайшину землю и российского Аюку-хана в подданство привести, ежели богдыхан покажет к нему особливую милость» [7, 1725—1729, оп. 62/1, д. 12а, л. 78б]. Однако слухи о приходе на границу брата Галдан-Церена не подтвердились, хотя, как можно предполагать, в их основе и лежит известный нам конфликт между Галдан-Цереном и его братом Лоузан-Шоно, покинувшим Джунгарию и прикочевавшим на Волгу. Эти сведения интересны тем, что в них ярко отразилась глубокая заинтересованность пекинских властей в союзниках против ойратского государства и их готовность принять любые предложения такого рода.

Беседуя в марте 1728 г. с представителями цинского правительства, С. Рагузинский обращал их внимание на то, что правитель Джунгарского ханства неоднократно предлагал императору России выступить сообща против Китая. Эти предложения неизменно отклонялись, и Россия имела «с богдыхановым величеством мир и дружбу». На это собеседники С. Рагузинского ответили, что правитель ханства «человек непостоянный», он ищет дружбы то России, то Китая. Цинские сановники «спрашивали с прилежанием, коликое расстояние между контайшею и российским под-

данным Аюкою-ханом, и какие народы меж ими живут, и скольдалече контайшина граница от российской, и умер ли старый Аюка-хан, и кто вступил на место его?» [7, 1725—1729, оп. 62/1, д. 12а, л. 800]. Все это говорит о том, что в 1728 г. правительство Цинской империи вновь изучало возможность привлечь Калмыцкое ханство к совместной борьбе против ойратов.

В ноябре 1735 г. из Джунгарии в Россию бежал захваченный в 1731 г. ойратами в плен маньчжурский воин Ядха. «И в те поры, — говорил Ядха, — многих из нашего войска они, Галдан-чиринские люди, побили, а других в полон побрали... да отбили медных пушек пять» [3, 1738, д. 4, л. 2—6]. Аналогичные сведения сообщил и другой пленный — китаец Чуванчей, в 1728 г. направленный в г. Болх (Баркуль?), где через два года «учинился у китайской с Галдан-чириновым войском бой, и в том бою он, Чуванчей, с прочими китайцы взят в плен» [3, 1741, д. 2, л. 48]. Есть основание полагать, что ойратский зайсан Бату-Менко не преувеличивал, когда сообщал Л. Угримову «о победе над китайцами, что их, китайцев, с немалым авантажем трижды в 1730 и 1731 гг. разбили» [3, 1731—1733, д. 3, л. 15].

Ренат, участвовавший в некоторых сражениях, рассказывал в мае 1732 г. Л. Угримову, что летом 1731 г. один ойратский отряд, насчитывавший 5 тыс. воинов, «с небольшой артиллерией», которой командовал Ренат, направился на г. Любчин (Люкчун?), но на подступах к нему был атакован 15 тыс. маньчжуров. В бою ойраты потеряли около 400 человек убитыми, говорил Ренат, «а остальных уже я выручил. Однако де потом, того же лета при Алтае была у калмык с китайцами другая баталия, при которой был и я. Калмыцкого войска с 30 тысяч, а китайцев было тысяч с сорок и больше. Токмо де калмыки оные их, китайские войска, разбили, и тысяч с семь в полон взяли, и при том 5 пушек медных у них, китайцев, отбили... Да во оном же году после оного их, китайского, несчастья пришло мунгальцев добровольно во владение Галдан-Церена при знатных князьях тысяч с шесть, которые... поселены около Имиль реки» [3, 1731, д. 2, л. 360—361].

В мае 1732 г. Галдан-Церен говорил Л. Угримову: «Приходило де их, китайцев, в третьем году (в 1730 г. — И. З.) на нас к Баркулю озеру... тысяч с двадцать, то де мы их тогда тысяч с десять побили, а в другой де раз прошлого году приходили к Алтаю тысяч сорок, и тех де также почти всех побили и в полон тысяч с десять взяли... А после той баталии от них же, китайцев, тысяч с десять дымов мунгалов к нам перешло» [3, 1731—1733, д. 3, л. 45]. Рассказ Галдан-Церена, как видим, совпадает с тем, что говорил Л. Угримову Ренат. Он подтверждается также монгольскими и китайскими источниками, которые приводит А. Позднеев (см. [121, с. 332—335]). Таким образом, успехи ойратских войск в операциях 1729—1731 гг. несомненны. И тем не менее Галдан-Церен очень хотел получить военную помощь со стороны России. Он сказал Л. Угримову, что после поражений 1731 г. Цины никаких послов к нему не присылали, «а мне де и посылать было не для чего. Оне

де надеются на свое людство. И я де, хотя не столько людей имею, однако с одними ими управиться надеюсь. И ныне де я отправил на них к Алтаю войска своего нарочито, ежели оне пожелают драться». Предвидя возможность военных действий, Галдан-Церен обратился к правительству России с просьбой о присылке русских войск. «Я де, — говорил он Л. Угримову, — не для того говорю, якобы боясь, и помириться желаю, но я еще ими и горжусь... и николи мириться не буду, ежели они сами не похотят. А ежели де постольку хотя и впредь своих войск присылать будут, то я с одними ими управиться могу». Галдан-Церен считал, что такая помощь позволила бы ему перейти от обороны к наступлению, что пришло бы «прибыль», как он говорил, обеим сторонам [3, 1731—1733, д. 3, л. 46]. Нет сомнения, что ему эта «прибыль» рисовалась по меньшей мере в виде Халхи, присоединенной к ойратскому государству. Но его надежды на военную помощь России были тщетными.

И все же Галдан-Церен, как и его предшественники, не переставал думать о присоединении Халхи. Курьер Хадан-Шараб, посланный ханом на Алтай к командующему ойратскими войсками Церен-Дондобу-младшему, в начале августа 1732 г. вернулся в ханскую ставку и рассказал русскому купцу Десятникову, что стотысячная цинская армия расположилась на джунгарской границе, в урочище Модон-Цаган-куль, «где построена, сказывают, немалая крепость... и калмыцкие войска тысяч с тридцать их ожидают». Но, как выяснилось, цинская армия не намерена покидать крепость. Галдан-Церен приказывал Церен-Дондобу: «Ежели от китайских войск с ними при Алтае до 23 числа августа ничего происходить не будет, то... со оного числа иттить в мунгалы». Хадан-Шараб привез Галдан-Церену донесение Церен-Дондоба о том, что «он уже и универсалы к мунгальскому народу послал, чтоб оне, мунгалыцы, не дожидаясь себе разорения, шли под владение зенгорское» [3, 1731—1733, д. 3, л. 94—95].

23 августа 1732 г. 30-тысячная армия Церен-Дондоба выступила в поход на восток, по направлению к Толе и Керулену. Но поход не принес успеха Джунгарскому ханству. Армия Церен-Дондоба потерпела серьезное поражение. Ренат, пользовавшийся доверием Галдан-Церена и получавший информацию о положении на фронте из первых рук, рассказывал Л. Угримову, что 16 сентября в ханскую ставку пришло донесение от Церен-Дондоба. Он докладывал, что его войска 23 августа выступили с исходных позиций, а 26 августа дали бой 22-тысячной группировке войск противника у г. Модон-хотон и разбили его. 29 августа Церен-Дондоб возобновил движение на восток с целью «их, мунгальцев, всех в свою сторону забрать, к которым он, Черен-Дондоб, наперед за два дня послал и универсалы, дабы они, не дожидаясь разорения, по единоверию шли все в их, калмыцкую, сторону». Некоторые халхаские владетельные князья действительно перешли на сторону ойратов. Церен-Дондоб надеялся, что «и все мунгалыцы в протекцию к ним придут» [3, 1731—1733, д. 3, л. 100—101].

Такие же сведения были сообщены Л. Угримову самим Галдан-Цереном 17 сентября. Хан рассказал, что китайцы построили на границе город, который атаковали ойратские воины. «А к мунгальцам де послали, чтоб оне в их, китайские, дела не мешались и шли б в нашу сторону без опасения, понеже де оне одного с нами закону» [3, 1731—1733, д. 3, л. 101—102].

Но радость в ставке Галдан-Церена длилась недолго. 21 октября туда прибыл курьер с сообщением о серьезном поражении ойратской армии на территории Халхи. Сначала ойратам удалось разгромить резиденцию главы церкви в Халхе — монастырь Эрдени-дзу на р. Орхон. Они взяли пленных, добычу, «но китайские войска приуготовлены были близ оных мест в прикрытых местах и оных калмыцких войск в тесном месте zelo немало разбили» [3, 1731—1733, д. 3, л. 111об.]. Ренат показывал Угримову письмо, присланное ему одним из ойратских артиллеристов, участвовавшим в сражении. Он сообщал, что из десяти артиллеристов трое убито, ранено двое, взято в плен три человека. Потеряны одна пушка и три мортиры.

Положение усугублялось неутешительными сведениями об операциях ойратских войск против казахов. «А которые де войски посланы от них, калмыков, были на казахов, но и оные де возвратились также с великим ущербом, так что едва и не все там остались. А прежде разглашали, что весьма много полону людей и скота у казахов взяли. А после от довольного скота и сами многие пришли пеши, которым с великою осторожностью велено стоять в крайних своих улусах от приходу казачьего и более малолюдством не ходить» [3, 1731—1733, д. 3, л. 113].

В ноябре 1732 г. остатки войск Церен-Дондоба разошлись по домам, а старшие начальники явились в ханскую ставку, где были судимы, и «приговорили их штрафовать в одеяние женского платья за то, что оне по наступлению китайских войск, не чиня дальнего отпору, побросав свои знамена и оставя войски, бежали» [3, 1731—1733, д. 3, л. 115].

Галдан-Церен не скрыл от Л. Угримова, что его войска осенью 1732 г. потерпели в Халхе поражение. В марте 1733 г., незадолго до отъезда Л. Угримова на родину, Галдан-Церен изложил ему историю войны Джунгарского ханства с Цинской империей так, как он это понимал. Галдан-Церен говорил, что Цины еще при жизни Цэван-Рабдана неоднократно конфликтовали с Джунгарским ханством. Когда умер Сюань Е, его преемник Инь Чжэнь прислал к Галдан-Церену послов с предложением разобрать и устранить накопившиеся обиды и недоразумения, установить мир и дружбу между империей и ханством, выдать цинским властям руководителя антиманьчжурского восстания 1732 г. в Кукуноре Лубсан-Даньдзина и других участников выступления, нашедших приют в Джунгарии. Галдан-Церен решил принять предложения Инь Чжэня и выдать ему Лубсан-Даньдзина. «И с тем своего посланца к ним отправил, чтобы обо всех прежних ссорах подлинно переговорить и о землях согласие учинить»³. Но послы джунгар-

ского хана, не доехав до Алтая, узнали, что цинские войска идут на Джунгарию. Послы немедленно вернулись. Вскоре цинские войска напали на ойратский отряд в районе Баркуля, но получили отпор. «И потому оне, китайцы, сами оной ссоры начинатели явились, а не мы. И от того де времени уже третий год ныне с нами воюют. Однако мы же де над ними всегда при деле счастье имели и многократно их разбивали... А прошлого де году в сентябре месяце... оне, китайцы, наших людей тысячи с три побили и в полон взяли. Однако де то им еще первое счастье послужило» [3, 1731—1733, д. 3, л. 142—142об.].

В этом рассказе обращает на себя внимание заявление Галдан-Церена о том, что, вступив на ханский трон, он считал своей первоочередной задачей решение вопроса с цинским правительством «о землях», т. е. о возвращении Джунгарскому ханству территорий, отошедших к Халхе.

Конфликт между Джунгарским ханством и Цинской империей в это время оказывал заметное влияние на взаимоотношения последней с Россией, в частности на исход переговоров посла России С. Рагузинского с цинским правительством в 1726—1727 гг., завершившихся подписанием известного Кяхтинского договора. О глубине и остроте противоречий, разделявших Джунгарское ханство и Цинскую империю, свидетельствует тот факт, что оба государства почти одновременно предложили царскому правительству союз для совместной борьбы против другой стороны. О предложении Галдан-Церена, сделанном через Л. Угримова, мы уже говорили. Что же касается Цинской династии, то ее посланцы в 1731 г. дважды приезжали в столицу Русского государства, где вели об этом переговоры.

В январе 1731 г. цинские послы сообщили, что им поручено обстоятельно информировать правительство России о войне, которую их страна ведет против Джунгарии, сначала с Галдан-Бошкту-ханом, затем с Цэван-Рабданом, а после его смерти с Галдан-Цереном. «И приказано им, послам, от богдыхана при дворе Российском... объявить, что когда их, китайские, войска зенгорской народ атакуют и землю его овладеют, то... ежели ея императорскому величеству что из земли их потребно, о том бы им объявить, и оное имеет уступлено быть в Российскую сторону» [3, 1731, д. 1, л. 206—208].

Представители Цинов, как мы видим, недвусмысленно предложили разделить территорию Джунгарии. Взамен цинское правительство хотело получить от России разрешение на поездку его представителей на Волгу, к хану калмыков, которого они должны были склонить к выступлению против Галдан-Церена. Они должны были также убедить Лоузан-Шоно, в то время еще проживавшего в Калмыцком ханстве, начать борьбу с Галдан-Цереном, обещая ему в случае победы трон джунгарского хана. Предлагая царскому правительству разделить Джунгарию, Инь Чжэнь рассчитывал такой ценой купить согласие России с его планами и содействие в их реализации.

Но российское правительство весьма сдержанно отнеслось к этим предложениям. Посланцам Цинов разрешили проехать на Волгу, но одновременно были приняты меры к тому, чтобы Калмыцкое ханство отклонило предложение о вмешательстве в джунгарские дела. Что касается раздела джунгарской территории, то представителям Китая было заявлено, что императрица Анна Иоанновна благодарит за дружескую и откровенную информацию, желает Инь Чжэню и его войскам успехов, что «ежели б случилось, чтоб оное богдыханово войско какими неприятелей своих землями в соседстве Российской империи овладело, то хотя ее императорское величество, имея такое пространное империи, никакой чужой земли себе присовокупить не желает, однако же с такой их, китайским, войском овладевшей земле тогда дружески... соглашено быть может» [3, 1731, д. 1, л. 210]. Одновременно послам сообщили, что впредь по вопросам, имеющим отношение к Калмыцкому ханству, следует обращаться к правительству России, а непосредственные обращения к ханству допускаться не будут.

Воспользовавшись полученным разрешением, некоторые члены цинского посольства выехали на Волгу в сопровождении секретаря (впоследствии советника) Коллегии иностранных дел В. Бакунина. Посланцы были приняты ханом Калмыкии Церен-Дондоком, которому и предложили выступить против Галдан-Церена одновременно с войсками Цинской династии, для того чтобы вернуть тех торговцев, которых Цэван-Рабдан отобрал у Санжиба, и открыть прямой и самый короткий путь с Волги в Тибет через степи Казахстана и Джунгарии. Особый разговор состоялся у цинских представителей с Лоузан-Шоно, которого они уговаривали возглавить борьбу против Галдан-Церена, обещая ему джунгарский трон.

Однако предложения Цинов были отклонены. Церен-Дондок, действуя согласно указаниям Петербурга, заявил, что «войск своих на зенгорцев послать без указа ее императорского величества не может, да и контайшин сын Лоузанг-Шуно, хотя в армию китайскую и с охотою ехать желал, но так же без воли ее императорского величества на то поступить и с послом согласиться не мог» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1 а, л. 46]. Церен-Дондок добавил, что послал в Петербург подробное донесение о состоявшейся встрече, к которому приложил копию своего ответа на письмо Инь Чжэня, врученное ему послами. Представителям цинского императора осталось только покинуть Калмыцкое ханство и отправиться в обратный путь.

О содержании переговоров с Лоузан-Шоно говорит его письмо императрице (подлинник письма на калмыцком языке и перевод, сделанный В. Бакуниным, хранятся в АВПр). «И всенижайше доношу, — писал Лоузан-Шоно, — китайские послы мне объявили, что их великий государь о моем деле намерен стараться... Ныне видится мне к тому удобное время, о чем рассуждая, намерен я туды ехать. И по прежней вашей ко мне милости... полагаюсь в волю вашего величества» [4, 1731, д. 2, л. 9—10].

Лоузан-Шоно не прочь был принять предложение Цинов, но отрицательное отношение Петербурга, а вскоре и смерть самого Шоно положили конец обсуждению этого вопроса.

Не успела группа послов, сопровождаемая В. Бакуниным, дойти до русско-китайской границы, как им повстречалось новое посольство из Пекина, направлявшееся в Петербург. «Они едут, — говорится в Черепановской летописи, — поздравить с восшествием на трон ее императорское величество. Они приехали тогда, когда первые послы, приезжавшие поздравить Петра II, еще не успели пересечь границу, возвращаясь домой» [16, л. 248].

Второму пекинскому посольству предшествовала просьба императора отправить в Пекин проживающего в Калмыкии «в бедствии и великой обиде» брата Галдан-Церена — Лоузан-Шоно. За ним должны были приехать специальные представители. Пекин просил также разрешить калмыкам, обитающим на Волге, выступить против Галдан-Церена, которого они, объединившись с казаками, бурятами и мусульманским населением Восточного Туркестана, сумеют победить и прогнать.

Правительство России отказалось пропустить новых пекинских послов на Волгу. В январе 1733 г. оно ответило, что не может принудить волжских калмыков поддержать императора в его борьбе против джунгарского хана ввиду дальнего расстояния от Волги до Джунгарии, а также «мирного его, контайши, с Россией пребывания, которое не заслуживает того, чтоб с ним поступать неприятельски». Одновременно Пекин извещали о смерти Лоузан-Шоно.

Хотя русское правительство отклонило предложения обеих сторон — Джунгарского ханства и Цинской империи — о вмешательстве в их борьбу, но объективно позиция России была на руку именно джунгарскому хану, так как избавила его от опасности борьбы на два фронта. Едва ли будет преувеличением сказать, что позиция России спасала Джунгарское ханство от разгрома.

Между тем поражение ойратских войск в Халхе осенью 1732 г. существенно отразилось на взаимоотношениях Джунгарского ханства с Цинской империей. Обе стороны убедились в невозможности решить накопившиеся противоречия силой оружия. Единственным выходом из создавшегося положения были переговоры о мире. Они тянулись долго и протекали трудно. Камнем преткновения был вопрос о границах. Галдан-Церен требовал вернуть Джунгарию земли к востоку от Монгольского Алтая, но Пекин и особенно халхаские ханы и князья на это не соглашались (см. [3, 1734, д. 3а, л. 60б.1]).

Переговоры, начатые при жизни Инь Чжэня, были закончены лишь при его преемнике Хун Ли в 1739 г. Обе стороны оказались вынужденными пойти на уступки и в конечном счете согласились считать границей Монгольский Алтай и оз. Убсанор. Территория к востоку от них признавалась принадлежащей Халхе, а к западу от нее — Джунгарскому ханству. В итоге ойратское государство потеряло значительную часть своей первоначальной территории.

Мирным договором предусматривалось возобновление взаимной торговли, а также свободного передвижения паломников в Тибет и из Тибета.

Каковы же общие итоги войны, в какой мере боровшиеся стороны приблизились к осуществлению своих целей и от чего им пришлось отказаться? Главной целью этой войны для Цинов было, как известно, сокрушение Джунгарского ханства, подчинение его своей власти и превращение Джунгарии в составную часть Цинской империи. Эта цель не была достигнута. С другой стороны, главной целью ойратских феодалов, как мы знаем, было присоединение Халхи и образование на этой основе самостоятельного объединенного северомонгольского феодального государства под властью Чоросского дома. И эта цель не была достигнута. Сравнивая и сопоставляя эти итоги, мы приходим к выводу, что наименьшие потери понесла Джунгария. Ойратские феодалы сохранили свое государство и опрокинули планы могущественной тогда державы Восточной Азии — Цинской империи и союзных ей группировок восточномонгольских феодалов. Ойраты сохранили, наконец, свои силы и, следовательно, потенциальную возможность возобновить борьбу как против Цинской династии, так и против других противников.

Так же оценивали итоги войны правящие круги России. Ее правительство было заинтересовано в сохранении независимого ойратского государства как козыря в борьбе за укрепление своего влияния и своих позиций в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке против Цинской династии, стремившейся воспрепятствовать этому, но в то же время оно видело в Джунгарском ханстве опасную силу, претендовавшую на господство в Южной Сибири. Русско-ойратские отношения в эти годы несли на себе отпечаток указанной двойственности. Она нашла отражение, в частности, в указе Коллегии иностранных дел к сибирскому губернатору Плещееву, отправленном из Петербурга в сентябре 1735 г., в котором между прочими важными вопросами говорилось об отношении российского правительства к мирному договору между Джунгарией и Китаем. «А понеже, — читаем мы в указе, — по полученным у вас ведомостям у владельца их (речь идет о Галдан-Церене. — И. З.) с китайцы о мире пересылки давно начались, и может быть ныне и действительно примирение между ими не воследовало, и тако сей сосед свободные руки не возымел бы, в котором случае наипаче от него опасаться надлежит» [3, 1735, д. 1, л. 377]. Но на неоднократные предложения цинского правительства принять участие в борьбе против ойратского государства и общими силами сокрушить его Петербург, как мы видели, неизменно отвечал отказом.

На какой же основе развивались в эти годы русско-ойратские отношения, что составляло их содержание, какие противоречия разделяли Джунгарское ханство и Россию? Многочисленные русские архивные документы позволяют с уверенностью утверждать, что русско-джунгарские отношения в рассматриваемое время опре-

делялись главным образом вопросами взаимной торговли, размежевания границ, сбора ясака, возвращения пленных и перебежчиков. На них мы и остановимся.

Уже не раз говорилось о том, какую исключительную роль играет меновая торговля в истории кочевых народов вообще и монголов в частности. Источники, повествующие о русско-ойратских отношениях XVII—XVIII вв., убедительно свидетельствуют о том, что решающей причиной преобладания мира и доброго соседства во взаимоотношениях Русского государства и Джунгарского ханства была их равная экономическая заинтересованность во взаимном обмене. Именно это создавало в XVIII, как и в XVII в., прочную основу мирного урегулирования спорных вопросов и разного рода конфликтов, которых в годы правления Галдан-Церена было довольно много. Именно поэтому хан Джунгарии в сентябре 1729 г. говорил послу сибирского губернатора М. Этигерову о своем желании сохранить традиционную дружбу с Российской империей. «Желаю де, против прежнего, как великий император (Петр I. — И. З.) и как мой отец жили в совете и любви... Указ между белым царем и между моим отцом в миру и совете жить, и я так же желаю жить» [3, 1729—1730, д. 1, л. 32]. Этими словами правитель Джунгарского ханства формулировал подлинные основы своей политики по отношению к России. Разумеется, немалую роль в мирном ее характере играло опасение оказаться перед роковой необходимостью войны на два фронта, против Китая и России, но еще большую роль играло опасение потерять практически не ограниченный рынок сбыта в России продукции своего хозяйства и мощный источник снабжения товарами. Следует отметить, что и в основе политики России по отношению к Джунгарскому ханству в эти годы лежало стремление не доводить споры до вооруженных столкновений, а искать пути к их мирному разрешению. Характерен в этом смысле указ от 19 января 1721 г., собственноручно написанный Петром I, повелевавший сибирскому губернатору Черкасскому добиваться того, чтобы «сибирские жители жили с контайшей в согласии и обид бы не чинили» [3, 1726, д. 2, л. 7; 1733—1734, д. 1, л. 156об.].

За 18 лет своего правления Галдан-Церен направил в столицу России четыре крупных посольства для непосредственных переговоров с русским правительством: в 1728, 1730, 1733 и 1741 гг. К нему за эти годы было послано три посольства: из Тобольска в 1729 г. М. Этигерева, из Петербурга в 1731—1733 гг. Л. Угримова и из Оренбурга в 1742—1743 гг. майора Миллера. Помимо этих посольств местные власти Сибири и правитель Джунгарского ханства часто обменивались послами и посланиями. Например, сержанта С. Томского посылали к джунгарскому хану в 1722, 1729, 1746, 1747, 1748 и 1750 гг., причем в 1747 и 1748 гг. он туда ездил по два раза в год [3, 1754, д. 3, л. 43—44]. Все это свидетельствует о весьма интенсивных дипломатических отношениях, отражавших разнообразные экономические и политические интересы, связывавшие оба государства.

Одно из первых мест в переговорах занимал вопрос о торговле. Непрерывный рост объема русско-джунгарской торговли сделал необходимым ее регулирование с учетом интересов русского купечества и русской казны. Надобности в таком регулировании не было до тех пор, пока эта торговля не выходила за рамки Ямышевского и Семипалатинского районов. Но начиная со второго десятилетия XVIII в. джунгарское купечество стало заметным фактором на рынках Сибири, на Ирбитской ярмарке и даже за их пределами.

В наших источниках нет исчерпывающих сведений о динамике торговли между Джунгарией и Россией, но некоторое представление об этом дают сведения Ямышевской и Семипалатинской таможен за 1724—1725 гг. Из Джунгарии через эти города в 1724 г. было доставлено товаров в Тобольск на 3633 р. 24 к., в 1725 г. — на 3621 р. 40 к., в 1726 г. — на 16 203 р. 70 к., в 1727 г. — на 11 679 р. 42 к., в 1728 г. — на 12 233 р. 91 к., всего же за пять лет — на 47 371 р. 67 к.

В эти же годы для Джунгарии из Тобольска в Ямышево было привезено товаров, главным образом сукна, в 1724 г. на 4446 р. 60 к.; в 1725 г. — на 3691 р., в 1726 г. — на 4837 р. 81 к., в 1727 г. — на 4041 р. 45 к., в 1728 г. — на 18 413 р. 24 к., всего за пять лет — на 35 430 р. 10 к. [3, 1729—1730, д. 1, л. 37].

Приведенные цифры, конечно, не охватывают всего объема русско-джунгарской торговли, но и они свидетельствуют о том, что эта торговля постепенно превращалась в фактор общероссийского значения. Джунгарское купечество, беспрепятственно расширявшее сферу своей деятельности и свободное от таможенного обложения, оказывалось в более выгодном положении, чем русские купцы. Интерес к русско-джунгарской торговле начала проявлять и российская казна. Отсутствие государственного регулирования отдавало эту торговлю полностью на усмотрение местных властей, что порождало множество конфликтов. Сибирский губернатор Гагарин, например, облагал пошлинными сборами джунгарских купцов, а сменивший его Черкасский возвращал купцам полученные с них пошлинные сборы. Вообще же сибирские власти не считали возможным освободить купцов от таможенного обложения, так как опасались, что казне будет нанесен большой ущерб, «понеже оные приезжают немалыми караванами со многим числом товаров» [3, 1742, д. 4, л. 43]. Но Галдан-Церен, отстаивая интересы джунгарского купечества, в операциях которого он принимал большое участие, настойчиво добивался сохранения старого порядка ничем не ограничиваемой и никакими сборами не облагаемой торговли русских купцов в Джунгарии, а ойратских — в России.

Переговоры по этим вопросам велись в течение всех лет правления Галдан-Церена. Одной из важных задач миссии Л. Угрюмова было заключение специального торгового договора на основе следующих предложенных правительством России принципов: джунгарским купцам предоставляется право свободно торговать в Ямышеве и Семипалатинске, где их товары будут освобождены

от таможенного досмотра и таможенных сборов; им предоставляется также право везти свои товары в иные города России, но в этих случаях с них будут взыскиваться установленные таможенные пошлины; русские купцы, торгуя в Ямышеве и Семипалатинске, также будут освобождены от таможенного обложения; в случаях, когда русские купцы будут приезжать в Джунгарию, власти последней могут по своему усмотрению взыскивать с них соответствующие пошлины.

Л. Угрюмову не удалось добиться согласия ойратского правительства на эти условия, вследствие чего торговый договор им не был заключен. В дальнейшем, хотя переговоры по нерешенным и спорным вопросам неоднократно возобновлялись, достигнуть соглашения так и не удалось. Несмотря на отсутствие договора, сама торговля не прекращалась и продолжала развиваться, не встречая в России сколько-нибудь серьезных препятствий.

Более сложными и острыми были русско-джунгарские противоречия по территориальным вопросам. Начиная с 1719 г. вопрос о границе стал неперенным пунктом переговоров при каждой встрече представителей Джунгарии и России.

Позиция Галдан-Церена, его аргументация и требования представляли собой прямое продолжение линии его отца; эта позиция оставалась неизменной на протяжении всей первой половины XVIII в. Споры о границе прекратились лишь после смерти Галдан-Церена, когда его преемники занялись лишь междоусобной борьбой.

Что касается русской стороны, то она твердо отклоняла аргументы ойратских властей, отстаивала право России владеть спорными территориями, стремясь вместе с тем не доводить дело до обострения и принимая меры на случай возможного вооруженного конфликта. Правительство России утверждало, что никаких переговоров с Джунгарией о границе никогда не вело, что у ойратских правителей нет никаких доказательств, подтверждающих их слова о якобы согласованной границе по линии р. Омь.

Вопрос о границе был тесно связан с вопросом о ясаке. Утверждая, что указанная территория принадлежит Джунгарскому ханству, ойраты требовали, чтобы за ними было признано монопольное право на сбор ясака с населения. На этом основании в июне 1742 г. послы Галдан-Церена представили подробный перечень своих кыштымов, когда-то плативших ясак только в ойратскую казну, а затем под нажимом русских властей переставших вносить этот ясак или принужденных вносить его и в Джунгарию и в Россию. Галдан-Церен требовал возвращения ему всех кыштымов [3, 1742, д. 2, л. 275—277].

Российские же власти настойчиво добивались возвращения всех русских и всех вообще подданных России, задержанных в Джунгарии, в первую очередь захваченных в 1716 г. в боях под Ямышевом нескольких сотен солдат и офицеров, а также волжских торгоутов, отобранных в 1701 г. Цэван-Рабданом у Санжиба (15—20 тыс. юрт).

Стремясь к урегулированию накопившихся спорных вопросов, царское правительство России направило в 1731 г. в Джунгарию своего официального представителя Л. Угримова, его снабдили полномочиями на право подписания соответствующих договоров и соглашений. В одной из многочисленных инструкций, данных Л. Угримову, говорилось, что, если Галдан-Церен или его приближенные поставят вопрос о границе, ему надлежит отводить их претензии.

Л. Угримов был тепло принят Галдан-Цереном, много раз встречался с ним и вел деловые беседы. Состоялись переговоры и с высшими сановниками ханства по всем вопросам, связанным с торговлей, границей, ясаком и т. п. Но результат его миссии был тем не менее весьма скромным. Единственным достижением было то, что Л. Угримов вывел из Джунгарии около 400 русских, с которыми и прибыл на родину.

Столь же незначительными были успехи миссии, отправленной Галдан-Цереном во главе с Зундуй-Замсу в Петербург для продолжения переговоров. Эта миссия выехала из Джунгарии вместе с Л. Угримовым и в марте 1734 г. прибыла в столицу России, где дважды была принята императрицей Анной Иоановной. В июле 1735 г. в Коллегии иностранных дел миссии вручили ответ российского правительства на все вопросы, по которым велись переговоры. Но этот ответ посланцев Джунгарского ханства не удовлетворил (см. [3, 1735, д. 1, л. 49]). Что касается вопроса о ясаке, то ответ правительства России содержал юридическое признание двоедланничества как временного состояния (см. [3, 1735, д. 1, л. 56]).

В 1741—1745 гг. Галдан-Церен предпринял новые попытки добиться положительного для себя решения спорных вопросов. Но и они успеха не имели.

С тем большим рвением обрушились ойратские феодалы на казахов, не прекращавших борьбу за полное вытеснение ойратов из Семиречья. Обстановка на казахско-ойратских рубежах в годы правления Галдан-Церена была весьма напряженной. Вооруженные столкновения были здесь частым явлением. Несмотря на отдельные успехи, военные действия в целом протекали неудачно для казахских феодалов. Они терпели частые, иногда крупные поражения, в результате которых вынуждены были бросать насиженные места и откочевывать далеко к Аральскому морю, к Уралу и Волге, что, в свою очередь, вызывало новые конфликты между пришельцами и старыми обитателями приаральских, поволжских и приуральских степей. Русские источники изобилуют данными, характеризующими напряженное положение в указанных районах. В результате одержанных побед ойратские феодалы в начале 40-х годов XVIII в. временно превратили правителей Среднего казахского жуза в своих вассалов и данников.

2. Общественный и политический строй Джунгарского ханства

Эволюция общественного и политического строя кочевых народов вообще и монголов в частности — один из наименее изученных аспектов их исторического развития. Объясняется это главным образом крайней малочисленностью принадлежащих самим кочевым народам и доступных науке вещественных и письменных памятников, убедительно и объективно раскрывающих отношения, складывавшиеся в кочевых обществах в процессе материального производства, виды и формы собственности, классовую структуру этих обществ и т. п. Малочисленность источников вынуждала исследователей решать вопросы истории общественного и политического строя кочевых народов на основе всякого рода косвенных данных, что открывало широкий простор для всевозможных схематических построений, где главную роль играли личные взгляды исследователей, а не реальные исторические факты. Единственным исключением является широко известный труд Б. Владимирцова об общественном строе монголов, в котором каждый вывод и каждое обобщение основаны на богатом конкретно-историческом и лингвистическом материале, извлеченном из монгольских летописей. Прямо противоположный подход к проблеме мы находим в труде С. Толыбекова об общественном строе казахов [145]. Большое место в нем занимают рассуждения об общих закономерностях общественного развития кочевых народов различных стран и в различные исторические эпохи. Свою концепцию автор основывает по преимуществу не на конкретно-историческом материале, а на одном теоретизировании, подкрепленном цитатами из трудов многих авторов, принадлежащих к разным школам и направлениям.

Основные положения концепции С. Толыбекова не являются новыми и оригинальными; мы находим их в произведениях А. Позднеева, Г. Грум-Гржимайло, Н. Веселовского, В. Радлова, В. Григорьева и др. С. Толыбеков считает, что общие закономерности феодализма, свойственные всем оседлым народам мира, неприменимы к кочевым народам, которые в своем развитии не могут подняться выше так называемых патриархально-феодальных отношений. Эти отношения, утверждает С. Толыбеков, предстают перед нами как особая общественно-экономическая формация с особым базисом и особой надстройкой [145, с. 291—376]. Но и этот тезис не нов. В. Радлов еще в конце XIX в. писал: «Понятия: князь, чиновник, народ, государство, область, собственность и т. п. имеют в жизни кочевников не то значение, какое у оседлых. Равным образом война и мир влияют на социальные отношения кочевников не так, как у культурных оседлых народов» [132, с. 65].

Концепция Т. Толыбекова находится в резком противоречии с историческими фактами, она лишь затрудняет понимание исторического прошлого кочевых народов.

Нельзя в этой связи не вспомнить замечание В. Бартольда: «Пишущего эти строки изучение истории Востока все более и бо-

лее приводит к сознанию тех простых истин, что на Востоке, как и на Западе... действуют одни и те же законы исторической эволюции» [32, с. 355]. Мы полностью присоединяемся к этому заявлению. Реальные исторические факты, свидетельства источников подтверждают его правильность.

Представляя материалы об общественном и политическом строе Джунгарского ханства, автор исходит из того, что во всем общественном и главным процесс материального производства и общественные отношения у ойратов совпадали с аналогичными процессами и явлениями у восточных монголов и калмыков. На этом основании автор считал и считает оправданным привлечение данных по Калмыкии и Халхе для характеристики положения в Джунгарии, учитывая при этом, разумеется, влияние времени и конкретной обстановки.

* * *

Свидетельства монгольских, китайских и русских источников не оставляют места сомнениям, что в XVII—XVIII вв. каждое феодальное владение в Монголии располагало вполне определенной территорией, в границах которой кочевало население, подвластное правителю и собственнику данного владения. Эти границы устанавливались, изменялись и вновь определялись в ходе борьбы между ханами и князьями за пастбищные угодья. Однако в каждый конкретный момент границы феодальных владений были строго определенными. Нарушение их и самочинный переход на территорию другого владения рассматривались как насильственное вторжение и начало войны. Как уже говорилось выше, законы 1640 г. подтверждали древние правовые установления о неприкосновенности границ и предусматривали строгие санкции к их нарушителям.

Но жизнь вносила свои коррективы. Рост численности стад, появление новых наследников и жажда обогащения вновь и вновь порождали одно из основных противоречий кочевого скотоводческого хозяйства — противоречие между его развитием и ограниченными размерами пастбищных угодий. В условиях примитивной техники производства кочевое скотоводческое хозяйство могло развиваться только на базе непрекращающегося расширения пастбищных территорий. Когда их было достаточно, не возникало нужды в овладении новыми, но, как только наличные пастбищные угодья переставали удовлетворять потребности ханов и князей, а все резервные площади оказывались исчерпанными, тогда борьба за передел феодальных владений, за перераспределение пастбищных территорий становилась неизбежной.

Следует отметить своеобразный характер «земельной тесноты» у кочевых народов, которая определялась не столько числом людей на единицу площади, сколько количеством скота, а также качеством земли — ее плодородием и обеспеченностью водой. Приведем один пример. В начале XVII в. три сына Кучума вместе с не-

сколькими сотнями душ подвластного населения кочевали в верховьях рек Яик, Исеть и Миас, т. е. на площади около 300 тыс. кв. км (на ней в конце XIX в. обитали 2 млн. человек). И все же, как говорили братья боярскому сыну Г. Артемьеву, они кочевали «для того, что им, живучи вместе, прокормица нечем» [8, с. 282; 87, с. 56]. Широко распространенное в домарксистской литературе представление о «вольном», «свободном», никем, ничем и никогда не ограничиваемом передвижении кочевых скотоводов является глубоко ошибочным. Уже Жербийон, хорошо знакомый с монгольскими кочевьями, пришел к убеждению, что в этой стране в конце XVII в. «каждый владетель живет в своей области, и ни ему самому, ни его подданным не позволено переходить в соседственное владение» [59, с. 256].

В источниках XVII—XVIII вв. содержится довольно много сведений о «земельной тесноте» у монголов и вызванной ею борьбе за передел пастбищных территорий. Некоторые сведения этого рода мы уже приводили выше. Из новых данных заслуживает внимания излагаемый В. Бакуниным доклад майора В. Беклемишева о вспыхнувшей в Калмыкии в 20-х годах XVIII в. острой междоусобной борьбе. «А ему, Беклемишеву, от того их отвращать, хотя б как он старался, не можно, для того что владельцов умножилось, и один у другого под властью быть не хочет, и один перед другим для кочевания своего занимает лучшие места, и не надеется он, Беклемишев, той их ссоре окончиться без того, чтобы одни других не разбили и тем владельцов не убавили, как и прежде хан Аюка родственников всех своих передавал и улусами их он один завладел» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1, л. 48].

Мнение В. Беклемишева о причинах и вероятном продолжении междоусобной борьбы в Калмыкии совпадало с мнением самих калмыцких феодалов. Об этом свидетельствует просьба, с которой летом 1725 г. обратилась к русским властям одна из группировок калмыцких владетельных князей: «Чтоб их с улусами оставить до льду внутри Царицынской линии, представляя, что их, калмыцкие, междоусобия издавна продолжают, и пока владельцов их не убудет, то и мир их ничто, и для того они имеют намерение, когда реки льдом покроются, собрав все свои войски, итти на Черен-Дондукову сторону и владельцов их перевести или своих потерять, чтоб улусы их были у кого-нибудь в одних руках» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 33].

«Земельная теснота» была одной из главных причин междоусобных конфликтов, она в известной мере обуславливала и внешние войны ойратских феодалов. Калмыцкий владетельный князь Доржи Назаров в феврале 1727 г. писал в Петербург, что осенью 1726 г. «пришли касики и каракалпаки кочевать на наши места в урочища, называемые Зем река, и мы пошли на них для обороны мест своих» [4, 1727, д. 11, л. 129об.].

В предыдущей главе уже отмечалось, что Джунгарское ханство в первой половине XVIII в. испытывало острый недостаток в пастбищных территориях. Посланец Цэван-Рабдана, Борокурбан,

летом 1721 г. говорил в Петербурге по поручению своего хана: «Раньше его люди кочевали в верховья р. Иртыш и никто их не стеснял. Теперь там русские построили городки. Во избежание конфликтов контайша отвел своих людей от этих мест, вследствие чего наблюдается недостаток кочевий. Контайша просит, чтоб государь разрешил его людям кочевать по обе стороны Иртыша невозбранно» [3, 1722—1723, д. 1, л. 12]. Через 11 лет, т. е. в 1732 г., ойратский сановник Батур-зайсан, назначенный Галдан-Цереном для переговоров с русским послом Л. Угримовым, требовавшим возвращения в Россию задержанных в ханстве русских людей, говорил: «А другое де наше дело нужнее и людей, земли, и о том де подлинного ответу от вас нет. А мы де больше и отдачу (русских людей. — И. З.) учинить хотели для земель, понеже де вы и сами знаете, что нам в земле нужда, и ежели бы де оные земли не наши, то бы де мы и не вступались, и ссора у Ямышева сделалась о земле, а не об людях» [3, 1731—1733, д. 3, л. 108об.].

Общеизвестно, что во главе каждого монгольского феодального владения стоял хан или князь, к которому оно переходило по наследству от отца и который сам передавал его своему наследнику. Феодальное владение переходило из поколения в поколение как «умчи», т. е. как наследственная собственность данного омока. Каждый владетельный князь выступал перед внешним миром, перед другими владетельными князьями как бесспорный собственник своего владения. Отрицание этого права собственности означало войну, ибо только силой оружия можно было отнять у феодала его владение, его умчи.

Что представляло собой умчи с точки зрения экономической и социальной? Изучая источники, мы прежде всего замечаем, что умчи вполне четко делилось на улус и нутуг. Известно, что на эти же две части делились феодальные владения Монголии и в XII—XIII вв. «Удел состоял из 2 частей, — писал Б. Владимирцов, — из определенного количества кочевых семейств (ulus) и из достаточного для их содержания пространства пастбищных и охотничьих угодий (nutug)» [55, с. 111]. Основная структура феодальных владений в Монголии оставалась неизменной на протяжении всей эпохи феодализма. В. Бакунин, знаток жизни и быта современной ему Калмыкии, говорил: «Калмыцкий народ разделяется на разные улусы (а улус на российском языке, как в начале сего описания означено, значит народ)» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 51].

Источники приводят множество данных, из которых со всей очевидностью вытекает, что под словом «улус» всегда подразумевались лишь люди, народ, непосредственные производители, подвластные собственнику феодального владения — тому или иному владетельному князю. Мы позволим себе не приводить этих данных, полагая, что едва ли возможны споры о значении слова «улус».

Второй частью феодального владения был «нутуг». «Пространство, по которому могла кочевать какая-либо хозяйственно-социальная единица, — писал Б. Владимирцов, — называлось по-

монгольски *nufux* — *nuntug*, а по тюркски *yurt*» [55, с. 43]. На современном монгольском языке под словом «нутуг» также подразумевается место обитания, кочевье, местность, а сочетание слов «нутуг» и «улус» образует понятие «местные люди», «местные жители».

Итак, можно считать установленным, что каждый владетельный князь в Монголии описываемого времени являлся феодальным государем улуса, т. е. людей, обитавших в его владениях, и собственником нутуга, т. е. земли, пастбищных угодий, составлявших его феодальное владение.

Подтверждают ли источники наше заключение? Безусловно, да. В биографии Зая-Пандиты, например, сообщается, что в 1639 г. Зая зимовал в Тарбагатае, на территории, собственником которой был Очирту-тайджи [167, с. 5], что в 1644 г. Зая вновь прибыл к Очирту-тайджи, на этот раз в местность Харатал, которая также принадлежала Очирту [167, с. 8]. Этот же источник рассказывает о свидании Зая-Пандиты с хошоутским Аблаем, торгоутским Дайчином и сыном Очирту-тайджи, Галдамой, отмечая спешный отъезд Галдамы по той причине, что его нутуг остался без хозяина [167, с. 23].

Много интересных фактов, характеризующих владетельных князей как собственников земли, на которой кочевали их подданные, сообщает «История» И. Россохина. В связи с вторжением в 1688 г. ойратских войск в Халху почти все князья и рядовые кочевники Халхи, как об этом говорилось выше, снялись с насиженных мест и, ломая границы ханств и княжеств, в полном беспорядке устремились в пределы Цинской империи. В результате такого панического бегства сами основы феодального правопорядка на какое-то время оказались нарушенными; ханы и князья потеряли свои нутуги и улусы, утратили всякую связь с вассалами и крепостными; крепостные араты, не зная местонахождения своих феодальных владык, вышли фактически из-под их власти. Предстояло чуть ли не заново восстанавливать нормальные для феодализма общественные связи и отношения, над чем немало потрудились власти Цинской империи.

В этих условиях вопрос о феодальной собственности на землю, на пастбищные территории как на важнейшее средство кочевого скотоводческого производства получил особенно отчетливое и убедительное выражение. Документы, в изобилии приведенные в «Истории о завоевании китайским ханом Канхием...» и исходившие от монгольских владетельных князей или им адресованные, буквально пестрят определениями такого типа: «мое кочевье», «моя земля», «его земля», «земля Цецен-хана», «кочевье (т. е. нутуг. — И. З.) Джебдзун-Дамба-хутухты» и т. д. [85, с. 130, 186, 191, 197, 199 и сл.].

Приведем несколько примеров. Один из владетельных князей просил Сюань Е пожаловать для кочевания полюбившийся ему район в Кукуноре. Император обратился за советом к далай-ламе. Тот ответил, что удовлетворить просьбу этого князя нельзя, «по-

тому что тамошние места давно все разделены и населены». Сюань Е приказал местным властям найти для просителя подходящую территорию, поставить межи на ее границах и внести ее описание в соответствующие книги [85, с. 145—146].

Внук Цецен-хана, Галдан-Доржи, был признан законным наследником владения своего отца. Вследствие малолетства ему назначили опекуна. Указ Сюань Е предписывал: «А как скоро Галдан-Доржи прибудет, то б он (опекун. — И. З.) в свою землю возвратился, а чтоб за малолетством оного Галдан-Доржи никто не мог его обидеть и сильною рукою овладеть его землею, то им единодушно друг друга защищать» [85, с. 296].

Мы не имеем возможности остановиться на всех фактах, сообщаемых источниками. Их очень много. Отметим лишь, что эти факты не только подтверждают существовавшую собственность владетельных князей на пастбищные угодья, но и свидетельствуют о начавшемся процессе превращения халхаской земли в государственную собственность Цинской империи, которая присвоила верховное право распоряжения этой землей, право пожалования земельных участков ханам и князьям, право утверждения последних в качестве фактических собственников пожалованной территории.

Важно отметить, что верховная собственность цинского императора на монгольские земли не только не отменяла фактической собственности местных владетельных князей, а, напротив, как показывает последующая история Халхи, укрепляла их позиции как представителей господствующего класса и как земельных собственников, охраняла их собственность от покушений других феодалов. Это и было одним из главных обстоятельств, длительное время миривших восточномонгольских феодалов с чужеземным господством.

Интересные сведения о земельной собственности в Монголии мы находим в истории Наробанчинского монастыря, одного из крупнейших в Халхе, изложенной его бывшим настоятелем, ламаистским иерархом Делиб-хутухтой, американскому исследователю Х. Врилэнду, который в своей монографии, посвященной монгольской общине и родовому строю, широко использовал сообщенное хутухтой [175].

Делиб-хутухта рассказал, что в начале господства Цинской династии монгольским владетельным князьям «жаловалась земля и некоторое количество семей (т. е. нутуг и улус. — И. З.)» [175, с. 13]. Наробанчинский монастырь, основанный в годы правления Инь Чжэня (может быть, Сюань Е), довольно быстро приобрел популярность, привлекавшую к его стенам множество верующих. Некоторые из них отдавались под покровительство монастыря, кочуя в его окрестностях и обслуживая своим трудом его администрацию. На этой почве возникали конфликты с владетельными князьями, которым принадлежали откочевавшие к монастырю семьи. Цинское правительство, активно поддерживавшее церковь в Монголии, в конце концов наделило Наробанчинский монастырь

владельческими правами [175], а светский владетельный князь Хошучи-бэйсе, на территории которого находился монастырь, выделил ему землю на юге своего владения. Интересно отметить, что этот князь пытался также включить в свое пожалование участок земли за пределами своего владения, на котором обитала семья мелкого феодала. Последний решительно опротестовал самоуправство Хошучи-бэйсе, и тот вынужден был исключить спорную землю из своего пожалования [175, с. 19—20].

История Наробанчинского монастыря не является исключением. Процесс образования в Монголии монастырского землевладения во всех известных нам случаях ее повторяет.

Обратимся к документам, относящимся к Калмыцкому ханству на Волге. В мае 1732 г. князь Барятинский докладывал Коллегии иностранных дел, что к нему обратилась вдова умершего Лоузан-Шоно с жалобой на то, что «по смерти оного мужа ее имеющийся у него данной ему небольшой улус, в том числе и собственных их людей, хан удержал у себя. И просила она, Черень-Балзана, чтоб тех собственных их людей от хана возвратить к ней и ей бы, Черень-Балзана, с оставшими при ней людьми для кочевания определить особое место» [4, 1732, д. 6, л. 721].

И в этом случае речь идет о выделении вдове умершего князя обособленного куска земли в безраздельное владение взамен той территории, которую у нее отобрал владелец всей калмыцкой земли — хан. Следует учесть, что верховная собственность на землю Калмыцкого ханства была в это время в руках российского императора, что нисколько не мешало хану Калмыкии быть фактическим собственником этой земли, которую он уже от себя раздавал во владение младшим князьям, а в некоторых случаях и отбирал у них.

Общезвестно, что иногда, под влиянием неблагоприятных погодных условий, кочевому населению приходилось искать спасения в перекочевке на более далекие расстояния, на территорию других феодальных владений. Правители этих владений могли по своему усмотрению допустить или не допустить бедствующее население на свою территорию, ибо только они были собственниками, единственными распорядителями земли. Так освещал этот вопрос в своих беседах с Х. Врилэндом и Делиб-хутухта.

Как же проявлялась собственность феодалов на землю в Монголии, где до самого конца XIX в. не существовало ни купли-продажи, ни аренды земли? Она проявлялась в форме монопольного права владетельных князей распоряжаться кочевьями.

В «Описании калмыцких народов» В. Бакунина говорится, что распределение сезонных кочевий между владетельными князьями входило в компетенцию особого учреждения, называвшегося «зарго». Оно состояло из восьми постоянных членов, назначавшихся ханом из его приближенных, и из периодически сменявшихся представителей местных феодальных владык. «В той же зарге, — писал В. Бакунин, — при присутствии оных депутатов каждой весны и осени определяемо было, где которому нойону с улусом сво-

им летовать и зимовать, и о том по конфирмации ханской давано было знать чрез тех депутатов и нойонам их, в чем и споров не бывало» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 140].

О том, как распределялись места кочевания и пастбищные угодья между отдельными группами и семьями, входившими в улус, рассказывает П. Паллас, лично наблюдавший перекочевки в Калмыкии. «Если калмыцкая орда (т. е. ханство. — И. З.) или улус для сыскания свежих пастб переходит с места на место... то наперед высылаются люди, которые для хана или князя, для ламы и для кибиток, где их идолослужение совершается, выбирают лучшие места, после чего сии по объявлении через провозгласителей о их выступлении шествуют первые, а потом за ними следует весь народ и выбирает для себя удобные места» [114, с. 223].

Так раскрывается механизм действия феодальной собственности на землю в условиях кочевого скотоводческого хозяйства. Главный собственник земли — хан утверждает распределение кочевий в ханстве, обеспечивая в первую очередь себя и верховного ламу достаточными по количеству и лучшим по качеству пастбищными угодьями, указывая затем места кочевания своим вассалам, младшим князьям. Вассалы, в свою очередь, обеспечивали себя и своих приближенных лучшими пастбищами, а все, что оставалось, становилось достоянием рядовых кочевников, непосредственных производителей, подвластных этому владетельному князю.

Источники более позднего времени, рисующие земельные отношения в монгольском обществе XIX—XX вв., показывая эволюцию этих отношений, в то же время полностью подтверждают данные В. Бакунина, П. Палласа и др. Из сообщений Делиб-хутухты, например, выясняется, что разнообразие природных условий иногда видоизменяло формы землепользования, не нарушая, однако, основы основ феодального общества — монополю собственности феодалов на землю. Делиб-хутухта свидетельствует, что в начале XX в. в нарбанчинском владении стало правилом закрепление зимних пастбищ за отдельными семьями независимо от их социального и общественного положения, причем на этих зимниках сооружались каменные укрытия для скота и накапливались запасы топлива [175, с. 42]. Закрепление же летников за отдельными семьями, как правило, не производилось, хотя каждая семья двигалась из года в год по одному и тому же маршруту, в одни и те же места. Но в одном из хошунов Сайн-нойон-хана вся территория была разделена «на пастбищные угодья на все сезоны года» (курсив наш. — И. З.) между отдельными семьями. Особенность же этой территории заключалась в том, что она состояла из не защищенных от ветра площадок (*hugaa*), от которых уходили в горы боковые долины. Вот эти боковые долины и были распределены по отдельности между семьями, причем каждая семья передвигалась вдоль своей долины, разбивая стойбище летом внизу, а зимой наверху» [175, с. 43].

Факты, сообщаемые Делиб-хутухтой, свидетельствуют, что при абсолютном господстве феодальной собственности на землю ис-

пользование этой земли могло приобретать различные формы в зависимости от многообразных местных условий. В одних случаях пастбищные угодья и стойбища ни в один из сезонов не закреплялись за пользователями, в других — закреплялись только зимники, в третьих — закреплялись зимники, летники и все промежуточные кочевья.

Сведения о собственности князей на землю, о закреплении зимников, а иногда и летников подтверждаются документами Государственного архива МНР, частично опубликованными акад. АН МНР Ш. Нацогдоржи в его труде о крестьянском движении в дореволюционной Монголии⁴ [110]. Назовем некоторые из них. «Отрезок земли нашего хошуна, — говорится в одной из жалоб аратов, — крайне узок, стиснут скалами и лесом, пастбища неравноценны. Ввиду этого в старое время каждое хозяйство наделялось земельным участком, что стало обычаем» [110, с. 11]. В другой жалобе араты писали, что их владетельный князь использовал пастбищные угодья для своего скота, «а остальным тайджи и аратам, имеющим скот... запрещено пользование пастбищными угодьями, и [они] совершенно лишены нутуга для кочевков» [110, с. 9]. В третьем документе приводится жалоба аратов одного из хошунов дзасактухановского аймака на их князя, который разрешил жителям соседнего хошуна «кочевать в своем нутуге и берет с них так называемый эвсен цевен (налог за пользование пастбищами)» [110, с. 14]. Отметим еще один документ, рассказывающий о том, что в 1846 г. владетельный князь Балдар-Доржи из аймака Тушету-хана потребовал возвращения группы аратов, откочевавших в соседний хошун. Но те не хотели возвращаться и обратились к Балдар-Доржи и к князю хошуна, в котором они в то время кочевали, с просьбами разрешить им не возвращаться на старое место, за что они соглашались выполнять повинности для обоих князей [110, с. 13—14].

А. Позднеев, в конце XIX — начале XX в. немало путешествовавший по Монголии, наблюдавший и изучавший жизнь монгольского населения, писал: «Зайдите в любую юрту, и каждый монгол непременно скажет вам, кому принадлежит то место, на котором он кочует» [125, с. 94].

Укажем, наконец, на широко распространившиеся в конце XIX — начале XX в. случаи продажи монгольской земли и сдачи ее в аренду разного рода европейским предприятиям и учреждениям, правительственным учреждениям Китая и частным лицам, причем продавцами земли и сдающими ее в аренду были владетельные князья, клавшие выручку себе в карман [129, с. 99; 122, с. 10, 37, 57 и сл.; 109, с. 110—115; 30, с. 3, 4, 6, 12 и сл.].

Итак, в феодальную эпоху в Монголии земля находилась в монополю собственности владетельных князей, а основной формой проявления этой собственности было монополюльное право князей распоряжаться кочевьями. Конкретные формы землепользования были различными в зависимости от различных исторических и природных условий; во второй половине XIX — начале XX в.,

когда монгольские князья столкнулись с буржуазным спросом на их землю, право распоряжаться кочевьями само собой, в порядке естественной эволюции, без каких-либо внутренних потрясений превратилось в право продавать землю и сдавать ее в аренду. Такова историческая тенденция развития феодальной собственности на землю в Монголии.

Из всего сказанного следует также, что земля, пастбищные угодья играли роль решающего средства производства в монгольском кочевом обществе. Исследователи, отрицающие роль земли как средства производства в кочевом скотоводческом хозяйстве, исходят из того, что кочевник не прилагает труда к пастбищам, что последние являются «естественными лугами», что к ним можно применить слова, сказанные К. Марксом о вещах, могущих быть потребительными стоимостями и не быть стоимостями. «Так бывает, — писал К. Маркс, — когда ее (вещи. — И. З.) полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.» [1, с. 49]. Но ссылка указанных исследователей на К. Маркса в данном случае является неправомерной. Пастбищные территории в кочевом скотоводческом производстве не являются «естественными лугами» в обычном смысле; нельзя сказать, что эти территории не опосредствуются трудом кочевника-скотовода. Громадный труд, вкладываемый кочевником в перекочевки, имел целью не только освоение новых пастбищ, но и восстановление плодородия старых, уже использованных угодий; перекочевки являлись единственным доступным кочевнику средством восстановления кормовых ресурсов использованных пастбищ, обеспечивавших ему возможность возвращения в соответствующее время года на старое кочевье. Оседлое хозяйство, использующее богатства естественного луга как бесплатный дар природы, действительно не вкладывает в него труда, но кочевник-скотовод не мог использовать богатства пастбищных угодий, если не обеспечивал их водоснабжением и если — что самое главное — он несколько раз в году, собрав свои стада, имущество и все свое семейство, не перекочевывал на новое пастбище, отделенное от старого иногда многими десятками километров. Весь смысл сезонных перекочевок заключался в восстановлении урожайности пастбищных территорий. Реальные исторические факты, сообщаемые источниками и документальными материалами, не оставляют сомнения в том, что решающим средством производства скотоводческого кочевого хозяйства являлись земля, пастбищные угодья.

Так обстояло дело во всех монгольских районах Цинской империи и Российского государства, так в основном было и в Джунгарском ханстве с учетом разве того, что там в XVIII в. не все проявления исторической эволюции форм феодального землевладения и землепользования получили законченное выражение.

Но прежде чем перейти к Джунгарскому ханству, остановимся коротко на вопросе о роли скота в производстве и общественных отношениях монгольских народов.

Вряд ли нужно доказывать, что под животноводческим хозяйством подразумевается хозяйство, производственная деятельность которого направлена на разведение домашних животных, что домашние животные являются целью производства такого хозяйства, продуктом его производства, продуктом труда его работников. Конечно, домашние животные использовались в материальном производстве кочевых хозяйств весьма многообразно. Вполне естественно, что иногда некоторые из животных использовались в качестве средств производства и транспорта. Но такое их использование было не типичным, не основным, а скорее эпизодическим и затрагивало незначительную часть домашних животных. Типичным и характерным было то, что скот являлся продуктом труда кочевников-скотоводов и основной формой их богатства. Много скота означало богатство, мало — бедность. Процесс накопления в хозяйстве кочевника выражался главным образом в росте поголовья принадлежавшего ему скота.

Скот играл исключительно важную роль в торговом обмене кочевых народов с оседлыми. Лошади, рогатый скот, овцы и верблюды были, по сути дела, единственным товаром, который кочевники могли предложить оседлым соседям в обмен на продукцию их хозяйства. Львиная доля торговли Монголии приходилась на хозяйства феодалов, владевших многотысячными стадами и табунами, в обмен на которые они приобретали предметы роскоши, оружие и т. п. Скот давал все: пищу, жилище, одежду, средства транспорта, всевозможные товары. Именно поэтому разведение скота было целью производства. С. Толыбеков не считает скот продуктом труда и утверждает, что он является средством производства, орудием труда, на том основании, что кочевник «при пастбе своих стад и табунов ставит перед собой определенную цель, чтобы пастбищная трава была превращена в результате поедания ее животными в молоко, шерсть, мясо, кожу, навоз и т. д.» [145, с. 16]. Разумеется, скот и земля в кочевом обществе неразрывно и тесно связаны между собой как в производственном процессе, так и в общественных отношениях. Разведение скота невозможно без земли, без пастбищ; земля и пастбищные угодья теряют всякое значение без скота. В этом смысле можно и нужно говорить о единстве земли и скота как факторов материального производства и общественного строя кочевых народов. Но единство не есть тождество. Как бы тесно они между собой ни были связаны, земля и скот выполняли как в производстве, так и в общественных отношениях различные роли. Если земля была главным средством производства, то скот был целью этого производства, его главным продуктом; если земля была решающим фактором в производственном процессе кочевого общества, то скот был не менее решающим фактором в сфере распределения произведенного этим обществом совокупного продукта. Если отношение к земле как к основному средству производства разделяло общество кочевников на классы, если собственность на землю превращала собственников в феодалов, а лишенных этой собственности делала феодаль-

но-зависимыми, то количество скота определяло имущественное положение владельцев стад, делая одних феодалов или аратов богатыми, других феодалов или аратов бедными.

Значение скотоводства в общественно-политической жизни монгольских народов в описываемое время было огромным. Скот был всеобщим объектом вожделения. Феодалы в форме поборов и повинностей отнимали у аратов столько скота, сколько было возможно, организовывали его угон у соседей. Захват скота был одной из главных задач межфеодалных войн и внутренних усобиц. Феодално-зависимое аратство оказывало сопротивление феодалам, стараясь уберечь свои стада, прибегая к самовольным откочевкам, скрывая численность принадлежавшего им поголовья, переходя иногда к более активным формам классовой борьбы, сопровождавшимся захватом и разделом стад, принадлежавших феодалам [74, с. 53—55].

Во всем этом проявлялась борьба классов и социальных групп за долю в совокупном общественном продукте, за перераспределение общественного богатства. Легко понять, что владетельные князья, будучи монопольными собственниками земли и эксплуатируя зависимое аратство, накапливали огромные стада, исчислявшиеся тысячами и десятками тысяч голов. Некоторые примеры мы приводили выше, ссылаясь, в частности, на биографию Зая-Пандиты. Источники в изобилии содержат данные о борьбе между феодалами за скот [4, 1723—1725, д. 6, л. 214, 226; 1727—1728, д. 18, л. 129об.; 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 36, 37]. Следует учесть, что борьба за улусы тоже в конечном счете сводилась к борьбе за скот, ибо владетельные князья были заинтересованы в зависимых аратских хозяйствах постольку, поскольку последние обладали собственными стадами и поэтому могли нести поборы и повинности; бедняцкие, не имеющие скота хозяйства феодалам были не нужны. Делиб-хутухта рассказывал, что в 1890 г., когда он вступил в управление Наробанчинским монастырем, семья его родителей имела собственное стадо из 10 коров, 30 лошадей, 3 верблюдов. В дальнейшем это стадо выросло до 200 коров, 2 тыс. лошадей, 300 верблюдов и 7 тыс. овец (овец раньше не было) [175, с. 101]. Чтобы получить представление о концентрации скота в хозяйствах феодалов, отметим, что 400 аратских хозяйств, подвластных Делиб-хутухте, вместе владели 78 тыс. овец (у хутухты около 9%), 1600 голов рогатого скота (у хутухты 12,5%), 1200 верблюдов (у хутухты 25%), 2800 лошадей (у хутухты около 80%) [145, с. 31]. Мы не располагаем сведениями о концентрации стад в хозяйствах феодалов в XVII и XVIII вв., но у нас есть все основания считать, что и тогда положение было таким же.

Что же говорят источники об организационных основах скотоводческого хозяйства крупных монгольских феодалов? Как выясняется, главным принципом организации такого хозяйства являлась раздача скота мелкими партиями на выпас подвластным аратским хозяйствам, обладавшим собственным стадом, достаточным, чтобы гарантировать феодала от возможных потерь. Делиб-хутухта

говорил, что в Наробанчинском монастыре овцы, рогатый скот и лошади отдавались для выпаса на началах издольщины, т. е. небольшие стада, отары и табуны распределялись между подвластными аилами под их ответственность за вознаграждение в виде части молока и шерсти. Собственное семитысячное овечье стадо Делиб-хутухта делил на отары в 300—800 голов, которые раздавались на выпас хозяйствам, владевшим собственным стадом, насчитывавшим около 300 овец. Численность выпасаемой отары зависела от величины собственного стада и обеспеченности рабочей силой. По словам хутухты, выпасающее хозяйство получало 70% шерсти, все молоко летом и всех ягнят. Что касается верблюдов, то в Наробанчине их пасли наемные пастухи [145, с. 97].

Есть все основания полагать, что наробанчинское монастырское владение и в этом отношении не было исключением, что раздача скота на выпас состоятельным аратам была в Монголии повсеместным явлением и общей основой организации хозяйства феодалов. Во всяком случае, в послереволюционной Монголии органы народной власти установили, что в 20-х годах около 20% аратских хозяйств продолжало выпасать скот бывших феодалов и других крупных скотоводов на условиях, аналогичных описанным выше [73, с. 180—181].

Мы уже отмечали, что владетельные князья в Монголии являлись собственниками всех нутугов и всех улусов в своих владениях. Но между этими двумя видами собственности существовало серьезное различие. Владетельные князья были полными и безраздельными собственниками по отношению к нутугам, но не по отношению к улусам. Обычное и писаное монгольское право — постановления княжеских чулганов и ханские указы, равно как и законодательство Цинской династии по делам Монголии и правительства России по делам Калмыкии, — предоставляя князьям право покупать, продавать и дарить аратов, запрещало их убивать. В этом смысле монгольские феодалы не были полными собственниками своих улусов.

Так было по всей Монголии, так было в Калмыкии, так было и в Джунгарском ханстве.

Структура ойратского общества была довольно сложной. Все исследователи единодушно отмечали наличие в нем сословий, но расходились в определении их числа и характера. По мнению Н. Бичурина, ойраты делились на два сословия: военных и духовных, причем первое, в свою очередь, разделялось на группы дворян и податных [77, с. 127]. С. Богоявленский насчитывал у ойратов три сословия: воинов, черных людей и рабов [41, с. 83]. Х. Хаслунд — четыре: «белую кость», т. е. аристократов, «черную кость», т. е. податное население, дарханов, т. е. освобожденных от повинностей, и духовенство [164, с. 118].

Посмотрим, что говорят о сословиях источники.

«История Убаши-хунтайджи» сообщает о совещании представителей «высших, средних и низших сословий» [9, с. 214]. В биографии Зая-Пандиты несколько раз в разных вариантах говорится

о «высших, низших и средних», «о великих и малых нойонах», «о духовенстве и мирянах», «о знатных и простонародии» [167, с. 9, 17, 20]. В тексте «Цааджин бичиг», как заметил еще С. Богоявленский, упоминались улусные чиновники, знаменосцы, трубачи, телохранители, придворные, воины, простолюдины, рабы, великие и малые князья (см. [60, с. 36, 38, 40 и сл.; 41, с. 83]). Делиб-хутухта утверждал, что население наробанчинского владения разделялось на два класса — тайджи и харачу, т. е. на аристократию («белую кость») и на «чернокостных» аратов. Последние, в свою очередь, разделялись соответственно их правам и повинностям на группы: хамжилга (hamjaanai ali — supporting family), албату (albatai — having duty) и дарханов (darhatai — having freedom) [175, с. 11—12].

Некоторые важные сведения содержатся и в русских архивных материалах, а также в трудах ученых и путешественников, наблюдавших и изучавших жизнь Калмыцкого ханства на Волге. А калмыки, говоря словами К. Костенкова, принесли в Россию свое общественное устройство из Джунгарии [93, с. 32].

Взятые в целом данные источников приводят к убеждению, что монгольское общество, в том числе и ойратское, в рассматриваемое время делилось, как и всякое феодальное общество, на два основных класса — феодалов и крестьян-аратов, т. е. рядовых кочевников-скотоводов. Первые были монопольными собственниками земли, пастбищных территорий, вторые были лишены собственности на землю и потому представляли собой феодально-зависимый класс. Оба класса делились на сословные группы. Наибольшей четкостью отличался сословный строй в Халхе и Южной Монголии, где благодаря законодательству Цинов права и обязанности сословий подвергались наиболее полной и строгой регламентации. Но цинское законодательство, как известно, не вносило каких-либо принципиальных изменений в общественную структуру Монголии, оно шло главным образом по линии юридического оформления существовавших там общественных институтов и приспособления их к интересам Цинской династии. Это позволяет утверждать, что общественный строй Джунгарского ханства в основном соответствовал общественному строю Халхи и Южной Монголии до их включения в состав Цинской империи, а в Калмыцком ханстве существовали те же общественные отношения, что и в Джунгарии, с теми, однако, изменениями, которые со временем появились в Калмыкии под влиянием социального строя России.

Во главе ойратского феодального общества стоял хан из дома (или омока) Чорос. Положение этого хана, прочность его власти основывались на ресурсах его личного владения — его домена — и ими определялись. Доменом джунгарского хана были земли, люди и скот, находившиеся в его личном владении, а также во владении его ближайших родственников, чоросских владетельных князей. Роль и значение ханского домена образно охарактеризовал весной 1724 г. один из влиятельных калмыцких феодалов — Доржи Назаров. «Кому не быть ханом, — говорил Доржи, — все равно,

и токмо что прибыток ему будет один титул и место первое; а пожиток его с одних только с его собственных улусов, а прочие де владельцы всяк владеет своими улусами и управляет, и хан к ним ничем интересоваться не повинен, и слушать его в том никто не будет» [4, 1723—1725, д. 6, л. 178об.]. Из этих слов явствует, что прочность ханской власти, ее авторитет были прямо пропорциональны размерам и богатству ханского домена. Сказанным объясняется та яростная борьба, которую вели ханы и претенденты на ханский трон за расширение своих доменов. Например, Пунцук, отец калмыцкого Аюка-хана, «старался двоюродных своих братьев и их детей улусами обессилить и для того их между себя приводил в ссоры, а противного себе родного племянника своего, именного Джалбу, разбил... а улусом его завладел» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 4]. Ойратская история XVII—XVIII вв. богата эпизодами такого рода. Выше мы приводили рассуждения калмыцких князей о причинах их междоусобиц, а также их ссылку на действия Аюки, «передавшего» родственников и овладевшего их улусами, как на образец решения внутренних конфликтов. Точно так же поступали в свое время и Хара-Хула и Батур-хунтайджи. Опираясь на мощь своего домена, включавшего многочисленные улусы и обширные нутуги, располагая значительной военной силой, хан имел возможность навязать свою волю другим владетельным князьям и держать их в повиновении.

Хан Джунгарии был первым лицом в государстве ойратских феодалов. Ступенью ниже на феодально-иерархической лестнице стояли другие великие князья — правители хошоутских, дэрбэтских, хойтских и других крупнейших улусов, тайджи, именовавшиеся в русских источниках и исследованиях тайшами. Владение такого тайджи, в свою очередь, состояло из ряда улусов, во главе которых стояли его родственники, члены его омока, являвшиеся самостоятельными правителями, но зависимыми от данного тайджи. Правители таких улусов были, по терминологии ойратских источников, малыми князьями в отличие от тайджей и хана — великих князей, хунтайджи. Каждый тайджа располагал своим владением, являвшимся главным условием его власти над малыми князьями. Поэтому забота о расширении и укреплении собственного владения всегда стояла в центре внимания ойратских тайджей.

Князья, нойоны, имевшие в своем владении отдельные улусы, делили их на части, которые раздавали во владение близким родственникам и соратникам. Каждая такая часть называлась тоже улусом или аймаком, а их владельцы и правители именовались зайсангами. В. Бакунин писал, что у калмыков «каждый улус имеет особое свое звание и нойона, а у каждого нойона есть по несколько зайсангов, из которых каждый имеет свой аймак, так как и российские дворяне собственные свои деревни. В аймаках их бывает по несколько кибиток, не по равному числу, в ином 5, 10 и больше, а в ином от несколько сот до тысячи и больше. По смерти же нойонов улус каждого разделяется сыновьям его по

частям, в том числе большему сыну против других его братьев достается несколько больше, и каждая такая часть называется потом особливим улусом; а то ж чинится и по смерти зайсангов с их аймаками» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 51—52].

То же сообщал и П. Паллас: «Обыкновенно князь (тайдчи) правление своего народа (улуса)... оставляет старшему своему сыну. Прочим же детям дается по небольшому числу семей, над коими они, как и князь над своим народом, суть государи (нойоны), однако же от улуса владеющего князя не отделены остаются, и в некоторой зависимости и подданстве у него пребывают, так же и всем его военным и мирным учреждениям повинуются» [114, с. 300]. К. Костенков, в свою очередь, свидетельствует: «Тайша был правителем целого поколения... разделявшегося на улусы. Лучшим и обширнейшим улусом тайша заведовал сам непосредственно, а менее обширные раздавал в управление и в кормление своим сыновьям и братьям... Нойоны иногда присваивали себе звание „тайшей“, но на самом деле они тайшами не были, состоя к этой власти в вассальных отношениях... Для ближайшего управления аймаками нойоны раздавали их своим дальним родственникам или избранным лицам, которые... назывались цзайсан» [93, с. 30—31]. Зайсанги были институтом наследственным, но владетельный князь, нойон, «дававший аймак в управление известному лицу, мог отнять его и передать другому, принимавшему, в свою очередь, звание зайсанга» [93, с. 32].

Ойратские источники — «Сказания» Батур-Убаши-Тюмена и Габан-Шараба, биография Зая-Пандиты — и русские архивные материалы подтверждают наблюдения В. Бакунина, П. Палласа, К. Костенкова и др., писавших по этому вопросу. Журналы путешествий Ф. Байкова, И. Унковского, М. Этыгерова, Л. Угрюмова и множество других документов разного рода свидетельствуют, что и в Джунгарском ханстве структура господствующего класса была подобна той, которая существовала в Калмыкии, главенствующие позиции занимала небольшая группа великих князей во главе с ханом, ниже их располагалась большая группа малых князей, зависевшая от великих нойонов, а еще ниже стояла масса зайсангов, зависевших от малых князей.

Сравнивая Джунгарское ханство с Калмыкией, мы замечаем одно существенное различие: централизация власти в первом была более прочной, чем во второй. Несомненно, что со времени Батурхунтайджи и до конца правления Галдан-Церена, т. е. более столетия, в Джунгарском ханстве не было серьезных и длительных усобиц, которых было так много в Калмыкии. Ханская власть в Джунгарии сравнительно легко справлялась с сепаратистскими устремлениями великих и малых князей, сурово карая всякого, кто пытался оказать сопротивление воле хана. Обычно такие попытки предпринимались в связи со сменой правления, когда место умершего хана должен был занять его наследник. Так было, когда Сенге сменял Батура, Галдан — Сенге, Галдан-Церен — Цэван-Рабдана. Смуты, сопровождавшие приход к власти нового хана.

обычно оканчивались победой «законного» наследника престола, представителя Чоросского омока, а его противники, если и оставались в живых, вынуждены были спасаться бегством на Волгу или в Кукунор. Особенно спокойной с точки зрения внутренних усобиц была первая половина XVIII в.

Чем можно объяснить такую сравнительно устойчивую консолидацию ханства? Здесь, по-видимому, играла роль совокупность таких причин, как мощь ханского домена и относительное превосходство его военных сил, умелая внутренняя и внешняя политика, обеспечивавшая каждому феодалу возможность обогащения за счет эксплуатации аратов и торгового обмена с оседлыми соседями, удачные войны с Цинской империей и казахскими феодалами.

Особую группу джунгарских феодалов составляли князья церкви — высшие ламы, права и привилегии которых, как об этом говорилось выше, постепенно определились целым рядом постановлений княжеских чулганов и особенно законами 1640 г. Высшее ламство в Джунгарии, как и во всей Монголии, пополнялось почти исключительно выходцами из феодалов, главным образом младшими сыновьями владетельных князей, имевшими мало шансов занять место светских правителей. Войдя в лоно церкви в качестве ее иерархов, эти младшие отпрыски аристократических омоков многое приобретали. Они, как и их светские братья, получали во владение улусы, становились обладателями огромных стад, им выделялись особые нутуги, разрешалось выпасать стада безвозмездно и невостребованно на пастбищах светских князей, они эксплуатировали труд многих сотен, а то и тысяч крепостных. Ламы пользовались большим влиянием в государстве и в народных массах, которые «великие им дачи чинят, — писал В. Бакунин, — и коленопреклонением почитают, да и в прочем их, а паче ламу (верховного) в ханстве. — И. 3.) или хутухту за меньших богов своих считают. И для того вообще у всех калмыцких и мунгальских народов в духовный чин с охотью вступают нойоны и зайсанги» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 134].

Можно допустить, что влияние и богатство Зая-Пандиты были явлением исключительным. Но в то же время мы не находим качественных различий между его биографией и биографией любого другого крупного деятеля церкви. Приведем для примера сведения о верховном ламе Калмыцкого ханства Шохуре, прибывшем на Волгу в 1718 г. по приглашению Аюки, который встретил его «с великой честью и отдал ему во владение калмыцкий улус... которого в то время счислялось до 4000 кибиток. Оной Шухур-лама был природою торгоутовский калмык, зайсангский сын» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 11]. Когда Шохуру исполнилось десять лет, его отправили в Тибет «для науки, и тамо будучи слишком 20 лет, обучился тангутского языка и другим наукам, духовным их чинам принадлежащим, и был ламою в тамошнем одном монастыре... и губернатором над провинциею, тому монастырю подчиненною» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 11]. Вполне возможно, что пополнение рядов высших лам младшими сыновьями княжеских омоков

также играло свою роль в консолидации Джунгарского ханства, способствуя смягчению противоречия между растущим числом претендентов на княжеское владение и ограниченной возможностью удовлетворения их требований. Именно это противоречие, как мы видели, было той главной силой, которая взрывала внутреннее единство класса феодалов в Калмыкии. В Джунгарском же ханстве ее действие было менее значительным, а в первой половине XVIII в. и вовсе отсутствовало.

Итак, класс феодалов в Джунгарском ханстве разделялся на четыре группы: великие князья, малые князья, зайсанги и высшие ламы. Сословные различия указанных групп не получили в законодательстве ханства законченной регламентации, но в реальной действительности общественное положение, права и привилегии феодалов определялись принадлежностью их к той или иной группе. Источники свидетельствуют, что в основе феодальной иерархии лежала иерархия землевладения. Великие князья, будучи собственниками всех пастбищных угодий в своих владениях, распределяли территорию для кочевания среди подвластных им малых князей — владельцев отдельных улусов. Малые князья, являясь собственниками всех нутугов своих владений, распределяли их между зайсангами. При этом феодалы всех степеней оставляли для нужд личного хозяйства лучшие пастбищные угодья. Зайсанги отличались от нойонов, малых князей, владельцев улусов тем, что могли быть в любое время по усмотрению последних лишены владельческих прав и превращены в своего рода беспоместных дворян; такая операция по отношению к нойонам мирными средствами была неосуществима. Что касается князей церкви, то они были такими же владельцами улусов и нутугов, как их светские собратья, но отличались от них главным образом тем, что были освобождены от повинностей, лежавших на светских владетельных князьях.

На другом полюсе ойратского общества находился его основной производительный класс — араты. Этот класс разделялся на два сословия: албату — зависимых от светских князей и шабианов — зависимых от церковных феодалов. Класс аратов составлял фундамент, на котором держалось все здание феодального ойратского общества и Джунгарского ханства; труд аратов был главным источником обогащения феодалов и решающим условием устойчивости феодального государства. Араты разводили домашних животных в своем личном, мелком, но самостоятельном скотоводческом хозяйстве; своим трудом обеспечивали производство и расширенное воспроизводство в хозяйстве феодалов и, наконец, несли всякого рода повинности в пользу феодального государства. Араты выполняли множество повинностей, но прав в феодальном обществе они не имели никаких. «Тайдчи, или нойон, — писал П. Паллас, — имеет над своими подданными неограниченную власть. Он может по своему изволению их дарить кому хочет, наказывать их телесно, велеть им носы и уши обрезать или другие члены обрубать, но только не явно умерщвлять» [114, с. 299]. Главнейшей государственной повинностью аратов была воинская.

«У монгольских народов вообще каждый простолюдин или черной человек (харакеен) есть воин и должен лошадь и оружие в готовности иметь, дабы немедленно по приказанию князя своего явиться в поле» [114, с. 390].

Повинности аратов в Джунгарском ханстве в целом не были регламентированы законом. Известны лишь некоторые статьи законов 1640 г. и указы Галдан-Бошокту-хана, требовавшие от аратов своевременного и неукоснительного выполнения возложенных на них податей и повинностей и в то же время в общей и необязательной форме рекомендовавшие князьям слишком не обременять аратов и проявлять о них заботу. Аратство было привязано к своим господам узами крепостной зависимости. Ни один арат не имел права самостоятельно покинуть владение своего князя или зайсанга. Борьба против самовольных откочетов аратов всегда занимала одно из главных мест в феодальном законодательстве Монголии и Джунгарского ханства. Выше мы приводили случай расправы с одним «беглым», которого били и варварски заклеили за побег, равно как и другой случай, когда откочевавшая от господина аратская семья соглашалась нести повинности в пользу двух господ — старого и нового, лишь бы ее не принуждали вернуться на старое место. Ойратские законы предусматривали суровое наказание не только самих беглых аратов, но и тех князей, которые их принимали и укрывали. Законы 1640 г. за подобное укрывательство беглых аратов предусматривали более строгую кару, чем за убийство: виновный должен был уплатить штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов и 1000 лошадей.

Частые случаи обращения законодателей к вопросу о борьбе против самовольных откочетов аратов, а также необычайная суровость кары за укрывательство откочевщиков свидетельствуют, во-первых, что такого рода побег аратов были широко распространены и угрожали устойчивости феодального хозяйства, во-вторых, что владетельные князья сами были заинтересованы в увеличении населения своих улусов любым путем, даже при помощи укрывательства беглых.

Следует отметить, что источники не подтверждают мнения исследователей, отрицавших наличие крепостничества в феодальной Монголии и объяснявших запрет покидать пределы владений данного феодала соображениями исключительно военно-организационного характера. Если бы дело сводилось только к этому, то в XIX—XX вв., когда походы и войны перестали интересовать монгольских феодалов, араты должны были бы получить право свободного передвижения по стране. Но, как известно, подобного не случилось, и прикрепление аратов к земле феодальных собственников сохранялось вплоть до революции 1921 г.

Крупное скотоводческое хозяйство феодалов для своего развития требовало достаточных пастбищных территорий, а также необходимого числа самостоятельных аратских хозяйств, способных своим трудом обеспечить уход за стадами и обработку скотоводческой продукции данного феодального хозяйства. Важнейшей

повинностью аратов был выпас господского скота, причем его сохранность, как и сохранность молодняка, гарантировалась личным стадом аратов. Да и как иначе могли бы организовать уход за стадами крупные хозяйства, обладавшие тысячами и десятками тысяч овец и лошадей, сотнями и тысячами голов рогатого скота и верблюдов? Рабский труд в Джунгарском ханстве, как и во всей Монголии, играл в производстве незначительную роль. Раздача скота на выпас самостоятельным аратским хозяйствам была наиболее типичной и целесообразной формой организации крупного скотоводческого хозяйства феодалов. Данные источников свидетельствуют о том, что в XVII—XVIII вв. в Джунгарском ханстве существовало очень большое неравенство в обеспеченности хозяйств скотом. Чем больше скота было в хозяйстве феодала, тем больше требовалось ему самостоятельных аратских хозяйств, которые могли принять на выпас этот скот и гарантировать его сохранность и расширенное воспроизводство. При такой организации хозяйства прикрепление аратов к земле, равно как и стремление феодала увеличить численность подвластных ему самостоятельных аратских семей, вызывалось объективными экономическими интересами развития феодального хозяйства. В этом же заключается, на наш взгляд, экономический смысл той непрерывной борьбы, которую вели между собой в XVII в. ойратские феодалы и в XVII—XVIII вв. калмыцкие феодалы за обладание улусами, т. е. за захват самостоятельных аратских семейств, за превращение их в своих подданных, за прикрепление их к феодальному владению. В документах калмыцкого, джунгарского, ногайского и киргиз-кайсацкого фондов ЦГАДА и АВПр содержится множество примеров этой борьбы.

Крепостнические права ойратских феодалов находят подтверждение и в русских материалах. Одним из таких документов является представленное в сенат в июле 1775 г. «Рассуждение Коллегии иностранных дел о российских подданных калмыках, каким из них быть вольными и крепостными». В нем предлагалось разрешить русским людям покупать «иноверцев», в том числе и калмыков, «с письменными видами от продавцов, то есть от их ханов, владельцев, тайшей... и всем таковым быть вечно крепостными... То же чинить и с таковыми калмыками... которые от их ханов и других владельцев, старшин и протчих будут кому подарены, и о том на них даны или с ними присланы будут письма за их печатьми или руками» [4, 1755, оп. 119/5, д. 17, л. 43—46]. Приведенный документ убедительно свидетельствует, что социальное положение трудящихся аратов в Джунгарском ханстве и в Калмыкии не отличалось от положения крестьян в России: в обоих случаях непосредственные производители были прикреплены к земле своих господ, которые могли их продавать, покупать, дарить и т. д.

Итак, арат был обязан принимать на выпас господское стадо, а также до глубокой старости держать в исправности свое оружие и снаряжение, быть готовым по первому требованию идти на войну во имя интересов своих господ. Кроме того, он был обязан

вносить владельческому князю натуральный оброк продуктами своего хозяйства, выполнять разного рода государственную барщину (шить обмундирование, работать в ханских мастерских, изготовлять предметы военного снаряжения и т. п.), нести подводную повинность и т. д. Именно потому, что аратство было обязано выполнять эти и многие другие повинности, в его среде сложилось сословие албату (алба — «повинность», албату — «несущий повинности»). Таким оно было и в Джунгарском ханстве.

Вторым аратским сословием в Джунгарии были шабинеры. Оно возникло в связи с победой ламаизма и появлением церковных феодалов. Шабинеры (от слова «шаби» — «ученик», «послушник») были крепостными высших лам и несли в их пользу такие же повинности, как и араты-албату в пользу светских феодалов. Но шабинеры целиком освобождались от каких-либо повинностей в пользу владетельных князей и феодального государства. Они не привлекались к военной службе и не отбывали государственной барщины. Они были потомственными подданными князей церкви, эксплуатировавших их так же и теми же в основном методами, что и светские феодалы своих албату. Даже в судебном отношении шабинеры были подведомственны не светским, а церковным институтам.

Князья церкви, как феодалы, были заинтересованы в увеличении числа шабинеров, что могло быть достигнуто за счет сокращения рядов албату. В шабинеры шли албату охотно, ибо эксплуатация их церковными феодалами при всей ее суровости была все же более мягкой, чем эксплуатация светскими владетельными князьями. На этой почве возникла и с течением времени обострилась борьба между светскими и церковными феодалами, о которой говорит, например, эпизод, зарегистрированный в русских архивных материалах. В конце 1732 г. в Царицын «прибежал» из Калмыкии арат Лекден, сообщивший, что когда-то он принадлежал «к улусу владельца Дондук-Даши, зайсанга его Накбая. И не похотя тамо в холопстве служить, еще с малых летех ушел в улус... к гелюн-эмчиным шабинерам, и женись, жил все в том улусе особливою кибиткою... В прошлом году он был взят в плен Дондук-Омбою. И его, Дондук-Омбины, калмыки, уведав, что он, Лекден, не природной шабинер, обрав у него весь скот и багаж его, взяли в свой улус, и был он в аймаке у зайсанга... Лекбея» [4, 1732, д. 6, л. 739]. Приведенный случай характерен не только для Калмыкии, но и для Джунгарского ханства.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в отличие от Халхи и Южной Монголии в Джунгарии и Калмыкии не было сословия хамжилга (hamjaail ail). Известно, что его не было и в Халхе и в Южной Монголии до их присоединения к Цинской империи. Из этого следует, что сословие хамжилга было вызвано к жизни цинскими властями, стремившимися внести предельную ясность в организацию монгольского войска, исключив из списков военнообязанных (sumnai ail) потомственных дворовых (хамжилга), шабинеров и дарханов.

Дарханы представляли собой привилегированное сословие. В него входили в основном араты, освобожденные за особые заслуги от всех податей и повинностей, пользовавшиеся к тому же и некоторыми другими привилегиями. По словам Абульгази, «тархан означает такого человека, с которого не берут дани; когда он приходит в дом хана, его никто не может остановить; он входит и выходит по своему произволу. Если он сделает преступление, то с него до девяти вин не взыскивается; после девятой он уже подвергается взыску. Это право переходит и на его потомство до девятого рода» [82, с. 53]. По всем данным, сословие дарханов в Джунгарском ханстве было немногочисленным, заметного влияния на жизнь ойратского общества оно не оказывало.

Попытки выделить в особое сословие ойратских военнообязанных должны быть отвергнуты, ибо военная служба была одной из повинностей аратов-албату.

В ойратском обществе помимо классов феодалов и аратов была еще прослойка рабов. Важно отметить, что в монгольских и ойратских источниках XVII—XVIII вв. рабы упоминаются очень редко и сведений о них мы встречаем там крайне мало. Это обстоятельство дает основание полагать, что рабский труд в производственной жизни ойратского общества не имел большого значения. Источники свидетельствуют также и о том, что рабами были исключительно или почти исключительно пленные, захваченные в боях; случаи обращения в рабство коренных ойратов были, по видимому, крайне редкими. Рабы в Джунгарии являлись товаром, который продавался русским купцам и чиновникам или вывозился на невольничьи рынки Средней Азии. Но не каждый пленный обращался в раба и отправлялся на продажу. Пленные в ханстве весьма ценились как средство получения выкупа или обмена на своих пленных.

Галдан-Церен и его министры отклонили требование Л. Угрюмова отпустить в Россию русских пленных вместе с их женами, взятыми в Джунгарии, независимо от их этнической принадлежности. Батур-зайсан, представитель Галдан-Церена, говорил Л. Угрюмову, что этого «сделать будет невозможно, понеже де оне имеют жен казачьих и буруцких, а у нас де с ними полоном всегда бывает размена» [3, 1731—1733, д. 3, л. 101]. То же говорил Л. Угрюмову и Галдан-Церен, который в это время старался снискать расположение правительства России в надежде на ее военную помощь. Он соглашался отпустить пленных в Россию и их жен, «кроме токмо казачьих баб, понеже де у нас с казаками положено, чтоб как нам, так и им пленников со обеих сторон никуды в другие край не отлучать и выдавать на размену назад» [3, 1731—1733, д. 3, л. 127а]. В. Бакунин, обобщая свои многолетние наблюдения за жизнью калмыцкого общества, писал о роли пленных: «Брали в плен, а потом отдавали за выкуп» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 35].

Некоторые сведения о рабах и невольниках у ойратов, казахов и других кочевых народов России содержатся в трудах путешест-

венников и исследователей XIX и XX вв. (см. [67]). Как и в более ранних источниках, в них подтверждается сделанный выше вывод: рабы в производительном труде ойратского общества не играли сколько-нибудь заметной роли.

Какова же была общая численность населения Джунгарского ханства? Н. Бичурин, ссылаясь на «Синь цзян чжи ляо» («Описание Синьцзяна»), опубликованное в 20-х годах XIX в. [71, с. 42—46], считает, что к середине XVIII в. в Джунгарии насчитывалось около 200 тыс. кибиток (т. е. семейств) с 600 тыс. душ обоего пола, из которых около половины входило в домен самого хана (см. [77, с. 130]).

В монгольских источниках мы, к сожалению, не находим полного описания административного и политического устройства Джунгарии, вследствие чего принуждены пользоваться материалами русских архивов и описаниями Калмыцкого ханства. Несомненно, однако, что частицей ойратского общества был хотон — группа семейств, связанных узами близкого кровного родства, совместно кочевавших и хозяйствовавших. По наблюдениям Костенкова, хотон в Калмыкии состоял из прадеда, деда, отца с сыновьями и внуками; делами такого объединения ведал глава его, старейший представитель этого большого семейства (см. [93, с. 32]). Численный состав хотона был неопределенным: он объединял и 5, и 10, и 50 семейств. По всем данным, это была своеобразная большесемейная община, а совместное пользование ею пастбищными угодьями позволяет считать установленным преобладание общинной формы землепользования в Калмыкии, а следовательно, и в Джунгарии.

Несколько хотонов составляли аймак, или оток, низшую ступень феодального владения. Группа аймаков, или отоков, была ойратским феодальным государством — Джунгарским ханством.

Джунгарский хан управлял своим государством при помощи уже упоминавшегося нами зарго. «Зарго на их языке, — писал В. Бакунин, — а на нашем языке суд бывает всегда при доме ханском, и присутствуют в особой кибитке ханские первые и вернейшие зайсанги, между которыми бывают и из попов по человеку и по двое, на которых верность хан надежду имеет, а всех по их древнему обыкновению больше 8 человек не бывает. Постольку же человек бывало и в зарге зенгорских ханов и главных владельцев, которых они называют *ехе нойон*, т. е. великий князь».

Это правительственное учреждение обслуживал штат писарей, приставов, посыльных и других служителей. В помещении зарго всегда находился и свод монголо-ойратских законов 1640 г., написанный на белой ткани. Восемь главных членов зарго назывались «тусалагчи» и «заругчи», т. е. советник, помощник и судья, а все вообще — «сайтами», т. е. министрами.

«От той зарги зависит правление всего калмыцкого народа, и в оной сочиняются... указы ханские к калмыцким владельцам о публичных делах, и черные приносятся к хану для апробации и потом переписываются набело и припечатываются ханской пе-

частью, которая хранится у первейшего и вернейшего его зайсанга» [4, 1630—1736, оп. 119/1, д. 1а, л. 139—140].

Зарго творил суд по тяжбам; приговоры по особо важным делам или в случаях разногласий между судьями передавались на утверждение хана. Мы не можем уверенно говорить о разделении обязанностей между членами зарго, но из материалов посольства Л. Угримова знаем, что один из них был главным казначеем хана.

Сведения В. Бакунина о роли и деятельности зарго подтверждаются и наблюдениями П. Палласа. «Сия сарга, — писал он, — почиталась крупно советом правительства и главным апелляционным судом всей орды» [114, с. 300]. Аналогичное учреждение с подобными же функциями существовало в каждом улусе «для отправления правосудия между своими подданными» [114, с. 300]. Оно также называлось зарго.

Внутренняя жизнь ойратского общества, равно как и деятельность органов феодальной власти, регулировалась нормами не только обычного права, но и писаных законов, среди которых важнейшее значение имели законы 1640 г.

* * *

В годы правления Цэван-Рабдана и Галдан-Церена Джунгарское ханство стало играть крупную роль в Восточной и Центральной Азии, заняв видное место в истории и внешней политике Китая, России, Казахстана и Средней Азии. Оно превратилось в сравнительно высокоорганизованное объединенное феодальное государство с твердой центральной властью, успешно преодолевавшей проявления сепаратизма местных князей.

Цэван-Рабдан и Галдан-Церен стремились укрепить единство Джунгарии, усилить влияние и позиции ханской власти, развивать собственное земледелие и ремесленные производства. Они добились заметных успехов, обусловивших среди прочих причин превращение ханства в значительный фактор международной жизни того времени.

Главной целью внешней политики Цэван-Рабдана и Галдан-Церена было присоединение Халхи к Джунгарскому ханству и образование на этой основе объединенного монгольского государства под властью чоросской династии. Частной задачей этой внешней политики было восстановление границ ханства, существовавших во времена Батур-хунтайджи. Для этого джунгарские ханы стремились вернуть территории, отошедшие к Халхе в конце XVII в., равно как и территории, вошедшие в начале XVIII в. в состав России. Такая внешняя политика правителей Джунгарии была продиктована как эгоистическими классовыми интересами ойратских феодалов, так и значительным сокращением пастбищных ресурсов. Сокращение пастбищ создавало «земельную тесноту» и угрожало ойратскому государству возникновением нового кризиса.

Внешнеполитическая программа Джунгарского ханства не могла не встретить противодействие правительств Цинской и Российской империй. Цинская династия поставила своей целью решительно и навсегда уничтожить ханство, ставшее серьезным очагом беспокойства на западных и северо-западных рубежах империи, ликвидировать государство ойратских феодалов и присоединить Джунгарию к империи, что позволило бы развить экспансию в западном и северном направлениях. Так возник конфликт, приведший к целой серии войн. Мирный договор 1739 г. отразил, с одной стороны, неудачу Цинской империи, не сумевшей сокрушить ойратское ханство и вынужденной признать его в качестве суверенного государства, а с другой — неудачу правителей Джунгарии, не только не добившихся присоединения Халхи и образования объединенного монгольского государства, но и вынужденных отказаться от претензий на территории, уже ранее отошедшие к Халхе.

Территориальные споры России и Джунгарского ханства не привели к войне, вызвать которую обе стороны опасались. Ханство было не в состоянии вести войну на два фронта, а Российское государство было занято решением более важных задач, связанных с обстановкой на его западных рубежах. Длительные дипломатические переговоры не дали ощутимых результатов ни одной из сторон.

Не добившись возвращения пастбищных территорий в Халхе и Южной Сибири, правители Джунгарии с особым рвением обрушились на казахских феодалов, которые, в свою очередь, стремились расширить свои владения за счет ойратского государства. Будучи разобщенными, казахские феодалы не сумели противостоять натиску сильного своим единством Джунгарского ханства. В первой половине XVIII в. оно стало главной опасностью, угрожавшей существованию независимого феодального Казахстана. После ряда сильных ударов Джунгария вытеснила казахские феодальные владения из Семиречья, а некоторые из них оказались под властью ойратского государства.

Главную основу общественного и политического строя Джунгарского ханства составляла монополия собственности ойратских феодалов на пастбищные угодья страны. Джунгарское ханство было государством ойратских феодалов, орудием их господства, обеспечивавшим их обогащение путем эксплуатации аратов, а также при помощи внешней торговли и внешних войн. В ойратском государстве была узаконена иерархия землевладения, на базе которой строилась вся феодально-иерархическая система.

Скот, являясь целью общественного производства, продуктом скотоводческого труда, играл роль главной, если не единственной формы общественного богатства. За распределение этого главного богатства страны, за долю в массе совокупного продукта, произведенного трудом аратов, в ойратском обществе велась ожесточенная борьба как между классами аратов и феодалов, так и внутри класса феодалов.

Положение народных масс в Джунгарском ханстве было крайне тяжелым. Эксплуатируемые своими владетельными князьями, прикрепленные к их земле, лишенные прав, принужденные выполнять множество повинностей в пользу феодалов и государства, араты в то время не видели выхода из своего тяжкого положения.

Основными формами протеста и борьбы являлись их самовольные откочевки или переход в сословие шабинаров, освобожденное от военной и некоторых других повинностей.

Глава шестая

ГИБЕЛЬ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

13 лет отделяют смерть Галдан-Церена от гибели Джунгарского ханства. Для этого периода характерен непрерывный, все более ускорявшийся распад государства ойратских феодалов, завершившийся в 1758 г. его уничтожением. Борьба Цинской империи и Джунгарского ханства, длившаяся почти целое столетие, закончилась победой Цинов, войско которых не только стерло ойратское государство с лица земли, но и истребило сотни тысяч его обитателей.

Драматические события этих лет получили наиболее полное освещение в трудах Н. Бичурина о Джунгарии и ойратах. О них писали также П. Рычков, С. Липовцев, А. Левшин, Ч. Валиханов, М. Венюков, М. Красовский, Сычевский, А. Куропаткин, Н. Бантыш-Каменский, Б. Курц и многие другие. В основе работ Н. Бичурина и С. Липовцева лежали китайские источники и исторические сочинения; П. Рычков, А. Левшин, Сычевский и Н. Бантыш-Каменский руководствовались по преимуществу документами русских архивов. Остальные авторы, как правило, следовали за названными выше историками, иногда дополняя их материалы несколькими найденными документами или ссылками на местные сказания и легенды.

Из зарубежной литературы мы можем назвать лишь упоминавшееся уже произведение М. Курана, а также труд известного востоковеда Э. Хэниша, посвященный военным действиям 1755 г. в Джунгарии. М. Куран рассматривал историю Джунгарского ханства с одной позиции — борьбы за создание в Центральной Азии ойратской империи. Стремясь к этой цели, ойратское государство, по мнению М. Курана, неминуемо сталкивалось с цинской монархией, которая, в свою очередь, старалась расширить пределы за счет Джунгарии и Восточного Туркестана. Он полагал, что борьба за образование империи составляла главное содержание истории Джунгарского ханства, и на этом основании ограничивал исследование рамками его внешнеполитической истории.

Э. Хэниш разделял взгляды М. Курана. Признавая, что события, развернувшиеся в 50-х годах XVIII в., имели не только местное, но и большое международное значение, Э. Хэниш писал: «Дело заключалось в том, достанется ли Центральная Азия маньчжурскому, иначе говоря, китайскому государству, или же она превратится в новое великое монгольское государство» [163, с. 4]. Концепция М. Курана и Э. Хэниша была типичной для до-

марксистской историографии. В работе Э. Хэниша ценны некоторые документы, переведенные им с маньчжурского на немецкий язык и освещающие ход боевых действий 1755 г.

Об исторических событиях последних лет существования Джунгарского ханства могли бы рассказать ойратские, маньчжурские (или китайские) и русские источники. Но ойратские источники до нас не дошли, они, вероятно, погибли в огне боев 1754—1758 гг. Маньчжурские и китайские источники в массе своей нам неизвестны и, по-видимому, еще покоятся в архивохранилищах КНР.

Некоторые сведения можно использовать из материалов, опубликованных в «Мэн гу ю му цзи» и в труде Э. Хэниша. Известные нам монгольские и калмыцкие источники не содержат сведений об этом периоде ойратской истории. Но можно ли на основании только русских архивных материалов полностью и всесторонне изложить историю гибели Джунгарского ханства, раскрыть роль исторических деятелей, характер участия народных масс в событиях этого периода и т. п.? Конечно, нет. Русские архивные материалы не в состоянии исчерпывающим образом ответить на поставленные вопросы. Но они могут дать в основном объективную и достоверную картину распада и крушения государства ойратских феодалов.

Относительно объективный характер русских источников объясняется главным образом тем, что правящие круги Российской империи хотя и были заинтересованы в сохранении независимого Джунгарского ханства, но не без основания опасались его чрезмерного усиления. Двойственное отношение России к ойратскому государству породило исключительно внимательное, систематическое наблюдение за происходящими в нем событиями. В Оренбург и Тобольск шел поток информации из Джунгарии. Губернаторы Сибири и Оренбургской губернии регулярно представляли в Петербург подробные доклады «о тамошних обстоятельствах», прилагая к докладам многочисленные донесения, поступавшие в их канцелярии из пограничных с Джунгарией районов и крепостей. Среди этих приложений были рапорты и доклады местного военного командования и управителей, послов и курьеров, купцов и их агентов, а также людей, ездивших в Джунгарию на короткое время или длительно там проживавших и потому являвшихся очевидцами тех или иных исторических событий. Большое место среди архивных материалов занимают многочисленные сообщения представителей ойратской аристократии — выходцев из Джунгарии, так или иначе участвовавших в развернувшейся там борьбе. Особый интерес представляют материалы, связанные с жизнью и деятельностью Амурсаны, игравшего выдающуюся роль в ойратской истории того времени, его устные и письменные обращения к русским властям, переговоры с ним и его послами. Важно отметить, что в подавляющем большинстве перечисленные материалы являются подлинными документами, снабженными собственноручными подписями их авторов. Большую ценность представляют также копии указов Правительствующего сената, Коллегии ино-

странных дел и других правительственных органов России на имя губернаторов и командования войск в Сибири и Оренбурге, их ответные послания царю, а также дипломатическая переписка с правительственными учреждениями Цинской империи.

Большое число документов и их разнообразие позволяют, сопоставляя содержащиеся там сведения, установить факты, являющиеся бесспорными или наиболее вероятными, и таким путем представить в основном достоверную хронику событий тех лет.

А. Левшин и П. Рычков использовали в своих трудах некоторые документы оренбургских архивов, затрагивавшие обстоятельства крушения Джунгарского ханства. Сычевский работал с архивами Троицкосавского пограничного управления, а Н. Бантыш-Каменский — с Московским главным архивом Министерства иностранных дел, что помогло лучше осветить события середины XVIII в., связанные с русско-китайскими противоречиями в монгольском и джунгарском вопросах. Исследуя историю гибели ойратского государства, мы базировались на документальных материалах, хранимых в фондах АВПр. Мы сознательно не останавливаемся в данной главе на отдельных эпизодах, не имеющих отношения к основным событиям тех лет и не оказавших на них существенного влияния, например на посольствах из Джунгарии в Сибирь и в Москву от сменявших друг друга на ханском престоле недолговечных правителей, переговорах с ними и т. д.

В конце 1962 г. в Улан-Баторе был опубликован труд монгольского ученого Ишжамца «Вооруженная борьба монгольского народа за независимость в 1755—1758 гг.», посвященный освободительной борьбе монголов Халхи и Джунгарии, восстаниям Амурсаны и Ценгуньжаба. Исследование Ишжамца целиком основано на оригинальных архивных и летописных материалах, до того нам неизвестных. Тем более важно отметить, что новые исторические источники, введенные в научный оборот книгой Ишжамца, во всем существенном вполне согласуются с ранее перечисленными нами источниками.

Смерть Галдан-Церена повлекла за собой длительную междоусобную борьбу претендентов на ханский трон, которая в конечном счете способствовала распаду и гибели ойратского государства.

У Галдан-Церена было три сына и несколько дочерей. Старшему сыну, Лама-Доржи, в год смерти отца исполнилось 19 лет, среднему Цеван-Доржи-Аджа-Намжилу, — 13, младшему, Цеван-Даши, минуло только семь лет. Галдан-Церен завещал трон среднему сыну, который в 1746 г. был провозглашен ханом под именем Аджа-хана. Но ханствовал он недолго. В 1749 г. в результате заговора он был свергнут с престола и убит. Ханом Джунгарии стал Лама-Доржи, принявший титул Эрдэни-Лама-Батур-хунтайджи. Но и его правление не было длительным. Титулованная ойратская знать не желала признавать ханом Лама-Доржи — побочного сына Галдан-Церена. Возник новый заговор, имевший целью свержение Лама-Доржи и возведение на ханский престол

малолетнего Цеван-Даши. Заговор был раскрыт, его участники сурово наказаны.

Об этих событиях Бестужев-Рюмин сообщил 27 января 1756 г. наместнику Калмыцкого ханства. Бестужев-Рюмин рассказал, что Цеван-Доржи «зайсанги зенгорские, присутствующие в зарге, сперва низложили, а потом умертвили, а на его место, обойдя ближнего наследника — внука большого Черен-Дондука и Намджилова сына — Дебачу, избрали в главные владельцы Галдан же Черенова сына, рожденного от подложницы, Ламу-Доржу и назвали его при том случае Эрдени Лама Батур хонтайджи». Дебачи же, опасаясь за свою жизнь, бежал в Средний казахский жуз к Аблаю, «и туда же ушел хошоутовой фамилии нойон Амур Санан» [3, 1755—1757, д. 4 л. 127]¹.

Переход власти в руки Лама-Доржи еще более накалил обстановку в ханстве. Ойратские сановники Наугат и Габан-гелун сообщали сибирскому губернатору Мятлеву, что, «кроме тех, которые с ним (с Лама-Доржи. — И. З.) имели согласие, все подлые, жестоко оскорбясь, и почти вся Зенгория к ноену Дебаче склонны явились» [3, 1757, д. 6, л. 36].

Так появился новый претендент на ханский престол — Дебачи (Давац), происхождение которого давало ему право на престолонаследие. Родовое владение Даваца находилось в Тарбагатае, как и владение другого ойратского нойона — Амурсаны, с которым Давац был в тесной связи и дружбе.

Давац и Амурсана принимали активное участие в борьбе против Лама-Доржи. Потерпев вначале поражение, они в 1751 г. вынуждены были бежать к казахам, в Средний жуз, где нашли убежище у Аблая. Через год они вернулись на родину и возобновили борьбу против Лама-Доржи, который был ими убит в самом начале 1753 г. Повелителем ойратского ханства стал Давац. Но тогда выступили «малосильные зайсанги и нойоны» [3, 1757, д. 6, л. 36], которые, в свою очередь, провозгласили ханом своего ставленника — Немеху-Жиргала. В Джунгарии оказалось сразу два хана. С помощью Амурсаны Давац низложил Немеху-Жиргала и убил его (см. [3, 1757, д. 6, л. 36]). Амурсана во всем помогал Давацу, как писали современники, «не щадя живота». За оказанные услуги ему был обещан богатый удел. Подавив сопротивление своих противников, Давац в конце 1752 — начале 1753 г. стал ханом ойратов.

Но в это время ханство вступило в полосу упадка, что проявилось прежде всего в подрыве единства ойратского государства, в крушении авторитета и силы центральной власти.

Ослаблением Джунгарского ханства не замедлили воспользоваться Цины, внимательно следившие за происходившими там событиями. Со времени заключения мира 1739 г. обе стороны — как Цинская империя, так и Джунгарское ханство — стремились не нарушать установленную между ними границу и бдительно ее охраняли. Значительные цинские гарнизоны располагались в районах Баркуля, Хами, Модон-Куля, Хара-Усу, Кобдо и Улясутая.

Но хотя между Цинской империей и ойратским ханством не происходило вооруженных столкновений, не было и добрососедских отношений и торговли.

В 1750 г. появились первые признаки распада ойратского государства. В ноябре этого года из Джунгарии бежало несколько ойратских семейств, решивших в Цинской империи искать спасения от усобиц и войн. Через несколько месяцев в Китай перебежала уже большая группа ойратов во главе с демечи — старостой 40 семейств. Тогда же в Пекине появился и некий чиновник, бежавший из ойратского ханства. Таким образом, из Джунгарии бежали люди из различных слоев ойратского общества.

Цинские власти щедро одаривали каждого перебежчика, предоставляя на первых порах налоговые и иные льготы, награждая представителей знати и чиновничества пышными титулами и званиями. Одновременно цинское правительство стало готовиться к новой войне, полагая, что при обострении внутренних противоречий Джунгарское ханство уже не сможет оказать эффективного сопротивления. Правительство Хун Ли приступило к мобилизации сил для предстоящей войны.

Весной 1751 г. в Пекин прибыл посол Лама-Доржи. Хан предлагал императору свою дружбу, обещал сохранять мир, но просил за это 100 тыс. лан серебра. Предложение Лама-Доржи было отвергнуто, причем его послу заявляли, чтобы ойраты «вперед со своими посольствами к ним в Пекин не ездили, ибо де они не за посольством, но за торгами приезжают» [3, 1754, д. 1, л. 4]. Осенью 1751 г. ойратское посольство вернулось в Джунгарию.

В 1752 г. подготовка к войне против ойратов усилилась. В Халхе был получен приказ о поголовном выявлении всех мужчин, годных к военной службе. На лето 1752 г. в районе Эрдени-дзу был назначен смотр халхаских войск. Здесь была построена крепость, от стен которой до самой ойратской границы протянулась цепь постов и застав, где находились войска халхаских князей. С весны 1753 г. на джунгарскую границу стали подтягиваться новые части цинской армии, снабженные пушками, значительными запасами другого вооружения, снаряжения и продовольствия.

Осенью 1753 г. в Китай из Джунгарии перебежало более 3 тыс. ойратских семейств во главе с двумя внуками Галдан-Церена и двумя зайсангами, которых, видимо, не устраивала победа Даваца в борьбе за ханский трон. Нойоны и зайсанги были отправлены в Пекин, где их ждали почести и награды: император Хун Ли не поскупился. У халхаских тружеников стали отбирать лошадей и другой домашний скот для раздачи неимущим ойратам. Цинское правительство отвело перебежавшим нойонам территорию для кочевания в районе Дариганги, на крайнем юго-востоке Халхи, подальше от их родины, отклонив просьбу об отводе кочевья в районе между реками Селенга и Орхон. В связи с этим среди перебежчиков стало быстро нарастать недовольство, они уже раскаивались, что покинули Джунгарию. Вскоре цинские войска задержали на ойратской границе двух перебежчиков, пытавшихся

бежать из цинских владений в Джунгарию. У них нашли письмо, адресованное джунгарским князьям и сообщавшее, что цинские власти перебежчикам не доверяют, что они усиленно пополняют свои войска на джунгарской границе; поэтому ойраты должны быть осторожными и держать войско близко у границы. «И ежели б де война началась, то б они, перебежчики, им, контайшинцам, вспомогать стали» [3, 1754, д. 1, л. 58].

Цинские правители ускорили подготовку к походу против Джунгарии. В армию наряду с маньчжурскими войнами стали широко привлекаться китайцы (ханьцы), южные монголы и халхамонголы, которым предстояло сражаться под началом маньчжуров. Цины открыто готовились использовать благоприятно складывавшуюся обстановку, вторгнуться в Джунгарию и навсегда покончить с государством ойратских феодалов. Они рассчитывали справиться с этой задачей собственными силами, поэтому не искали союзников.

Что же касается отношения царского правительства к Джунгарскому ханству, то оно и в эти критические для последнего годы оставалось неизменным. Русско-ойратская торговля, ничем не стесненная, продолжала успешно развиваться и после смерти Галдан-Церена. Избегая осложнений, правительство России по-прежнему не препятствовало сбору в казну хана ясака даже в Барабинской степи, на Алтае и в других районах, где проживало население, бывшее в прошлом кыштымами ойратских ханов, но за сто и более лет до того перешедшее в русское подданство. Наряду с этим российское правительство принимало меры к укреплению своих позиций в обширном пограничном с Джунгарией районе. Строились укрепленные линии, которые постепенно выдвигались на юго-восток, в глубь степей современного Казахстана. В 1745 г. в Сибирь впервые вступили два пехотных и три конных полка регулярных русских войск; местные власти не переставали жаловаться на то, что этих войск все еще слишком мало, чтобы существенно изменить военно-политическую обстановку в пользу России.

Командующий войсками Сибири генерал Крофт в начале 1755 г., когда стало очевидным неизбежное вторжение цинской армии в Джунгарию, издал приказ. Он требовал от военных и гражданских властей, чтобы они, «ежели паче чаяния на тамошние Российские пограничные крепости и форпосты последует неприятельское нападение, то б по крайней нужде и малолюдству там регулярного и нерегулярного войска, по требованиям его, по тем экстренным и самонужным случаям чинить из обывателей, как заводского, так и кузнецкого ведомств, из выписных казаков, к лучшему от неприятеля отпору и недопущению верноподданных к разорению и бесславию ее императорского величества оружия, помощь, и всяк бы имели при себе ружье исправное и ко обороне благонадежное» [3, 1755—1757, д. 4, л. 8]. Летом 1755 г. Крофт изложил Коллегии иностранных дел свое мнение о том, что не следует принимать ойратских беженцев, искавших спасения от

маньчжуров в русских пределах, ибо в России вслед за беженцами могут появиться войска Цинской империи. Это весьма опасно, так как «в тамошних Верхнеиртышских и протчих по линии крепостях команды столь малолюдны, что инде в случае воровских и неприятельских нападений не только над ними поиску учинить не в состоянии, но едва и себя охранить могут» [3, 1755—1757, д. 4, л. 28].

Это не было преувеличением. Хотя к описываемому времени уже закончилось строительство трех линий основных пограничных укреплений и проектировалась четвертая и в укреплениях находились воинские части, а кое-где и артиллерия, но протяженность этих линий доходила до 2,5 тыс. км. Расстояние между крепостями составляло 30 и более километров, и эти пространства никем не охранялись. Войск было мало, пополнения не ожидалось (см. [3, 1755—1757, д. 4, л. 250]). Поэтому опасения местных русских военных и гражданских властей были достаточно обоснованными.

Серьезное беспокойство российских властей вызывали казахско-ойратские отношения. Казахские феодалы стремились использовать ослабление ойратского государства в своих интересах. Еще в 1745 г. оренбургскому губернатору И. Неплюеву пришлось отговаривать правителей Среднего жуза от вторжения в ойратские улусы. Царское правительство стремилось не допустить новых вооруженных конфликтов между ойратскими и казахскими феодалами, но в то же время старалось воспрепятствовать объединению их сил, усматривая в этом серьезную угрозу своим интересам. Оно было крайне обеспокоено возможностью брачного союза между Лама-Доржи и дочерью казахского хана Абулхаира, за которой в 1749 г. прибыло специальное посольство. Казахские феодалы готовы были принять сватовство Лама-Доржи, но болезнь, а затем смерть невесты нарушили намеченные планы.

Особую активность казахские феодалы проявили в то время, когда в Джунгарии развернулась острая борьба за ханский престол. Они охотно принимали приглашения претендентов на ханский престол принять участие в вооруженной борьбе, чем усиливали развал и хаос в государстве ойратов. Осенью 1751 г. правитель Среднего жуза Аблай, как уже было сказано выше, пригласил у себя ойратских нойонов Даваца и Амурсану, бежавших от Лама-Доржи. Когда сведения об этом дошли до Петербурга, оттуда 31 августа 1752 г. в Оренбург был отправлен указ «крайнее старание возмечь первого (Даваца.— И. 3.), яко настоящего к овладению всего зенгорского народа претендента, а с ним и другого, яко тогдашнему зенгорскому владельцу двоюродного брата, для будущих впредь случаев, а особливо в рассуждении неотступной претензии зенгорских владельцев к себе приласкать и в Оренбург призвать» [3, 1755—1757, д. 4, л. 316].

Выполняя указ правительства, И. Неплюев и А. Тевкелев в сентябре 1752 г. отправили из Оренбурга капитана Яковлева, который «их, владельцев, в той орде уже не застал»,— писали Неплюев и Тевкелев 10 августа 1755 г. в докладе правительству,

напоминая о событиях 1752 г. (см. [3, л. 316]). Давац и Амурсана вернулись в Джунгарию, организовали внезапное нападение на ставку Лама-Доржи, схватили его и убили. Затем они с помощью Аблай-султана разгромили группировку Немеху-Жиргала и поддерживавших его дэрбэтских князей.

О событиях этих лет говорит сообщение еще одного очевидца — тобольского дворянина А. Плотникова, посланного в Джунгарию для обучения ойратскому языку. Во время его пребывания в ставке Лама-Доржи туда стали собираться войска для «сыску бежавших нойонов Давац, Амурсана и Бальжура» [6, 1746—1754, д. 1, л. 80]. Одновременно Лама-Доржи направил к Аблай-султану посла с требованием выдать бежавших. Аблай отклонил это требование, ссылаясь на обычай, запрещающий выдавать даже собак, бежавших от своих хозяев. С таким ответом 21 августа 1752 г. посол вернулся от казахов, 9 сентября 1752 г. Лама-Доржи приказал войску выступить «из крайних улусов и следовать на киргизцов (казахов. — И. З.) партиями, каждый нойон и зайсанг особую команду» [6, 1746—1754, д. 1, л. 80]. А. Плотников выехал из ставки Лама-Доржи 7 ноября 1752 г., через день он прибыл в улус зайсанга Духара, отряд которого из 500 воинов стоял на р. Нарын. В ночь на 9 декабря гонцы сообщили Духару, что бежавшие нойоны обнаружены. Но, по наблюдениям А. Плотникова, «народ не верит в длительность нахождения у власти нынешнего владельца» [6, 1746—1754, д. 1, л. 80].

23 августа 1753 г. послам Лама-Доржи в Петербурге было официально сообщено, что правительство России получило сведения об убийстве их хана [3, 1756, д. 4, л. 1]. Спустя восемь месяцев, в апреле 1754 г., советник Коллегии иностранных дел В. Бакунин заявил джунгарским послам, что сведения об убийстве их хана нойоном Давац подтвердились. Из этих данных можно сделать вывод, что Лама-Доржи был убит в самом начале 1753 г.

Но вскоре против нового хана восстал его недавний союзник и друг Амурсана. Их дружба и союз в период борьбы против Лама-Доржи и в первое время после воцарения Давац подтверждаются многими источниками.

Что лежало в основе союза Амурсаны и Давац? Источники не дают материалов для ответа на этот вопрос. Известно лишь, что владения обоих нойонов находились в Тарбагатае и располагались по соседству. Давац был прямым потомком Батур-хунтайджи и имел все основания претендовать на ханский трон. Что же касается Амурсаны, то он не принадлежал к влиятельным слоям ойратов, хотя и происходил из аристократического рода «цаган туг хойт» («хойт белого знамени»). В описываемое время он имел под своей властью около 5 тыс. подданных с семьями. Предки Амурсаны в начале XVII в. вместе с торгоутами Хо-Урлюка покинули Джунгарию и до начала XVIII в. жили на Волге. Его дед в 1701 г. вместе с Санжибом прибыл с Волги в Джунгарию и был там задержан. Отец Амурсаны, Уйзен-хошуучи, был женат на дочери Галдан-Церена, от брака с которой в 1722 г. и родился Амур-

сана. Первой женой Амурсаны была Делег-Доржи, дочь одного из дэрбэтских князей, от которой он имел сына и двух дочерей. Второй его женой была Битей, вдова его старшего брата, умершего от оспы, у которой был сын Пунцук.

Из источников неопровержимо следует, что до 1754 г. Амурсана не только не оспаривал прав Давац на ханский трон, но и всячески помогал ему овладеть им. По словам зайсана Наугата и Габан-гелуна, Давац обещал за оказанные услуги пожаловать Амурсане улусы в местности Гурбан-Модон. Можно полагать, что эти сведения верны.

В этот период Средний жуз во главе с Аблай-султаном оказывал Давац и Амурсане активную помощь. 26 декабря 1753 г. прапорщик Веревкин докладывал командованию о войне между Давац и Немеху, сыном Шара-Манжи. «И оные киргизцы споможение чинят вышереченному Дебаче, и ходило их, киргизцов, на ту помощь, и многие калмыцкие улусы разбили и привезли плену... Аблай-султан с своими улусами на ту помощь пошел» [3, 1754, д. 2, л. 1]. 4 января 1754 г. Веревкин представил новый доклад, в котором говорилось, что в декабре 1753 г. «со всех киргизских улусов военных людей 5000 человек пошло на помощь к Дебаче, чтоб разорить дербетов, ибо дербеты не хотят быть подвластными ему, Дебаче, а желают иметь владельцем Унемкая Жиргала... а урянхайцы де держат сторону Дебачеву, и прежде сего ходившим киргиз-кайсацким войском разорено калмыцких две волости» [3, 1754, д. 2, л. 4]. Один из казахских старшин, находившийся в отряде, помогавшем Давац, сообщил 30 декабря 1753 г. Веревкину, что «две волости калмыцкие повелением Дебача разорили, и показанной де Дебача жен и детей мужеск малых и женск пол отдал киргизцам... и от разоренных волостей скота киргизцам дана самая малая часть только для пропитания, а прочий скот весь взял Дебача к себе» [3, 1754, д. 2, л. 4]. 31 декабря Веревкин встретил отряд казахов, в котором была тысяча воинов, направлявшийся в Джунгарию на помощь Давац и Амурсане.

Междоусобная борьба разоряла население и ослабляла государство ойратов. Селенгинский комендант Якоби 9 февраля 1754 г. докладывал в Петербург, что в сентябре 1753 г. в Халху из Джунгарии снова перебежало несколько тысяч ойратских семейств во главе с князьями. Цинским властям князья объясняли свою откочку из Джунгарии тем, что «контайшинских владельцев двое и между ними имеется несогласие» [3, 1754, д. 1, л. 8]. Как уже было сказано, Давац, поддержанный Амурсаной и феодалами Среднего жуза, в конце 1753 — начале 1754 г. стал единовластным правителем ханства.

С этого времени начинается вражда между Амурсаной и Давац. Мы не знаем, что явилось ее причиной. Возможно, она возникла потому, что хан Давац не выполнил обещаний, данных Амурсане.

В мае — июне 1754 г. брат урянхайского зайсанга Кутука жаловался вахмистру А. Беседнову на «злое время», наступившее в

Джунгарии. «Большие де их не в согласии, и поныне де уже их Дебача-хан сложился с казачьей ордою, Амурсанай ноен сложился с китайскою силою, и воюются между собой и зачали воеваться с прошедшей зимы (т. е. с зимы 1753/54 гг.—И. З.), а сила стоит между Иртышскою вершиною и Кобдою рекою... чего ради ныне у них выгоняют и последних туда же на вспоможение к Дебаче-хану» [3, 1754, д. 1, л. 44].

3 апреля 1755 г. боярский сын И. Максюков, отправленный из Кузнецка в пограничные районы, представил сведения о событиях в Джунгарии, сообщенные ему Бирер-Таншике, служившим в ставке ойратского хана. «Ныне,—говорил этот Бирер-Таншике, имеется у них владельцем Табачи-хан... да другой племянник его, сестрин сын, Абарзынахан (Амурсана.—И. З.)... И оной де Табачи-хан реченному своему племяннику Абарзынахану сказал, что де в одной земле два державца не живут». На этом основании Амурсана стал требовать раздела владения и передачи «канских и каракольских, Телеских и Таутелеуцких волостей людей во владение себе», но Даваци ответил отказом. Тогда Амурсана собрал войска—около 6 тыс. человек—и летом 1754 г. пошел на Даваци. Однако Даваци собрался «во многолудстве» и у мятежного племянника «много людей мужеска полу побил, а женский пол в полон побрал, а оной де бой был у них в Иртышских вершинах». Потерпев поражение, Амурсана бежал в Китай. И. Максюков отмечал, что рассказ Бирер-Таншике был в основном подтвержден и другими ойратскими людьми, с которыми он беседовал (см. [3, 1755, д. 1, л. 41]).

Аналогичные сведения представил командованию вахмистр А. Беседнов, который в августе 1754 г. был в Урянхае. Один из местных старшин сказал ему, что «весной их зайсанги алтайские уезжали на помочь к Чебаче-хану... А ныне де известно, что те зайсанги приехали обратно и привезли его, Амурсанаеву, жену и детей, и многие в полон взяты, а сам де он, Амурсанай, ушел всеми зайсангами в мунгальскую сторону» [3, 1754, д. 2, л. 44]. Зайсанг Кутук говорил А. Беседнову: «У них де в землице весьма неблагополучно, уходили де они все на службу к Дебачи-хану на выручку, которого де и выручили, а Амурсаная ноена и его землю всю разорили, жен и детей, скот и живот и всю его жизнь обрели и привезли в свою землю и разделили по себе, а Амурсанай де убежал в 300 человеках в мунгальскую землицу через Телеское озеро» [3, 1754, д. 2, л. 44].

Если алтайские зайсанги ходили на выручку к Даваци весной 1754 г., а в августе того же года, выполнив задачу, вернулись домой, то несомненно, что сражение, решившее участь Амурсаны, произошло в начале лета 1754 г., т. е. всего через несколько месяцев после утверждения Даваци на ханском престоле.

Источники свидетельствуют, что в конфликте между Даваци и Амурсаной активное участие принимали казахские феодалы. Не надеясь только своими силами одолеть Даваци, Амурсана обратился за помощью к Аблай-султану, отправив к нему своего

брата Бальжира. Амурсана просил у правителя Среднего жуза 4 тыс. лошадей и верблюдов, 10 тыс. овец и баранов, «обещая за то учинить плату чем бы ни потребовал». Аблай-султан оказал Амурсане просимую помощь, и Амурсана уплатил за эту помощь дорогими бухарскими коврами и оружием, а также людьми—мужчинами, женщинами и детьми, захваченными в плен в улусах Даваци. Затем Амурсана предложил правителю Среднего жуза, чтобы тот напал на ставку Даваци, когда последний выступит против Амурсаны, собиравшегося со своими войсками поджидать Даваци на р. Боротала [3, 1757, д. 2, л. 10]. Аблай выполнил и эту просьбу. Из показаний источников явствует, что правители Среднего жуза уже после поражения Амурсаны в 1754 г. не раз вторгались в пределы Джунгарского ханства, захватывая богатую добычу: скот, пленных, ценности (см. [3, 1754, д. 1, л. 46, 57, 61; д. 2, л. 1, 4]).

Одержав победу над Амурсаной, Даваци в августе 1754 г. отправил в Пекин послов с предложением мира и дружбы. Сведения об этом посольстве имеются в одном из докладов селенгинского коменданта Якоби губернатору Мятлеву. Якоби сообщал, что Даваци «сего году в летнем последнем месяце послал от себя в Пекин к богдыхану чрез Баркульский караул 5 человек знатных начальников с подарками... и поручено тем начальникам просить, чтобы богдыхан с ним, Дебачею, жил мирно и контайшинских перебежиков всех отдал в его владение обратно, но токмо оные начальники и поныне находятся в Пекине, и более де о том деле неслышно» [3, 1754, д. 1, л. 53]. Цинское правительство не поддержало инициативы джунгарского хана, видевшего в мире с Китаем путь к упрочению своей власти в ханстве. Цины не были заинтересованы в таком мире; наоборот, они намеревались уничтожить ойратское государство.

Потерпев поражение, Амурсана бежал через Телецкое озеро, Кобдо и Уланком в Халху, там он явился к цинским властям и заявил о своем желании служить Цинской династии. Его отправили в Пекин. При дворе Амурсану встретили с большой радостью. Император Хун Ли пожаловал ему титул князя первой степени (цин вана) и обещал помощь в овладении джунгарским тронном. Цинская династия увидела в Амурсане удобное орудие в борьбе за осуществление своей заветной цели—уничтожение Джунгарского ханства (см. [163; 78]).

Цинская империя, в течение нескольких десятилетий безуспешно пытавшаяся сокрушить ойратское государство, получила наконец реальную возможность достигнуть успеха. Княжеские распри ослабляли ханство и открывали возможность для вторжения в Джунгарию. Вот почему просьба Амурсаны об оказании ему военной помощи для борьбы против Даваци встретила в Пекине полное сочувствие и поддержку.

Многочисленные источники, среди которых большое место занимают доклады и донесения селенгинского коменданта Якоби, рисуют яркую картину мобилизации 200-тысячной цинской армии и

ее концентрации на халхаско-джунгарской границе. Власти Цинской империи спешили. Зимой 1754 г. шла активная подготовка к вторжению в Джунгарию, планировалось завершить ее до начала весны 1755 г. Чтобы обеспечить всех воинов лошадьми, цинское командование начало принудительные реквизиции. Власти, не задумываясь, отбирали лошадей и верблюдов у отрядов, охранявших русско-китайскую границу в Забайкалье [3, 1755, д. 1, л. 48; 1754, д. 1, л. 50; 17, 1750, д. 1, л. 1], останавливали купеческие караваны, отнимали у них лошадей и верблюдов. Все было подчинено подготовке к решающему наступлению. Очевидцы рассказывали, что на границу, в район Улясутая и Кобдо, для прокормления сосредоточенных там войск «всякие харчевые и съестные припасы свозят отовсюду множество» [3, 1754, д. 2, л. 12]. Каждый воин был вооружен ружьем, саблей, копьем, луком с 40 стрелами; армия располагала к тому же множеством пушек.

В начале 1755 г. Хун Ли издал указ, обязывавший всех халхаских владетельных князей со всеми подчиненными им «военными или хотя невоенными, а годными к военному делу людьми в немедленном времени ехать на контайшинскую границу в мунгальское войско» [3, 1755, д. 1, л. 50]. В армию взяли даже шабинаров, которых закон всегда освобождал от военной службы.

К весне 1755 г. цинская армия была готова к походу. В ее состав входили не только маньчжурские, но и китайские войска, отряды южных монголов и халхасов. Общая численность армии по-разному определяется источниками — от 90 тыс. до 200 тыс. человек. Армия была разделена на две части. Одна из них составила северный отряд под командованием маньчжурского генерала Баньди. Он получил задание выступить из района Улясутая и двигаться в долину р. Боротала, перейдя реки Булугун, Чингиль, оз. Айрикнор. Южному отряду под командованием маньчжурского генерала Юнхана было предписано двигаться к долине Боротала по дороге Баркуль-Урумчи. Сильными передовыми отрядами командовали ойратские князья, перешедшие на сторону Цинской династии. Авангард северного отряда возглавлял Амурсана².

В начале весны 1755 г. армия выступила в поход: оба ее отряда вторглись в пределы Джунгарского ханства. В конце апреля они, соединившись в долине р. Боротала, у оз. Эбинор, подошли к р. Или, переправились через нее и двинулись дальше, не встретив ни малейшего сопротивления, не сделав ни одного выстрела.

25 июля 1755 г. Якоби докладывал: «Когда китайское и мунгальское войско дошло до Или, к нему стали переходить в подданство зенгоры с начальными людьми... Боев с контайшей не было, ибо контайша хочет мира... Контайшинский владетель Дебача войны иметь не желает, а просит мира... Для испрошения того миру намерен послать в Пекин к богдыхану сына своего с подарками» [3, 1755, д. 1, л. 75—76]. Русский казак Бурков, с лета 1754 г. находившийся в ставке хана Даваци и лишь через два года возвратившийся в Селенгинск, докладывал, что Даваци «для имения с тем мунгальским и китайским войском баталии со-

брал было своего войска тысяч с тридцать, но когда зенгорцы узнали, что Амурсана при монгольском войске, то по большей части, оставя Дебачу, стали передаваться в мунгальское войско. И потому Дебача, не видя в себе никакой надежды и спасая свой живот, принужден был сохранять себя бегством» [3, 1757, д. 2, л. 11].

Пытаясь приостановить движение цинской армии, Даваци направил в Пекин еще одно посольство во главе со своим сыном, вновь предлагая мир и дружбу. В знак своей искренности он прислал Хун Ли боевое знамя джунгарского хана и заявил, что согласен лично приехать в Пекин, если того пожелает император. 7 августа 1755 г. Якоби узнал из достоверных источников о полученном в Халхе указе Хун Ли, «коим объявлено, что контайшинский владетель Дебача просит, чтоб он богдыханом принят был в подданство, и для того отправил сына своего и при нем 6 человек посланцев... и во уверение той своей о подданстве просьбы послал свое красное знамя... Причина пожелания Дебачи подчиниться богдыхану та, что Амурсан ему изменил и перешел на сторону Китая» [3, 1755—1757, д. 4, л. 56]. Но все было тщетно. Цинскому правительству нужен был не мир с ханством, а его полное уничтожение. Предложения Даваци опять остались без ответа.

14 мая авангард цинской армии во главе с Амурсаной вступил в долину р. Текес, где встретился с немногочисленными отрядами Даваци. Не приняв боя, хан бежал, бросив жену и детей. Он направился в сторону Кашгара. 8 июля его схватили мусульманские правители г. Куча и передали в руки Амурсаны, который доставил пленника в ставку командующего цинской армией. Случайно оказавшийся при этом казак Бурков рассказывал, что Даваци, узнав в нем и в его товарищах русских людей, просил, чтобы они «об нем сказали в Российской стороне, что он никакой ссоры иметь не желал и что ныне в таком несчастье находится. А больше оного ему говорить не дали» [3, 1756, д. 1, л. 57]. Через три-четыре дня Даваци был препровожден в Пекин.

По свидетельству того же Буркова, цинские власти в это время распространяли по всей Джунгарии листовки на тибетском языке, убеждавшие ойратское население переходить в подданство Цинской империи и обещавшие за это от имени императора щедрые награды и защиту от внешних врагов.

Хун Ли получил сообщение о поимке Даваци в то время, когда охотился в провинции Жэхэ. Он приказал доставить пленника в Чжанцзякоу и держать его там до возвращения императора в Пекин. Захваченных с Даваци нойонов и зайсангов приказали везти прямо в Пекин и бросить в тюрьму.

Джунгарское ханство, против которого вели войну Сюань Е и два его преемника, фактически перестало существовать. Излишними оказались чрезвычайные пригрозения цинских властей, оказалась ненужной и огромная маньчжуро-китайско-монгольская армия. Ханство было фактически беззащитным. Ойратские феодалы сдавались на милость победителей, даже не пытаясь сопро-

тивляться. Ойратский народ, деморализованный бесконечными княжескими распрями, разоренный и измученный, не противился завоевателям. Джунгарское ханство развалилось.

Захватив ойратское государство, цинские власти коренным образом перестроили его управление, распространив на Джунгарию административную систему, введенную ими в ранее завоеванных частях Монголии. Власть всеойратского хана была упразднена, что уничтожало и ханство как единое государство. На обломках ханства цинские власти образовали четыре самостоятельных княжества: Хойт, Дербет, Хошоут и Чорос, правители которых были подчинены непосредственно Пекину.

Итак, к концу лета 1755 г. война в Джунгарии закончилась. Маньчжурские, китайские и восточномонгольские феодалы торжествовали победу: они захватили Давац, привели к покорности ойратских князей, уничтожили само ханство. Цинские власти выводили из Джунгарии свои войска и распускали их по домам. Медлить с этим делом они не могли: слишком велики были трудности содержания многочисленной армии в таком отдаленном крае, как Джунгария. Они не могли не считать ее с тем, что в Халхе, в ближнем тылу этой армии, росло и ширилось недовольство, грозившее свести на нет их победы в Джунгарии.

В эти годы народные массы Халхи снова, как и в войне 30-х годов, испытали на себе всю тяжесть военной политики Цинской династии. Трудящиеся Халхи с их несложным хозяйством, главное богатство которого составляло помимо юрты некоторое число лошадей, крупного и мелкого скота, были основными поставщиками средств транспорта, а также мяса и молока для цинской армии, для императорских чиновников. Цинские власти отбирали также войлок, шерсть, кожи и другие продукты животноводства. Более того, халхаских тружеников все чаще привлекали к несению воинской повинности, и они должны были обзаводиться за свой счет оружием и снаряжением, заставляли участвовать во всякого рода смотрах и военных учениях. Значительная часть мужчин вынуждена была бросать хозяйство и отправляться на войну. Все это вызывало в народных массах антиманьчжурские настроения.

Монгольские князья стремились переложить все тяготы войны на плечи простых тружеников. На этой почве возникала и обострялась классовая борьба. Источники сообщают, например, что в хошуне Далай-бэйсе аймака Цецен-хана, к северу от р. Онон, собралась «шайка воров» в 200 человек, которая совершала нападения на пограничные заставы и караулы, на отдельные улусы, отбирая лошадей и другой скот. Цецен-хан направил против них отряд в 300 воинов. Командир отряда послал к мятежникам 50 солдат и 11 старшин с предложением сдаться, но те «оных не допустили до себя, перестегав плетьюми и отняв лошадей, прогнали обратно». Цецен-хану пришлось направить против «бунтовщиков» отряд в тысячу воинов [3, 1755, д. 1, л. 81].

Еще более тяжелым стало положение простых ойратов, когда на них обрушились тяготы длительных внутренних усобиц и ино-

земного вторжения. Бедствия войны настигали их всюду. Если раньше они могли спастись бегством, самовольно откочевывая из одного феодального владения в другое, из Джунгарии в Россию, то теперь и этой возможности не было. На территории бывшего ойратского государства господствовали ставленники Цинской империи. В Россию путь перебежчикам был закрыт. Кроме того, халхасы и ойраты не решались в эти годы переходить русскую границу, опасаясь, что будут, как это уже неоднократно случалось раньше, принудительно выселены из пределов России и возвращены в Монголию или Джунгарию, где их ожидало наказание за побег. Простые ойраты, например, говорили, что с радостью ушли бы в Россию, «но только де проситься они не смеют за тем, что де кто из них, калмыков, в русские города для вечного житья не уйдут, то де их обратно к зенгорскому владельцу высылают, и он де за то их мучит разными муками и битьем, чтоб не бегали» [3, 1755, д. 1, л. 69].

Вот почему в описываемое время не было такого массового и стихийного движения рядовых ойратов через русскую границу, как, например, в 30-х годах (см. [74, с. 79—81]). Однако к сибирским властям стали все чаще обращаться ойратские и халхаские князья, просившие разрешения перейти в пределы России с подвластными им людьми; князья часто соглашались принять российское подданство.

Обстановка заставляла правителей Цинской империи спешить с выводом войск из Джунгарии и Халхи. Донесения русских пограничных властей свидетельствуют, что в сентябре 1755 г. в смежных с Россией районах Джунгарии уже почти не было цинских войск, они возвращались в места постоянного квартирования, а мобилизованных воинов распускали по домам. Лишь в важнейших пунктах Халхи и Джунгарии были оставлены сравнительно небольшие гарнизоны.

Есть основания полагать, что император Хун Ли собирался отметить насильственное присоединение к империи территории последнего независимого монгольского государства — государства ойратских феодалов — торжественной церемонией. Она должна была состояться в Долонноре, где за 64 года до описываемых событий таким же образом было оформлено подчинение Цинской династии Халхи. Основанием для такого предположения служит сообщение Якоби от 7 августа 1755 г. об указе Хун Ли, повелевавшем Тушету-хану Дондок-Доржи и ургинскому богдо-гэгэну срочно прибыть в Долоннор, куда собирался приехать и сам император, чтобы объявить «радостные и важные вести о переходе контайшинцев в подданство Китая» [3, 1755—1757, д. 4, л. 58].

Но не успели еще в Пекине отпраздновать победу над Джунгарским ханством, как обстановка коренным образом изменилась: Амурсана отказался от китайского подданства и с отрядом в 500 человек вернулся в Джунгарию (см. [3, 1755—1757, д. 4, л. 91]).

Из донесения Якоби от 19 октября 1755 г. и из последующих

событий можно сделать вывод, что Амурсана, обманувшись в своих ожиданиях стать с помощью Цинов всеойратским ханом, в сентябре 1755 г. восстал против Цинской империи и начал вооруженную борьбу. В это время он находился в Халхе, на ее западной границе, куда прибыл, сопровождая пленного Даваца. С небольшим отрядом ойратских воинов, действуя в сговоре с некоторыми халхаскими военачальниками, в частности с Делег-ваном и Вандил-ваном из аймака Цецен-хана, Амурсана напал на маньчжурские войска, охранявшие границу, разбил их и бежал в Джунгарию. Маньчжурское командование отправило вдогонку большой отряд, но настигнуть беглецов не удалось.

Восстание Амурсаны и его бегство в Джунгарию вызвали в Пекине сильнейший переполох. Хун Ли пришел в бешенство. Отпущенных воинов снова призвали в армию. Якоби докладывал губернатору Сибири Мятлеву, что демобилизованные «первопроехавшие уже ныне доехали в свои места в Нерчинское ведомство, а прибывшие в Тушетухановскую ургу и не доехавшие до оной все одержаны и по вышеозначенному разглашенному о убеге Амурсаны известию посылаютца обратно к контайшинской границе в войско» [3, 1755—1757, д. 4, л. 92—93]. В ноябре того же, 1755 г. к Якоби поступили сведения, согласно которым «нынешней осени, назад тому другой месяц, бывший в китайском подданстве контайшинский перебежчик Амурсана, разбив пограничные караулы, бежал в свою контайшинскую сторону». По этим же данным, Амурсана увел с собой некоторых ойратских воинов, а также «из мунгалских военных лутчих к войне людей несколько человек... и ныне де по причине оного его убегу имеет китайская сторона опасность... и для того распущенные из войска военные люди собираютца паки в войско на контайшинскую границу» [3, 1755—1757, д. 4, л. 189—191].

Между тем Амурсана, обосновавшись сначала в Тарбагатае, а потом в бывшей главной ставке ойратских ханов на р. Или, использовал зимние месяцы 1755—1756 гг. для организации своих сил. Он писал ойратским князьям по всей Джунгарии, приглашая их присоединиться к нему, изгнать завоевателей и восстановить независимое государство.

На призыв Амурсаны откликнулись некоторые нойоны и зайсанги. Его приглашение отклонили те, кто считал унижительным для себя подчиниться человеку недостаточно высокого происхождения, а также те, кто затаил старую вражду. Не присоединились к Амурсане и улусы, правители которых в свое время поддержали Даваца, а потому опасались мести. В конце 1755 — начале 1756 г. сторонники Амурсаны провозгласили его ханом. 17 февраля 1756 г. один из зайсангов Каракольской волости говорил представителям русского командования, что Амурсана «жительствоет ныне на том же месте, в большой урге, где был ноен Дебачи... войска де ныне при Амурсане до 10 тысяч... Известно, что он, Амурсана, в зенгорской земле вместо Дебачи-хана уже владельцем» [3, 1755—1757, д. 4, л. 220—221].

Вскоре, однако, в стане Амурсаны начались раздоры. От него откололась группа князей, начались вооруженные столкновения, и Амурсана в конце концов потерпел поражение, заставившее его вернуться на р. Или, чтобы собирать новые силы. Он призвал на помощь Аблая. Тот согласился помочь и с 10-тысячным отрядом прибыл в Джунгарию. Но и это не изменило положения. Узнав о приближении большой маньчжурской армии, Амурсана оставил Джунгарию и в начале лета 1756 г. бежал в Средний жуз к Аблай-султану, где вновь нашел убежище [75, с. 303—304].

Узнав о побеге Амурсаны, власти Цинской империи сурово расправились с теми, по вине которых, как думали в Пекине, Амурсане удалось бежать в Джунгарию. По приказу Хун Ли в Пекин был вызван и там казнен знатный халхаский феодал, родной брат ургинского богдо-гэгэна Эринцин-Доржи Тушету-хан: неся ответственность за охрану халхаско-ойратской границы, он не воспрепятствовал побегу Амурсаны. Одновременно началось формирование новой, еще более многочисленной армии для второго похода в Джунгарию, на этот раз против Амурсаны. 11 января 1756 г. Якоби докладывал, что «мунгалское войско, собранное из манжуров, мунгалцев и солонов, состоит в контайшинской стороне... без малого с 400 тысяч под командою 6 генералов, из которых 5 человек из манжуров, а шестой, именем Шадар-ван, мунгалской хотогоец». При этой армии находилось много ремесленников — «китайцев, мунгалцев, сахаров (чахаров.— И. 3.)... для строения на тех реках перевозов, судов и лоток» [3, 1755—1757, д. 4, л. 306]. Хун Ли приказал генералам «в марте месяце (1756 г.— И. 3.) неотменно следовать войску в контайшинскую сторону со всяким поспешением как для поймания Амурсаны, так и искоренения и приводу в подданство контайшинцев» [3, 1755—1757, д. 4, л. 309].

Цинские власти уже тогда пытались привлечь к борьбе против Амурсаны правителей Среднего жуза. Они направили к казахам специальное посольство в составе 30 человек, которое в январе 1756 г. появилось в урянхайских улусах. Послы заявили о намерении пройти к Аблаю прямым путем через территорию России, ибо путь через Или был для них закрыт Амурсаной. Через русскую территорию их не пропустили. Они вернулись назад, не выполнив поручения [3, 1755—1757, д. 4, л. 170]. Но казахские феодалы и без того почти не покидали ойратских улусов, «помогая» то одному, то другому деятелю, уводя с собой каждый раз скот и пленных. В этих операциях участвовали феодалы не только Среднего жуза, но и других казахских феодальных владений, которые, по свидетельству очевидцев, «имения и пленников много привозят, которые де как покупкою, так и протчими случаями и в Меньшую орду весьма прибыльно доходят», почему и Айчувак «собирается совершить набег на Джунгарию» [3, 1755—1757, д. 4, л. 317].

Между тем цинские войска, наводнившие Джунгарию, не встречая организованного противника, без особого труда преодолели

разрозненные очаги сопротивления и приступили к поголовному истреблению ойратского населения. В июле 1756 г. двухтысячный цинский отряд вступил в пределы России и, разыскивая Амурсана, подошел к Колыванскому заводу, под стенами которого укрывались ойратские беженцы. 25 октября того же года еще более многочисленный отряд маньчжурских воинов приблизился к Усть-каменогорской крепости, желая захватить находившихся здесь урянхайцев, бывших подданных ойратского хана. Узнав, что Амурсана скрывается в кочевьях Аблай-султана, отряд направился в Средний жуз. В августе 1756 г. произошло сражение между ополчением Аблай-султана и войсками цинского императора, закончившееся поражением казахов, начавших отступление к русским укрепленным линиям. Казахские правители обратились к русским властям с просьбой защитить их от преследовавших маньчжурских войск.

С просьбами о защите, о приеме в русское подданство к русским властям стали обращаться и феодальные правители многих ойратских улусов. Начало этому было положено еще в 1753 г., когда нойоны и зайсанги жаловались на «злое время» и выясняли возможность перехода в российское подданство. В дальнейшем движение за добровольное присоединение к России усилилось. В сентябре 1755 г. около 40 ойратских зайсангов ждали ответа царского правительства на их просьбу о переходе в российское подданство. Одновременно с этим из глубинных пунктов ойратского ханства к границе России двигались сотни беженцев, унося остатки своего имущества, ища на русской земле спасения от беспощадных завоевателей.

Правительство России оказалось в затруднительном положении. Располагая в этом районе небольшими военными силами, оно столкнулось с прямой угрозой распространения цинской экспансии за пределы Джунгарии, на территорию Восточного Туркестана, Казахстана и Средней Азии.

Рядом указов Петербург определил свое отношение к событиям в Джунгарии. Он решил проводить прежнюю политику невмешательства во внутреннюю борьбу в ойратском ханстве, «понеже со здешней стороны никакого резона или пользы нет в их междоусобные ссоры вступаться и одного против другого оборонять» [3, 1755—1757, д. 4, л. 37].

Правительство России вполне отдавало себе отчет в той опасности, которую могло представить для Сибири соседство с сильным ойратским ханством. Вместе с тем и чрезмерное ослабление этого ханства противоречило интересам России. Тем более нежелательным было полное завоевание Джунгарии Цинской империей. Сибирский губернатор Мятлев 26 июня 1756 г. докладывал в Петербург, что если цинские войска подчинят ойратов и казахов, то пограничные районы России «подвержены будут всекрайней опасности» [3, 1757, д. 10, л. 25].

Учитывая сложившееся положение, царское правительство предложило местным властям принимать ойратских беженцев, да-

вать им убежище и разрешить кочевать где пожелают. Возможные претензии Цинов следовало отводить, ссылаясь на то, что ойраты не являются подданными цинского императора, и разъясняя, что Россия не вмешивалась и не вмешивается во внутренние дела Джунгарского ханства, что цинскому правительству также не следовало бы в них вмешиваться, тем более что в 1731 г. его послы в Петербурге сами говорили об отсутствии у императора возражений против приема Россией беженцев из Джунгарии и даже предлагали передать России часть ойратской территории [3, 1755—1757, д. 4, л. 247—251]. Руководствуясь этими указаниями, русские пограничные власти стали принимать ойратских беженцев, поток которых не прекращался вплоть до 1758 г.

В июне 1756 г. стало известно, что Амурсана, потерпев поражение, вновь бежал из Джунгарии к Аблаю. И. Неплюев и А. Тевкелев решили пригласить Амурсану в Оренбург. 1 июля 1756 г. они написали ему письмо, в котором предлагали прибыть к ним «для лучшего... покоя и безопасности» [3, 1755—1757, д. 4, л. 322]. В Средний жуз был послан башкирский старшина Абдулла Каскинов, которому поручили выяснить у Аблая, почему казахские торговцы не приезжают в Орск, где их ожидают русские купцы с товарами. Ему также было поручено тайно от казахов передать Амурсане письмо русских властей.

1 августа Абдулла Каскинов выехал из Оренбурга и прибыл в улус Аблая в конце августа. Султан находился в походе против маньчжуров, и Каскинову пришлось ждать возвращения правителя Среднего жуза около полутора месяцев. В этом походе участвовал и Амурсана, которого поместили в одну из юрт под охрану 30 казахов. Как выяснилось, Аблай все время держал Амурсану под бдительным надзором, «дабы он от них скрыться и убежать не мог» [3, 1755—1757, д. 4, л. 557].

Убедившись, что ему не удастся повидать Амурсану, А. Каскинов связался с его приближенными, которые «столько были тому рады, что по своему бедственному состоянию от слез удержаться не могли» [3, 1755—1757, д. 4, л. 557]. Через них Амурсана сообщил Абдулле, что Аблай-султан держит его и прибывших с ним 230 ойратов как невольников, принуждает их сопровождать казахские отряды в экспедициях против маньчжуров, что он, Амурсана, намерен бежать от Аблая и просит предупредить об этом русских пограничных начальников. На следующее утро от Аблая прибыл отряд казахов. Взяв с собой Амурсану и других ойратов, отряд выступил против маньчжуров. Амурсана, увидя А. Каскинова, просил его передать в Оренбург свою благодарность. В дальнейшем А. Каскинов выяснил, что Аблай-султан не только обращался с Амурсаной как с пленником, но и отдалил его от семьи, которую содержал в нищенских условиях, не давая ни скота, ни даже юрты. Обо всем виденном и слышанном в улусах Среднего жуза А. Каскинов представил 31 октября 1756 г. письменный доклад [74, с. 307].

Между тем в Джунгарии в ответ на бесчинство завоевателей

стало нарастать стихийное сопротивление. Уже после того как Амурсана бежал к Аблай-султану, ойраты, по свидетельству очевидцев, стали собираться с силами и совершать нападения на маньчжуро-китайско-монгольские отряды и гарнизоны. Но разрозненные действия ойратских воинов не могли освободить Джунгарию от наводнивших ее войск Цинской империи. Они продолжали продвигаться в глубь страны.

В конце 1756 г. Амурсана после пятимесячного пребывания у Аблай-султана вновь появился в Джунгарии. Зимой 1756/57 г. он провел в горах Тарбагатай, собирая новые силы для борьбы против господства Цинов. Он рассчитывал объединиться с антиманьчжурскими силами Халхи, где летом 1756 г. вспыхнуло вооруженное восстание, во главе которого стоял крупный феодал Ценгуньжаб [75, с. 308].

Положение в Халхе в это время было весьма напряженным. Восстание Амурсаны и возобновление военных действий в Джунгарии вызвали новую волну мобилизаций, реквизиций и поборов. Местные маньчжурские гражданские и военные власти стали безвозмездно отбирать у населения Халхи последних лошадей и остатки скота. Дело дошло до того, что на тракте Кяхта — Урга почтовые станции остались без сменных лошадей, так что проезжавшие по тракту чиновники, купцы, курьеры не имели возможности заменить уставших лошадей свежими. К военным поборам прибавилось стихийное бедствие — неблагоприятная зима 1755/56 г., сопровождавшаяся сильными морозами и глубокими снегами, вызвавшими массовый падеж скота. В стране свирепствовала эпидемия оспы. В этих условиях антиманьчжурское движение, утихшее было с лета 1755 г., вспыхнуло с новой силой.

Брожение в Халхе усиливали слухи о том, что император Хун Ли насильно задерживает у себя главу ламаистской церкви Халхи богдо-гэгэна, не разрешая ему и Тушету-хану вернуться на родину, так как не верит в их благонадежность. Эти слухи не были лишены оснований. Более того, Хун Ли заставил богдо-гэгэна присутствовать при казни его брата Эринцин-Доржи, которому ставили в вину побег Амурсаны. Несмотря на неоднократные и настойчивые просьбы богдо-гэгэна помиловать брата, тот был в апреле 1755 г. повешен в Пекине. Но и после этого император не хотел отпускать богдо-гэгэна и Тушету-хана домой. Он уступил настояниям главы монгольской ламаистской церкви только тогда, когда последний дал понять, что длительное его отсутствие может толкнуть халхаский народ на крайние меры. Летом 1756 г. богдо-гэгэн и Тушету-хан прибыли в Ургу, куда привезли и тело казненного, преданное здесь сожжению. Долго еще в храмах Урги по указанию богдо-гэгэна производились поминальные богослужения в память Эринцин-Доржи.

Возмущенный казнью Эринцин-Доржи, Ценгуньжаб, который до июля 1756 г. находился в составе цинской армии в Джунгарии, командуя двухтысячным отрядом халхаских войск, поднял восстание. Вместе с подчиненным ему отрядом он вернулся в Халху, в

район оз. Косогол, где располагалось его родовое владение. Отсюда Ценгуньжаб стал рассылать гонцов к владетельным князьям Халхи, призывая их объединиться и общими силами выступить против маньчжурских завоевателей. Он вступил также в контакт с ойратскими антиманьчжурскими силами и с Амурсаной, когда тот вернулся в Джунгарию. В ответ на требование цинских властей сдаться, Ценгуньжаб заявил, что не боится угроз, ибо вся Халха против маньчжуров, никто из халхасов не поддерживает их [3, 1755—1757, д. 4, л. 482].

Восстание Ценгуньжаба получило широкий отклик во всей Монголии. Халхаские князья, через владения которых пролегали коммуникации в Джунгарию, бросали посты, почтовые станции и откочевывали в отдаленные районы, вне пределов досягаемости цинских властей. Это серьезно осложняло службу связи и снабжения цинских войск, действовавших в ойратском ханстве. Не доверяя халхаским князьям и опасаясь дальнейшего ухудшения своего положения в Монголии, пекинское правительство вывело из Джунгарии все халхаские войска и вернуло их в Халху.

Цинские власти принимали чрезвычайные меры к спасению своих позиций в Монголии. В Джунгарии они продолжали истреблять ойратское население, в Халхе широко пустили в ход провокации, шпионаж, подкуп и террор. 1 января 1757 г. цинским властям удалось захватить Ценгуньжаба и увезти его в Пекин. Разыскав его двух сыновей, они также увезли их в Пекин. 12 июня 1757 г. Ценгуньжаб с сыновьями были казнены. Специальных агентов послали в Северо-Западную Халху с заданием убить третьего сына Ценгуньжаба, которому исполнилось всего семь лет. Были захвачены, увезены в Пекин и там казнены многие участники восстания, а также их жены и дети. Сорок повстанцев были казнены публично в самой Урге. Тушету-хан, Цецен-хан и многие другие высшие чиновники Халхи были разжалованы, лишены титулов и званий. «Вся Мунгалия сомневается, — говорили современники, — что их мунгалские главные начальники будут один по одному искоренены» [144, с. 155].

24 января 1758 г. в возрасте 34 лет умер богдо-гэгэн, через два месяца — чулган-дарга тушетухановского аймака Лемпил-Доржи, а еще через два месяца — сам Тушету-хан. Есть основание полагать, что смерть трех халхаских деятелей, открытая антиманьчжурская ориентация которых была тогда хорошо известна, не явилась случайностью, что к этому приложило руку цинское правительство. Слухи об отравлении широко распространились в Халхе. Русский посол Братищев и майор Якоби, возвращаясь из Пекина в начале 1757 г., встретили маньчжурский отряд, везший на расправу в Пекин жену и детей незадолго до этого казненного князя Дамдина, собиравшегося бежать в Россию. Положение народных масс Халхи было исключительно тяжелым. Монгольские крестьяне, вконец разоренные, лишенные скота, становились нищими. «Во всем монгольском народе, — говорят источники, — прежнее множество бедных, не имеющих пропитания... По всей до-

роге (из Урги в Кяхту.— И. 3.), инде и на одной версте местах в десяти и больше находились нищие и, стоя на коленях, просили милостину» [3, 1757, д. 2, л. 446].

Но стихийное антимагжурское возмущение монгольского народа в Халхе было задавлено, прежде чем оно успело вылиться в активное массовое вооруженное выступление.

Тем временем Амурсана собирал новые силы для продолжения борьбы против господства Цинской династии в Джунгарии. По свидетельству источников, он в 1756 г. наладил связь и контакт с Ценгунджабом, планируя на 1757 г. совместные операции. Об этом говорили русскому командованию некоторые урянхайские старшины, которые сами ездили к Амурсане в конце 1756 г. и знали об этом с его слов. Урянхайские старшины снабжали Амурсану продовольствием и лошадьми. Они же несли службу связи между Амурсаной и Ценгунджабом. Последний в одном из писем сообщал, что располагает войском в 30 тыс. воинов, «да к тому же и три пограничные хана (т. е. три хана Халхи.— И. 3.) ему вспоможение чинить намерены» [3, 1757, д. 6, л. 24—28].

Укрепляя контакт с Ценгунджабом, Амурсана решил в то же время просить помощи у правительства России. В январе 1757 г. он отправил с этой целью послов в Петербург с письмом на имя русской императрицы Елизаветы. В июне—июле 1757 г. в Петербурге шли переговоры с его представителем — зайсангом Давой. От имени Амурсаны Дава просил российские власти помочь ему собрать под его власть всех ойратов и все ойратские улусы, а также построить для него крепость между Иртышом и оз. Зайсан, защитить Амурсану и ойратов от цинских войск и т. д. Даве ответили, что выдвинутые Амурсаной условия перехода в русское подданство неприемлемы для России, ибо могут вызвать конфликт с Китаем, а Россия ни с кем воевать не хочет. Но если Амурсана пожелает сам с небольшой свитой получить в России безопасное убежище, то «не только принят, но и со всяким удовольствием в пище, в платье и в прочем призрением... пока сам похочет, содержа быть может» [3, 1757, д. 6, л. 79—81]. Если эти предложения окажутся для него неприемлемыми и он решит остаться в Джунгарии, чтобы занять там трон ойратского хана, то со стороны России ему в этом «препятствовано не будет, да и впредь, без даваемых разве от него самого причин, он и зенгорский народ оставлены быть имеют в покое» [3, 1757, д. 6, л. 79—81]. 23 сентября 1757 г. Дава уехал из Петербурга, увозя с собой письменный ответ царского правительства и подарки для Амурсаны.

Пока Дава ездил в Петербург, в Джунгарии вновь развернулись военные действия. С наступлением весны 1757 г. Амурсана, не зная еще о гибели Ценгунджаба, направился на восток, к халхаско-ойратской границе, рассчитывая здесь объединиться с ним. Узнав о трагическом конце Ценгунджаба, Амурсана напал на гарнизон цинских войск в Баркуле и уничтожил его. Весной и летом 1757 г. в горах Тарбагатай и в долине р. Или отряды ойратов общей численностью 10 тыс. воинов, руководимые Амурсаной и его

сторонниками, развернули активные операции против цинской армии. Несмотря на героические действия, эти отряды не могли противостоять многократно превышавшей их численностью и оснащением цинской армии, отразившей натиск повстанческих отрядов и перешедшей в новое наступление. Ойраты терпели поражение, всех попадавших в плен каратели беспощадно уничтожали. Один из высших лам, Делег-гелун, пришедший в русские пределы из района Или, в своем письме 17 июля 1757 г. сообщал, что цинские войска всех, «кто б им из зенгорцев в руки не попал, то уже как мужеск, женск, больших и малых, ни единого не упусая, наголову побивают» [3, 1757, д. 2, л. 232].

22 июля представители цинского командования появились в районе Семипалатинска. Местным властям они заявляли, что посланы для искоренения бунтующих ойратов и поимки Амурсаны, что в долине р. Боротала они разбили несколько ойратских улусов, но Амурсану изловить не удалось: он бежал. Зная, что Амурсане некуда бежать, кроме России, командование цинской армии интересовалось, не обнаружен ли он в пределах российских, дабы войска «напрасно о нем сыску иметь не могли». При этом сообщалось, что для поисков Амурсаны и других «таковых злодеев» недалеко находится армия численностью 50 тыс. человек во главе с шурином императора [3, 1757, д. 2, л. 245]. Цинское командование выражало надежду, что российские власти выдадут ему Амурсану.

Пекинское правительство решило во что бы то ни стало заполучить в свои руки Амурсану и других руководителей ойратской освободительной борьбы. Еще в конце 1756 г. из Пекина в Петербург было отправлено письмо, извещавшее русское правительство, что ойратский народ принят в подданство Цинской империи, что Амурсана — изменник, бежавший к казакам, к которым уже отправлены войска с требованием выдать его и его сообщников. В своем ответном письме 20 мая 1757 г. правительство России отклонило требование выдать ойратских беженцев, ссылаясь на то, что ойраты и их князья не были подданными цинского императора, а жили независимым государством. Цинские власти, разъяснялось в письме, не имеют права требовать выдачи им Амурсаны, а могут только просить; русские власти выдать его не обязаны, но могут это сделать в интересах дружбы, если Амурсана будет обнаружен в пределах России. Такой ответ крайне рассердил Хун Ли. Находившийся в Пекине представитель правительства России Братищев докладывал, что там прямо угрожали России войной.

14 июня 1757 г. пекинское правительство отправило в Петербург новое письмо, извещавшее о том, что цинские войска отбили у Амурсаны обоз, в котором были найдены четыре письма русских пограничных военачальников, предлагавших Амурсане перейти в русское подданство. На этом основании правительство Китая обвиняло русские власти в поддержке ойратских «бунтовщиков» и решительно требовало выдачи Амурсаны и его сообщников.

Между тем Амурсана, потерпев ряд поражений, 28 июля 1757 г.

явился в Семипалатинск, прося убежища. Он был принят местным командованием, через два дня доставлен в Ямышево, где выяснилось, что он болен оспой. В Ямышевской крепости ему оказали медицинскую помощь, а 31 июля отослали в Тобольск, куда он прибыл 20 августа. 22 августа в беседе с вице-губернатором Сибири Грабленовым Амурсана сообщил, что решил бежать в пределы России по примеру других ойратских князей, после того как убедился, что «Зенгория вся разорена и множество народу побито» [3, 1757, д. 2, л. 250]. Следуя к русской границе, Амурсана подвергся неожиданному нападению отряда казахов Аблай-султана, действовавшего на этот раз в контакте с цинской армией, лишился всего скота и имущества. Его люди либо перебиты, либо захвачены казаками в плен, а сам Амурсана с восемью подданными бежал к Иртышу. Он просил, чтобы подчиненные ему ойраты, пробиравшиеся разными дорогами и тропами к русской границе (около 4 тыс. человек), были направлены к нему.

Амурсану поселили в окрестностях Тобольска, где он жил в полном довольстве, ожидая возвращения Давы из Петербурга. Но 15 сентября 1757 г. Амурсана вновь заболел и через шесть дней умер. Так закончил свою непродолжительную (ему было 35 лет) бурную жизнь этот человек, бывший сначала союзником и другом Даваци, а потом ставший его смертельным врагом, изменивший сначала своему народу и перешедший на сторону Цинской империи, а потом в течение двух лет возглавлявший освободительную борьбу против завоевателей, ставший знаменем этой освободительной борьбы. Монгольский народ сохранил память об Амурсане как о вожде всенародного освободительного движения против иноземных завоевателей, как о борце за монгольскую независимость.

Между тем командование цинской армии неустанно искало Амурсану. Получив сведения, что он якобы утонул в Иртыше, они специально отрядили людей, которые на плотках поплыли вниз по течению с заданием обшарить все дно. Когда пришло официальное извещение, что Амурсана задержан русскими властями и, находясь в заключении, умер от оспы, пекинское правительство потребовало выдачи трупа. Отклонив это требование, царское правительство 1 ноября 1757 г. предложило сибирскому губернатору отправить труп Амурсаны на границу в Кяхту, куда и пригласить представителей цинской администрации, чтобы они могли удостовериться в его смерти. 18 февраля 1758 г. пекинское правительство направило русским властям письмо, в котором подтвердило свои требования и объясняло причины своей настойчивости так: «Его, яко знатного бунтовщика и пренебрегателя милости моей (императора.— И. З.), ни по какому образу, по правам нашим, простить нельзя» и «чтобы русские не вдалились в его лукавые и хитрые обманы-умыслы» [69, с. 10].

13 марта 1758 г. в Кяхту прибыли представители цинских властей, которым была дана возможность убедиться в том, что Амурсана действительно мертв. Но этого оказалось мало. 28 марта

1758 г. пекинское правительство направило русским властям новое письмо, настаивая на выдаче трупа маньчжурским властям, «дабы все народы, видя сию ядовитую гадину, уверились в его гибели» [69, с. 13]. Решительное отклонение этого требования дало толчок новому ухудшению отношений между Россией и Цинской империей. Почти вся переписка между Петербургом и Пекином в 1757—1759 гг. была посвящена вопросу о выдаче останков Амурсаны, а также о передаче ойратских повстанцев, бежавших в Россию³.

Истребительная война в Джунгарии закончилась лишь в 1759 г., когда цинским войскам удалось ликвидировать последний очаг освободительной борьбы ойратов в горах Юлдуза.

* * *

Так было уничтожено Джунгарское ханство. Все источники единодушно отмечают, что командование цинской армии методически проводило массовое истребление ойратского населения. Черепановская летопись утверждает, что в Джунгарии «люди и скот весь вырублены без остатку, так что и в плен их не брали, только те спасались, которые могли убежать в Российские границы» [16, л. 352]. От народа, численность которого в описываемое время составляла не менее 600 тыс., осталось в живых 30—40 тыс. человек, спасшихся бегством в Россию.

События последних лет существования Джунгарского ханства, обусловившие его упадок и гибель, убедительно свидетельствуют, что новые явления в экономике, общественном и политическом устройстве ойратского государства (развитие земледелия, садоводства, зачатков мануфактурного производства, политическая централизация государства и т. д.), наметившиеся в период правления Батур-хунтайджи, Цэван-Рабдана и Галдан-Церена, были еще весьма слабыми, не смогли противостоять феодальному самоуправству и местному сепаратизму. Это привело к феодальной анархии и новой вспышке ожесточенной междоусобной борьбы, результатом которой явился распад государства ойратских феодалов и неспособность оказать сопротивление натиску Цинской империи.

Важную роль в событиях этого времени сыграл молодой хойтский владетельный князь Амурсана. Один из многих участников феодальных усобиц, Амурсана в дальнейшем, обуреваемый честолюбивыми замыслами, выступил в качестве претендента на ханский престол. Потерпев поражение и стремясь к реваншу, он обратился к Цинской династии, рассчитывая с ее помощью занять трон джунгарского хана. Но его действия помогли Цинской династии овладеть Джунгарским ханством. Обманувшись в своих надеждах, Амурсана возглавил борьбу против цинского господства.

История Джунгарского ханства, равно как и его предыстория, начиная по меньшей мере с конца XIV в. является неотъемлемой частью общей истории Монголии, народ которой вплоть до XVII в. выступал как единая этническая, политическая и культурная общность. Реальные исторические факты не подтверждают, а опровергают встречающиеся в литературе утверждения, что ойраты и «монголы» были разными народами, связанными лишь общностью языка.

Правда, факты говорят, что от монгольского народа в ходе исторического развития по тем или иным причинам отделялись некоторые группы, которые в дальнейшем сложились в особые монголоязычные народы и нации. Так, например, произошло с южными монголами и бурятами, первые из которых в 30-х годах, а вторые в середине XVII в. откололись от остальных монголов. Южные монголы связали свои исторические судьбы с народами Китая, буряты — с народами России, в результате чего стали постепенно складываться в особые народности и нации, населяющие ныне Бурятию в составе СССР и Автономный район Внутренняя Монголия в КНР.

Реальные исторические факты не подтверждают, а опровергают распространенное в домарксистской и современной немарксистской литературе утверждение о якобы исконной вражде восточных и западных монголов (т. е. ойратов), о непрекращавшейся истребительной войне между ними, о непрерывном стремлении одной части монголов установить господство над другой. В действительности же, как свидетельствуют источники, для отношений между восточными и западными монголами с конца XIV в. и до гибели Джунгарского ханства характерны не только войны, но и длительные периоды мира, разнообразные формы политического и военного сотрудничества, брачные союзы, а в дальнейшем и общие религиозные связи с центром ламаизма — Лхасой. В основе же конфликтов между ними лежали экономические и политические противоречия их феодальных правителей, связанные главным образом с торговыми привилегиями в Китае. В этом столкновении феодалов мы видим ключ к пониманию причин и характера войн между Восточной и Западной Монголией в XV—XVI вв., равно как и между монгольскими феодалами и минским Китаем. Аналогичными обстоятельствами объясняются в известной мере и войны между правителями Западной Монголии и Могулистана, Западной Монголии и Казахстана, с той лишь разницей, что в этих слу-

чаях борьба шла за торговые пути в Среднюю Азию и что эта причина не была единственной. Помимо нее огромное значение имела недостаточность пастбищных территорий, которая толкала ханов и князей на борьбу за овладение новыми землями, богатыми водой и травой.

Что касается народных масс Восточной и Западной Монголии, то они не были заинтересованы в этих войнах, приносивших им только неисчислимы бед, разорение и смерть. Рынки Китая и Средней Азии, как и новые пастбищные территории, крайне необходимые крупному скотоводческому хозяйству монгольских феодалов, были в меньшей мере нужны мелкому хозяйству монгольских аратов. Можно думать, что выгоды, достававшиеся последним от завоеванных рынков и новых пастбищ, едва ли покрывали издержки в людях и материальных средствах, затраченных в этих войнах.

Источники неопровержимо свидетельствуют, что общие закономерности развития феодализма действуют в полной мере и у кочевых народов, вступивших на этот путь, что кочевое скотоводство само по себе вовсе не создает особых, ему одному присущих базиса и надстройки, что не специфические производственно-технические особенности кочевое скотоводческое хозяйство, а конкретно-исторические условия определяют направление, содержание и достигнутый уровень социально-культурного развития того или иного кочевое народа. Факты убедительно говорят, что основная часть монгольского народа, в том числе и ойраты, в своем историческом развитии перешагнула стадию раннего феодализма и вступила в период развитого феодализма, которому свойственны укрупнение феодальной земельной собственности, феодальное раздробление страны, обострение классовых противоречий, складывание предпосылок для создания централизованного государства, полного отделения ремесла от сельского хозяйства и т. д. У монголов наиболее высокого уровня феодализм достиг в Джунгарском ханстве, где появились зачатки «казенных» ханских мануфактур, основанных на крепостном труде, стало расширяться земледелие и т. д. Государство ойратских феодалов вплотную подошло к такой стадии экономического и общественного развития, когда переход к оседлости становился главным и решающим условием дальнейшего прогресса. Трагические события 50-х годов XVIII в. превратили этот процесс.

Из сказанного можно сделать вывод, что объективные возможности прогрессивного развития в рамках кочевое скотоводческое хозяйство не ограничиваются ранней стадией феодализма, что специфические производственно-технические особенности этого вида хозяйствования сами по себе не служат препятствием на пути к более высоким ступеням феодального способа производства. Следует вместе с тем иметь в виду, что исторической науке не известно ни одного случая, когда какой-нибудь кочевой народ, завершив процессы, свойственные периоду развитаго феодализма, вступил бы в его последнюю стадию, характеризующую разложе-

нием феодализма и становлением капитализма, не отказавшись от кочевой формы хозяйствования и быта, не переходя к оседлости. Но в тех пределах, в которых феодальная экономика и феодальные общественные отношения имеют возможность развиваться у кочевых народов, они развиваются в полном соответствии с общими закономерностями феодального способа производства. Феодализм у кочевых народов качественно, принципиально ничем существенным не отличается от феодализма у оседлых народов.

К таким выводам приводит нас история Джунгарского ханства и история Монголии в целом.

Гибель Джунгарского ханства опрокинула сложившееся в Центральной Азии равновесие сил и вызвала ряд серьезных международных осложнений. Овладев в 1758 г. Джунгарией и в 1759 г. Восточным Туркестаном, Цинская империя придвинула свои рубежи вплотную к границам России и ханств Средней Азии. Правители этих ханств не на шутку встревожились, опасаясь за политическую самостоятельность своих владений. Ч. Валиханов с полным основанием писал: «Падение сильной Джунгарии, бывшей грозой для Средней Азии, и, наконец, завоевание единой Малой Бухарии навели на всю Азию панический страх» [45, с. 47]. Крушение Джунгарского ханства вызвало немало тревог и в правящих кругах России, которые вплоть до 90-х годов XVIII в. серьезно опасались вторжения цинской армии в российские пределы.

Правители Цинской империи не рискнули, однако, привести в исполнение свои экспансионистские замыслы. Их армия остановилась на западных и северных рубежах Джунгарии и Восточного Туркестана. Одной из причин, объясняющих отказ Цинской империи от дальнейших завоеваний, была неуверенность в монгольском тыле, возможность новых всплесков народных движений в Монголии, что могло свести к нулю победы, одержанные силой оружия.

Международное положение в этом районе, резко обострившееся вследствие разгрома Джунгарского ханства, стало постепенно менее напряженным, угроза войны начала ослабевать и к концу XVIII в. исчезла вовсе.

Начиналась новая страница истории Центральной и Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ В. Л. Котвич в одной из своих работ по истории ойратов писал: «Для обозначения западных монголов в русской и иностранной литературе употребляются чаще всего три термина: *ойраты* — из монгольских источников, *калмыки* — из мусульманских, которым следуют и старые русские источники, в том числе архивные документы, и *элюты* (блэты, eleuths) — из китайских. Здесь принят монгольский термин *ойраты*; за термином же *калмыки* сохранено его специальное употребление для обозначения той группы ойратов, которая проживает по рекам Волге, Дону и Уралу и усвоила себе это наименование, забыв старое имя *ойраты*» [95, № 12, с. 791].

Разделяя точку зрения В. Л. Котвича, мы также называем ойратами население Джунгарского ханства, а калмыками — ойратов, обосновавшихся в XVII в. в низовьях Волги.

² Приведем в качестве примера изданный в конце XVII в. маньчжурский перевод известного исторического сочинения «Тун цзян гань му». Из предисловия к этому изданию, написанного в 1691 г. императором Сюань Е (1662—1722) (девиз правления — Канси), мы узнаем, что император издал указ о создании при дворе коллегии переводчиков, которые были обязаны «переведенные листы зносить к нам для рассмотрения, которые правила мы собственными нашими трудами, изъясняли толкованием, а особенно того накрепко смотрели и наблюдали, чтоб какого дела пророчено, или чего без изъяснения оставлено не было». А «изъяснить» этот труд автор предисловия считал необходимым потому, что он усмотрел в третьей части «Тун цзян гань му», посвященной деяниям сунских, лянских, айжинских и юаньских правителей, много «пристрастных и несправедливых рассуждений», а также утверждений, «противных правде» [10, ф. 181, д. 203, л. 1—5].

³ В 1973 г. «Алтан Тобчи» издан в переводе Н. П. Шастиной.

⁴ Мы не называем «Сокровенное сказание», первое издание которого в переводе П. Кафарова (Палладия) вышло в 1866 г., а второе в переводе С. А. Козина — в 1940 г., потому что имеющиеся в этом источнике сведения об ойратах относятся к XII—XIII вв. По этой же причине мы не упоминаем и «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина. Не останавливаемся мы и на монгольской летописи «Хухэ дэйтэр», опубликованной на монгольском языке в 1912 г. в Петербурге и не содержащей сведений по истории ойратов.

⁵ Фотокопия этой рукописи была мне любезно предоставлена доцентом ЛГУ Т. А. Бурдуковой вместе с ею же сделанным черновым переводом.

Глава первая

¹ «Имя „ойрат“ как племенное становится известным в век Чингисхана; тогда же образовался тот союз дурбэнов с ойратами, который дал впоследствии повод монгольским и китайским историкам писать о „четырех ойратах“ (дурбэн-ойрат)» [65, т. 2, с. 561].

² Н. Бичурин строго различал «поколение» и «род» у монголов: «У кочевых народов под поколением разумеется владетельный княжеский дом и княжеский удел, которым дом сей владеет под зависимостью от хана как верховной главы народа. Родом называется боковая линия родственников владетельного князя и

часть удела, отделенная для содержания оной. Сим образом, монгольский народ делится на поколения, поколения — на роды» [77, с. 2].

³ Следует учесть, что имя Хутхай-Тафу пишется нашими источниками по-разному: в «Алтан Тобчи» — xudxai tafu, в «Шара Туджи» — xudxai tayiu, в «Эрдэнийн Тобчи» — xudxai tauixu.

⁴ В наши задачи не входит рассмотрение вопроса о том, кто из ойратских деятелей скрывается под именем Мункэ-Тэмур, не известным ни одному из монгольских источников.

⁵ Они включали в описываемое время весь Восточный Туркестан, а также территорию от рек Иртыш и Эмель до Тяньшаня, от Баркуля до Балхаша и Ферганы.

⁶ Г. Грум-Гржимайло, сообщая о первой попытке ойратов продвинуться в бассейны Или, писал: «Что вынуждало их к этому — нам неизвестно» [65, т. 2, с. 626]. Он не понимал острой экономической заинтересованности кочевников в рынках сбыта и источниках снабжения, коими являлись развитые земледельческие страны.

⁷ Следует отметить, что монгольские источники заметно расходятся между собой в перечислении имен ханов и датировке времени их правления. Ясное представление об этих расхождениях дает следующая таблица:

Хан	«Алтан Тобчи»	«Шара Туджи»	«Эрдэнийн Тобчи»
Эльбек-хан	1394—1401	1392—1399	1393—1399
Тогон	1401—1405	Не упоминает	
Олой-Тэмур	1405—1418	Не упоминает	
Гун-Тэмур	Не упоминает	1399—1407	1400—1402
Ульдзей-Тэмур	Не упоминает	1407—1415	1404—1410
Дельбек-хан	1419—1424	1415—1420	1423—1428
Ойратай-хан	1424—1435	Не упоминает	
Адай-хан	1435—1449	Вскоре после Дельбек-хана, правил 12 лет	1426—1438

⁸ «Монголия того времени распадалась на два самостоятельных отдела — западный, ойратский, где главенствовал Ма-ха-му, и восточный, находившийся под предводительством А-лутайя... Между ними и ойратами происходила постоянная упорная борьба, и тот из родоначальников, который достигал временной гегемонии, тотчас же спешил узаконить свое положение, поддерживая одного из многочисленных потомков юаньских императоров» [126, с. 37].

⁹ Путая причину и следствие, Н. И. Веселовский писал: «Когда кочевники замыслили что-нибудь против Китая, то они делались чрезвычайно придирчивыми. Так было в данном случае. Увидев, что китайское правительство нуждается в их помощи, они увеличили число посланцев с данью с 80 до 2000. Это было тяжело не только для китайского правительства, но и для народа, потому что эти 2000 по дороге занимались грабежами. В 1448 г. явилось от Эсена посольство в три тысячи человек... чиновники отказались выдать содержание... Эсен на это рассердился и предпринял поход» [50, с. 79].

¹⁰ «Китай искони платил монголам, — писал Н. Бичурин, — за спокойствие северных своих пределов; и сия плата, порука мира, производилась не в виде дани, а под другими предлогами, не унижающими достоинства империи. В сие время мир, существовавший между Китаем и Монголией, имел основанием мену лошадей, т. е. китайский двор обязан был ежегодно принимать от монголов известное число лошадей по цене, установленной мирным договором. Сей образ монгольского вассальства сопряжен был с большими невыгодами и неудобствами для Китая. Монголы приводили плохих лошадей и в большем против договора количестве; и, несмотря на то, с дерзостью требовали условленной платы... Китайское правительство со своей стороны уменьшало цену за лошадей... От сего тай-

ные неудовольствия с обеих сторон год от года возрастали и наконец достигли такой степени, что одним только оружием можно было положить конец оным» [77, с. 10—18]. Н. Бичурин видел внешнюю связь между монголо-китайской торговлей и монголо-китайскими войнами, но не сумел проникнуть в глубь явления.

¹¹ А. М. Позднеев писал: «За весь период Минской династии у чжунгаров решительно не проходило ни одного года без борьбы с монголами» [123, с. 284].

¹² Река Гань-Гань, по мнению Успенского — р. Кем, по мнению Д. Покотилова — р. Орхон.

¹³ Например, Д. Покотиллов считал, что «между этими двумя народностями снова возгорелась племенная вражда, которая никогда, собственно, не прекращалась, но лишь замолкла на время вследствие блестящих военных успехов Эсена. Естественным же последствием последующей слабой политики ойратского предводителя по отношению к Китаю было недовольство восточных монголов, у которых возгорелось с новой силой желание освободиться от ненавистного ига их западных соседей» [126, с. 80—81].

¹⁴ Не понимая объективного экономического значения монгольских требований об открытии рынков, Д. Покотиллов так комментировал согласие Китая с условиями, предложенными Болаем: «Цель этого постановления, выговоренного в свою пользу Болаем, вполне понятна: во-первых, посланцы монгольские, сопровождаемые, конечно, очень многочисленной свитой, получали таким образом право проходить на законном основании на громадном протяжении по китайской территории; это давало им возможность свободно грабить чуть ли не по всей северной границе Китая» [126, с. 88].

¹⁵ По данным Л. Шрама, ссылающегося на местные хроники провинции Синин, занятие монголами Ордоса произошло впервые в 1457 г. Вскоре после этого они овладели и Кукунором [173].

¹⁶ О торговых взаимоотношениях узбекского Шейбани-хана и казахских правителей летописец Рузбехан пишет: «После того как пришли в равновесие знамена власти его величества солнцеподобного хана и прекратилось существование власти и государства монголов и Джагатаев, у ханов Дешт-и-Кипчака начала пульсировать жила зависти. На самом деле им стало очевидно, что вследствие крайней нужды в платье и одежде, основой которой являлась хлопчатобумажная ткань... им надо вторгнуться в пределы владения его величества хана, потому что последовал августейший приказ, чтобы население Туркменистана никаких торговых сделок с казахскими купцами не совершало и чтобы между ними и жителями их земель не было общения и посещения купцов» (цит. по [84, с. 144—145]).

¹⁷ «Заметить следует, что, начиная с Иса-Буги-хана до времени Рашид-хана, монголы и казахи жили постоянно в мире между собой» [49, с. 140].

¹⁸ Данила Губин сообщал: «А пришла весть к Шихмамай мурзе от юргеньского царевича, а сказывают, государь, казаки дополна хотят итти нагаи воевать. А сказывают, государь, казаки сильны, и колмаки им предались... И Шихмамай и Исуп и иные мурзы, кои с ними кочуют, стоят в заставе за Янком на реке на Еме всю зиму, берегутся от казацкой орды» [21, л. 62, 63; 49, с. 326].

¹⁹ Таких рынков было открыто 11.

²⁰ Интересно отметить, что, когда один из сыновей Алтан-хана, нарушив мирный договор с Китаем, совершил грабительский набег на Сычуань, китайские власти потребовали от Алтан-хана соответствующего воздействия на нарушителя мира. Алтан-хан ответил: «Бинту делает это только по крайней необходимости, не имея никаких средств к жизни, так как вблизи в Ганьсу для него нет открытого рынка для торговли, а ходить в Нинся и далеко и неудобно». Китайцы вынуждены были согласиться, и во второй год правления Чжу Ицзюня (1574 г.) разрешено было открыть рынок в Ганьсу для Бинту [147, с. 162].

²¹ Так раскрывается ошибка Г. Е. Грум-Гржимайло, без достаточных оснований отождествлявшего послеюаньских дэрбэтов с дэрбэнами «Сокровенного сказания» и считавшего, что упомянутые здесь исторические деятели были выходцами из дома дэрбэтов.

²² Так, в частности, обстоит дело с этническими группами барулас, нояхан, беут, оронар, арулат, чонос, сулдус, ихирес, дэрбэт (см. [92, с. 84, 112, 140 и сл.]).

²³ Заметим, кстати, что игравшие крупную роль в событиях конца XII — на-

чала XIII в. тайджунты названы в «Сокровенном сказании» не омоком, а аймаком (так же и ойраты), что керенты один раз названы улусом, дважды — иргэном, один раз — аймаком, найманы упомянуты как улус и как аймак: меркиты — как улус, иргэн, аймак и т. д. [92, с. 189; 68, с. 259].

²⁴ Последний переводит эту фразу так: «became of the Mongol clan».

²⁵ Интересные данные о дальнейшей эволюции омоков мы находим в трудах Г. Потанина, который сообщает, что в Ордохе, в одном из монгольских хошунов, в конце XIX в. насчитывалось 18 омоков и 4 подомока, в другом таком же хошуне — 15 омоков. Некоторые одноименные омоки входили в состав различных хошунов. Обитатели Халхи к указанному времени уже не помнили имен омоков, к которым принадлежали их предки, хотя, как они говорили Г. Потанину, в халхаском хошуне Далай-Чойнхор-вана еще продолжали существовать 15 «костей».

²⁶ Антиисторический подход к вопросу об эволюции омоков прослеживается в рассуждениях американского ученого Э. Бэкон, по мнению которой в Монголии в XV—XVI вв. наблюдалась борьба двух тенденций развития: одна из них имела целью полную ликвидацию феодальной организации общества и распадение последнего на самостоятельные племенные группы, а другая, напротив, стремилась к созданию конфедерации племен в надежде восстановить былые величие Монголии. Если бы монголы были, по мнению Э. Бэкон, предоставлены собственной судьбе, если бы на них не влияли внешние факторы (ламаизм и господство Цинской династии), они без труда могли бы вернуться к гибкой системе племенной генеалогии (см. [154, с. 81—82]).

²⁷ Интересно отметить совершенно аналогичный случай из истории казахского народа. В 1812 г. хан Внутренней орды Букей выдал жалованную грамоту спаршине Исетаю Тайманову, гласившую: «Исетаю Тайманову дал я сие вольное письмо в том, что с подведомственными ему киргизами позволю я иметь зимовое кочевье при берегах Каспийского моря, между кордонов.. (перечень кордонов.— И. З.), где он за лучшее находить будет, как для себя, равно и для киргиз, ему подлежащих,—какое-то раскочевку... киргиз передаю я на его, Тайманова, попечительность и волю. Кроме же его с киргизами, которые состоят под его распоряжением, я на его местах кочевать не разрешаю» (цит. по [151, с. 45]).

²⁸ Нельзя не удивляться тому, что некоторые советские исследователи отрицают наличие классов и классовых противоречий в монгольском обществе XIII в. С. Е. Толыбеков, например, пишет: «Государство монголов Чингисхана имело в основном коллективную (курюв наш.— И. З.) патриархально-феодальную форму эксплуатации покоренных отсталых кочевых и с передовой культурой оседлых земледельческих народов» [145, с. 176].

²⁹ Ойратский летописец Габан-Шараб в 1737 г. с полным основанием писал об этом: «Дурбэн-ойратские нойоны при случае воевали и мирились с монголами, выдавали взаимно замуж своих любимых дочерей» [57, с. 10].

Глава вторая

¹ Источники сообщают, что в конце XVI — начале XVII в. в районе Кукунора проживало всего 440 китайских крестьянских семей и 2560 семей чиновников и военных поселенцев (см. [173, с. 34]).

² П. С. Паллас, наблюдая жизнь рождских калмыков в начале второй половины XVIII в., пришел к убеждению, что кочевник, имеющий десять коров и быка, восемь кобыл и жеребца, может уже сам себя содержать (см. [114, с. 222]). Отметим для сравнения, что, по данным, собранным И. Я. Словцовым в 1878 г. в казахских кочевьях Кокчетавского и Петропавловского уездов, семье из пяти членов требуется для существования пять лошадей, шесть коров и десять баранов (см. [142, с. 23]).

³ Следует отметить, что автор «Эрдэнийн Тобчи», описывая события 1552 г., впервые называет ойратский улус хойтов, а в 1562 г. — торгоутов.

⁴ Отдельные элементы кризиса, переживавшегося ойратским обществом, были отмечены еще исследователями XVIII и XIX вв. Уже Г. Миллер и И. Фишер, а затем Г. Грум-Гржимайло, К. Пальмов, С. Богоявленский, В. Котвич и др. говорили о недостаточности территории для кочевания ойратов. Но данный ими ана-

лиз причин и следствий этого явления был недостаточным и чаще всего просто ошибочным. Большинство из них пыталось объяснить территориальную стесненность ойратов причинами только внутреннего или только внешнего характера. Даже такой вдумчивый и серьезный исследователь, как В. Котвич, и тот склонялся к мысли, что главную роль здесь играло давление извне. Справедливо отмечая, что причины ухода торгоутов из Джунгарии на Волгу более сложны, чем обычно думают, В. Котвич в то же время писал: «Территориальная стесненность, на которую справедливо указывает автор (К. Пальмов.— И. З.), вызывалась не только внутренними причинами, но и прежде всего давлением извне» [94].

⁵ Вопрос о том, которая из сибирских летописей является наиболее древней, к какому времени следует, в частности, отнести составление Строгановской летописи, вызывает споры (см. [24]).

⁶ Сыновья Кучума были уверены в том, что их отца, «заманив в Колмаки, оманом убили», как свидетельствует описку уфимского воеводы М. Нагова, датируемая 1601 г. (после 9 марта) [8, т. 2, с. 283].

⁷ Ю. Лыткин, ссылаясь на неизвестную нам «Историю монгольских и туркестанских ванов и гунов», говорит, что пост «первенствующего» члена ойратского сейма впервые был вручен деду Байбагаса, от которого перешел к отцу, а затем и к самому Байбагасу. Кто был даргой ойратского чжупана до деда Байбагаса, неизвестно. Возможно, что тогда этот пост находился в руках представителей дома Чорос (см. [26, № 16]).

⁸ Известно, на каком основании Бичурин считал, что в это время Алтынхан находился в зависимости от ойратов. Он писал: «Сей владетель (Алтынхан.— И. З.) хотя состоял под зависимостью ойратского главы, но это не препятствовало ему быть самовластным в своих владениях» [77, с. 37].

Глава третья

¹ По данным монгольских источников, личная дружина главного правителя хошуотов Байбагас-хана состояла из 16 тыс. воинов. Если допустить, что у каждого воина семья состояла из четырех человек, то получается, что у этого хана было 64 тыс. подвластного населения. Но дружины были и у других хошуотских князей. Гуши-хан ушел из Джунгарии не один. Вместе с ним отправились в Кукурно многие владетельные князья из дома хошуотов. Можно предполагать, что всего с ними ушло из Джунгарии не менее 100 тыс. человек.

² Противоположного мнения был А. Позднеев, который считал, что именно 30-е годы XVII в. «должно почитать за самый блестящий период усиления зюнгаров. Ойраты господствовали тогда над всем пространством от берегов Каспия на западе до Алашани на востоке и от Урала на севере до пределов Индии к югу. Это могущество дало им возможность вслед за сим овладеть еще Восточным Туркестаном, а в конце XVII в. распространить свои завоевания на всю Монголию, так что одно лишь заступничество маньчжуров избавило эту последнюю страну от совершенного порабощения ойратскому владычеству» [119, с. 144].

³ С. А. Козин, как и многие другие исследователи, видел в монголо-ойратских законах лишь соглашение о военном союзе. Он писал: «Ничто не препятствует рассматривать этот документ как своего рода военный союз о совместных действиях в случае разбойно-грабительских нападений, направленных главным образом против усиливавшейся и поглощавшей монголов манджурской династии Дай Цин. Этот союз был заключен между ойратским союзом и большинством халха-монголов» [90, с. 9].

⁴ Русско-джунгарским отношениям в годы правления Батур-хунтайджи посвящена работа Г. И. Слесарчук «Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в.» [139, с. 260—265].

⁵ Тобольский воевода П. Пронский докладывал в Москву: «А по распросным, государь, речам тобольских и тарских служилых людей и юртовских татар, которые к нему, контайше, посылали и с Тобольска и с Тары, он, контайша, тебе, государь, служит: которые колмацкие тайши присылают к нему, контайше, людей своих, а просят у него людей и его зовут под твои государевы пороody войною, и он тем колмацким тайшам в том отказывает, что сам он под твои государевы

города ходить не хочет, и людей своих не посылает, и самих тей тайшей от того унимает и к ним приказывает: будет они пойдут под твои государевы города, и он хочет их воевать сам ж, а в Тарской город хочет весть чинить» [20, стб. 455, л. 62].

⁶ Бичурин относит разделение ойратов на южных и северных и начало борьбы между ними к 1636 г. Какие были у него к тому основания, нам неизвестно (см. [77, с. 45]).

⁷ Среди калмыков на Волге существовало предание, записанное Ю. Лыткиным со слов старца Бебе. Согласно этому преданию, Галдама и Цаган были настолько привязаны друг к другу, что много раз останавливали своих родителей, искавших решения спорных вопросов на полях сражений. В этих случаях молодые люди выходили на середину поля битвы — один с шахматной доской, другой с шахматными фигурами — и сажались играть в шахматы. Они играли до тех пор, пока их родители, тронутые благородной дружбой своих сыновей, не прекращали сражаться (см. [102, № 46]).

⁸ Лоджан-Лубсан-тайджи из династии Алтын-ханов. В источниках именуется также Лубсан-Сайн-хан, Лобдзан, Лодзан.

Глава четвертая

¹ Отметим, кстати, что уверенность Н. Бичурина в выпуске Галданом медной монеты не находит подтверждения ни в одном известном нам источнике.

² Слова в скобках здесь и далее вставлены К. Голстунским.

³ Это сообщение подтверждается и русскими источниками. Красноярский воевода Сумароков доносил в Москву, что получил в 1671 г. письмо от Галдана с извещением, что «между калмыками и мугальским Лоджан-Сайн-ханом в дружбе и совете... и задоров меж ими никаких нет» [20, стб. 623, л. 391].

⁴ Об этом примирительном съезде в местности Хурэ-Бэлчир см. также [121, с. 68—70].

⁵ Возможно, что здесь имеется в виду сражение, о котором в марте 1690 г. послы Галдана говорили в Иркутске воеводе Кислянскому. По их словам, Галдан на другой день после боя на р. Ульхун снялся с лагеря и пошел по степи, разбивая Тушету-хана и Джебдзун-Дамбу. В последних числах июля Галдан встретил на р. Шандух новую армию во главе с дядей и сыном Сюань Е. Пленные показали, что армия насчитывала около 150 тыс. человек. Галдан подвергся внезапному нападению, ибо верил словам Джирун-хутухты, убеждавшего его в желании Цинов закончить дело миром. Поэтому он шел по степи без необходимых мер охраны. Галдан не намеревался воевать с Китаем, он был занят поисками Тушету-хана и угринского хутухты. Болдойцы окружили лагерь Галдана, но были отбиты (см. [11, стб. 258, л. 215, л. 46—48]). Других данных об этом сражении ни в одном из источников мы не нашли.

⁶ Ану-хатун, мать Цэван-Рабдана, писала Канси: «Мы по указу Далай-ламы были посланы, но Бошокту-хан в противность сего Далай-ламина указу учинил великое бешенство, ибо он перво Соном-Рабдана убил, а потом и на нас с Цэван-Рабданом зело пневаться стал. Чего ради мы, от него отставши, пошли своей дорогой» [85, л. 552].

Глава пятая

¹ Следует отметить, что император пощадил потомков Галдана; дочь последнего Джанчихай была выдана замуж за одного маньчжурского чиновника, а сыну Цибден-Бальжигу было пожаловано звание тайджи первой степени [85, л. 2662].

² А. Позднееву итоги военных действий этих лет рисовались иначе. Он был уверен, что Сюань Е свободно направлял события по своему усмотрению. Ссылаясь на «Шэн-у-цзи», он писал, что в 1722 г. по приказу Сюань Е были введены войска в Урумчи, но затем по его повелению «дальнейшее движение императорских войск на север для занятия кочевьев Цэвана было остановлено». Затем, когда Джебдзун-Дамба-хутухта «умолял императора о прощении чжунгаров»,

Сюань Е «послал объявить свою волю о постепенном выводе китайских войск» [121, с. 288].

³ А. Позднеев иначе излагает обстоятельства, связанные с намерением Галдан-Церена выдать цинским властям Лубсан-Даньдзина. Он говорит о заговоре Лозон-Даньжина и Лубсан-шэлэна с целью убить хана. Разоблачив заговорщиков, Гладан-Церен решил выдать первого из них властям Китая. Но А. Позднеев не указывает источника, откуда почерпнуты им эти сведения. Ни один известный нам монгольский или русский источник не говорит ни слова о заговоре и не называет имени Лубсан-шэлэна, в котором можно предполагать Лубсан-Шоно.

⁴ Опубликованные в этом труде документы, как правило, не датированы. Можно, однако, не сомневаться, что в своем абсолютном большинстве они относятся к XIX — началу XX в.

Глава шестая

¹ В Петербурге ошибались, считая Амурсану выходцем из хошоутской знати. В действительности он принадлежал к хойтам.

² Эти сведения мы заимствовали из упомянутой выше книги Э. Хэниша. Данные о северном опряде подтверждаются и русскими источниками.

³ Газета «Санкт-Петербургские ведомости» (14 декабря 1761 г. сообщала, что известие о смерти Амурсаны вызвало «великую радость» правительства Цинской империи, «причем он столь дорог был для них, что им хотелось получить и мертвое тело для учинения над ним таких обрядов, по которым народ видел бы, какой казни он от них ожидать имел, есть ли бы попался в их руки живой; но сибирский губернатор почел за непристойно на то поступить, а вместо того удовольствовал их тем, что с их стороны тело его на границе осматривано было двоекратно: сперва присланным от мунгальского командира нарочными, а потом присланным для того же из самого Пекина на здешнюю границу знатым человеком, имеющим чин Асхани Амба».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Маркс К. Капитал.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 28.
2. ААН. ф. 21.
3. АВПР, ф. Зюнгарские дела.
4. АВПР, ф. Калмыцкие дела.
5. АВПР, ф. 122. Киргиз-кайсацкие дела.
6. АВПР, ф. Сибирские дела.
7. АВПР, ф. Сношения России с Китаем.
8. Акты, касающиеся событий со второй половины XIV до половины XVII в.— РИБ. Т. 2. СПб., 1875.
9. Алтан Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста истории Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами. Пер. Галсан Гомбоев.— Труды ВОРАО. Ч. VI. СПб., 1858.
10. ЦГАДА, ф. 181.
11. ЦГАДА, ф. 1121.
12. ЦГАДА, ф. Зюнгарские дела.
13. ЦГАДА, ф. Калмыцкие дела.
14. ЦГАДА, ф. Китайские дела.
15. ЦГАДА, ф. Киргиз-кайсацкие дела.
16. ЦГАДА, ф. 196. Летопись Черепанова.
17. ЦГАДА, ф. 126. Мунгалские дела.
18. ЦГАДА, ф. Нерчинская приказная изба.
19. ЦГАДА, ф. Персидские дела.
20. ЦГАДА, ф. Сибирский приказ.
21. ЦГАДА, ф. Сношения России с ногайскими татарами. Кн. I.
22. Алексеев М. П. Незабвенное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке.— «Исторический архив». Т. I. М., 1936.
23. Андреев А. И. О Черепановской летописи.— «Исторические записки». Т. 13, 1942.
24. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1942.
25. Андриевич В. К. История Сибири. СПб., 1869.
26. «Астраханские губернские ведомости», 1861.
27. [Байков Ф. И.] Путешествие российского посланника Федора Исаковича Байкова в Китай 7162 (1654) года, июня 25 дня. М., 1788.
28. Банзаров Д. Об ойратах и уйгурах. Т. I. Казань, 1849.
29. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1799 г. Казань, 1882.
30. Баранов А. Харачины в хошуне Чжакакту-вана. Материалы по Маньчжурии и Монголии. Харбин, 1907.
31. Бартольд В. В., Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— ЗВОРАО. Т. XI. СПб., 1897.
32. Бартольд В. В. Киргизы. Фрунзе, 1927.
33. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан.— ЗВОРАО. Т. XV. Вып. II—III, СПб., 1904.
34. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.
35. Бартольд В. В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у тюрков и монголов.— «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете». Т. XXXIV. Вып. 3—4. Казань, 1929.

36. Батур-Убаши-Тюмен. Сказание о дэрбэн-ойратах. Пер. Ю. Лыткин.— «Астраханские губернские ведомости». 1859, 1860.
37. Батур-Убаши-Тюмен. Сказание о дэрбэн-ойратах.— А. М. Позднеев. Памятники исторической литературы астраханских калмыков. СПб., 1885.
38. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.
39. Бира Ш. Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII—XIX). У. Б., 1960 (на монг. яз.).
40. Бира Ш. Монгольская историография (XIII—XVIII). М., 1978.
41. Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.— «Исторические записки». 1939, № 5.
42. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.
43. Быковский С. Н. и др. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М., 1934.
44. Бюллер Ф. А. Кочующие и оседложившие в Астраханской губернии инородцы.— «Отечественные записки» Т. XLVII, 1846.
45. Валиханов Ч. О состоянии Алтышаара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг.— ЗИРГО. Кн. 3, СПб., 1861.
46. Валиханов Ч. Очерки Джунгарии.— ЗИРГО. Кн. 1, 2 СПб., 1861.
47. Васильев В. Приведение в покорность монголов при начале Дайчинской династии (из «Шэн-у-цзи»).— Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883.
48. Ватин В. А. Минусинский край в XVIII в. Эюд по истории Сибири. Минусинск, 1913.
49. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.
50. Веселовский Н. И. Лекции по истории монголов. СПб., 1909.
51. Веселовский Н. И. [Рец. на:] Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ».— ЖМНП, 1884, июнь.
52. Веселовский Н. И. Передовые калмыки на пути к Волге.— ЗВОРАО. Т. 3, СПб., 1889.
53. Веселовский Н. И. Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цеван-рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. СПб., 1887.
54. Владимирцов Б. Я. Монгольская литература.— «Литература Востока». Вып. 2. Пб., 1920.
55. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.— Л., 1934.
56. Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.
57. Габан-Шараб. Сказание об ойратах, калмыцкий рукописный текст, фонд библиотеки ЛГУ им. Жданова, ксил. 325, № 15536.
58. Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI—XVIII веках. Саратов — Москва, 1923.
59. Гербион. О Великой Татарии.— «Собрание сочинений, выбранных из множества слов на разные годы в Санкт-Петербурге». Ч. I. СПб., 1785.
60. Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Голдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. СПб., 1880.
61. Гольман М. И. Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 г.— «Монгольский сборник». М., 1959.
62. Горский В. Начало и первые дела маньчжурского дома.— «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. I. СПб., 1852.
63. Григорьев В. В. Батор-хонь тайдзи.— «Энциклопедический лексикон». Т. V. СПб., 1836.
64. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. II. СПб., 1896.

65. Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. СПб., 1926; Т. 3. СПб., 1930.
66. Грум-Гржимайло Г. Е. Материалы по этнологии Амдо и области Куку-Нора.— ИРГО. СПб., 1903, т. XXXIX, вып. 5.
67. Гурлянд И. Я. Степное законодательство с древнейших времен по 17-е столетие. Казань, 1904.
68. Дамдинсүрэн Ц. Сокровенное сказание. У.-Б., 1947.
69. Два китайских листа об Амурсане.— «Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском Университете». Кн. 4. М., 1868.
70. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительственном Сенате в царствование Петра Великого. Т. II. Кн. II. СПб., 1883.
71. Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.—Л., 1936.
72. Записки генерал-майора Броневского.— «Отечественные записки». 1830, № 119, 120.
73. Златкин И. Я. Монгольская Народная Республика— страна новой демократии. М., 1960.
74. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
75. Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане.— «Филология и история монгольских народов». М., 1958.
76. Зюбин Ф. К вопросу о невольниках, рабах и теленгутах в Киргизской степи.— «Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г.». Вып. VI. Семипалатинск, 1902.
77. Иакинф. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.
78. Иакинф. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Т. I, II. СПб., 1829.
79. Ибрагимов С. К. «Михман-Намен и Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв.— Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Т. 8. А.-А., 1960.
80. Ибрагимов С. К. Сочинения Ма'суда Бен Османи Кухистани «Тарихи Абдулхаир-хани».— «Известия АН КазССР». Вып. 2. А.-А., 1958.
81. Иларион. Очерк истории сношений Китая с Тибетом.— «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. II. СПб., 1885.
82. История Абуль-Гази.— Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. III. Ч. 1. Казань, 1854.
83. История Казахской ССР. Т. 1. А.-А., 1957.
84. История Казахской ССР. Т. 2. А.-А., 1979.
85. История о завоевании китайским ханом Канхиейм калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях. Пер. И. Россохин. СПб., 1750.
86. История советско-монгольских отношений. М., 1981.
87. История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р.Х. до 1227 года по Р.Х. с картой на разные периоды сей истории. Пер. Иакинф Бичурин. Ч. I—II. СПб., 1833.
88. Катанаев Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях.— «Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО». Кн. XIV. Вып. I. Омск. 1893.
89. Ковалевский О. Переворот в Китае около половины XVII в.— ЖМНП. Ч. XXV, 1840.
90. Козин С. А. Джангариада. М.—Л., 1940.
91. Козин С. А. Ойратская историческая песня о разгроме халхаского Шолой-Убаши-хунтайджи в 1587 г.— «Советское востоковедение». Т. IV, 1947.
92. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941.
93. Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1817.
94. Котвич В. Л. [Ред. на:] Н. Пальмов. Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России.— «Восток». М.—Л., 1923, кн. 3.

95. Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII—XVIII вв.— ИРАН. Пг., 1919, № 12—15.
96. Красовский М. Область сибирских киргизов.— Материалы для истории и статистики России. Т. II. СПб., 1868.
97. Куропаткин А. Н. Кашгария. СПб., 1879.
98. Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.
99. Курц Б. Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. [Харьков], 1929.
100. Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832.
101. Леонтович Ф. И. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устар взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879.
102. Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов.— «Астраханские губернские ведомости», 1861.
103. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607—1636. Сборник документов. М., 1959.
104. Мен гу ю му цзи (Записки о монгольских кочевьях). Пер. П. С. Попова. СПб., 1895.
105. Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте, о чиненных для оного отправлений, и о строении крепостей при р. Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатинская и Устькаменогорская.— Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760, январь, февраль.
106. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. М.—Л., 1941.
107. Минаев И. П. Апология ламства (рец.).— ЖМНП. 1988, июнь.
108. Минаев И. П. Поиски золота.— ЖМНП. Ч. 257, 1888.
109. Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912.
110. Нацондоржи Ш. Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1958.
111. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834.
112. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948.
113. Огородников В. И. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. I. Иркутск, 1920.
114. [Паллас П. С.] Собрание исторических известий о монгольских народах, сочиненное господином П. С. Палласом. СПб., 1766.
115. Пальмов К. К. Этюды по истории приволжских калмыков XVII—XVIII вв. Ч. 1—4. Астрахань, 1926—1929.
116. Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882.
117. Письмо Петра I-го к подполковнику.— «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете». М., 1868.
118. Погорельский П. и Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.
119. Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия.— ЖМНП. Ч. 244, 1866.
120. Позднеев А. М. К истории Зюнгарских калмыков.— Н. И. Веселовский. Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цеван-рабану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. СПб., 1887.
121. Позднеев А. М. Монгольская летопись «Эрдэнийн зрикхэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, включающими в себя материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.
122. Позднеев А. М. Монголия и монголы. Т. I. СПб., 1896.
123. Позднеев А. М. Ответ Н. И. Веселовскому.— ЖМНП. 1884, декабрь.
124. Позднеев А. М. Ответ на рецензию профессора И. П. Минаева.— ЖМНП. 1888, декабрь.
125. Позднеев А. М. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая М. В. Певцова.— ЖМНП. 1885, март.

126. Покотиллов Д. История восточных монголов в период династий Мин. 1368—1634 (по китайским источникам). СПб., 1893.
127. Попов А. Краткие замечания о приволжских калмыках.— ЖМНП. 1839, апрель.
128. Попов В. Н. Татищев и его время. М., 1861.
129. Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1893.
130. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сборник I (V в. до н. э.—XVIII в. н. э.). А.-А.—М., 1935.
131. Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. I. М.—Л., 1957.
132. Радлов В. В. К вопросу об уйгурах.— «Записки Императорской Академии наук». Т. 72. Кн. I. СПб., 1883.
133. Рамстедт Г. И. Этимология имени ойрат.— Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909.
134. Рерих Ю. Н. Монгольская историография (XIII—XVIII вв.). М., 1978.
135. Русский биографический словарь. Т. 15. СПб., 1910.
136. Рязановский В. А. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931.
137. Савельев П. С. Предисловие.— Алтан Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста истории Убаши-хунтаджи и его войны с ойратами. Пер. Галсан Гомбоев.— Труды ВОРАО. Ч. VI. СПб., 1858.
138. Сибирские летописи. СПб., 1907.
139. Слесарчук Г. И. Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в.— Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.
140. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886.
141. Словцов И. Я. К политике сибирских воевод по отношению к соседним калмыкам.— «Ежегодник Тобольского губернского музея». Вып. VII, 1897.
142. Словцов И. Я. Путевые заметки.— «Записки Зап.-Сибирского отделения ИРГО». Омск, 1878.
143. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., [1866].
144. [Сычевский]. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г.— «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском Университете». Кн. 2. М., 1875.
145. Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. А.-А., 1959.
146. Усов Ф. Статистическое описание сибирского казачьего войска. СПб., 1879.
147. Успенский В. Страна Куз-нор или Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов.— ЗИРГО. Т. 6, 1880.
148. Успенский В. Несколько слов об округе Хами.
149. Фишер И. Э. Сибирская история. СПб., 1774.
150. Шара Туджи. Монгольская летопись XVII в. Пер. Н. П. Шастиной. М.—Л., 1957.
151. Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исетае Тайманова. А.-А., 1946.
152. [Шмидт И. Я.]. О народных племенах монголов. Рассуждение, читанное в публичном заседании Императорской Академии наук 29 декабря 1833 г. ординарным академиком И. Я. Шмидтом.— ЖМНП. СПб., 1834, март.
153. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. Иркутск, 1883.
154. Bacon E. E. Obok; a Study of Social Structure in Eurasia. N. Y., 1958.
155. Baddeley J. Russia, Mongolia and China. Vol. 1, 2. L., 1919.
156. Bawden Ch. R. The Mongol chronicle Altan Tobči. Wiesbaden, 1955.
157. Bell Ch. Tibet, Past and Present. Ox., 1925.
158. Bretschneider E. Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources. Vol. 2. L., 1888.
159. Cahen G. Histoire de la relation de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730). P., 1911.
160. Courant M. L'Asie Centrale aux XVII et XVIII siècles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou. Lion—Paris, 1912.
161. [Desideri I.] An account of Tibet. The travels of Ippolito Desideri of Pistoia. 1712—1727. L., 1937.
162. Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other englishmen. L., 1886.
163. Haenische E. Der hinesische Feldzug in Ili im Jahre 1755. B., 1918, с. 4.
164. Haslund H. Men and gods in Mongolia. L., 1935.
165. Howarth H. History of the Mongols. P. I—III. L., 1876—1888.
166. Petech L. China and Tibet in the early century. Leiden, 1950.
167. Ratnabhadra. Rabjamba Cay-a bandida-yin tugui saran-u gerel kemekü ene metu bolai. Ulanbator, 1959.
168. Rockhill W. The Dalai lamas of Lhasa and their relations with the Manchu emperors of China. Leiden, 1910.
169. Roerich G. N. The Blue annals. Naggar-Kulu, Himalayas, 1946.
170. [Ssanang Ssetsen.] Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus, aus dem Mongolischen übersetzt... von I. J. Schmidt. SPb.—Lpz. 1829.
171. [Sagang Sečen] Erdeni-yin Tobči. Mongolian chronicle by Sagang Sečen, with a critical introduction A. Mostaert. Vol. I—IV. Cambridge (Mass.), 1956.
172. [Sagang Sečen] Erdeni-yin Tobči. Ulanbator, 1958.
173. Schram L. M. J. The Monguors of the Kansu-Tibetan frontier, their origin, history and social organization. Philadelphia, 1954.
174. Serruys H. Four documents relating to the Sino-Mongol peace of 1570—1571, reprinted by «Monumenta Serica», 1960.
175. Vreeland H. H. Mongol community and kingship structure. New Haven, 1954.

ААН — Архив Академии наук
 АВПР — Архив внешней политики России
 ВОАО — Восточное отделение Археологического общества.
 ВОАО — Восточное отделение Русского археологического общества
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ЗИРГО — Записки императорского Русского географического общества
 ЗРГО — Записки Русского географического общества
 ИИРГО — Известия императорского Русского географического общества
 ИРАН — Известия Российской Академии наук
 РИБ — Русская историческая библиотека
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

Абабан-хан см. Баахан-хан
 Абай 81, 86
 Абаков Кока 137, 138, 142
 Абарзынахан, см. Амурсана
 Абас см. Аббас-шах
 Абатай-хан 68
 Абахай 109
 Абахан-хан см. Баахан-хан
 Аббас-шах (Абас) 82, 83
 Абдаллах 42
 Абд-ар-Рахим 42
 Абдул-Ерке-зайсан 222, 223
 Абдулла-Сэцэн 48
 Аблай-султан (Аблай-хан) 286—289, 295, 296, 298, 302
 Аблай-тайджи (Аблай-тайша, Абулай, Облай-тайша) 77, 119, 125, 129—131, 133, 136—140, 149, 151, 162, 163, 257, 282, 285, 297
 Аблай-хан см. Аблай-султан
 Аблин Сеиткул 146, 159, 161—163
 Абрамов К. 117, 122
 Абулай см. Аблай-тайджи
 Абулхаир-хан, правитель Младшего жуза 285
 Абулхаир-хан, правитель Узбекского ханства 40
 Абульгази 274
 Абу-Сеид 41
 Адай-хан 28—31, 43, 308
 Аджа-хан см. Цэван-Доржи-Аджа-Намжил
 Айчувак-султан (Айчувак-салтан) 295
 Ак-Мункэ-Баян 32
 Алак-Тэмур-чинсанг 50
 Алдар-габжи 8, 9
 Алдар-тайджи (Алдар-тайдзи) 136, 175
 Алексей Михайлович, 125, 138, 142, 143

Алтан-Сандалигу-хан 54
 Алтан-хан 37, 43, 63—65, 67, 99, 100, 309
 Алтын-хан, см. Алтын-хан Омбо-Эрдени
 Алтын-хан Лубсан-тайджи (Лобдзан, Лоджан, Лоджан-Сайн-контайша, Лодзан-тайдзи, Лоузан, Лубсан-Сайн-хан, Лубсан-тайдзи, Сайн-контайша, Алтын-царевич) 141—143, 145, 151, 160, 173, 174, 177, 312
 Алтын-хан Омбо-Эрдени (Алтын-хан, Алтын-царь) 97, 98, 119, 121, 128
 Алтын-хан Шолой-Убаши-хунтайджи (Алтын-царь, Олтын, Убаши-хунтайджи, Шолой-Убаши-хунтайджи) 10, 70—72, 80, 81, 87, 89—93, 95, 97, 98, 142, 265
 Алтын-царевич см. Алтын-хан Лубсан-тайджи
 Алтын-царь см. Алтын-хан Омбо-Эрдени
 Алтын-царь см. Алтын-хан Шолой-Убаши-хунтайджи
 Алутай (А-лу-тайя) 31, 308
 Аманай 51
 Амида 192
 Амир-Али-бек 83
 Амурсана (Амур Санан, Амурсан, Амурсанай, Абарзынахан) 280—282, 285—291, 294—303, 313
 Ананьда 184, 186
 Анна Иоановна 239, 246, 252
 Ану-хатун 192, 312
 Аппак-ходжа 167
 Арабджур 221, 224
 Арани 171, 179, 186, 190, 191, 193
 Араптан см. Цэван-Рабдан
 Араптань 181
 Араптань см. Цэван-Рабдан
 Араптарь см. Цэван-Рабдан

Аренар см. Ренат
 Артемьев Г. 255
 Аршинский Д. 132
 Асан-ходжа 232
 Ахай 199
 Ахмед-хан 41
 Ачиту-гелун (Ачитуй-гелун) 173, 174, 183
 Ачай-тайджи 37
 Аюка-хан (Аюкай, Аюка-тайджи) 8, 133, 168, 175, 215, 219—221, 224, 225, 227, 229, 232, 235, 241, 255, 269
 Аюка, сын Аблай-тайджи 136
 Баатыр-тайша см. Цэотба-батур
 Баатырь-контайша см. Батур-хунтай-джи
 Баахан-манжи 142
 Баахан-хан (Абабан-хан, Абахан-хан) 141, 143, 146, 151, 160
 Баба-султан 76
 Баба-хан 102
 Баисхалан 234
 Байбагас-хан 46, 71, 73, 77, 78, 82, 83, 87, 90, 97, 98, 101—103, 110, 125, 131, 137, 311
 Байбагиш-тайша (Байбагуш) 91, 93—95, 131
 Байгачев И. 126
 Байков Ф. 107, 119, 138, 268
 Байри 183
 Байту-хан 151
 Бакунин В. 11, 246, 247, 255, 256, 259, 260, 267—269, 274—276, 286
 Балдан-тайдзи 178
 Балдар-Доржи 261
 Бальжур (Бальжир) 286, 289
 Банзаров Доржи 19, 21, 23
 Бангыш-Каменский Н. Н. 12, 279, 281
 Баньди 169, 290
 Баньди-Дайцин-тайдзи (Дайцин-тай-дзи) 178
 Бартольд В. В. 10, 18, 20, 28, 157, 167, 253
 Барятинский Н. П. 259
 Батор-хонь-тайцзи см. Батур-хунтай-джи
 Бату-Болот 22, 26

Бату-Менко 242
 Бату-Мункэ-Даян-хан (Бату-Мункэ, Даян-хан) 36—38, 39, 42, 54, 63, 65, 67, 68, 116, 151
 Батула-чинсанг 25, 28, 29
 Батур см. Цэотба-Батур
 Батур-джинун см. Батур-Эрхе-джинун
 Батур-дзинун см. Батур-Эрхе-джинун
 Батур-зайсан 256, 274
 Батур-контайша см. Батур-хунтайджи
 Батур-Убаши-Тюмен 8, 9, 17, 45, 47, 49, 54, 62, 63, 65, 70, 72, 74, 77, 96, 101, 106, 127, 132, 136, 268
 Батур-хунтайджи (Баатырь-контай-ша, Батор-хонь-тайдзи, Батур-контайша, Батур-тайджи, Хото-Хоцин-Батур, Эрдэни-Батур-хунтайджи) 45, 60, 62, 78, 98, 104, 106—113, 115—143, 146, 149, 150, 152, 154, 166, 170, 172, 267, 268, 276, 286, 303, 311
 Батур-Эрхе-джинун (Батур-джинун, Батур-дзинун) 168, 169
 Батыр-контайша Каракулин 133
 Бахаму см. Тогон
 Баху 32
 Бахмуратов Айбек 240
 Бахтый 130, 131
 Баян-Батур-хунтайджи 44
 Баян-Мункэ-Болхо-джинонг 36, 37
 Бабе 312
 Беклемишев В. 235, 255
 Белоголов И. 81
 Беседнов А. 287, 288
 Бестужев-Рюмин 282
 Бе Фяньгу 203—205
 Билик-Мерген 54
 Бильдега И. 240
 Бинту 309
 Бира Ш. 3
 Бирер-Таншике 288
 Битей 287
 Бичурин Н. Я. (Иакинф) 4—6, 12, 20, 22, 35, 39, 59—63, 106—108, 129, 154, 265, 275, 279, 307—309, 311, 312
 Богатыр-тайша см. Далай-тайша

Богоявленский С. К. 16, 266, 310
 Боджир 236
 Болай 39, 309
 Боочжу 223
 Борджигин 49
 Боро-Айялху 45
 Борокудзи-тайдзи 175
 Борокуртан 229, 255
 Ботой-Элету 169
 Боудэн Ч. 6, 7, 29
 Бошокту-дзинун 205
 Бошокту-хан см. Галдан-Бошокту-хан
 Братишев В. 299, 301
 Бретшнейдер Э. 5, 6, 18, 21, 23, 43
 Бубенной В. 141, 142
 Бугачка 134
 Буголаков Я. (Якунька) 94, 95
 Буйносов-Ростовский А. И. 136
 Букей-хан 310
 Булат-манжи 151
 Бурдукова Т. А. 307
 Буриной 172
 Бурков Ф. 291
 Еуртэ-Чоно 48
 Бурчеев А. 151
 Бутуксень-хутухта 178
 Бутурлин И. В. 141
 Бухаров А. 83
 Бухгольц И. 226, 228, 237
 Бушукту см. Галдан-Бошокту-хан
 Бушукту-хан см. Галдан-Бошокту-хан
 Бушухту см. Галдан-Бошокту-хан
 Буян-Батур-хунтайджи 67, 68
 Былин В. 143—146, 150
 Бэгэрсэн-тайша 36
 Бэддли Дж. 13, 14
 Бэкон Э. 310
 Бэлл Ч. 15
 Бэнь-я-ши-ли 29
 Бюллер Ф. А. 60

Вакулин Г. 164
 Валиханов Ч. 10, 18, 167, 279, 306
 Ванжил-ван 294
 Ван Сяньцзянь 13
 Ван-хан 8, 55

Василий Иванович 83
 Васильев В. 106
 Вэйс-хан (Увэйс-хан) 28, 41
 Вельяминов С. Я. 145
 Вельяминов-Зернов В. В. 129
 Венюков М. 279
 Веревкин 287
 Веселовский Н. И. 59, 61, 63, 156, 212, 232, 253, 308
 Вильянов Г. 227, 228
 Владимирцов Б. Я. 5, 8, 16, 24, 46, 47, 50—53, 61, 62, 105, 253, 256
 Воейков С. И. 79
 Волков В. 93
 Врилэнд Х. 258, 259
 Выйджен-Хатан-батур 179
 Вяткин Дм. 138
 Габан-гелун 282, 287
 Габан-Шараб 8, 9, 17, 45, 47, 49—51, 62, 63, 65, 77, 78, 96, 101, 106, 111, 127, 132, 133, 136, 138, 139, 149, 218, 219, 268, 310
 Гаган см. Галдан-Бошокту-хан
 Гагарин М. П. 224, 226—229, 250
 Гагарин С. И. 79
 Галдама 132, 136, 137, 139, 140, 151, 257, 312
 Галдан-Бошокту-хан (Бошокту-хан, Бушукту-хан, Бушухту, Галдан, Кегень, Кезен) 7, 107, 136, 140—142, 145, 150, 151, 154—178, 180—211, 213—217, 220, 222—225, 245, 271, 312
 Галдан-Доржи 258
 Галдан-тайджи (автор «Эрдэнийн эрихэ») 7
 Галдан-тайдзи 179, 192
 Галдан-Церен (Налдан-Чирин) 213, 219, 222, 235—252, 256, 268, 274, 276, 279, 281—284, 286, 303, 313
 Галдан-шнретен-лама (Галдан-шнретен, Ширетуй) 174, 176, 177
 Гарма-Дайцин-хошоуци 175
 Гедин Свен 14
 Гелей-Гуен 186
 Гераклитов А. А. 84
 Гербион см. Жербийон
 Георги И. Г. 60

Головин Ф. А. 179, 187
 Голстунский К. Ф. 167, 312
 Голубин П. 81, 82, 86
 Гоман-лама 8
 Гомбо 139
 Гомбоев Г. 6, 7, 29
 Грабленов В. 302
 Григорьев В. В. 35, 253
 Грум-Гржимайло Г. Е. 13, 19, 21—23, 35, 43, 62, 107, 157, 253, 308—310
 Губин Д. 43, 309
 Гуйлинчи-багатур 28, 31, 48
 Гуйличи 29, 30
 Гун-Тэмур 29, 308
 Гуньджан-Гумбу 178
 Гуши-хан (Туру-Байху) 77, 104, 110, 113, 116, 132, 147—149, 168, 170, 216, 222, 234, 311
 Гэрэсэндээ 68, 70

Дава 300, 302
 Давац-хан (Давац, Дебача, Табачи) 240, 282, 283, 285—292, 294, 302

Давыдов И. 164
 Даен 136
 Дайсун-хан (То-то-бу-хуа) 29—31, 33, 36, 37, 43
 Дайцин-тайдзи см. Баньди-Дайцин-тайдзи
 Дайчин-тайша (Дайчин) 51, 133, 139, 257

Далай-тайдзи 198
 Далай-тайша (Богатыр-тайша, Далай, Далай-Батур, Далай-батур, Талай-тайша) 46, 78—82, 86—96, 102—104, 112, 113, 121, 130—132, 135

Далай-хунтайджи 116
 Далай-Чойнхор-ван 310
 Дамба-хасиха 204, 205
 Дамдин 299
 Данжин 239
 Даньдзила 179, 191, 201, 206, 216, 222
 Даньдзин (Должин-Кошючи, Донжин Кожечи) 146, 151, 160, 186
 Даньдзин-Омбо (Даньдзин-Гомбо) 179, 186, 201, 206, 216
 Даньдзин-Рабдан 222
 Дарибанчи 136

Дармабала 220, 221
 Дармасири-ноян 178, 179
 Дархан-зайсан 187
 Дархан-хасиха 167, 168
 Дархан-эмци 208
 Даши-тайша 136
 Даян-хан см. Бату-Мункэ-Даян-хан
 Дебача см. Давац-хан
 Дебеш 239
 Девлет Шиха 161
 Девлетов 95
 Девникей 91
 Дегинь 4
 Дезидери И. 15
 Декдехей-мерген-ахай (Декдехый-мырген-ахай, Дыкдехый-мергын-ахай) 177, 178, 185

Делег-ван 294
 Делег-гелун 301
 Делег-Доржи 287
 Делиб-хутухта 258—260, 264—266
 Дельбек-хан 28, 29, 308
 Джалбу 267
 Жан Юн см. Чжан Юн
 Жанчихай 312
 Жарнай (Джарбунай) 173, 174
 Жебдзун-Дамба-хутухта (Джаб-дзун-Дамба, Жебдзун-Дамба-кутухта) 174, 176—186, 188, 190—192, 194, 196, 198, 199, 201, 257, 312

Дженкинсон А. 42, 66
 Джинтей-хан см. Чжу Цичжэнь
 Жирун-хутухта (Джирим-кутухта, Жирун, Дзирун-кутухта, Дзирун-эрдени 187—189, 191—198, 312

Дзасакту-хан Сайн-Лайхор-хан (Сайн-Лайхор-хан) 68, 70
 Дзасакту-хан Субуди 113, 116
 Дзасакту-хан Ценгунь 173, 174, 192
 Дзасакту-хан Шара 177, 185, 196
 Дзиргалан-зайсан 185
 Дзирун-кутухта см. Жирун-хутухта
 Дзирун-эрдени см. Жирун-хутухта
 Дзонхава (Дзункаба) 177, 200, 208
 Дзорику (Зорокту) 79, 136
 Дзу-чинсанг 46
 Дзункаба, см. Дзонхава

Дова-Сохор 45
 Доен-Онбо тайша (Доен-Анбо тайша) 133
 Должин-Кошючи см. Даньдзин
 Домонай 51
 Дондук-Даши 273
 Дондук-Омбо 236, 237, 273
 Донжин Кожечи, см. Даньдзин
 Дордзиджаб 178, 179, 183, 185
 Доржи 233
 Доржи Назаров 255, 266
 Доржи-Рабдан 8, 168
 Дугар-Рабдан (Дугар-Арабтань, Рабдан) 179, 206, 216
 Духар 286
 Дянь-джайсан 181

Елецкий 79
 Елизавета 300
 Ельден-тайша см. Ильден-тайша
 Ереняк 164
 Ереняков Корчик 223
 Есим-хан (Ишим-царевич, Ишим-царь) 91, 94, 129
 Ехе Аbugай 235, 236

Жадовский Н. 127, 128
 Жербийон (Гербион) 13, 106—108, 255

Зайсан 161, 162
 Зая-Пандита 7, 10, 17, 47, 49, 50, 63, 66, 78, 102, 106, 107, 108, 110, 111, 113, 116, 117, 129, 132, 135, 137—140, 147, 149, 150, 257, 264, 265, 268, 269

Зеленовский 219
 Зенгил-тайша 92
 Зорикту-хунтайджи см. Цэван-Рабдан
 Зорокту см. Дзорику
 Зундуй-Замсу 252

Иакинф см. Бичурин Н. Я.
 Ибири-тайджи 42, 63
 Ибрагимов С. К. 18
 Иван IV 43, 74, 84
 Иванов Ф. 132, 133
 Измаил 167
 Измаилов Л. 229, 230

Илагулсан-хутухта 187—189, 192—194, 196—198, 201, 206
 Илден-тайдзи 179
 Ильден-тайша (Ельден-тайша, Эльден) 112, 129
 Ильин Г. 118, 120, 129—131
 Ильин Д. 235, 238
 Инь Чжэнь 233, 241, 244, 246, 247, 258
 Иондон-Джампо 100
 Ирка 136
 Ирка-Чечень-Янзан 141
 Иркебек 162
 Ирке-Илден-тайша 94
 Ирки-мулла 138, 140
 Ирким-зайсан 187
 Иса-Буга-хан 309
 Исмаил-мурза 84
 Исуп 309
 Ишжамц Н. 281
 Ишим-царевич см. Есим-хан
 Ишим-царь см. Есим-хан
 Ишкел 136, 138
 Иштерек 85

Канси см. Сюань Е
 Канхи см. Сюань Е
 Карагуль см. Хара-Хула
 Каракула см. Хара-Хула
 Каракула-тайша см. Хара-Хула
 Карвацкий И. 161
 Каскинов А. 297
 Кафаров П. И. (Палладий) 307
 Каэн Г. 13, 14, 212, 213
 Кегень см. Галдан-Бошокту-хан
 Кибирев Г. 187, 188—190
 Карасан 79
 Киржатский В. 133
 Кислянский Л. 187, 191, 312
 Китат 171, 172
 Клепиков В. 111, 118, 124, 125
 Козин С. А. 20, 23, 59, 61, 63, 73, 212, 307, 311
 Кондратьев Ф. 97
 Костелецкий Ф. 134
 Костенков К. 20, 60, 266, 268
 Котвич В. Л. 12, 59, 62, 63, 307, 310, 311
 Котовщиков М. 240
 Кочюрта см. Очирту-Цецен-хан

Кошевчий 81, 82, 86
 Кою-салтан 129
 Красовский М. 129, 279
 Крофт 284
 Куйша-тайша 98, 112, 127, 128
 Кулагин Д. 122
 Кула-тайша 122, 135
 Кулмагмет 69, 70
 Кульвинский П. 142, 143
 Кумян 121
 Кунделень см. Хундулен-тайша
 Кундулен-бошокту 179
 Куницын И. 86, 87, 102
 Куракин Г. С. 123, 124, 129
 Куран М. 13, 14, 212, 213, 279
 Куропаткин А. Н. 279
 Курц Б. 279
 Кутук 288
 Кучум 74, 75, 79, 122, 254, 311
 Куян 95

Ладзан-хан 222
 Лама-Доржи (Эрдени-Лама-Батур-хунтайджи) 281—283, 285, 286
 Ланг Л. 213, 231, 232, 234
 Левшин А. 129, 279, 281
 Лекбей 273
 Лекден 273
 Лемпил-Доржи 299
 Леонтьев А. 159
 Лепехин И. 60
 Лигдан (Ликдан-хан) 107, 172
 Липовцев С. 279
 Литосов В. 141, 142
 Лихарев И. М. 228, 229
 Лобдзан см. Алтын-хан Лубсан-тай-джи
 Лобдзан-Гумбуй см. Лубсан-Гомбо
 Лобдзан-Гумбу-Араптан см. Лубсан-Гомбо
 Лоджан см. Алтын-хан Лубсан-тай-джи
 Лоджан-Сайн-контайша см. Алтын-хан Лубсан-тайджи
 Лодзан-тайдзи см. Алтын-хан Лубсан-тайджи
 Лозон-Даньжин см. Лубсан Даньдзин
 Лоузан см. Алтын-хан Лубсан-тай-джи

Лоузан-Шоно (Шоно, Шуну, Шоно-батур) 235—237, 241, 245—247, 259
 Лубсан 51
 Лубсан-Гомбо (Лобдзан-Гумбуй, Лобдзан-Гумбу-Араптан) 168, 169, 178
 Лубсан-Даньдзин (Лозон-Даньжин) 234, 244, 313
 Лубсан-Сайн-хан см. Алтын-хан Лубсан-тайджи
 Лубсан-тайдзи, см. Алтын-хан Лубсан-тайджи
 Лубсан-Шэлэн (Шоно) 313
 Лыткин Ю. 9, 10, 71—73, 77, 311, 312

Маатыр-тайша см. Цзотба-батур
 Майдари-хутухта, см. Цаган-номун-хан
 Майн-Тэбэнэ 71
 Максуюков И. 288
 Малай 136
 Мамерень-тайша 111
 Маметелип 159
 Мангит 93
 Мандугули-хан 36, 37
 Мани-Мингату 43
 Мансур-хан 41, 42, 67
 Мантухай-сайн-хатун 36, 37
 Манхай 72
 Меньшой-Ремезов 123, 129
 Маркс К. 262
 Масальский И. В. 75
 Маха Самади Цецен-хан см. Цецен-хан Шолой
 Махаму (Махмуд) 20, 22, 26, 29
 Махмуд-Шарас 76
 Махмуд Ялавач см. Ялавач Махмуд
 Мачик 135, 142
 Мерген-Дега 128
 Мерген-Тэмэнэ-тайша (Мерген-Темень-тайша) 92, 95, 96
 Мергус-хан (Угегту-хан) 37
 Миллер, майор 249
 Миллер Г. Ф. 11, 12, 107, 310
 Минаев И. П. 212
 Михаил Федорович 82, 83, 87, 90, 118, 125, 128
 Молон-хан 36, 37

Мончак 133
 Мостарт А. 6
 Мункэ-Тэмур 22, 26, 308
 Мункэ-хан 32
 Мухаммед-хан 42
 Мухур-Маджик (Мухур-Мучжик, Мухур-Уизанг) 72, 127
 Мыш 161
 Мятлев В. 282, 289, 294, 296

Нагой М. 311
 Найчун-Омбо 199
 Накбай 273
 Накбарджи-джинонг 30—32
 Насонов Л. 118
 Наугат (Ноугат) 282, 287
 Нацогдоржи 261
 Немеху-Жиргал (Немеху, Унемкай-Жиргал) 282, 286, 287
 Неплюев И. И. 285, 297
 Неурус 161
 Неустров Л. 117, 124
 Нефедьев Н. 60
 Новосельский А. А. 84, 85
 Ноедай 117, 125
 Ноугат см. Наугат

Облай-тайша см. Аблай-тайджи
 Ойратай-хан 308
 Олой-Тэмур 308
 Олтын, см. Алтын-хан Шолой-Убаши-хунтайджи
 Ончон 136, 138
 Орлюк см. Хо-Урлюк
 Очир-Дара-хутухта см. Цаган-номун-хан
 Очирту-Цецен-хан (Кочюрта, Очирту-тайджи, Учюрта) 8, 66, 77, 78, 110, 111, 113, 116, 119, 129, 131, 132, 136—140, 147, 149, 151, 155, 162—165, 167—169, 199, 257

Палладий см. Кафаров П. И.
 Паллас П. С. 22, 23, 60, 62, 107, 260, 268, 270, 276, 310
 Пальмов К. К. 16, 107, 157, 212, 216, 310
 Петех Л. 15
 Петр I 107, 222, 226—229, 233, 249

Петр II 236, 247
 Петров И. 87
 Петров Т. 86, 87, 102, 112, 120, 121, 127
 Плещеев 248
 Плотников А. 121, 286
 Позднеев А. М. 7—9, 23, 36, 59—61, 63, 68, 104, 106—108, 141, 154—160, 211, 212, 216, 222—224, 233, 240—242, 253, 261, 309, 311—313
 Поилов Б. 238
 Покотилов Д. 5, 18, 38, 39, 309
 Попов А. 35
 Попов П. С. 5, 105
 Поскочин Л. 147
 Потанин Г. Н. 310
 Пронский П. И. 117, 124, 311
 Пунцук 267, 287

Рагузинский С. В. 213, 234, 241, 245
 Радлов В. В. 253
 Разумовская В. 11
 Рамстедт Г. И. 20, 23
 Ратнабхадра 7
 Рашид-ад-Дин 19, 44, 45, 47, 52, 307
 Рашид-хан 76, 309
 Ремюза А. 19
 Ренат (Аренар) 237—240, 242—244
 Репин Б. А. 111
 Репнин И. 151, 159, 161
 Рокхил В. 15, 148
 Романовский П. 164
 Ромодановский И. 128
 Россохин И. 17, 158, 159, 257
 Рузбехан 309
 Рычков П. 60, 279, 281
 Рязановский В. А. 20

Сабанский П. 135
 Савельев И. 88
 Савельев П. С. 8
 Саган-Сэцэн (Санан-Сэцэн) 5—7, 10, 17, 25, 32, 54
 Сайзхан-чжу 140
 Саймучин 29
 Сайн-Лайхор-хан см. Дзасакту-хан
 Сайн-Лайхор-хан
 Сайн-Маджик (Сайн-Мачжик) 70—72
 Сайн-нойон-хан 260

Сайн-Сэрдэнги (Сайн-Серденкой) 71,
72
Сайн-Тэбэнэ 71
Сайн-Тэнэс-Мергэн-Тэмэнэ 101
Сайн-хя 71, 72, 77
Сайхан-Чжу 140
Салмучин 29
Самор Гунджи 25
Самор-Дайху 37
Санан-Сэцэн см. Саган-Сэцэн
Сандань 179
Санджип см. Санжиб
Сандзай-Джамцан 150
Санжиб (Санджип) 219, 221—223,
246, 251, 286
Себевди-ходжа 164
Сеган-тайша см. Сенге-тайша
Сегус 37
Сейкул-тайша 138
Семба-Чемба-хутухта 174
Семенов П. 91
Сенге-тайша (Сенга-тайша, Сеньга,
Сеган-тайша) 107, 108, 136—147,
149—151, 154, 155, 159—163, 165,
166, 170, 172, 268
Сенгил-тайша 91
Сеньга, см. Сенге-тайша
Серен-Ахай-тайдзи 174
Сетерджаб 235
Сира 199
Скибин П. 146
Слесарчук Г. И. 311
Словцов И. Я. 310
Содном-Джамцо 99, 100
Соловьев С. М. 83
Солтон-тайджи (Солтон-тайша, Сул-
тан-тайша) 77, 129, 136, 139
Солтон-тайша см. Солтон-тайджи
Сонгот 188
Соном 149
Соном-Рабдан 199, 312
Соном-Церен-тайджи 168
Сорокин И. 238, 239
Сорхан-Шира 53
Старков В. 121
Страхов Н. 60
Строгановы 74
Субагатай 68
Султан-тайша см. Солтон-тайджи

Сумароков А. 143, 151, 160
Сырян 125
Сычевский 279, 281
Сэцэг-бэйджи 32
Сюань Е (Канси, Канхи, Элхе-Тай-
фань) 156—158, 168, 169, 171—
177, 180—192, 194, 197—209, 214—
216, 218, 222—225, 229—233, 244,
257, 258, 291, 307, 312, 313

Табачи см. Даваци-хан
Табын-Ухан 8
Табытай 95
Тайманов Исетай 310
Тайпин 22, 26
Тайцзун см. Чжу Юцзинь
Талай-тайша см. Далай-тайша
Тареухай Я. 145
Тархан 136
Тауке-хан 215, 218
Тевеккель-хан (Тевеккель, Тевкель-
царевич, Тевкель-царь) 69, 76,
109
Тевкелев А. И. 285, 297
Тевкель-царевич см. Тевеккель-хан
Тевкель-царь см. Тевеккель-хан
Тегурчай 91
Темкин-Ростовский М. М. 121, 127
Тимур 28
Тихонов М. 82, 83
Тогон (Бамаху) 23, 28—32, 35, 45, 59,
308
Тогон-Тэмур 25
Тойн 149
Толыбеков С. Е. 253, 263, 310
Томский С. 249
Торгун-Эрдэни-хунтайджи см. Эрдэ-
ни-хунтайджи
То-то-бу-хуа см. Дайсун-хан
Трубников М. 226
Туглук-Тимур-хан 27
Тулишен 229, 230
Тургенев И. Ю. 126
Туру-Байху см. Гуши-хан
Тусету-хан см. Тушету-хан Чихунь-
Доржи
Тушету-хан Гомбо 113, 116
Тушету-хан Дондок-Доржи 293, 295,
298, 299

Тушету-хан Чихунь-Доржи (Тусету-
хан) 70, 116, 157, 158, 169, 173,
174, 176—179, 181—192, 194, 196—
201, 209, 261, 295, 298, 299, 312
Тюменец В. 87
Тюна 125
У Саньгуй 149, 172, 208
Убаши-хунтайджи см. Алтын-хан Шо-
лой-Убаши-хунтайджи
Увэйс-хан, см. Вэйс-хан
Угримов Л. 213, 237—239, 242—245,
249—252, 256, 268, 274, 276
Угэгту-хан см. Мергус-хан
Угэдэй-хан 53, 55, 56
Угэчи-хашига 25, 28
Узений 81, 82
Уйзен-хошучи 286
Улугбек 28
Ульдзейту-Гоа 24, 25
Ульдзей-Тэмур 308
Унемкай-Жиргал см. Немеху-Жиргал
Унзат-Алдар-Габжи 9
Унковский И. 106, 107, 212, 218, 219,
229, 232—234, 268
Ураз-Мегмет 69
Урлюк см. Хо-Урлюк
Урлюкай см. Хо-Урлюк
Урускай 117, 121
Урхедей-Батур-тайдзи 215
Урянка 142
Успенский В. 6, 18, 19, 21, 23, 24, 35,
43, 62, 106, 309
Ухидэй-Дайбу 32, 37
Учин-тайша 87
Учюрти-тайша см. Очирту Цецен-хан
Федор Иванович 69
Фишер И. Э. 10, 11, 129, 310
Хадан-Шараб 107, 243
Ханьду-тайджи 169
Хара-Хула (Каракула, Каракула-тай-
ша, Карагуль, Харо-хула) 35, 45,
59, 60, 62, 71, 73, 74, 78, 82, 83,
87, 89—95, 97, 98, 102—104, 109,
120, 122, 141, 172, 267
Харгацуг-тайджи 32, 37
Харгацуг-Тугуренг-Тэмур-хунтайджи
24, 25

Хаслунд Х. 13, 14, 265
Хатун-Тэмур 32
Хи-Мэргэн-Тэмэнэ 46
Ховорс Г. 13, 20, 36
Ходжа-Али-бахадур 76
Хорхудай 35
Хорчи 53
Хото-Хоцин-Батур см. Батур-хунтай-
джи
Хо-Урлюк (Орлюк, Урлюк, Урлюкай)
9, 60, 61, 79, 80, 82, 86, 87, 91,
95—98, 102—104, 111, 113, 125,
129—131, 133, 135, 139, 145, 149,
168, 286
Хошучи-бэйсе 259
Хрущов А. Ф. 160
Хубилай-хан 99
Хундулен-тайша (Кунделень) 102,
130—133, 149
Хундулен-убаши 66, 168
Хун Е. 13
Хун Ли 6, 247, 283, 289—291, 293, 295,
298, 301
Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи 44, 67, 99
Хутхай-Тафу 24, 25, 28, 45, 308
Хутхайту 46
Хэниш Э. 6, 13, 279, 280, 313
Цаган 137, 141, 142, 312
Цаган-Араптан см. Цэван-Рабдан
Цаган-номун-хан (Майдари-хутухта,
Очир-Дара-хутухта) 101, 102
Цебден-Бальжир 207, 312
Цебек-Доржи-Намжи см. Цэван-Дор-
жи-Аджа-Намжил
Цэван-Даши 281, 282
Цэван-Доржи-Аджа-Намжил (Аджа-
хан, Цебек-Доржи-Намжи, Це-
ван-Доржи) 240, 281, 282
Ценгуньжаб (Шадар-ван) 281, 298—
300
Церен-Даши 169
Церен-Дондоб, старший 225, 226
Церен-Дондоб, младший 243, 244
Церен-Дондок (Черен-Дондук) 255,
282
Цецен-тайджи (Цецен-хан) 107, 137,
151
Цецен-хан Норбо (Чечен-хан) 179—

181, 186, 257, 258, 292, 294, 299
Цецен-хан Шолой (Маха Самалы Цецен-хан) 113,
Цзин-Дзинь 181
Цзотба-батур (Баатыр-тайша, Батур, Маатыр-тайша) 87, 136, 151, 165
Цицик-Далай-хамбо 183
Цукер 77
Цэван-Рабдан (Араптан, Араптань, Араптарь, Зорикту-хунтайджи, Раптан, Цаган-Араптан, Эрдэни-Жүрюкту-Батыр-контайша, Эрдэни-Шурукту, Эрдэни-Шурукту-контайша) 51, 136, 153, 156, 158—160, 163, 165, 186, 192, 198—201, 206, 208, 210—237, 239, 244—246, 251, 268, 276, 303, 312

Чадыр 159, 161
Чекур см. Чохур-тайша
Чекчу 203
Чередов И. 226, 229
Черен-Дондук, см. Церен-Дондок
Черень-Балзана 259
Черепанов И. 63, 98, 228
Черкаский А. М. 232, 249, 250
Чечен-ноян 179
Чечен-тайша (Чечень) 151, 165
Чечен-хан см. Цецен-хан Норбо
Чечень-убаши 177
Чжан Юн 169, 170
Чжу Ди 26, 29
Чжу Ицзюнь 309
Чжу Цичжэнь (Джинтей-хан) 32, 56
Чжу Юаньчжан 27, 48
Чжу Юцзин (Тайцзун) 148
Чингисхан 20, 22—24, 32, 45—49, 51—55, 57, 59, 61, 104, 107, 307, 310
Чин-тайша 94
Чохур-тайша (Чекур, Чокур, Чокур-тайша, Чокур-убаши, Чокур-Убаши-тайша) 86, 87, 90, 91, 93—96, 129, 140—142, 144, 146, 151, 163, 165, 167—169
Чуванчей 242

Шадар-ван см. Ценгуньжаб
Шайнаны-дордзи 184

Шакур-лама см. Шохур-лама
Шамбалин-хамбо 186
Шамба-Эрхе-дайцин 182
Шара-Манжи 287
Шара-Мерген 164
Шарас-Махмуд 76
Шастина Н. П. 7, 307
Шах-Магметь-царевич 69
Шах-хан 42
Шейбани-хан 76, 309
Шигустэй-Багатур-нойон 28, 31
Ширетуй см. Галдан-Ширету-лама
Шихмамай (Ших-Мамай-мырза) 309
Шмидт И. Я. 4, 6, 19
Шолой-Убаши-хунтайджи см. Алтын-хан Шолой-Убаши-хунтайджи
Шоно-батур см. Лоузан-Шоно
Шохур-лама (Шакур-лама, Шухур) 221, 235, 269
Шрам Л. 43, 106, 309
Шункей 111, 112
Шуну см. Лоузан-Шоно
Шухур см. Шохур-лама

Шербатой О. И. 134, 135

Элхе-Тайфань см. Сюань Е.
Эльбек-хан 24, 25, 29, 30, 43, 45, 308
Эльдень см. Ильден-тайша
Эрдэни-Батур-хунтайджи см. Батур-хунтайджи
Эрдэни-Жүрюкту-Батыр-контайша см. Цэван-Рабдан
Эрдэни-Лама-Батур-хунтайджи см. Лама-Доржи
Эрдэни-хошоуци 169
Эрдэни-хунтайджи (Торгун-Эрдэни-хунтайджи, Ирдэни-контайша) 66, 132, 133, 147
Эрдэни Шурукту-контайша см. Цэван-Рабдан
Эринцин-Доржи 295, 298
Эрким-дайцин 179
Эсельбейн-хя (Эсельбейн-Сайн-хя) 67, 71, 127
Эсен-хан (Эсен-тайджи, Эсень) 23, 30, 31—39, 41, 45, 59—62, 72, 116, 172

Эсень-буга 35, 41
Этыгерев М. 213, 218, 237, 249, 268

Юдин М. 198
Юй 148
Юнус-хан 41
Юнхан 290

Ядха 241

Якоби В. Ф. 287, 289—291, 293—295
Якоби И. В. 299
Яковлев 285
Якунька см. Буголаков Я.
Якшагулов Б. 132, 133
Ялавач Махмуд (Махмуд Ялавач) 47
Ялантуш 129—131
Янгир 129—132
Яншань 33, 34

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава первая. Западная Монголия в XV — первой половине XVI в.	19
1. От свержения Юаньской династии до крушения державы Эсен-хана	19
2. Внутреннее и внешнее положение Западной Монголии во второй половине XV — первой половине XVI в.	34
3. Некоторые вопросы общественного строя ойратов в XV—XVI вв.	44
Глава вторая. Исторические предпосылки образования Джунгарского ханства	59
1. Западная Монголия во второй половине XVI в.	63
2. Образование Джунгарского ханства	74
3. Распространение ламаизма среди ойратов	98
Глава третья. Джунгарское ханство в конце первой — начале второй половины XVII в.	106
1. Внутренняя и внешняя политика Батур-хунтайджи	108
2. Джунгарское ханство в 50—60-х годах XVII в.	135
Глава четвертая. Халхаско-ойратская война 1688 г. Джунгарское ханство и Цинская империя. Война 1690—1697 гг.	154
1. Внутренняя и внешняя политика Галдана в первые годы его правления. Война 1688 г.	159
2. Война 1690—1697 гг. и ее результаты	183
Глава пятая. Джунгарское ханство в период наибольшего могущества (первая половина XVIII в.)	211
1. Внутренняя и внешняя политика	213
2. Общественный и политический строй Джунгарского ханства	253
Глава шестая. Гибель Джунгарского ханства	279
Заключение	304
Примечания	307
Библиография	314
Список сокращений	320
Указатель имен	321

Илья Яковлевич Златкин ИСТОРИЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА 1635—1758

Издание второе

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор В. С. Свиткова
Младший редактор Н. Н. Сенина
Художник Б. Л. Резников
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Г. А. Никитина
Корректор В. В. Воловик

ИБ № 14752

Сдано в набор 16.02.83. Подписано к печати 06.07.83. А-12358. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 24,86. Тираж 3000 экз. Изд. № 5308. Зак. № 151. Цена 2 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28